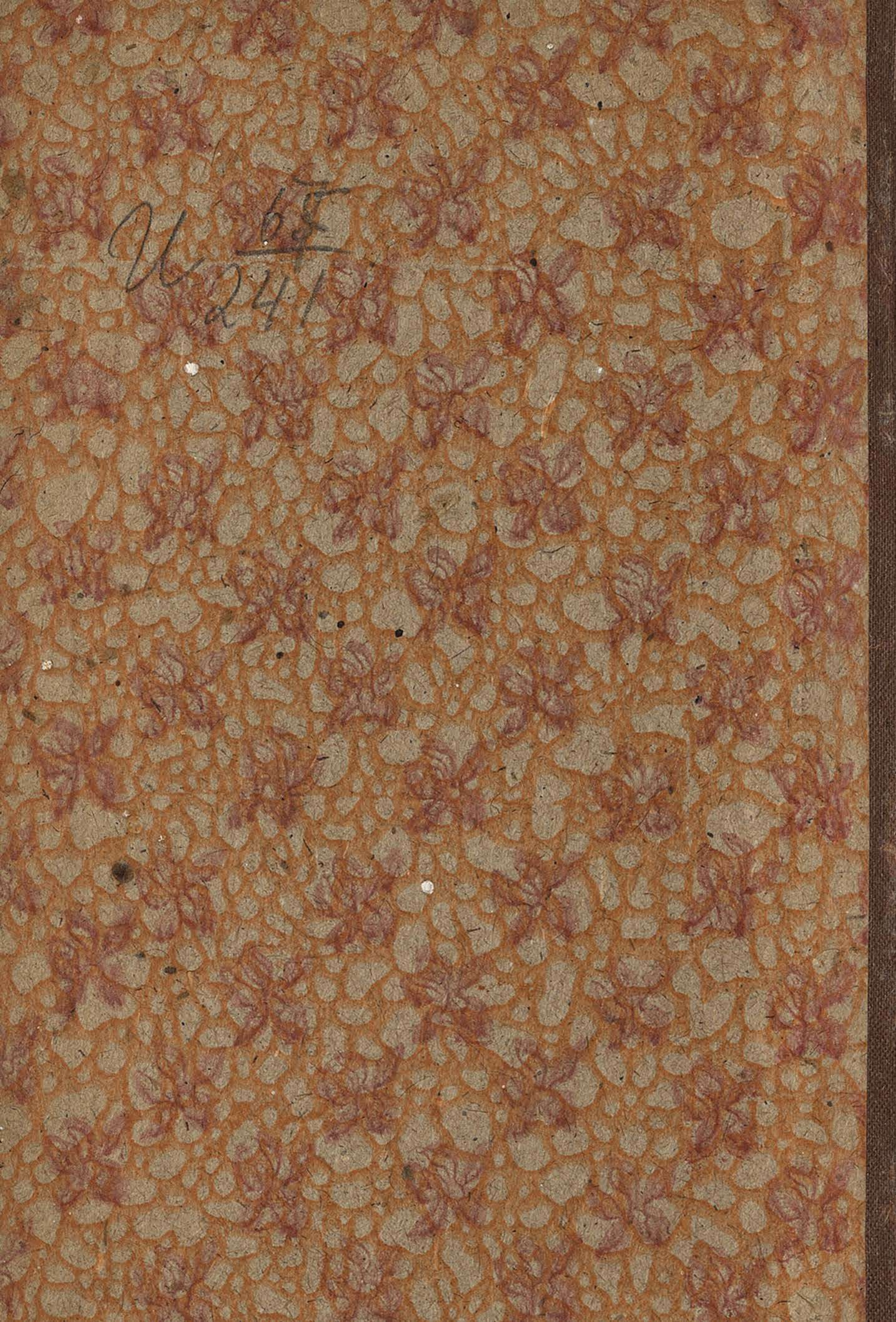
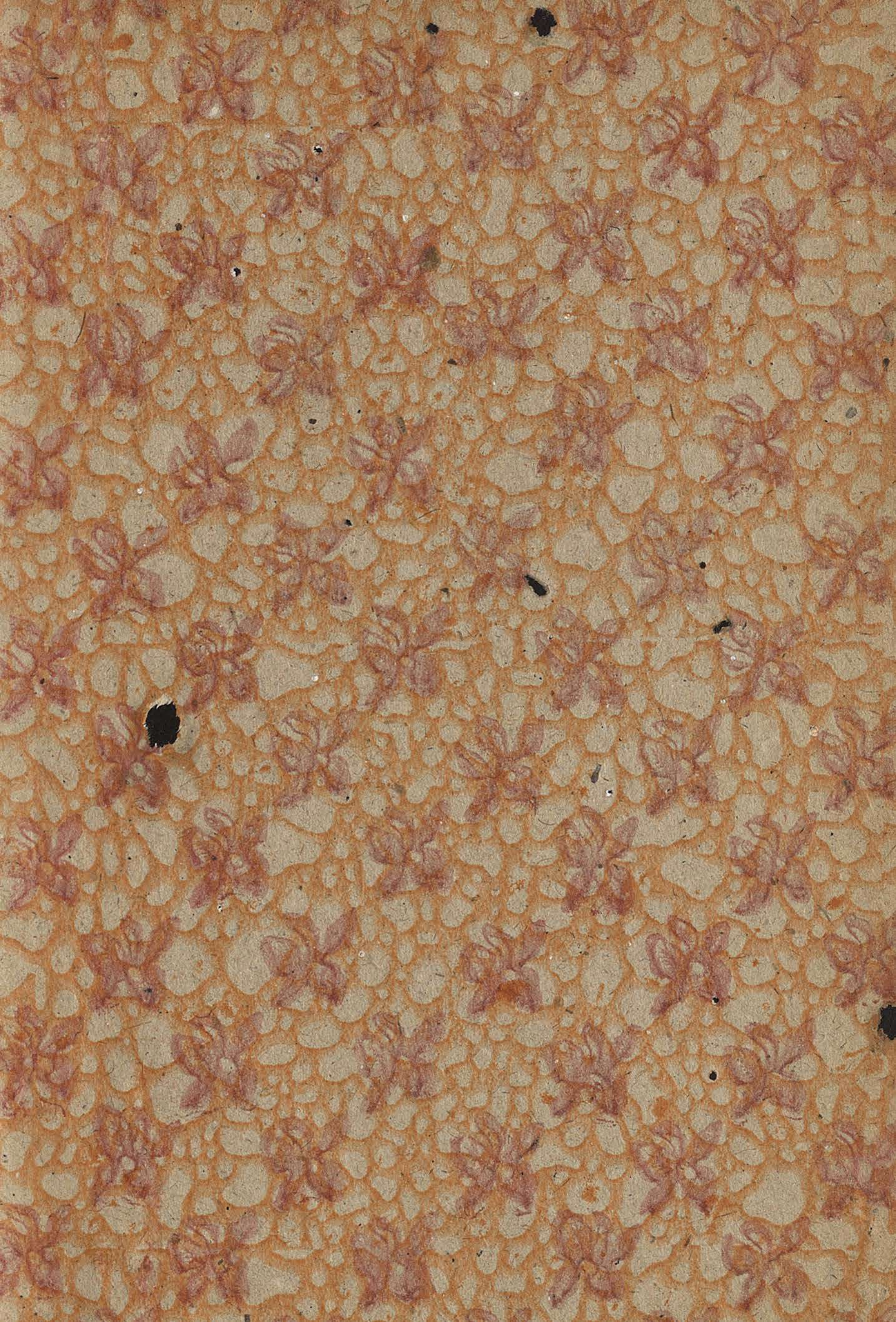

И 6Б/241

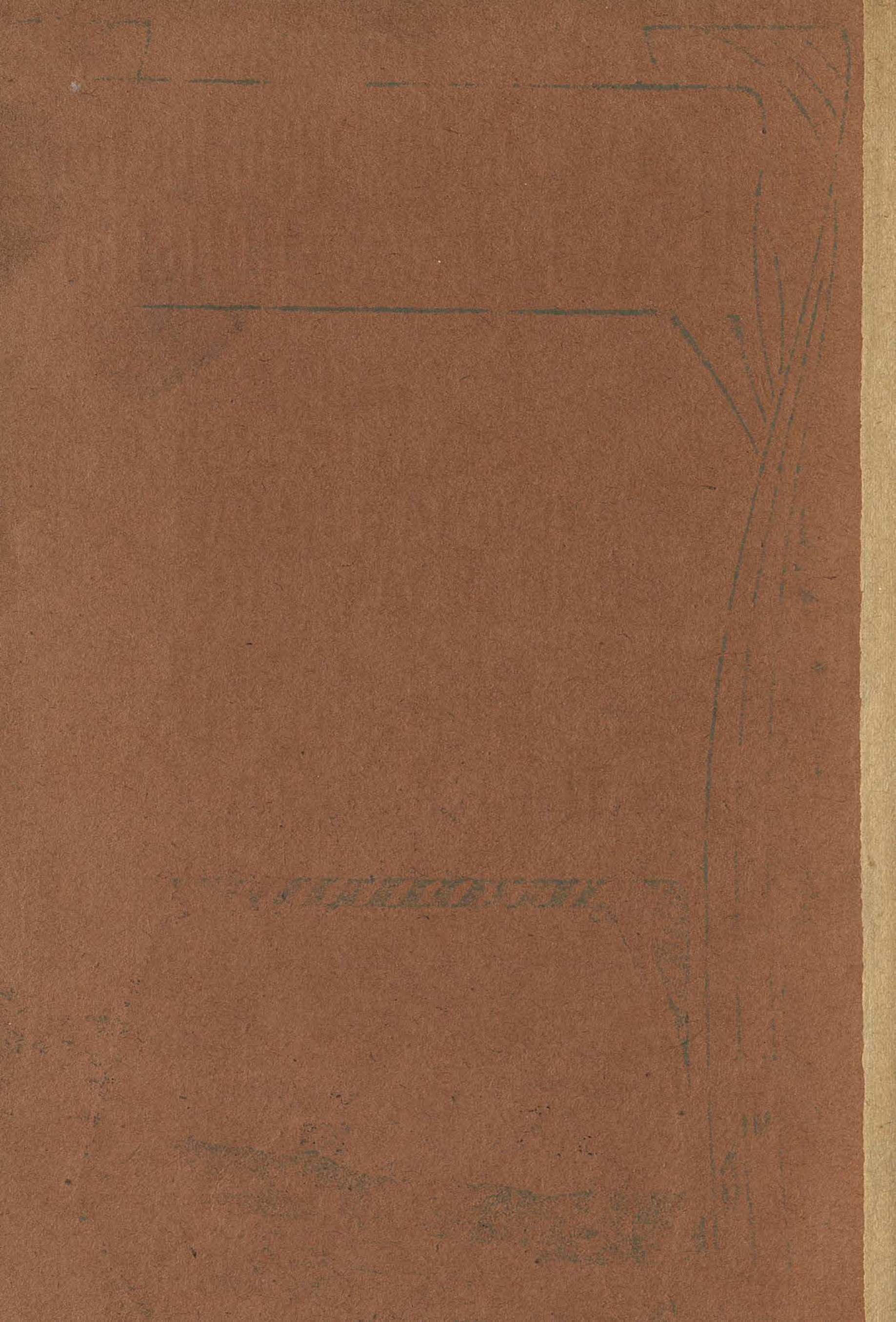

Иловайскiй П. I.

Сборникъ разсказовъ

Уральскiе Содомъ и Гоморра.
Алешка Клещъ.
Кладъ Мазепы.
Чортъ.
Отомстилъ.
Прекрасная.

Иловайскій П. І.

УРАЛЬСКІЕ Содомъ и Гоморра

(изъ воспоминаній).

АЛЕШКА КЛЕЩЪ

(историческая повѣсть изъ жизни донскихъ казаковъ въ началѣ XVII столѣтія).

КЛАДЪ МАЗЕПЫ.

ЧОРТЪ.

ОТОМСТИЛЪ.

ПРЕКРАСНАЯ

(отрывокъ изъ романа).

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.
Москва, Тверская, Трехпр ный пер., соб.
1910

1500089714

УРАЛЬСКІЕ
СОДОМЪ И ГОМОРРА.

(Изъ воспоминаній.)

I.

Сидя въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ, взбирающемся на уральскій перевалъ, я видѣлъ надъ головою огромныя отвѣсныя скалы, на вершинахъ которыхъ высились тонкія, какъ стебельки, сосны, а внизу, подъ высокой насыпью, глубокія, темныя долины и протянувшіяся на много верстъ озера. Я наблюдалъ, съ какимъ трудомъ пара паровозовъ тащитъ поѣздъ по тѣмъ многочисленнымъ зигзагамъ пути, которые то идутъ впередъ на перевалъ, то вдругъ поворачиваютъ назадъ для того, чтобы снова устремиться на крутизну. И это величіе горъ подавляло меня.

Но когда на одной изъ станцій Пермской желѣзной дороги мнѣ пришлось пересѣсть въ экипажъ и лѣсной дорогою снова взбираться на уральскій перевалъ, я съ удивленіемъ спрашивалъ себя, гдѣ же тѣ скалы и величавыя, высокія горы, которыми такъ славится Уралъ и которыя наканунѣ мелькали въ окнѣ вагона, какъ въ калейдоскопѣ.

Узкая, изрытая водомоинами и каменистая дорога змѣей извивалась по высокому, но съ длинными и не особенно крутыми подъемами, перевалу. Густой хвойный лѣсъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, скрывалъ отъ глазъ окрестности. Не было видно ни скалистыхъ вершинъ съ ихъ причудливыми очертаніями ни глубокихъ, окутанныхъ сѣроватой дымкою, долинъ.

Коробокъ, въ которомъ я возсѣдалъ, то подпрыгивалъ, то раскачивался изъ одной стороны въ другую.

Коробокъ этотъ представлялъ собою не что иное, какъ тарантасъ среднихъ губерній, но кузовъ его сдѣланъ изъ черемуховыхъ прутьевъ и поставленъ на

сухія рябиновыя дрожины, отличающіяся значительной эластичностью.

Однако и послѣднее свойство не предохраняло меня отъ жестокихъ толчковъ, когда коробокъ наѣзжалъ на глубокія рытвины, камни и оголенные корни деревьевъ.

Пара низкорослыхъ лохматыхъ лошадей, башкирской породы, мелкимъ шагомъ и, повидимому, съ большимъ трудомъ тащила въ гору мой экипажъ.

Ямщикъ попался мнѣ словоохотливый и видывавшій виды. Это былъ старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, крѣпко сложенный и мускулистый. На головѣ его лишь кое-гдѣ серебрился сѣдой волосъ и только борода его была сплошь бѣлая.

Всю дорогу онъ почти не закрывалъ рта: то любопытствовалъ о томъ, кто я таковъ и «по какой надобѣ» ѣду, то начиналъ безконечные разсказы, которыми какъ бы старался не то познакомить «чужака» съ невѣдомымъ ему краемъ и невѣдомыми людьми, не то блеснуть своими познаніями.

Мнѣ предстоялъ не близкій путь, верстъ около восьмидесяти, и я былъ очень радъ словоохотливости своего возницы. Къ тому же и длинныя повѣствованія его вообще не были лишены интереса.

Долго тащились лошади, пока, наконецъ, дорога пошла подъ гору. Тутъ онѣ затрусили мелкой рысцой, и коробокъ сталъ усиленно прыгать и покачиваться съ бока на бокъ. Съ полчаса дорога шла все подъ гору.

У подошвы перевала быстро несъ свою чистую, какъ кристаллъ, воду горный ручей. Вдоль береговъ его виднѣлся рядъ холмовъ изъ мелкихъ камней—голышей.

— Вишь, сколько гальки-то навалено!—говорилъ ямщикъ, указывая кнутомъ на эти холмы.—Все золото здѣсь мыли.

— Много намывали?—спросилъ я.

— Да, золота здѣсь было дивно [1]. И сколько добра этого намыто здѣсь—страсть! Зачерпнешь бывало въ ковшикъ песочку, промоешь, анъ золото тутъ какъ тутъ! Допрежь и въ промывку пускали только, когда на глазъ золото видно, когда, значитъ, изъ промывки знай только загребай. Потомъ, когда золота поменьше стало, начали мыть песокъ, гдѣ золота и чуть-чуть. А ужъ напослѣдокъ и отвалы отъ старыхъ промывокъ, уже промытую, значитъ, прежде землю, стали заново вдругорядь промывать. Найдутъ маненько золотца—и то радуются. Не то, что когда-то было, въ прежни годы: тогда, въ прежни-то годы, на такіе пески плевали, а намывали изъ ста пудовъ песку и по четверть фунта и поболѣе золота. Потомъ и три золотника считали за большое счастье. А теперь, вишь, совсѣмъ покинули: все, значитъ, высосали.

— А вонъ тамъ,—продолжалъ онъ, съ минуту помолчавъ:—вишь, подъ горою, гдѣ речонка бѣжитъ, когда еще воли не было, я работалъ.

— А тяжела была работа?—поинтересовался я, вглядываясь въ указанную ямщикомъ долину.

— Работа была, какъ работа, а трудно было житье отъ плотиннаго [2]) да отъ приказчиковъ. Тоже были нашъ братъ—крѣпостные: прежде Макаръ огороды копалъ, а нынѣ Макаръ въ воеводы попалъ. Но истинно про такихъ говорится, что не дай Богъ свиньѣ рога, а мужику барство. Съ жиру Бога позабыли они и шибко люты стали. Надвое разорвись имъ работаючи, скажутъ: а почему не на четыре. Намоешь, бывало, золотца мало, сейчасъ на тебя приказчикъ такъ и насядетъ. «Укралъ»,—кричитъ,—«такой-сякой, разъэтакій! Обыскать его, ворягу!» Ну, и почнутъ обыскъ,

---

[1]) Значительно, достаточно.

[2]) Плотинный на Уралѣ былъ нѣчто въ родѣ штейгера, техника и десятника.

дѣлать: снимутъ всю одежонку, догола, да еще въ ротъ, въ уши и еще кое-куда заглянутъ,—не запряталъ ли золота. Сраму-то сколько! Не найдутъ ничего, приказчикъ еще пуще того ругатся [1]). И почнетъ онъ за губы да въ зубы и тебѣ-то и тѣмъ, кто тебя обыскивали! Иной разъ самъ заново осмотръ произведетъ. Одному такъ весь носъ изодралъ, все хворостиной ковырялъ. Малый, вишь, отъ простуды все носомъ сопѣлъ, а приказчикъ въ сомнѣніе взошелъ, не спряталъ ли тотъ въ носу золотинку. А попадешь, бывало, на хорошую жилку и намоешь много золота аль самородочекъ найдешь, и тутъ бѣда.

— Бѣда?—удивился я.

— Стрижена дѣвка не успѣетъ косы заплести, какъ къ тебѣ опять тотъ же приказчикъ аль плотинный, а то и оба вмѣстѣ. И зачнутъ допрашивать да пытать, гдѣ нашелъ да не припряталъ ли. Смотришь, анъ тебѣ опять взрыльникъ закатятъ и ну снова обыскивать да ковырять. И вотъ такъ-то, мало ли, много ли намоешь, все били. Иному такъ почти что кажинный день влетало. Освоила кобыла ременный кнутъ—такъ и люди тогда къ кнуту пріобыкли. Извѣстное дѣло: обтерпишься, такъ и въ аду жить можно. Но иной, бывало, терпитъ, терпитъ, а какъ ужъ станетъ невтерпежъ, то ночью и сбѣжитъ.

— Куда же убѣгали?—полюбопытствовалъ я.

— А кто ихъ знаетъ, куда бѣгали! Сбѣжитъ, а потомъ о немъ ни слуху ни духу. Бывало, однако что и поймаютъ да на цѣпи вернутъ. Ну, тогда ужъ не одну, а двѣ шкуры со спины спускали. Да-съ, милый ты мой, кровью, слезами да пòтомъ нашимъ упитанъ весь этотъ логъ. Не жизнь, одна маята была.

---

[1]) Неправильный говоръ жителей Урала. «Ругатся»—«ругается», «Дѣламъ»—«дѣлаемъ».

Ямщикъ глубоко вздохнулъ, крякнулъ и стегнулъ кнутомъ лошадь. Та махнула раза два хвостомъ, но прибавить рыси не пожелала.

Замолкъ старикъ и хмуро, исподлобья, смотрѣлъ на виднѣвшіеся по всему логу отвалы, эти кучи земли и мелкаго камня, которыя, то въ видѣ довольно высокаго неправильной формы вала, то въ видѣ небольшихъ перекосившихся на бокъ холмовъ, были разсѣяны среди цѣлой системы канавъ, бравшихъ начало изъ ручья.

По этимъ канавамъ когда-то проводилась вода для промывки золотосодержащихъ песковъ.

Отвалы попадались и рядомъ съ дорогою. Въ кучахъ то синевато-сѣраго камня-зміевика, то бѣлаго съ желтизной кварца бросались въ глаза осколки камней цвѣта запекшейся крови. И невольно воображеніе рисовало картины жестокой расправы озвѣрѣлыхъ искателей золота. А красные камни, казалось, зловѣще выглядывали между другими...

— Что жъ дѣйствительно крали золото или только одно подозрѣніе было?—допрашивалъ я.

— Какъ такого добра не красть! Крали. Но тащили того золота больше тѣ, кто начальствомъ состояли. Извѣстное дѣло: приставь козла капусту стеречь аль довѣрь кошкѣ караулить лепешки—добра не ждать. Вотъ приказчики да смотрителя—получали они жалованья кто пятнадцать, а кто и десять рублей въ мѣсяцъ, а домá себѣ выстроили большіе и всякаго добра дѣтямъ своимъ припасли. Не пошло однако все это впрокъ. Добро прожито, а дома теперь изветшали, перекособочились, едва стоятъ. Чинить-то достатковъ нѣтъ. Да откуда, правду сказать, и достаткамъ быть, когда почти всякъ норовитъ отъ работы отлынуть, а если и на работу пойдетъ, то зарóбитъ на недѣлю хлѣба и айда домой лежать да гулять. Оно, конечно,

не всѣ таковы, а изъ молодыхъ ужъ очень много такихъ лайдаковъ.

— Слѣдовательно, и строгости не помогали?—сказалъ я.—И несмотря на нихъ все же крали золото?

— Да, ужъ какъ-поди строго ни смотрѣли, какъ ни били, а нашъ братъ ухитрялся припрятывать золотца.

— Какъ же ухитрялись?

— Какъ? Да по-разному. Прятали его сначала въ мазницѣ съ дегтемъ. Пріѣдутъ въ праздникъ съ пріиска домой, деготь сцѣдятъ, а золото отмоютъ. Вышелъ тогда запретъ на мазницы, чтобъ не было ихъ. Стали тогда въ повозкѣ прятать: выдолбятъ дырочку въ оси, ступицѣ аль въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, всыпятъ туда золота и задѣлаютъ такъ, что глазомъ не замѣтишь. Узнали надсмотрщики и про это, и вышелъ тогда приказъ, чтобъ на пріискахъ никакихъ повозокъ, кромѣ хозяйскихъ, не было. Припрятывали однако золото кто въ сапожныхъ подошвахъ и подборахъ, кто въ пуговицы аль въ хлѣбъ. Задѣлывали ловко. Трудно было непримѣтно сдѣлать: строго слѣдили, а все же ухитрялись. Но горе было, если припрятанное находили,—били тогда нещадно. И виноватому и правому влетало. Чаще всего невинные страдали, потому что настоящіе-то виновные умѣли хорошо прятать концы. Кажиннаго дня били кого-нибудь. И не было тогда на мучителевъ ни суда ни расправы. На пустъ лѣсъ не накличешься. А кто пробовалъ расправу искать, то выходило по пословицѣ: тягалась кобыла съ волкомъ, остались хвостъ да грива. Начальство было все закуплено. Поэтому что бы на промыслахъ ни дѣлалось, все тутъ же и глохло, дальше не шло. А иному и жаловаться-то по начальству было никакъ невозможно, потому что былъ бѣглый. Въ тѣ времена всякихъ бѣглыхъ принимали въ заводы и покрывали

ихъ, потому что большая отъ нихъ была польза: то были безотвѣтные работяги.

Помолчавъ съ минуту, ямщикъ продолжалъ:

— Много разныхъ страшныхъ исторій, какъ людей до смерти уколачивали, я отъ родителя моего, дай ему Богъ царствіе небесное, слыхивалъ.

— Ну, сыновья!—крикнулъ старикъ на лошадей и замахалъ кнутомъ.

Лошади, вертя хвостами, прибавили рыси. Ямщикъ набилъ табакомъ трубку и затѣмъ медленно сталъ потягивать ее. Повидимому, невеселыя картины проносились въ его головѣ.

Дорога шла все подъ гору. Характеръ лѣса сталъ мѣняться. Все чаще и чаще между соснами виднѣлись снѣжно-бѣлыя березы, пирамидальныя темно-зеленыя пихты, раскидистыя ели, могучія нѣжно-зеленыя лиственницы, угрюмыя осины, а на низкихъ мѣстахъ вся покрытая бѣлыми цвѣтами черемуха, тальникъ, боярышникъ, рябина. Защищенные горами отъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, они широко раскинули свои пышныя вѣтви.

Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ черемухи и хвои. Солнце ярко свѣтило. Однако я не раскаивался, что надѣлъ ватное пальто.

Весна на среднемъ Уралѣ начинается съ начала апрѣля, но случается, что и въ срединѣ его. Ночные заморозки становятся не столь ощутительными лишь въ концѣ апрѣля. Простой народъ на Уралѣ говоритъ: «Егорій съ водой, а Никола съ травой [1]); мѣсяцъ май—землю май», т.-е. начинай пахать. Хотя, по народному выраженію, на Еремѣя-запрягальника, перваго мая, лѣнивая, т.-е. поздняя, соха выѣзжаетъ пахать, однако бываетъ временами—не выѣзжаетъ и первая: держится холодъ.

---

[1]) 23 апрѣля и 9 мая.

Въ первыхъ числахъ мая въ лѣсу найдется не мало кучъ еще нестаявшаго снѣга, а въ срединѣ мая вдругъ такъ припечетъ, что и въ лѣтней одеждѣ жарко. Весна промелькнетъ какъ-то незамѣтно. И только цвѣтеніе черемухи напоминаетъ о ней, да и то главнымъ образомъ потому, что именно въ эти дни дуетъ холодный вѣтеръ. Такъ въ народѣ объ этихъ дняхъ и говорятъ: «Захолодило—черемуха зацвѣла». И къ этой же порѣ вполнѣ примѣнима народная уральская поговорка: «Мѣсяцъ май—коню сѣна дай, а самъ на печь полѣзай». Однако вслѣдъ за холодными днями какъ-то внезапно наступаетъ жара...

— Твой отецъ на промыслахъ работалъ?—обратился я къ старику-ямщику.

— Да, ро́билъ тамъ,—сквозь зубы произнесъ онъ.

— И долго ро́билъ?—продолжалъ я допрашивать, все болѣе и болѣе интересуясь повѣствованіемъ старика.—Разскажи, дѣдушка, про его житье-бытье на промыслахъ.

— Да чего разсказывать? Интереса-то мало. А впрочемъ, коли хошь, слушай. Буду разсказывать, все же время въ дорогѣ скорѣе пройдетъ.

Ямщикъ повернулся на облучкѣ въ полъ-оборота и продолжалъ:

— Родитель мой съ молодыхъ ногтей служилъ при конторѣ на золотыхъ промыслахъ. Служба, извѣстно, какая для мальчонки—на побѣгушкахъ все. Когда подросъ онъ и стукнуло ему пятнадцать лѣтъ, правитель конторы и говоритъ: «Что тебѣ болтаться зря,—привыкай къ дѣлу». И посадили его, бѣднягу, бумаги разныя переписывать. Тутъ и началось для него горе-горецкое. Былъ онъ, родимый, совсѣмъ безграмотный.

— Какъ? Неграмотный?—удивился я.—Какъ же онъ могъ переписывать?

— А такъ и переписывалъ, а грамоты ни даже-даже, ни одной буквы сроду не зналъ, ни по печатанному

ни по писанному. Посадили его, горюна, за столъ да приказали: «Пиши», и зачалъ онъ писать. Сколько муки претерпѣлъ—страсть! Но потомъ привыкать сталъ. Смотритъ, значитъ, на бумагу и все, что въ ней написано, такъ точно и изобразитъ. И до того науку свою превзошелъ, что стали давать ему переписывать отчеты, что кажинный мѣсяцъ владѣльцамъ посылали. Ну, тутъ ужъ совсѣмъ мука тяжкая ему настала. Напишетъ, что-либо этакое неладное, сейчасъ ему старшой тумака аль за вихоръ! Здорово доставалось сердешному, потому что бумагу-отъ портилъ, а бумага дорогая, съ золотыми, вишь, краями. Маялся, маялся несчастный пищикъ [1])—невтерпежъ стало. И пошелъ онъ къ приказчику да хлопъ ему въ ноги: «Смилосердуйся, милый человѣкъ, заставь Бога за себя молить! Переведи меня изъ конторы на какую хошь работу, только отъ писанія уволь! Я бы всѣмъ сердцемъ, да вотъ грамоты совсѣмъ не знаю».

Не повѣрилъ приказчикъ, выгналъ его да шасть къ правителю конторы. «Правду ли говоритъ твой пищикъ, Игнатка, что безграмотный онъ совсѣмъ?» спрашиваетъ правителя. А тотъ въ отвѣтъ: «А кто его знаетъ! Твердитъ, что неграмотенъ. Можетъ-быть и вретъ, отлынуть хочетъ. Вотъ ужъ сколько годовъ на перепискѣ сидитъ и ничего себѣ—переписываетъ изрядно, хотя и портитъ много бумаги».—«А ты,—говоритъ приказчикъ,—всыпь ему хорошенько грамоту лознякомъ!» И всыпали горемычному да опять за писаніе посадили. Посидѣлъ онъ за столомъ этакъ еще съ полгодика да опять въ ноги приказчику. Шибко опалился тотъ. Опять стали пытать горюна да распытывать, опять всыпали лозняку да за тотъ же самый столъ посадили. Ну, ужъ тогда мой родитель въ отчаянность пришелъ и зачалъ онъ что ни день приказчику челомъ

---

[1]) Писарь.

бить: переведи, дескать, да переведи изъ конторы. Только тѣмъ и взялъ, что надоѣлъ приказчику своею просьбою. Тотъ и отправилъ его въ глубокій разрѣзъ золотой песокъ въ тачки насыпать да на себѣ наверхъ вывозить. Трудная была работа, а все же куда легче, чѣмъ въ конторѣ. Родитель мой говорилъ, что съ того дня, какъ въ разрѣзъ попалъ, только и свѣтъ взвидѣлъ. Въ конторѣ былъ такой щуплый, а въ разрѣзѣ тѣло сталъ набирать. А по писанію дали ему прозвище: «Письменный Умъ». Съ этимъ прозвищемъ до самой своей смерти слылъ родитель мой, дай Господи души его упокоенія.

Старикъ истово перекрестился и вздохнулъ.

— Что же и твой, дѣдушка, родитель погрѣшалъ съ золотомъ?—спросилъ я.

— Какъ такъ погрѣшалъ?

— Ну, утаивалъ.

— Это, милый мой, не грѣхъ. Золото Богомъ дано, да въ землѣ спрятано. И тому владѣть имъ должно, кто изъ земли трудомъ своимъ его добылъ. А хоть бы и грѣхъ былъ золото притаить, а иначе сдѣлать трудно было, милъ человѣкъ.

— Это почему же?

— Пища на промыслахъ была дюже плоха. Заработокъ положенъ былъ меньше малаго, да изъ того приказчики, надсмотрщики да раздатчики половину себѣ утаивали. А тутъ тебѣ жена, дѣти ѣсть просятъ да всѣ обносились, избенка же изветшала, обезкрышилась. А земли для пашни отъ промысловъ давали мало, да и той заниматься не было времени,—все на хозяевъ рóбили. И земля-то все камень да глина, аль песокъ. Вдосталь съ нея не возьмешь! Такъ вотъ родитель мой долго крѣпился: расправы лютой боялся. Но конь о четырехъ ногахъ, и то спотыкается. «Треску бояться—въ лѣсъ не ходить!» порѣшилъ родитель мой и сталъ онъ золотишко припрятывать. Скопилъ онъ

его малость и собрался ужъ покупщику снести. Но бѣда не по лѣсу ходитъ, а по людямъ. Пожаловала она и къ родителю. Подвернулся тутъ одинъ изъ промысловыхъ рабочихъ,—варнакъ онъ былъ отчаянный, изъ бѣглыхъ первый воряга. Подглядѣлъ онъ, какъ родитель-отъ золото въ землю подъ кустомъ закапывалъ, да донесъ приказчику. Подслужиться, знать, хотѣлъ аль изъ корысти какой,—не знаю. Ну, сейчасъ же взялись за родителя. Почали его бить. Все допрашивали, гдѣ еще запряталъ золото да сколько и кому продалъ. А какъ онъ того не указалъ, а не указалъ потому, что указывать-то было нечего, то посадили его въ блохарню. Каталажка такая была.

— А что такое каталажка?—задалъ я вопросъ.

— Въ родѣ арестантской. Сама не величка была, а страшна ужасно. Была она вырыта подъ землею. Оконъ не было. Только въ трубу наверху свѣтъ чуть-чуть мерцалъ. Блохъ тамъ, мокрицъ да пауковъ была сила. Говорили, что нарочно всю эту погань тамъ заводили, чтобы заключенныхъ терзала.

Просидѣлъ тамъ родитель двое сутокъ безъ сна. Все отъ той погани оборонялся. Жутко было сидѣть одному въ темнотѣ. Особенно досаждала ему змѣя. Вылѣзетъ изъ-подъ земли, изъ самаго дальняго угла, шипитъ да по полу ползаетъ. Отгонитъ онъ ее, она спрячется въ нору, а вскорѣ опять голову выставитъ оттуда и все шипитъ, шипитъ. Осерчалъ тутъ отецъ, разбилъ горшокъ, что съ водой стоялъ, да ну землю черепкомъ копать. Хотѣлъ выкопать изъ норы змѣюку да убить ее. Вотъ копаетъ онъ и все докопаться не можетъ. Вдругъ черепокъ обо что-то твердое звякнулъ. Покопалъ онъ далѣе и видитъ кости человѣческія: какъ есть вся рука. Перепужался тутъ родитель. И видитъ еще, что рука этакъ ему машетъ, точно зоветъ. Свѣта не взвидѣлъ родитель и сталъ биться объ дверь—выломать ее хотѣлъ. Тутъ, возлѣ двери, и

нашелъ его приказчикъ, когда пришелъ допытываться у него. Лежалъ родитель мой въ безпамятствѣ. Ну, его лѣчить зачали. Долго онъ хворалъ, а какъ всталъ, то клятьбу далъ не притаивать того золота ни крупинки. И клятьбу эту онъ сдержалъ, хоть и бѣдствовалъ и горе мыкалъ.

— А кому утаенное золото продавали?—полюбопытствовалъ я.

— Продавали да и теперь продаютъ разнымъ скупщикамъ, больше купцамъ тутешнимъ. Много ихъ такихъ по всей окольности. И народъ-то они аховый. Если кто принесетъ малость золотишка, того приголубятъ и такъ, и этакъ ублажатъ, чтобы еще, вишь, принесъ да поболѣ. А когда тотъ притащитъ большую толику золота, то часто «сметаной ошпарится» да съ тѣмъ и уйдетъ.

— Сметаной ошпарится?—недоумѣвалъ я.

— Да. Скупщикъ заберетъ все принесенное золото, на ключъ запретъ, а малаго взашею выгонитъ и ни копейки ему не дастъ. Ну, малый только затылокъ почешетъ да выругается: жаловаться не приходится. Такихъ «ошпарившихся сметаной» много бываетъ.

И насчетъ обвѣса скупщики большіе мастаки. Одно слово: пауки.

— А по какой цѣнѣ они покупаютъ золото?—спросилъ я.

— Въ прежни годы скупщики платили за золотникъ по цѣлковому, а теперь и по трешницѣ платятъ, да больше не деньгами, а все товаромъ разнымъ аль водкою.

— Вотъ ты, дѣдушка,—сказалъ я,—все про времена давнія разсказывалъ. А какіе порядки потомъ пошли? Разскажи, сдѣлай милость!

— Да, порядки пошли новые. Послѣ воли наши рабочіе отъ надѣла земли отказались. По грамотѣ уставной обязались владѣльцы давать намъ работу на за-

водахъ и промыслахъ. Окромя того должны они работающимъ давать безплатно лѣсъ на дрова рубить и земли подъ пахоту, по назначенному положенію. А что сверхъ положенія, то по уменьшенной цѣнѣ. Съ дровами-то хорошо, хватаетъ вдосталь, а съ земелькою плохо: мало хорошей, а больше все камень, болото да подъ лѣсомъ. Работы прежде на всѣхъ хватало, а теперь не хватать. Расплодилось нашего брата, а тутъ еще машинъ навезли. Прежде все почти руками да хребтомъ дѣлали, а теперь поди: куда ни глянь—машины. Однакоже хоть и на хвойкѣ, да на своей волькѣ! Житье теперь, что и говорить, стало вольготнѣе: не бьютъ да и справу теперь найти можно. Но и теперь жизнь вести—не вожжой трясти.

А порядки новые были все разные. На моей памяти повернулось ихъ много. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ заводы и промысла чуть совсѣмъ въ разоръ не пришли. Растянули хозяйское добро управителя да смотрителя. Цѣлыми караванами сплавляли въ Нижній, на ярмарку, покраденное ими хозяйское добро. Тащма-тащили всѣ, кто только дуракомъ не былъ. И было такъ, что алтынныхъ воровъ чуть не вѣшали, а полтинныхъ всячески чествовали. Тянулось этакъ-то не одинъ годъ. Ну, хозяева и обезденежили. Оно конечно такъ и должно было приключиться, потому что хозяева здѣсь не жили, а все въ Питерѣ, а хоть наѣзжали сюда, да мало приглядывали: иными дѣлами были заняты. Некогда было.

— Какими же дѣлами?

— Все на охоту да на гулянки ѣздили. А какъ загуляютъ, бывало, то начудесятъ такъ, что по всей окольности годъ цѣлый молва ходитъ. Разстелятъ, къ примѣру, верстъ на пять красное сукно да по немъ на тройкахъ и катаютъ. А то собакъ послѣ охоты поили заграничнымъ виномъ шипучимъ и на закуску имъ лавочный сыръ давали. Гули да гули—глядь: въ

карманѣ вѣтры задули! Оно и всегда такъ бываетъ: гульба да игра не приведутъ до добра. Такъ вотъ, какъ подошло дѣло къ разоренію, тутъ хозяева вспохватились. Первымъ дѣломъ старыхъ управителей да смотрителей въ шею погнали, а потомъ надумали они такую штукенцію, что и вспомнить про нее нудно.

— Какую же?

— Въ каждый заводъ и на каждый золотой пріискъ посадили они каждый отъ себя по управителю да по приказчику. А всѣхъ хозяевъ было четверо. Не вѣрили, знать, хозяева другъ дружкѣ, а можетъ-быть и иное что-либо въ головѣ имѣли. У всякаго сіятельства свои обстоятельства. Но только и горя же мы набрались отъ этого новаго порядка. Тьфу! Тошно было отъ того порядка!

— Что же такое было тогда?

— А было вотъ какъ. Нужно, къ примѣру, дровецъ нарубить. Дашь пятакъ писарю, онъ просьбу напишетъ: на все бумагу по формѣ требовали. Идешь потомъ къ одному управителю. Такъ, дескать, и такъ: разрѣшите дровецъ нарубить. И тутъ же свою просьбу подаешь. Поразспроситъ онъ, скажетъ: «ладно»—и на бумагѣ свою фамилію поставитъ. Идешь затѣмъ къ другому управителю. Опять просишь. «Согласенъ,—молвитъ,—давай бумагу,—подпишу». Подашь бумагу, а онъ вдругъ сморщится и назадъ бумагу суетъ. «Несогласенъ,—говоритъ,—несогласенъ!» Ну, тутъ ему въ ноги: окажите, дескать, божескую милость. «Чего меня-то просишь?—кричитъ управитель.—Ты напередъ меня къ тому мерзавцу ходилъ. Его и проси, а я опосля его не подпишу». Тутъ конечно въ ногахъ почнешь валяться да Христомъ-Богомъ просить. Просишь, просишь, пока наконецъ черкнетъ на бумагѣ. Заберешь эту бумагу да къ третьему управителю идешь. Опять та же катавасія. Поглядитъ, что двое уже расписались на прошеніи, и загорланитъ: «Убирайся вонъ, пока цѣлъ!

Какъ смѣешь подносить мнѣ къ подпису опосля тѣхъ сволочей! Да знаешь ли ты, распроанаѳемское рыло, кто я таковъ!» И пойдетъ, и пойдетъ: я-то да ты-то, я тебя, я ихъ такихъ-сякихъ! Оно, конечно, что иной хлѣбъ достаетъ го́рбомъ, а иной горломъ. Да ужъ больно горластый да охальный управитель тотъ былъ. Страсть какъ ругался!

Его и такъ и этакъ почнешь уламывать, а онъ знай свое твердитъ: «Убирайся вонъ! Сказано послѣ той сволочи моей подписи не стоять». Иной разъ цѣлую недѣлю уламываешь его подписывать, пока наконецъ уломаешь. Ну, потомъ шасть къ четвертому. Тотъ прочтетъ и назадъ бумагу суетъ. Его просишь да кланяешься, а онъ лишь одно кричитъ: «Шабашъ и никакихъ», да перстомъ на дверь указываетъ. Сколько дней, а то и недѣль бывало пройдетъ, пока вся та четверка распишется. Безъ всѣхъ ихъ подписей билета на лѣсъ не дадутъ; а пока они кочевряжатся — сиди ты безъ дровъ да мерзни. Такъ у насъ и называлось полученіе билета выхаживаніемъ билета. Иной выхаживаетъ, да такъ и не выходитъ. А дровецъ нужно. Поѣдетъ, бывало, въ лѣсъ да самовольно и нарубитъ. Ну, а какъ изловятъ, то наплачется не мало. Безъ всякой жалости расправу чинили.

— Безъ всякой жалости! — повторилъ ямщикъ, помолчавъ съ минуту. — Что ни день бывало еще и такъ. Приставитъ одинъ управитель рабочихъ къ работѣ какой-либо, ну, къ примѣру сказать, канаву рыть. Роютъ они день, два, какъ вдругъ шасть другой управитель. «Зачѣмъ роете и кто васъ сюда поставилъ?» вопрошаетъ онъ. Отвѣтятъ ему. «Не то вамъ приказали, что нужно. Брось эту канаву, а рой вонъ тамъ!» Оно, конечно, къ примѣру сказать, у мерина свой обычай, а у кобылы другой, а у жеребца третій. Да только отъ такихъ разныхъ обычаевъ-свычаевъ управителей рабочимъ лиха бѣда была. Не послушаться худо, и по-

слушаться не лучше. Не знаютъ горемыки, какъ быть. Подумаютъ, подумаютъ, плюнутъ и начнутъ рыть новую канаву. Анъ, глядь, третій идетъ. Поразспроситъ, а потомъ ну кричать: «Засыпь обѣ канавы и убирайся по домамъ». Уйдутъ, а на другой день тѣ два управителя накинутся на нихъ, какъ, дескать, смѣли ослушаться, и такими поносными и непутевыми словами обругаютъ, что диву только дашься, откуда они ихъ берутъ-то.

Такіе вотъ распорядки шли годовъ пять. Ну, увидѣли хозяева, что дѣла еще хуже пошли,—управителей уволили, а поставили одного управляющаго. Всѣмъ заводамъ и промысламъ онъ сталъ одной головой. А въ помощники себѣ набралъ онъ для кажиннаго завода и промысла по управителю.

— И дѣла пошли лучше?—спросилъ я.

— Да, управляющій оказался человѣкомъ умственнымъ, до всего дошлымъ. Замела новая метла по-новому, чисто. Воровства стало поменьше да толку побольше. Нельзя сказать, чтобы и жить стало хорошо, но хорошъ и лунный свѣтъ, когда солнца нѣтъ. Ну, будетъ толковать: Богъ далъ два уха да одинъ языкъ. Обхлопался онъ и въ горлѣ пересохло. Эй, вы, дѣти!

Старикъ снова замахалъ кнутомъ и стегнулъ имъ по худымъ спинамъ лошадей.

Мнѣ хотѣлось еще поразспросить его, но тутъ дорога круто повернула между кустами черемухи и передъ моими глазами открылась величественная панорама.

Налѣво и направо тянулась огромная площадь, вся поросшая лиственнымъ лѣсомъ. Площадь эта шла слегка наклонно и упиралась въ рѣку, которая подъ солнечными лучами сверкала разноцвѣтными блестками.

Противоположный берегъ, въ видѣ высокихъ сѣрыхъ, съ красноватыми и синими прожилками скалъ, отражался въ водѣ красивыми зигзагами. На скалахъ вы-

сились могучія сосны, рѣзко выдѣлявшіяся своими вершинами на фонѣ яснаго голубого неба.

Въ одномъ мѣстѣ берегъ не былъ такъ обрывистъ, какъ на остальномъ его протяженіи, и по немъ змѣею извивалась дорога, окаймленная высокими кучами камней. Камни эти, оголенные весенними водами, пестрѣли своими свѣтло-сѣрыми причудливыми очертаніями въ окружающей зелени и словно сторожили дорогу, какъ сказочныя чудовища.

За скалами далеко, на десятки верстъ вокругъ тянулась синеватая цѣпь горъ, между которыми, то вдали отъ нихъ среди безконечнаго лѣса, то подъ самой подошвою ихъ, блистали серебромъ огромныя озера и узкая, извивающаяся какъ змѣя, рѣка.

Только теперь, оглянувшись назадъ и бросивъ взглядъ внизъ, къ рѣкѣ, я замѣтилъ, какъ высокъ перевалъ, съ котораго мы спускались.

— Вотъ она Пермь Великая, знаменитая Пермская губернія!—подумалъ я, съ восхищеніемъ вглядываясь въ великолѣпную картину русской Швейцаріи.—Не даромъ же производятъ слово Пермь отъ parma—гора, возвышенность, покрытая лѣсомъ. Какъ своеобразно красивы и величавы эти горы и эти лѣса!

Прохладный воздухъ, напоенный ароматомъ весны, былъ необыкновенно чистъ. И ближнія и дальнія горы рѣзко выдѣлялись своими темными массами. Окружающая ширь, съ ея спокойной, молчаливой красотою, ласкала, манила, звала къ себѣ...

Какъ извѣстно, уральскій хребетъ съ его отрогами широкою, на десятки верстъ, полосою тянется чрезъ всю Пермскую губернію. Хотя ни одна изъ горъ не достигаетъ предѣловъ вѣчныхъ снѣговъ, но нѣкоторыя изъ нихъ большой высоты, какъ напр.: Конжаковскій Камень и Денежкинъ Камень,—первый въ 5135 и второй въ 5027 футовъ.

Я ѣхалъ по средней части хребта, смежной съ юж-

ною, но и тутъ горы въ тысячу и полторы тысячи футовъ высотою вовсе не рѣдкость. Такой высоты казались мнѣ и тѣ горы, въ которыя я, трясясь въ коробкѣ, вглядывался съ восторгомъ впервые ѣдущаго по Уралу.

Спустившись къ рѣкѣ, мы остановились у моста. Сооруженіе это удивило меня своимъ примитивнымъ устройствомъ. На протяженіи саженъ около пятидесяти, поперекъ рѣки, въ каменистое дно были вбиты отвѣсно высокія тонкія сваи, между которыми виднѣлись такія же тонкія бревна-подпорки, поставленныя наклонно. Быстро текущая вода бурлила и пѣнилась вокругъ нихъ.

Настилка моста состояла изъ очень тонкихъ жердей длиною около восьми аршинъ. Жерди эти, положенныя поперекъ моста и ничѣмъ не прикрѣпленныя къ продольнымъ лежнямъ, составляющимъ ихъ основаніе, выступали за нихъ не болѣе какъ вершка на два. Перила, подвязанныя къ стойкамъ лыкомъ, мѣстами выгнулись въ сторону рѣки, а мѣстами ихъ совсѣмъ не было.

Если читателю случалось видѣть наскоро устроенные саперами временные мосты изъ перваго попавшаго подъ руки матеріала, то эти временныя сооруженія, по сравненіи съ описаннымъ нами постояннымъ мостомъ, показались бы ему верхомъ совершенства и прочности.

Мостъ былъ запертъ воротами на замкѣ.

— Эй знакомъ! [1])—крикнулъ ямщикъ въ сторону низкой землянки, торчавшей при въѣздѣ на мостъ.— Отворяй ворота!

Изъ низкой двери выползъ на четверенькахъ приземистый, съ желто-лимоннымъ лицомъ, худой, словно

[1]) Какъ татарина называютъ «княземъ», такъ и башкира, въ разговорѣ съ нимъ, называютъ «знакомъ».

весь высохшій, башкиръ. На видъ ему было лѣтъ около тридцати.

Быстро отворивъ ворота, онъ протянулъ руку, униженно присѣдая и искривляя свою физіономію въ какую-то безсмысленную улыбку.

— Дай на чай, бачка!—произнесъ онъ хриплымъ, гортаннымъ голосомъ.

— По какой-такой причинѣ дать?—задалъ я вопросъ.

— Мостъ башкирска,—башкирски люди строили.

— А потому, что строили его башкирцы,—сказалъ ямщикъ,—вы, сударь, изъ коробка вылѣзайте. Этакъ-то безопаснѣе будетъ. А больше пятака не давайте этой образинѣ. По таксѣ, значитъ. А вотъ если съ кладью ѣхали бы, то гривенникъ полагается.

Съ этими словами старикъ слѣзъ съ козелъ и, вытянувъ подъ дугу вожжи, отошелъ впередъ насколько позволяла длина ихъ. Слѣзъ и я.

Ямщикъ тронулся впередъ, а за нимъ лошади, которыя храпѣли и боязливо семенили ногами.

Я съ башкиромъ шелъ вслѣдъ за коробкомъ.

Мостъ трещалъ и трясся, какъ въ лютой лихорадкѣ. Жерди настилки подпрыгивали и двигались во всѣ стороны. Казалось, что онѣ или переломятся или соскользнутъ съ лежней внизъ.

— Ты что же сторожемъ при мостѣ состоишь?—обратился я къ башкиру.

— Нѣтъ, моя чередъ пришелъ. Башкирски люди почередъ на мостъ хаживай, на десять дёнъ, и собирай деньгу.

— Кому же эти деньги идутъ?

— Кто хаживай, себѣ забирай.

— И много денегъ собираешь въ день?

— Бывай рубъ, бывай меньшъ, бывай большъ.

Рысцою, покачиваясь на искривленныхъ тонкихъ ногахъ, башкиръ устремился впередъ и отворилъ вторыя ворота.

— Прощай, бачка!—повторилъ онъ нѣсколько разъ, когда я на берегу усѣлся въ коробокъ.

Лошади затрусили.

— Вотъ чертово племя!—ворчалъ ямщикъ, разбирая вожжи.—Лежмя лежатъ, ничего не дѣлаютъ. Только и живутъ землей своей да проклятымъ этимъ мостишкомъ. И моста-то толкомъ сдѣлать не могутъ. Ну, не будь у нихъ лѣса, еще туда-сюда. А то, вишь, по всему этому берегу, насколько глазъ хватитъ, лѣса всѣ ихъ, башкирскіе. Губятъ только они эту благодать нещадно. За полцѣны продаютъ на срубъ. На дрова себѣ рубятъ строевой большой лѣсъ. Почитай что скоро все вырубятъ. А строили они этотъ мостъ всей деревней и доходомъ отъ него по очереди пользуются.

— А земли много у нихъ?

— Десятинъ по шестидесяти на душу. Въ аренду сдаютъ, задешево сдаютъ, и за рубль и за тридцать копеекъ десятину,—какъ придется. Иные крестьяне наши хоть и свою земельку имѣютъ, а приберегаютъ ее, не пашутъ, а снимаютъ землю башкирскую,—благо дешевка! И деньги башкирье забираетъ впередъ за три-четыре года. Сами же не пашутъ. Да ничего они не рóбятъ: все другъ къ дружкѣ чай пить ходятъ. Втихомолку и водку хлебаютъ не хуже нашего. Прежде водки этой у нихъ и въ поминѣ не было, а теперь и ее и табакъ потреблять стали. Законъ свой забыли. Лежатъ они на боку, жрать иной разъ нечего, а почитай-что у кажиннаго по двѣ опайки, жены, значитъ. Говорятъ они, что двѣ нужно потому, что жену жалѣть нужно. А отъ той жалости жены-то ихъ тощія, какъ псы бездомные. На то же, чтобы лошадь аль корову украсть, аль сноповъ овса и прочаго, что плохо лежитъ, уволочь, на то они мастаки. Откуда на такія дѣла у нихъ и лихость берется! Одно слово—народъ хлипкóй, ничего нестоящій. Тьфу! И хилые они да болѣзненные. Вѣтромъ ихъ шатаетъ, муха кры-

ломъ перешибетъ. Какъ хилое теля въ Петровъ день зябнетъ, такъ и они среди лѣта въ шубахъ ходятъ. И мрутъ же они, какъ тараканы, когда ихъ зельемъ присыпятъ. Мало башкирья становится. Загнать бы ихъ въ рѣку и перетопить: скорѣе конецъ имъ былъ бы. Все едино недолго они выживутъ. Выгорѣло у нихъ ужъ все нутро.

Долго еще разсуждалъ ямщикъ, развивая свою мысль о «выгорѣвшемъ нутрѣ» и раціонально-быстромъ уничтоженіи обладателей этого «нутра».

Въ памяти моей промелькнули страницы изъ давно прочитанной мною исторіи башкирскихъ бунтовъ. Съ необыкновенной ясностью, какъ живой, всталъ передъ мною Салаватъ, славнѣйшій изъ башкирскихъ богатырей,—тотъ самый Салаватъ, котораго Пушкинъ называетъ «свирѣпымъ», но который, начальствуя не менѣе свирѣпыми и лихими наѣздниками, во время пугачовщины мстилъ за свой обезземеленный и лишенный вѣковыхъ традицій народъ, за своего отца, у котораго Твердышевъ отнялъ землю подъ свой Симскій заводъ.

И богатыри-наѣздники, и ихъ быстроногіе, не знавшіе устали кони, и широкія степи, гдѣ кочевали башкиры,—все это отошло въ область преданій. И только въ пѣсняхъ своихъ башкиры иногда и теперь вспоминаютъ и объ этихъ богатыряхъ и о прежнемъ привольномъ житьѣ...

Медленно поднимались въ гору уставшія лошади. Когда, наконецъ, они взобрались на ея вершину, я оглянулся назадъ. Съ восхищеніемъ вглядывался я въ раскинувшіяся на огромномъ пространствѣ синія горы и море лѣса, и снова какое-то тихое, умиротворяющее чувство охватило меня.

Но вотъ вся эта картина скрылась изъ глазъ. Кругомъ видны только старыя толстыя сосны и лиственницы.

Однако черезъ часъ лѣсъ сталъ рѣдѣть и вскорѣ

остался позади насъ. Впереди широко раскинулось одно изъ тѣхъ плоскогорій, которыя называются на Уралѣ высокой степью.

Вправо и влѣво и далеко впереди, по окраинамъ широкой равнины тянулась полоса лѣса, терявшагося въ голубоватой дали.

Среди зеленаго ковра густой травы то тамъ, то сямъ чернѣли большія площади вспаханной земли.

Кругомъ пустынно и только вдали, у лѣса, слегка обрисовывались сѣрые силуэты башкирской деревни.

Высоко въ воздухѣ вились длинной стаей жаворонки. Быстро и стройно, точно по командѣ, маневрировали они въ высотѣ, оглашая окрестности радостной пѣснью.

Убаюканный покачиваніями коробка по гладкой дорогѣ, я задремалъ. Воображеніе перенесло меня на далекій югъ, въ широкія, пышныя южныя степи. Одно воспоминаніе быстро смѣнялось другимъ.

Но вдругъ эти воспоминанія были прерваны сильнымъ толчкомъ, послѣ котораго коробокъ внезапно остановился.

Открывъ глаза, я съ удивленіемъ озирался кругомъ.

Коробокъ выше осей стоялъ въ грязи. Коренная лежала на оглоблѣ, а пристяжная, застрявшая по брюхо въ черной трясинѣ, быстро перебирала задними ногами.

Впереди и позади виднѣлись крутые откосы балки [1]).

— Экая бѣда стряслась!—восклицалъ ямщикъ.—Ну, дѣти, вставайте! Ну, милые! Черти! Ну!

И онъ изъ всей силы стегнулъ коренную. Та съ трудомъ приподнялась, рванулась, но тутъ же снова упала. Что-то треснуло подъ нею.

— Ну, теперь аминь!—сердито заговорилъ старикъ.—Сломала оглоблю! Чирей тѣ въ ухо! Теперь одно остается—вылѣзать и выпрягать лошадей.

---

[1]) Балка—ложбина, складка мѣстности.

Старикъ раздѣлся до пояса и полѣзъ къ лошадямъ.

Долго онъ провозился, пока ему удалось выпречь лошадей и вывести ихъ изъ трясины.

— Проклятое башкирье!—ворчалъ онъ.—Моста ужъ не могли здѣсь перекинуть. И моста-то нужно сажня два не болѣ. Ну, какъ же теперь быть, сударь? Оглоблю-то новую нужно.

Съ минуту старикъ раздумывалъ, неистово почесывая затылокъ.

— Вотъ что скажу тебѣ,—началъ онъ излагать результаты своего размышленія.—Тутъ поблизости, верстахъ въ трехъ, есть башкирская деревня. Сядемъ на лошадей, чемоданишко твой прихватимъ съ собою да туда и поѣдемъ. Пока оглоблю раздобуду да ее прилажу, кони малость раздохнутъ. Приморились они, сердешные, а ѣхать до завода еще верстъ десять съ гакомъ [1]). Да и ты поотдохнешь. Доставлю я тебя къ Алексѣю Гурьянычу. Арендаторъ онъ башкирскій и аблакатъ ихній. У него и чайку попить и перекусить найдется. И водочка въ запасѣ всегда есть. Башкирамъ продаетъ.

— Ну, что жъ? Быть по сему,—промолвилъ я и началъ разоблачаться, чтобы по примѣру ямщика выбраться изъ топи.

— Сколько разовъ зарекался здѣсь ѣздить,—ворчалъ ямщикъ, таща мой чемоданъ,—а вотъ опять дернуло же ѣхать! Здѣсь и почтоваго трахта нѣтъ, и лошадей безъ смѣны измаешь, и дорога анаѳемская—только башкирамъ и ѣздить!

---

1) Съ лишкомъ.

II.

У уральскихъ башкировъ и сельское хозяйство, и промысла, и ремесла находятся въ самомъ жалкомъ состояніи.

Причины тому слѣдуетъ искать въ необыкновенной лѣни, развивавшейся съ давнихъ поръ во времена ихъ кочевой жизни и нынѣ передаваемой по наслѣдству въ полной ея сохранности, въ обиліи земли, которой у нихъ приходится въ среднемъ нѣсколько болѣе двадцати десятинъ на душу, тогда какъ въ русскомъ населеніи приходится на душу около трехъ десятинъ и менѣе, и въ крайней низкой степени ихъ умственнаго развитія. Ко всѣмъ попыткамъ культивировать ихъ башкиры относятся или съ полнымъ недовѣріемъ или съ враждебностью, вкоренившимися въ нихъ изстари, вслѣдствіе гнета, хищничества и несправедливостей мѣстной администраціи и заводовладѣльцевъ.

Извѣстенъ такой случай: въ Красноуфимскомъ уѣздѣ земство устроило смолокуренный заводъ, но какъ ни старались привлечь къ работѣ башкировъ, такъ и несмогли этого сдѣлать; и пришлось заводъ закрыть, а кирпичи отъ печей продать за безцѣнокъ. «Смоляная» культура не привилась.

Мало помогаютъ въ развитіи башкирскаго подрастающаго поколѣнія и школы, такъ какъ вліяніе ихъ скоро по выходѣ изъ нея дѣтей разбивается косностью, невѣжествомъ и фанатизмомъ старшихъ. Къ тому же школъ мало и постановка въ нихъ учебнаго дѣла оставляетъ желать очень многаго.

Несмотря на обиліе земли и невзыскательность въ удовлетвореніи жизненныхъ потребностей, средняя задолженность башкировъ, какъ утверждаютъ мѣстные статистики, около двадцати рублей на наличную душу, тогда какъ годичный заработокъ на душу не превышаетъ въ среднемъ около тринадцати рублей.

Земля у башкировъ неподѣленная между домохозяевами, а такъ какъ богатые башкиры въ своей средѣ очень большая сила, то эти богатеи забираютъ лучшіе участки себѣ, оставляя бѣднотѣ что похуже.

Мнѣ не разъ приходилось слышать слѣдующіе разсказы башкировъ:

— Мулла все общество въ бутылку загналъ: что хочетъ, то и дѣлаетъ. Моленій не совершаетъ: некогда,—торговлей занимается, по ярмаркамъ все ѣздитъ. Духовныя дѣла правитъ азанча (понамарь). Три четверти общественной земли арендуетъ мулла. За землю платитъ обществу двѣсти рублей. Большую часть земли этой отдаетъ отъ себя въ аренду русскимъ, частицу же—своимъ же общественникамъ—башкирамъ. Но все же остается у него свободная земля. Мулла не позволяетъ ни пахать ее, ни косить, ни даже пасти на ней скотъ. Такъ безъ всякой пользы и лежитъ много земли. Рѣдко кто не долженъ муллѣ: всѣмъ онъ даетъ въ долгъ, но зато что хочетъ, то и дѣлаетъ съ своими должниками.

Лѣнь башкира простирается до того, что бываютъ случаи, какъ иной башкиръ умышленно попадается въ воровствѣ, предпочитая труду даровую тюремную квартиру съ даровыми отопленіемъ и продовольствіемъ.

Жилища башкировъ, несмотря на принадлежащія имъ огромныя площади лѣса, тѣсны, холодны, неудобны, Наклонившіяся въ сторону, вслѣдствіе отсутствія ремонта, они едва стоятъ, и при взглядѣ на нихъ думается, что одного сильнаго дуновенія вѣтра будетъ достаточно для полнаго разрушенія этихъ жалкихъ избушекъ...

Усадьба Алексѣя Гурьевича Тагильцева помѣщалась на краю деревни. Между убогими, почернѣвшими курными избами, частью обнесенными полуразвалившейся изгородью, частью стоявшихъ одиноко безъ всякой ограды, усадьба Тагильцева рѣзко выдѣлялась своимъ благоустройствомъ.

За срубленной изъ толстыхъ бревенъ довольно высокой и просторной избою виднѣлись крыши многочисленныхъ надворныхъ построекъ. Вокругъ всей усадьбы шелъ новый высокій заборъ, въ верхнихъ доскахъ котораго въ изобиліи торчали острые гвозди.

Передъ избою былъ разбитъ просторный садъ. Молодыя деревца, посаженныя въ немъ, обѣщали со временемъ разрастись въ цѣлую рощу.

Когда я, сопутствуемый ямщикомъ, остановился у воротъ, четыре лохматыхъ собаки съ неистовымъ лаемъ выскочили изъ подворотни и окружили лошадей.

Вскорѣ въ окнѣ показалась голова мужчины среднихъ лѣтъ.

На благообразномъ лицѣ его написано было полнѣйшее недоумѣніе.

— Здравствуй, Гурьянычъ!—произнесъ ямщикъ.— Принимай гостей! Ѣхали къ Ѳомѣ, да заѣхали къ кумѣ.

— Милости просимъ!—отвѣчалъ изъ окна густой басъ.

Вслѣдъ за тѣмъ голова скрылась изъ окна. Ворота распахнулись.

— Милости просимъ!—повторялъ хозяинъ, стоявшій у воротъ.

Я и ямщикъ вошли въ избу. Все въ ней было просто, но отличалось чистотой.

Въ переднемъ углу подъ большими образами стариннаго письма стоялъ бѣлый, тщательно выскобленный и вымытый столъ. Отъ него вправо и влѣво шли широкія лавки. Рядомъ съ дверью примостился большой пузатый комодъ, выкрашенный ярко-красной краскою. На стѣнахъ пестрѣло нѣсколько олеографій. Окна были задернуты бѣлыми коленкоровыми съ красной каймою занавѣсками.

Ямщикъ немедленно приступилъ къ объясненію цѣли нежданнаго посѣщенія. Объяснивъ, что требуется намъ,

онъ шопотомъ добавилъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ я разслышалъ только: «дастъ».

— Ладно!—забасилъ хозяинъ.—Сейчасъ пошлю туда работника выручать коробокъ. Его сюда доставятъ. А пока оглоблю приладятъ, не побрезгуйте, сударь, нашего хлѣба откушать. Сей минутъ самоварчикъ подадутъ и скоренько приготовятъ перекусить.

— А ты тожъ оставайся,—проговорилъ онъ, обращаясь къ ямщику.—Безъ тебя дѣло спроворятъ и лошадямъ сѣнца дадутъ.

Алексѣй Гурьевичъ всталъ и направился къ двери, качаясь по-утиному на своихъ толстыхъ ногахъ.

Въ это время дверь широко распахнулась и въ избу вошелъ высокій, коренастый башкиръ, въ полинявшемъ рыжаго цвѣта чекменѣ. Передъ мною было типичное лицо степного башкира,—плоское, желтовато-коричневаго цвѣта, съ широкимъ слегка вдавленнымъ у корня носомъ, выдающимся впередъ подбородкомъ, узкимъ лбомъ и большими оттопырившимися ушами.

— Здоровъ, бачка!—сказалъ башкиръ, обращаясь къ хозяину, и немедленно же развалился на лавкѣ.

— Здравствуй, знако́мъ!—отвѣчалъ хозяинъ, вставъ со стула и подходя съ протянутой рукою къ башкиру.

Послѣ крѣпкаго рукопожатія хозяинъ скрылся за дверью, промолвивъ на ходу:

— Посиди, знако́мъ, будь гостемъ, а я сей минутъ возвращусь.

Башкиръ медленно перевелъ на меня свои раскосоватые глаза и съ любопытствомъ разглядывалъ съ головы до ногъ.

— Ты, знако́мъ, чей работникъ?—спросилъ я, чтобы завязать разговоръ.

Глаза башкира блеснули въ своихъ щеляхъ какимъ-то недобрымъ огонькомъ.

— Моя не работникъ, моя хозяинъ!—сердито про-

ворчалъ онъ и демонстративно повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Да, да, Кутубай хозяинъ, большой хозяинъ, большáкъ,—подтвердилъ Тагильцевъ, показываясь въ дверяхъ.

— Если бы вы, сударь, знали,—продолжалъ онъ пѣвучимъ и эффектированнымъ голосомъ, въ которомъ ясно слышалась неискренность,—если бы знали, какой большáкъ Кутубай! У него земли, лѣса и рыбныхъ ловель—сила, а коней, скота, всякаго добра не перечесть! Такъ вѣдь говорю, знакóмъ?

— Такъ, бачка, такъ.

И Кутубай вдругъ закинулъ ногу за ногу, подбоченился, выпрямился и метнулъ въ мою сторону горделиво уничтожающимъ взглядомъ.

Ямщикъ, сидѣвшій въ углу, фыркнулъ въ рукавъ.

— Садись, знакóмъ, сюда!—молвилъ Тагильцевъ, указывая на передній уголъ.—Эй, Марья! Тащи-ка самоваръ.

— Тащу,—послышался за стѣною визгливый дисконтъ, и вслѣдъ за тѣмъ въ дверяхъ показалась толстая, приземистая среднихъ лѣтъ баба съ кипящимъ самоваромъ въ красныхъ, лоснящихся, удивительно большихъ рукахъ.

— Жалуйте!—обратился хозяинъ къ гостямъ, приглашая рукою къ столу.

Всѣ усѣлись вокругъ самовара.

— Далеко ли путешествуете?—затараторилъ Тагильцевъ.—Въ Потаповскій заводъ? Далеконько. Въ Сливянскомъ ночевать будете? Да? Вы изволите на службѣ въ заводѣ состоять? Нѣтъ, говорите? Хорошо-съ. По дѣламъ, значитъ, ѣдете туда?

Задавъ еще нѣсколько вопросовъ, Тагильцевъ вздохнулъ и сказалъ:

— Счастливые вы всѣ люди! Живете вы между своихъ людей, русскихъ,—не то, что я... Связалъ я

себѣ руки арендой башкирской земли, на погибель себѣ. Скука, тоска здѣсь смертная, а отлучиться нельзя. И выгоды-то нѣтъ—одинъ разоръ!

— Не тебѣ бы, Гурьянычъ, плакаться да Бога гнѣвить,—замѣтилъ ямщикъ.—Кому житье, какъ не тебѣ!

— Ну, братъ, это моей головѣ да моему хребту знать получше, чѣмъ тебѣ. Вамъ вотъ, заводскимъ рабочимъ, такъ дѣйствительно ужъ не на что плакаться. Живете, какъ у Христа за пазухой. И работу-то вамъ дай, да чтобы полегче была, и лѣса и земли задарма́ дай-подай. И всего-то вамъ мало! Какъ говорится, дали бабѣ холстъ—молвитъ толстъ; дали и тоне—говоритъ: дай болѣ. Вамъ бы хотѣлось, чтобъ къ тому же даромъ деньги вамъ давали да пироги пекли и въ ротъ совали. Подай вамъ яйцо, да еще облупленное! Лежебоки вы фартовые! У васъ вѣдь такъ водится: дѣлать не я, работать не я, а ѣсть кисель—нѣтъ противъ меня. На ногѣ сапогъ скрипитъ, а въ горшкѣ муха кипитъ. И еще туда же на свое горе-бѣду кручинятся!

— Задарма не закручинишься,—раздраженно проговорилъ ямщикъ.—Задарма и чирей не сядетъ.

— Анъ выходитъ, что задарма. Поглядѣлъ бы ты, какіе въ Россіи заработки, такъ понялъ бы, что вы первѣющіе счастливцы.

Нужно замѣтить читателю, что на языкѣ уральскихъ обывателей Россійская имперія дѣлится на Уралъ, Сибирь и Россію.

— Бывалъ я тамъ,—продолжалъ Тагильцевъ,—когда съ родителемъ покойнымъ ѣздилъ съ кожей да мѣхами: торговлишку такую онъ велъ. Такъ вотъ видывалъ я, какъ рабочій живетъ: и бездомно, и грязно, и голодно, и холодно. И кабы тамошній рабочій да ваше житье повидалъ, то сказалъ бы онъ и заклялся, что счастливѣе васъ никого на свѣтѣ нѣтъ. А послушай васъ: такіе несчастненькіе да бѣдненькіе. Не

жаловался ли онъ вамъ, сударь, на свою горе-горькую судьбину, на таланецъ свой злосчастный?

— Вижу, сударь, что жаловался,—процѣдилъ сквозь зубы Тагильцевъ, замѣтивъ мою улыбку.—Знаю я его! У него свычай-обычай такой, что всякому на житье свое горемычное плачется. На что воронѣ большіе разговоры: знай ворона свое «кра» да «кра»! О чемъ ты съ нимъ ни заговори, онъ безпремѣнно съѣдетъ на это.

— У кого не болитъ, у того не свербитъ,—отозвался ямщикъ.—Вотъ если бы ты...

— Да не онъ одинъ такой,—прервалъ Тагильцевъ съ раздраженіемъ,—а почитай-что всѣ они таковы. Плачутся, чтобъ жалѣли ихъ. А поищи у нихъ какой-либо жалости, найдешь ли? Всѣ доброхоты, а въ нуждѣ помочь нѣтъ никому охоты. А если помогаютъ, то изъ кармана таскаютъ; и если лаской тебя манятъ, знай, что денегъ твоихъ хотятъ. Ужъ коли кого изобидѣли да къ жалости привели, такъ вотъ ихъ, башкировъ.

Тагильцевъ ткнулъ пальцемъ въ плечо Кутубая.

— Ну, ужъ диво хватилъ!—сердито заворчалъ ямщикъ.—Какой печальникъ башкирскій выискался! Хорошо говоришь, да было бы чего слушать. И у насъ голова не навозомъ набита; смекаемъ доподлинно. Ужъ одно то, что земли у башкирцевъ, что у помѣщиковъ: ѣдешь и конца нѣтъ!

— Земли! Была у нихъ земля, да сплыла. Всю почти землю, что получше, съ лѣсами, съ рудами желѣзными да золотыми, во времена оны заводчики скупили у башкиръ, а имъ оставили перелѣски, черезполосицы да такую землю, въ которой кромѣ сѣраго камня ничего не сыскать. И скупили-то за ломаный грошъ. Когда покупали, всякія льготы сулили, но давать слово—дѣло дворянское, помнить слово—дѣло крестьянское. Такъ вотъ слово свое скоро позабыли и башкировъ тѣснить стали. Къ примѣру сказать, вотъ эта деревня. Была она прежде на иномъ мѣстѣ, а именно тамъ, гдѣ

стояла, когда землю у башкировъ скупили. Мѣсто подъ деревней башкирами не было продано и выговорено было башкирами лѣсъ на дрова и на жилье рубить безпрепятственно. Сначала это имъ дозволяли, а потомъ запретили. Ну, тѣ, конечно, и знать не хотятъ запретовъ: было, дескать, договорено. Что жъ тогда заводчики надумали? Впрочемъ извините-съ, сударь,—вѣроятно я ужъ надоѣлъ вамъ своей болтовней.

— Нѣтъ, пожалуйста, говорите,—запротестовалъ я.

— Очень пріятно-съ! Люблю, знаете ли, поговорить и особенно съ образованнымъ человѣкомъ. Не угодно ли чайку? Пожалуйте вашъ стаканчикъ.

— Ну-съ, что же заводчики надумали?

— Надумали очень простое. Прислалъ ихній приказчикъ ночью къ той деревнѣ своихъ слугъ, чтобы съ четырехъ угловъ деревню ту поджечь. Тѣ и сожгли. Башкиры тогда лѣсу нарубили и вновь построились. Анъ опять имъ краснаго пѣтуха подпустили. Плюнули тогда башкиры на свое пепелище и сюда переселились.

— Это когда же было-то?—спросилъ ямщикъ.—Что-то не слыхивалъ я про это.

— Было это не при нашей памяти, а что дѣйствительно было, въ томъ не сомнѣвайся: сказывали мнѣ старики, люди достовѣрные. И Кутубай тебѣ можетъ подтвердить: то же слышалъ.

Кутубай, который во все время разговора съ наслажденіемъ вливалъ въ себя чай стаканъ за стаканомъ, утвердительно кивнулъ головою. Произнести слово онъ оказался не въ состояніи, такъ какъ ротъ его былъ столь обильно набитъ шаньгами (вотрущками), что обѣ щеки оттопырились.

— По какой же цѣнѣ была скуплена земля?—спросилъ я.

— За грошъ ломаный. Если скажу, не повѣрите. Я вотъ вамъ лучше прочту копію съ бумаги, форменную копію. Въ ней все видно. Очень любопытно-съ.

Тагильцевъ всталъ и подошелъ къ пузатому комоду. Порывшись въ немъ, онъ возвратился къ столу, держа пачку истрепанныхъ, пожелтѣвшихъ отъ времени бумагъ, сложенныхъ вчетверо.

— Я, сударь, дѣла ихъ веду,—говорилъ Тагильцевъ, кивнувъ головою на Кутубая.—Судились и судимся съ заводчиками.

— За что судитесь?

— За землю. О возстановленіи договорныхъ правъ хлопочемъ.

— И что же, высудили что-либо?

— Пока ничего. Лихо споро: не избудешь скоро. Дойдемъ вотъ до Сената,—тамъ высудимъ безпремѣнно. На-дняхъ въ Петербургъ собираюсь ѣхать.

— Недѣля ѣхать можно,—промычалъ башкиръ, жуя колачъ.—Недѣля кажинъ дворъ башкирска принесетъ тебѣ пять рублевъ. Башкирска...

— Слышалъ ужъ это!—съ досадою перебилъ Тагильцевъ и поспѣшно развернулъ одну изъ бумагъ.—Вотъ, сударь, почитайте, сдѣлайте милость, а мы послушаемъ.

«Лѣта 1756 году Маія перваго дня»,—значилось въ рукописи [1]), послѣ чего слѣдовалъ рядъ башкирскихъ именъ,—«съ общаго всей нашей Тукульской волости мирскихъ людей согласія, чрезъ повѣренныхъ своихъ товарищей башкирцевъ Ишкилду Сыксангилдина и Кутубая Итбукулова, отъ Уфимскихъ крѣпостныхъ дѣлъ сію купчую господину статскому совѣтнику Михаилу Михаилову сыну Потапову, дѣтямъ его, женамъ ихъ и наслѣдникамъ въ томъ, что мы, вышеписанные, по силѣ состоявшагося прошлаго 1736 году Марта пятаго на десять числа имяннаго Блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великой Государыни Императрицы

---

[1]) Въ этой выпискѣ изъ подлиннаго документа авторомъ измѣнены только собственныя имена.

Анны Іоанновны указа, по коему между протчаго по пятому на десять пункту повелѣно земли и угодьи въ Уфимскомъ уѣздѣ у башкирцевъ уфимскимъ дворянамъ и афицерамъ и мещерякамъ купить и за себя принять до прошлаго жъ 1742 года іюня десятаго числа общаго опредѣленія господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и ордена Святаго Александръ Невскаго кавалера и Оренбургской губерніи губернатора Ивана Ивановича Неплюева, обще съ брегадиромъ и общимъ въ Уфѣ вице-губернаторомъ Аксаковымъ, въ коемъ между протчаго по третьему на десять пункту написано о продажѣ башкирцамъ земель исполнить по силѣ онаго жъ состоявшагося въ 1736 году именнаго Указа, токмо также продажи единственно одну провинціальныхъ канцеляріяхъ въ Уфимской и Исетской записывать и крѣпить, которое опредѣленіе и Указомъ Ея Императорскаго Величества отъ Правительствующаго сената опробовано: продали ему, господину статскому совѣтнику Михаилу Михайлову сыну Потапову, дѣтямъ его, женамъ и наслѣдникамъ по написаннымъ отъ насъ башкирцевъ въ нынѣшнемъ 1756 году февраля осьмаго на десять дня договорнымъ умѣющихъ грамотѣ за руками, а неумѣющихъ за тамгами нашими, свидѣтельствованнымъ рукамъ двумъ письмамъ, кои мы, повѣренные башкирцы (слѣдуетъ рядъ именъ), въ Уфимской провинціальной канцеляріи у крѣпостныхъ дѣлъ объявили во вѣчное владѣніе впредь безповоротно и безъ выкупу, со всякаго отъ вступщиковъ очисткою, вотчинную свою землю во оной Тукульской волости со всѣми лѣсами, съ рудными мѣстами и сѣнными покосами и съ протчими угодьи господину статскому совѣтнику Михаилу Михайлову сыну Потапову—поперекъ въ ширину слишкомъ съ лишнимъ на 6 верстъ, а въ длину съ лишнимъ же на 20 верстъ, за которую проданную землю со всѣми вышеписанными принадлежащими лѣсами и рудными мѣстами и угодьи взяли мы выше-

писанные повѣренные башкирцы, отъ него господина статскаго совѣтника Михаила Михаилова сына Потапова денегъ 70 рублевъ, и впредь намъ башкирцамъ съ товарищи, женамъ, дѣтямъ и родственникамъ нашимъ до вышеозначенной проданной нами въ вѣчное владѣніе вотчиной земли дѣлъ нѣтъ и не во что не вступатца, но только имѣющимися нашими старыми дѣльными бортными деревьями [1]) владѣть, звѣрей гонять, хмѣль щипать и рыбу ловить намъ башкирцамъ по прежнему, а до протчаго намъ башкирцамъ ни до чего дѣла нѣтъ, и руды намъ не добывать, такожъ и въ оставшейся за продажею нашей части въ оной же Тукульской волости сысканныя всякія руды отдавать намъ башкирцамъ имъ, Потаповымъ, безъ всякой утайки и безпрекословно, а другимъ заводчикамъ сысканныхъ рудъ не отдавать и никому кромѣ ихъ, Потаповыхъ, но добывать и сколько потребно будетъ во оной оставшейся нашей части и пріисканнымъ рудамъ на пожеги и на всякое заводское строеніе и на угольное зженіе лѣсу, то рубить имъ, Потаповымъ, свободно, а намъ башкирцамъ не возбранять и на сторону другимъ никому же, кромѣ ихъ, Потаповыхъ, оную оставшуюся нашу часть земли и со всѣми угодьи не продавать и въ кортомъ не отдавать. А ежели отъ чего можетъ учиниться препятствіе во вводѣ во владѣніе или отъ постороннихъ людей въ строеніи заводовъ и во всемъ вышеписанномъ будетъ остановка и наше въ то неочищеніе, то имъ, Потаповымъ, взять съ насъ башкирцевъ съ товарищи на

---

[1]) Башкиры на Уралѣ занимаются бортевымъ пчеловодствомъ. Бортевщикъ, выбравъ толстую сосну или лиственницу, взбирается по стволу, придерживаясь ремнемъ (киреномъ), который опоясываетъ станъ бортевщика и дерево. Взобравшись наверхъ, бортевщикъ выдалбливаетъ дупло Въ это дупло кладутъ вощину и прикрываютъ отверстіе дупла берестой. Верхушку дерева надъ дупломъ обрубаютъ. Въ этомъ дуплѣ-бортѣ и поселяются пчелы.

дѣтяхъ, родственникахъ и наслѣдникахъ нашихъ вышепоказанные данныя деньги и съ убытки по ихъ сказкѣ все сполна; что скажутъ, тому Потаповымъ вѣрить безъ всякія наши отговорки и безъ всякія продолжительныя волокиты. А какъ объ отводѣ оной земли оные Потаповы будутъ просить и пошлются нарочные, то намъ башкирцамъ вышеписанной земли въ длину съ лишнимъ на 20 верстъ и въ ширину съ лишнимъ же на 6 верстъ межи показать всущую правду безъ всякія утайки, въ чемъ подписуемся»...

Слѣдовалъ рядъ подписей и пестрѣли тамги—знаки неграмотныхъ, въ видѣ кружковъ, крестиковъ, палочекъ съ перекладинами, подковъ и всевозможныхъ крючковъ.

— Послушайте,—недоумѣвалъ я:—какъ же вы оспариваете этотъ договоръ: вѣдь онъ заключенъ полтораста лѣтъ назадъ.

— Это вы насчетъ земской давности?—подхватилъ Тагильцевъ.—У насъ такая запоздалость не диво. Не угодно ли прочесть?

И вслѣдъ за этимъ онъ вытащилъ изъ кармана засаленную газету и указалъ помѣченныя ногтемъ строки.

«Екатеринбургъ. 15 сентября. Начатое 149 лѣтъ назадъ историческое земельное дѣло воскресенскихъ крестьянъ по иску Кыштымскихъ заводовъ вновь отложено слушаніемъ».

Я недоумѣло глядѣлъ на эту тоже «историческую» корреспонденцію.

— А вотъ-съ другой документикъ,—молвилъ Тагильцевъ, вытащивъ изъ пачки истрепанный листъ бумаги.—Договорное письмо на безсрочную и безпереоброчную аренду, въ 1755 году заключенное.

И Тагильцевъ указалъ на отчеркнутыя карандашомъ строки.

— «И земли той»,—читалъ я,—«отъ низкаго березняка въ ширину съ лишнимъ на 5 верстъ, а въ длину

съ лишнимъ на 12 верстъ отдали мы все вышеписанное сполна по 15 рублей за всю ту землю въ годъ и впредь намъ башкирцамъ съ товарищи, женамъ, дѣтямъ и родственникамъ до вышеозначенной отданной въ вѣчное владѣніе вотчинной земли и со всѣми угодьи дѣла нѣтъ и не вступаться. Токмо намъ башкирцамъ съ товарищи, женамъ, дѣтямъ и родственникамъ нашимъ въ оной землѣ имѣющимися нашими старыми дѣльными бортными деревьями владѣть, текущаго звѣря гонять, хмѣль щипать, рыбу ловить и въ оброкъ рыбныя ловли отдавать намъ самимъ, и на той землѣ намъ своими домами жить, пашней, сѣнными покосами и лѣсомъ намъ довольствоваться вольно, избушки рубить и на дрова лѣсомъ довольствоваться въ прилежащихъ по близости ямамъ по прежнему и въ Уралъ для кошеванія со скотомъ чрезъ проданную оную землю намъ ходить тако же по прежнему, и вольно ему, Потапову, дѣтямъ женамъ и наслѣдникамъ ихъ въ помянутой вотчинѣ всякій лѣсъ, въ какомъ бы онъ званіи ни былъ, рубить и продавать, на землѣ и въ землѣ, что есть—имъ добывать и продавать».

Я взглянулъ на конецъ документа. Тамъ было написано:

«Къ сему договорному письму за старшину Азлая Алтыбаева и сотника Кутуя Буксенеева съ товарищи тамги приложили таковы: Ишкильды Наврузова».

За этой тамгою слѣдовалъ рядъ именъ и іероглифовъ. Послѣдніе имѣли слѣдующій видъ:

— Договорецъ важнецкій! — воскликнулъ Тагильцевъ.—А замѣненъ онъ потомъ, вскорѣ по заключеніи, другимъ договоромъ, еще болѣе важнецкимъ. По новому договору вотчинники-башкиры продали часть

своей земли Потапову, а потомъ вдругъ оказалось, что проданъ не часть, а вся, цѣликомъ, земля. И выходитъ теперь, спустя такъ много лѣтъ, что башкиры живутъ не на собственной, а на яко бы самовольно захваченной землѣ.

— Однако,—спросилъ я,—какимъ способомъ ухитрились Потаповы такъ «обставить» башкировъ?

— Хитрость была немудрящая. Прежде вѣдь, сударь, башкиры совсѣмъ не знали, что за штука такая землемѣръ. При продажѣ земель границы отдѣляли урочищами, а сколько въ тѣхъ урочищахъ десятинъ земли, башкиры понятія не имѣли. Продаваемую землю не мѣрили, а вотъ, дескать, отъ этого до этого мѣста. А то продавали и на собачій лай,—такое, значитъ, пространство, на какомъ слышенъ лай собаки. Вотъ въ этакомъ-то родѣ и Потаповы купили у башкировъ землю.

— Да-съ, ловко скупили и вотчинныя земли и отхожія, то-есть—лѣсныя, угодья!—продолжалъ Тагильцевъ, складывая свои бумаги.—Изрядно обули башкирцевъ! Говорили мнѣ, что когда башкирцы по заключеніи этихъ договоровъ получили деньги, Потаповъ удостоилъ ихъ лицезрѣніемъ своей персоны и среди сытнаго угощенія обратился къ нимъ съ такой рѣчью: «Что же довольны вы, что обулъ я васъ?» «Обулъ, бачка, обулъ, много довольны,—горланили башкиры,—сапоги купимъ!» Да-съ, отцы ѣли клюкву, а у дѣтей оскомина на зубахъ. Отцовъ въ сапоги обули, а сыны босикомъ ходятъ.

Ямщикъ порывался что-то сказать, но сдерживался и только крякалъ.

Въ это время толстая Марья втащила вновь подогрѣтый самоваръ.

— Прошу чайку попить,—говорилъ Тагильцевъ.

— Спасибо на угощеніи,—сказалъ ямщикъ,—упился.

— Для ча не пить?—удивился башкиръ.—Палка на палку плохо дѣло, чай на чай хорошъ дѣло.

И онъ снова принялся опорожнять стаканъ за стаканомъ.

У ямщика съ Тагильцевымъ загорѣлся споръ.

Ямщикъ доказывалъ, что башкиры и въ настоящее время богатеи, но безконечно лѣнивы, а потому бѣдствуютъ и жалости никакой не достойны.

Тагильцевъ доказывалъ противное, и притомъ слова старика всецѣло относилъ къ заводскимъ мастеровымъ, горячо утверждая, что послѣдніе—первѣйшіе лодыри и неблагодарные люди.

И тотъ и другой противникъ безъ конца повторяли одни и тѣ же доказательства и приходили въ все большій азартъ.

Кутубай флегматично поглядывалъ на споривших и съ прежнимъ аппетитомъ уничтожалъ чай и колачи.

Не извѣстно, чѣмъ окончился бы споръ, если бы онъ не былъ прерванъ появленіемъ Марьи съ грудою пельменей. Это традиціонное кушанье обширной Пермской губерніи представляетъ собою не что иное, какъ вареники съ мясомъ. Названіе: «пельмень» объясняютъ такъ: по-пермячски *пэль*—ухо, *нянь*—хлѣбъ. Называютъ ихъ также перьменями и пелянами.

Всѣ заговѣнья, всѣ болѣе или менѣе торжественные случаи безъ этого излюбленнаго жителями кушанья не обходятся.

Пельмени были вареные въ водѣ и политы горячимъ коровьимъ масломъ.

Появилась на столѣ и бутылка водки. Хозяинъ налилъ четыре рюмки и одну изъ нихъ поставилъ передъ башкиромъ, но тотъ отрицательно покачалъ головою.

— Пей, Кутубай!—упрашивалъ Тагильцевъ.—За компанію можно. Въ компаніи жидъ удавился, монахъ женился.

Однако долго не пришлось упрашивать: Кутубай взялъ рюмку, чокнулся и живо опрокинулъ ее въ ротъ.

Было замѣтно, что пьетъ онъ запрещенную жидкость не впервые.

Когда миска была опорожнена, на смѣну ея явилась другая еще бо́льшихъ размѣровъ съ печеными и жареными пельменями.

Хозяинъ усердно потчевалъ гостей. Однако всѣ, кромѣ башкира, скоро настолько были сыты, что едва прикоснулись къ поданнымъ въ заключеніе вареникамъ съ творогомъ. Одинъ лишь башкиръ съ одинаковымъ аппетитомъ поѣдалъ все, что клали ему на тарелку, и съ вожделѣніемъ поглядывалъ на остающееся еще въ мискѣ.

Ѣда окончилась. Башкиръ вытеръ полою чекменя засаленные губы и всталъ.

— Бачка, муку давай!—обратился онъ къ Тагильцеву.

— Тебѣ сколько?

— Куль.

— Деньги дашь?

— Нѣтъ.

— Ладно, запишемъ.

— Прощай, бачка!—сказалъ башкиръ, обращаясь ко мнѣ и протягивая руку.—Заходь въ мой кошъ; катыкъ, салма́, кумысъ угощать буду [1]).

Тагильцевъ и башкиръ вышли.

— Ишь проворъ какой!—заговорилъ ямщикъ.—Жалостливый аблакатъ башкирскій! Пожалѣетъ волкъ жеребенка—оставитъ хвостъ да гриву. Ужъ онъ ихъ такъ обуетъ, какъ никто еще не обувалъ. Сколько денегъ онъ повысосалъ на судбища эти. Давно ужъ они судятся. Выръшенія своего дѣла ждали, ждали да ожиданки съѣли. А все еще ждутъ. Башкирье этому провору вѣрить, деньги несетъ, а онъ успѣлъ уже крѣпко увѣрить башкирцевъ, что онъ для нихъ отецъ-

[1]) Катыкъ — квашеное молоко. Салма́ — вареное тѣсто, кусочками, съ солью.

благодѣтель и необходимый человѣкъ. Ему на руку дурить-то ихъ. Что хочетъ, то съ ними и дѣлаетъ. На словахъ—что на гусляхъ, а на дѣлѣ—что на балалайкѣ. И сосетъ онъ ихъ, башкирцевъ, какъ паукъ муху. Нахваталъ у нихъ столько земли, что самому не совладать,—сдаетъ отъ себя въ аренду другимъ. Голытьба башкирская заберетъ у него арендныя деньги впередъ за пять и болѣе лѣтъ, а потомъ подъ работы набирать тоже впередъ. Поглядѣть бы вотъ, сколько онъ за муку, что даетъ теперь, запишетъ. Голову на отсѣченіе даю, что рубля по два за пудъ мука та башкиру станетъ. И мука-то, небось, гнилушка одна. А злится Гурьянычъ на насъ, мастеровыхъ, за то, что міръ нашъ приговорилъ удалить его изъ общества. За хорошія дѣла выставили. Ну, пойду-ка погляжу на коней. Заболтался я тутъ.

Ямщикъ вышелъ. Съ полчаса я просидѣлъ въ одиночествѣ, разглядывая въ окно сумрачную деревню и раздумывая обо всемъ, что пришлось въ этотъ день выслушать.

У окна толпилось съ десятокъ башкирскихъ дѣтей, въ однѣхъ изорванныхъ рубахахъ. Они долго съ любопытствомъ разглядывали меня, но вдругъ метнулись въ сторону и побѣжали по улицѣ.

За перегородкою слышался звонъ посуды и кто-то, вѣроятно—Марья, пискливымъ голосомъ напѣвалъ:

У милова—створка нова,
Надо снѣгу нафурять.
У меня—платочикъ новый,
Надо милому отдать.
Всѣ платки переносила,
Одна шаль осталася.
Всѣхъ ребятъ перелюбила,
За однимъ осталася.

Съ минуту за перегородкой было тихо, но потомъ снова загремѣла посуда и тотъ же голосъ продолжалъ:

Ѣшь, коровушка, сѣнцо,
Въ полюшкѣ отавушку.
Люби, парень, дѣвушку,
Не дѣлай худу славушку.
Пала, пала худа слава,
Что на мой широкой дворъ;
Что на мой широкой дворъ,
Черезъ тебя, паршивый мой.

— Оглоблю приладили, сударь! — торжественно заявилъ появившійся въ дверяхъ Тагильцевъ.

Я всталъ, поблагодарилъ любезнаго хозяина и спросилъ его:

— Сколько вамъ слѣдуетъ?

— О, не извольте безпокоиться!—слащаво улыбаясь и потирая руки зачастилъ Тагильцевъ.—Пустяки-съ! А вотъ, сударь, не откажите мнѣ въ одной просьбицѣ. Какъ живете вы въ столицѣ, то нѣтъ ли у васъ знакомствъ въ Сенатѣ?

— А зачѣмъ это вамъ?

— Я, видите ли, насчетъ того, нельзя ли дѣльце башкирское, что я веду, подвинуть какимъ-либо манеромъ. Башкирцы поблагодарили бы васъ знатно: это я ужо устроилъ бы. А то, знаете ли, оно хоть и правое дѣло, а безъ руки-то двинуть его очень затруднительно.

Получивъ отрицательный отвѣтъ, Тагильцевъ мгновенно перемѣнилъ тонъ и сухо, скороговоркою выпалилъ:

— За выручку и доставку сюда коробка,—четырехъ лошадей и двухъ работниковъ отъ пахоты оторвалъ,—четыре рублика, за оглоблю три рублика, за сѣно полтинникъ, за самоварчики и ѣду трешницу, итого-съ десять съ полтиною.

— Однако и впрямь онъ всякаго можетъ обуть!--подумалъ я.—Жаль, что ранѣе не договорился.

И мнѣ сталъ такъ противенъ этотъ улыбающійся

башкирскій печальникъ и «аблакатъ», что я поспѣшилъ уплатить ему деньги и вышелъ во дворъ.

— Счастливаго пути!—басилъ хозяинъ, стоявшій на порогѣ. — Будете ѣхать мимо, гостевать заѣзжайте. Всегда радъ буду.

— А ты, шатунъ,—обратился онъ къ ямщику,—бери вправо, старой дорогой, а то опять въ трясину завезешь.

Лошади тронулись.

III.

Въ горнозаводскомъ районѣ Урала почти нѣтъ помѣщиковъ и помѣщичьихъ усадебъ, а есть заводчики, заводы и такъ-называемыя заимки.

Заводами называются не только техническія сооруженія, но и селенія при заводахъ.

Типъ этихъ заводовъ однообразенъ. Въ долинѣ или котловинѣ, между покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ горъ, большой прудъ, съ старой неуклюжей плотиною. Рядомъ съ нею высятся почернѣвшія отъ копоти заводскія постройки,—доменныя и мартеновскія печи, сварочные, прокатные, листокатальные и пробойные отдѣлы съ дымящимися трубами, сараи для матеріаловъ и готоваго желѣза и заводская контора.

Тутъ же рядомъ огромная площадь занята штабелями дровъ, пней, хвои и большими, сажени двѣ въ вышину и нѣсколько десятковъ саженъ въ длину, кучами древеснаго угля и желѣзной руды.

Вплотную къ этой площади примыкаетъ селеніе. Почернѣвшія отъ времени и дыма тесовыя и бревенчатыя избушки стоятъ тѣсными неправильными рядами. Многія изъ нихъ съ дырявыми крышами, покачнувшимися на бокъ воротами и полуразрушеннымъ заборомъ,

за которымъ виднѣются столь же плачевнаго вида надворныя постройки.

Среди этихъ невзрачныхъ и жалкихъ хижинъ рѣзко выдѣляется своей величиной и нарядностью «господскій домъ», гдѣ владѣльцы заводовъ живутъ очень рѣдко, а обыкновенно квартируетъ управляющій или управитель.

Встрѣчаются и новенькія, выглядящія весело и богато избы, а также кое-гдѣ и небольшіе двухъэтажные дома: это усадьбы прасоловъ, мѣстныхъ торговцевъ и изрѣдка «вошедшихъ въ достатокъ» заводскихъ служащихъ. Но такихъ избъ и домовъ такъ немного, что они не въ состояніи скрасить общій невзрачный видъ селенія, который на городского жителя навѣваетъ какую-то безотчетную грусть.

Такого же типа и потаповскіе заводы, въ настоящее время принадлежащіе наслѣдникамъ Потапова, этого особаго рода уральскаго культуртрегера, о которомъ и понынѣ сохранилось въ народѣ не мало интересныхъ преданій.

Потаповскіе желѣзодѣлательные заводы состоятъ изъ двухъ большихъ заводовъ, носящихъ названія Потаповскаго и Сливянскаго, и нѣсколькихъ малыхъ.

Оба главныхъ завода стоятъ въ долинахъ, между высокихъ горныхъ грядъ—уваловъ, среди старыхъ, тѣнистыхъ лѣсовъ.

Они ведутъ свое начало со второй половины XVIII столѣтія, съ той поры, когда на Уралѣ началась горнопромышленная «горячка».

Дешевизна земли, даровой крѣпостной трудъ, всевозможныя льготы и вообще чрезвычайно выгодныя условія эксплоатаціи еще нетронутыхъ богатствъ Урала привлекали въ то далекое время все новыхъ и новыхъ предпринимателей, являвшихся издалека, съ разныхъ концовъ Россіи.

Такимъ пришельцемъ былъ и Потаповъ, сумѣвшій

на своей родинѣ какими-то невѣдомыми путями скопить сумму, для того времени весьма значительную. Часть этихъ денегъ онъ безъ колебанія и употребилъ на покупку огромныхъ «пустопорожнихъ» башкирскихъ вотчинъ, изобилующихъ лѣсомъ, золотомъ и разными полезными ископаемыми.

Вскорѣ на этихъ пріобрѣтенныхъ за безцѣнокъ владѣніяхъ заработали заводы и закипѣла добыча золота.

Заводы росли, обстраивались, а площадь, гдѣ промывались богатые золотомъ пески, расползалась и вдоль и поперекъ.

Вмѣстѣ съ заселеніемъ пустырей въ потаповскихъ заводахъ насаждался расколъ.

Часть старообрядцевъ, живущихъ въ настоящее время въ потаповскихъ заводахъ, потомки тѣхъ, которые при Петрѣ Великомъ были сосланы на Уралъ изъ керженскихъ лѣсовъ, находящихся, какъ извѣстно, въ Нижегородской губерніи и получившихъ свое названіе отъ рѣки Керженца.

Отсюда на Уралѣ и называютъ старообрядцевъ кержаками. Говорятъ также, что такой-то кержачитъ, т.-е. старообрядствуетъ.

Другая часть потаповскихъ старообрядцевъ произошла отъ добровольныхъ переселенцевъ изъ тѣхъ же керженскихъ лѣсовъ.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда послѣдовалъ цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью уничтоженіе скитовъ въ Заволжьѣ, начался сильный приливъ старообрядцевъ на Уралъ.

Потаповы, держась древляго православія, покровительствовали своимъ единовѣрцамъ: давали пріютъ бѣглецамъ и, чрезъ своихъ посланныхъ, усердно звали скрывавшихся въ керженскихъ и другихъ лѣсахъ раскольниковъ переселяться на ихъ обширные, съ сравнительно ничтожнымъ населеніемъ, земли на Уралѣ.

Такимъ образомъ приливъ старообрядцевъ на потаповскіе заводы все увеличивался.

Благодаря невѣжеству, безнравственному поведенію, поборамъ и насиліямъ сельскаго духовенства, не только упорствовали старообрядцы, но бывали и весьма часто случаи отпаденія мѣстныхъ жителей отъ православія и перехода въ старообрядчество.

Въ слѣдственныхъ дѣлахъ того времени по раскольничьимъ дѣламъ зачастую можно встрѣтить показанія, характеризующія духовенство.

Одни показываютъ, что «года по четыре и по пяти не бывали на исповѣди и у св. причастія и нынѣ быть не желаютъ, потому что попы табакъ нюхаютъ, ругаются непристойно и упиваются вина допьяна».

Другіе даютъ показаніе, что «отъ роду въ церкви не бывали, но откупались отъ поповъ и потому были писаны бывающими у исповѣди и св. причастія каждогодно».

Третьи же утверждаютъ, что усердно исполняли всѣ предписанія церкви, но отмѣчались отпавшими отъ православія, потому что «ничѣмъ поповъ не дарили».

Хотя въ концѣ XVIII вѣка, послѣ того какъ была обнаружена на Уралѣ секта самосожигателей и самоутопленниковъ, правительство причиною развитія этой секты указало невѣжество и недостойное поведеніе духовенства и предписало строгія мѣры для обузданія духовныхъ пастырей, тѣмъ не менѣе уничтожить старую закваску было не такъ-то легко, тѣмъ болѣе что раскольники продолжали пребывать подъ опалою и духовныхъ и свѣтскихъ властей.

И эта закваса держалась, невзирая на приказы, еще долгіе годы.

Въ 1829 году, по указу Синода, на Уралѣ была учреждена духовная миссія для обращенія раскольниковъ на лоно православной церкви. Поводомъ къ учрежденію этой миссіи, какъ говорятъ, послужила докладная за-

писка, которую представилъ графу Бенкендорфу управляющій имѣніемъ графини Строгановой, Ослоповскій. Съ учрежденіемъ миссіи полицейскія мѣры противъ раскольниковъ отошли на второй планъ, но старая закваска еще дѣйствовала, хотя далеко не съ прежней силою.

Переселеніе заволжскихъ старообрядцевъ было какъ нельзя болѣе на-руку Потаповымъ: увеличивалось число рабочихъ, притомъ безотвѣтныхъ, боявшихся пикнуть; увеличивалась и популярность Потаповыхъ въ средѣ старообрядцевъ-богатеевъ.

Если къ тому добавить, что потаповскіе заводы служили укромнымъ мѣстомъ и для разныхъ бѣглыхъ, скрывавшихся не отъ религіозныхъ гоненій, а отъ тюрьмы, плетей и висѣлицы, и что остальное населеніе состояло въ крѣпостномъ владѣніи, заводы же находились среди глухихъ лѣсныхъ урмановъ [1]), вдали отъ центральныхъ предержащихъ властей,—то можно судить о томъ рабовладѣльческомъ строѣ, который долгіе годы царилъ на этихъ заводахъ.

Уральскія преданія, относящіяся къ тому времени, рисуютъ страшную картину своеволія и жестокости заводчиковъ-пристанодержателей.

У Никиты Акинфіевича Демидова, одного изъ богатѣйшихъ уральскихъ заводчиковъ, было широко организованное пристанище бродягъ, бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Они нужны были ему, какъ самая дешевая и безотвѣтная рабочая сила. Все шло у Демидова какъ по маслу, какъ вдругъ, по донесенію горнаго начальника, сенатору князю Вяземскому было высочайше повелѣно, во время своей командировки на Уралъ, вызванной броженіемъ и бунтами заводскаго населенія, разслѣдовать также о пристанодержательствѣ Демидова.

---

[1]) Урманъ—дикое, глухое мѣсто въ лѣсу, гдѣ мелкая поросль и сваленныя бурею деревья дѣлаютъ ее трудно проходимымъ.

Послѣдній, узнавъ о надвигавшейся на него грозѣ, однако нисколько не растерялся. Немедленно онъ командировалъ своихъ агентовъ скупать у знакомыхъ помѣщиковъ пропавшихъ безъ вѣсти крестьянъ. Покупка была закрѣплена форменными актами, помѣченными заднимъ числомъ. Имена этихъ купленныхъ «мертвыхъ душъ» были розданы ютившимся на демидовскихъ заводахъ бродягамъ. Тѣхъ, кому именъ не хватило, или кто могъ возбудить подозрѣніе, Демидовъ приказалъ своему довѣренному приказчику запрятать въ подземелье на время пребыванія ревизора на заводахъ. При этомъ было повелѣно имъ устроить подземелье такъ тайно, чтобы никто не могъ бы его указать, и, если потребуется, «оставить тамъ бѣглыхъ на вѣки вѣчные».

Ревизія Вяземскаго не обличила богача-заводчика, а спрятанные въ подземельѣ, по народному преданію, такъ и не увидѣли бѣлаго свѣта.

О другомъ заводчикѣ старики-старожилы разсказываютъ такую же исторію съ той лишь разницею, что бѣглые были спрятаны въ сухомъ ларѣ, при плотинѣ, а потомъ предательски утоплены въ водѣ, пущенной въ ларь по распоряженію заводчика. Мѣстомъ дѣйствія называютъ Сысерть.

Въ «Лѣтописи губернскаго города Перми» Ѳ. А. Прядильщикова [1]) подъ 1826 годомъ читаемъ:

«Въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Пермь флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества графъ А. Г. Строгановъ для производства слѣдствія о противозаконныхъ поступкахъ управляющаго Кыштымскими заводами, екатеринбургскаго купца Григорія Зотова. До свѣдѣнія Государя дошло, что Зотовъ, благодаря своему богат-

---

[1]) Первоначально была напечатана въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1874 года, а затѣмъ перепечатана въ «Календарѣ Пермской губерніи на 1884 годъ».

ству и необыкновенной изворотливости, находится въ самыхъ фамильярныхъ связяхъ со многими горными, губернскими и даже столичными высокаго ранга чиновниками, и что онъ, подъ защитою такой компаніи благопріятелей, тиранствуетъ надъ ввѣреннымъ ему рабочимъ народомъ, посягаетъ даже на убійство. Губернаторъ Тюфяевъ, нисколько не замѣшанный въ дѣло управителя кыштымскаго, притомъ лично оскорбленный отъ него, надѣется видѣть конецъ злоупотребленіямъ владѣльческаго права—явленію не рѣдкому въ нашей губерніи».

Объ этомъ Зотовѣ донынѣ свѣжа память и въ Кыштымскихъ заводахъ и въ Екатеринбургѣ.

Бывшій крѣпостной, кричный мастеръ Верхъ-Исетскаго завода, затѣмъ управитель того же завода, дававшій своему хозяину, корнету Яковлеву, три милліона ежегоднаго дохода, Григорій Ѳедотовичъ Зотовъ имѣлъ сына Александра. Послѣдній былъ женатъ на младшей дочери Расторгуева, владѣльца Кыштымскихъ заводовъ.

Старшая же дочь Расторгуева была замужемъ за Петромъ Яковлевичемъ Харитоновымъ.

Старикъ Зотовъ, этотъ заводскій самородокъ, находя, что сынъ его Александръ и Харитоновъ весьма слабо ознакомлены съ дѣлами Кыштымскихъ заводовъ и недостаточно энергично правятъ этими дѣлами, бывшими тогда въ большомъ упадкѣ, порѣшилъ самъ «направить» дѣло. Къ этой «направкѣ» онъ приступилъ, не стѣсняясь никакими мѣрами, столь энергично, что среди кыштымскихъ рабочихъ возникли крупные «безпорядки».

Въ предписаніи департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта отъ 13 сентября 1827 г. за № 1032 приводится обвинительный актъ, представленный граф. Строгановымъ министру финансовъ Канкрину: а) «Умершій купецъ Расторгуевъ, бывшій сперва винопродав-

цемъ, а потомъ комиссіонеромъ (откупщика) Злобина, купилъ Кыштымскіе заводы изъ одного корыстолюбія отъ дворянина Демидова, утѣснялъ чрезмѣрно принадлежащихъ къ онымъ крестьянъ и, наконецъ, дабы отвратить отъ себя отвѣтственность за безпорядки, коихъ самъ былъ виною, желалъ, чтобы угнетенные имъ люди обратились въ бунтовщиковъ, въ чемъ и успѣлъ. b) По смерти Расторгуева Зотовъ, угнетавшій прежде заводскихъ людей г. Яковлева, принялъ за наслѣдниковъ перваго управленіе заводами въ видѣ попечителя, не имѣя, впрочемъ, законной и гласной довѣренности. Несмотря на казенный дозоръ, назначенный по рѣшенію гг. министровъ, Зотовъ, воспользовавшись слабостью бергъ-гауптмана Тетюева, на котораго былъ возложенъ сказанный надзоръ, и заводскаго исправника Усольцева, побудилъ перваго къ ложнымъ донесеніямъ министерству финансовъ о благоустройствѣ заводовъ и выгодномъ положеніи рабочихъ, и что они взбунтовались по одному заблужденію и невѣжеству. c) Между тѣмъ какъ дѣло о неповиновеніи заводскихъ людей разсматривалось въ екатеринбургскомъ уѣздномъ судѣ, Зотовъ отобралъ вынужденную повальную подписку съ крестьянъ, употребляя къ тому жестокія средства. Крестьяне одного села, черезъ повѣреннаго своего Морозова, подали заводскому исправнику прошеніе, что, бывъ вынуждены къ дачѣ подписки, не могутъ считать ее законною; но Тетюевъ съ исправникомъ составили опредѣленіе, въ которомъ, признавая Морозова нарушителемъ тишины и спокойствія, приговорили его къ жестокому тѣлесному наказанію и исполнили его два раза въ одинъ день, содержавъ еще Морозова въ кандалахъ четыре мѣсяца. d) По случаю прибытія въ заводы блаженныя памяти Государя Императора Александра I были поданы три просьбы: отъ посельщика Сѣдельникова, найденнаго потомъ мертвымъ въ лѣсу (что составляетъ особое слѣдственное дѣло), кре-

стьянина Батина и женки Назаровой. Но Зотовъ успѣлъ взять мѣры къ сокрытію истины помощью исправника и чиновника горнаго управленія черезъ ложное слѣдствіе. Показано, что Батинъ жаловался на обиды, бывшія еще при жизни Расторгуева и въ припадкѣ сумасшествія; а женка Назарова содержалась 4 мѣсяца подъ карауломъ, должна была отказаться отъ принесенной ею жалобы. е) Со времени управленія Зотова расторгуевскими заводами весьма усилена добыча золота и усовершенствована выплавка желѣза (?), но не заведеніемъ новыхъ машинъ или особенными средствами, а несоразмѣрнымъ усиленіемъ работъ «жестокостьми и тиранствомъ». Далѣе говорится, что «главнымъ театромъ жестокости и притѣсненій» служатъ золотые промыслы (Соймоновскіе), гдѣ даже было «заведено кладбище для скоропостижно умершихъ»; что вообще «нѣтъ слѣдовъ христіанскаго попеченія о людяхъ, которыхъ можно сравнить съ каторжниками и неграми».

Въ заключеніе этотъ документъ предписываетъ: «все сіе произвести безъ лишней огласки такъ, чтобы оная не могла подать повода злонамѣреннымъ людямъ возбуждать вновь безпокойствіе между крестьянами расторгуевскихъ заводовъ».

Это замѣчательное заключеніе весьма интереснаго историческаго документа имѣло своимъ послѣдствіемъ ссылку Зотова въ Финляндію, въ Кексгольмъ, хотя по законамъ того времени Зотовъ подлежалъ наказанію шпицрутенами и ссылкѣ на каторгу. Вмѣстѣ съ Зотовымъ былъ сосланъ и П. Я. Харитоновъ, какъ отвѣтственное по заводамъ лицо.

Поколѣніе Зотовыхъ до послѣдняго времени старалось стушевать истинныя причины ссылки кыштымскаго Ирода утвержденіями, что Зотовъ палъ жертвою религіозныхъ гоненій.

Въ официозномъ изданіи «Памятная книжка Пермской губ. на 1891 годъ» встрѣчаемъ слѣдующія строки:

«Извѣстно, что императрица Елизавета Петровна до страсти любила вокальную музыку и потому очень жаловала не только людей, обладавшихъ искусствомъ пѣнія, но даже тѣхъ, кто имѣлъ только хорошій голосъ. Однажды, сидя на балконѣ, Ея Величество замѣтила проходившаго вдали молодца съ ношею на плечахъ и, услышавши его звонкій, чрезвычайно сладенькій напѣвъ: «свѣ-жа-я теля-ти-на!..» Государыня напрягаетъ слухъ, а разносчикъ, точно въ угоду ей, повторяетъ свой призывъ покупателя. «Какой прекрасный голосъ!» говоритъ императрица находившимся близъ нея придворнымъ кавалерамъ и добавляетъ: «Скажите гофмаршалу, чтобъ онъ взялъ пѣвуна въ поставщики припасовъ для моей кухни». Разносчикъ немедленно былъ догнанъ посланными за нимъ камеръ-лакеями и отведенъ въ присутствіе гофъ-интендантской конторы.

Дѣтина, обратившій на себя Высочайшее вниманіе, былъ казенный крестьянинъ N—ской губерніи, Савва Яковлевичъ Собакинъ. Когда артель, къ которой онъ принадлежалъ, узнала о счастіи своего члена, то не могла надивиться достаточно, разводила руками, приговаривая: «Ну, таланъ выпалъ Савкѣ,—такъ называли парня товарищи,—теперь успѣвай нашъ землякъ загребать денежки; не ходи, какъ мы, грѣшные, съ утра до вечера по улицамъ, не голоси безъ толку!..» Дѣйствительно, карманъ Собакина началъ наполняться быстро. Нѣкоторые изъ вельможъ, желая угодить Государынѣ, поручили избранному ею поставщику снабжать телятиной ихъ собственные домы, чѣмъ, разумѣется, ускорили его обогащеніе.

Подъ конецъ царствованія Елизаветы Петровны Собакинъ, записавшись въ купечество, имѣлъ столько капитала, что могъ, вмѣстѣ съ другими коммерсантами, взять на откупъ таможню въ Ригѣ.

Едва ли не около этого же времени богачъ перешелъ изъ податного званія въ чиновничье, конечно,

не съ цѣлью служить, а чтобъ добиться дворянства и такимъ образомъ, во-первыхъ, «облагородить» свое плебейское происхожденіе, во-вторыхъ — пріобрѣсти права на покупку населенныхъ имѣній какого бы то ни было рода.

Большіе торговые обороты сдѣлались для Собакина занятіемъ постояннымъ. Такъ, при Екатеринѣ II-й, въ руки его и К⁰ попалъ петербургскій питейный откупъ, отъ котораго пахло уже сотнями тысячъ, если не милліономъ, выгоды. Изъ одного факта явствуетъ, что благоденствующій Савва Яковлевичъ, какъ величали счастливца аристократы, по совѣсти своей, однако остался прежнимъ ничтожнымъ Савкою. Вышелъ такой казусъ. Въ 1774 году заключенъ славный миръ съ Турціею при Кучукъ-Кайнарджи. Екатеринѣ очень желательно было, чтобъ самая чернь въ ея резиденціи поняла важность новаго политическаго событія, и для достиженія этого употребленъ способъ, правду сказать, довольно странный. На первые три дня послѣ обнародованія манифеста приказано было открыть всѣ петербургскіе кабаки: каждому посѣтителю дозволялось, на казенный счетъ, выпить здѣсь чарку водки въ честь побѣдъ Румянцева. Пиръ былъ гомерическій. По окончаніи попойки правительство затребовало отъ откупа свѣдѣніе о количествѣ израсходованнаго вина и получило въ отвѣтъ столь громадную цифру бочекъ, что стала втупикъ. Прежде уплаты денегъ нарядили слѣдственную комиссію для разысканія правды. Оказалось, что въ данное время во всѣхъ столичныхъ складахъ не хранилось такого запаса водки, какой выписанъ откупщикомъ. Собакинъ отданъ подъ судъ. Но счастіе опять выручило своего любимца. Государыня его помиловала и, для вящшаго забвенія его поступка, повелѣла ему носить впредь фамилію, по отчеству, Яковлевъ».

Отъ кого и когда Собакинъ, онъ же Яковлевъ, на-

купилъ 17 горныхъ заводовъ по Уралу, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что въ 1774 году часть этихъ заводовъ, въ окрестностяхъ пригородка Осы, были разрушены сообщенниками Пугачева, башкирцами; знаемъ также, что рабочій людъ на этихъ заводахъ стоналъ подъ игомъ новаго владѣльца еще болѣе, чѣмъ при прежнихъ владѣльцахъ.

Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ во Франціи, Италіи и Англіи, какъ наказаніе для проститутокъ, было принято погруженіе въ холодную воду въ желѣзной клѣткѣ. Это зрѣлище собирало огромныя толпы народа.

Одинъ изъ потаповскихъ приказчиковъ, ворочавшій заводскими дѣлами въ срединѣ прошлаго столѣтія, неграмотный и темный человѣкъ, не могъ позаимствовать изъ исторіи этого дикаго способа наказанія. Однако онъ его часто примѣнялъ съ той лишь разницею, что наказывались не въ желѣзной, а деревянной клѣткѣ, и не проститутки, но дѣвки, оказавшіяся беременными; наказывались не за безнравственность, а за то, что, будучи беременны, не могли работать съ желаемымъ успѣхомъ.

За особыя провинности, по повелѣнію того же приказчика, учиняли слѣдующую расправу: привяжутъ за поясъ длинную веревку и сбросятъ провинившагося съ плотины въ прудъ, невзирая ни на какую погоду. Плаваетъ онъ, плаваетъ и, когда видитъ, что силы ему измѣняютъ, вылѣзетъ на плотину. Но тутъ его подхватываютъ и снова бросаютъ въ воду. Такъ повторяютъ по нѣскольку разъ до тѣхъ поръ, пока наказуемый, выбившись изъ силъ, не погрузится съ головою въ воду. Ну тутъ его вытаскивали, откачивали и, приведя въ чувство, оставляли въ покоѣ, а иногда считали нужнымъ подогрѣть еще нѣсколькими ударами кнута.

— Случалось и такъ, — говорилъ разсказывавшій мнѣ

изложенное ветеранъ-рабочій,—что это водяное наказаніе повторяли надъ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ три-четыре дня сряду.

Одинъ изъ Потаповыхъ своими звѣрствами довелъ рабочихъ до «бунта» и принужденъ былъ скрыться. Неизвѣстно, что именно побудило его: боязнь ли отвѣтственности или чувство оскорбленнаго самолюбія,—какъ, молъ, такъ мнѣ, именитому купцу, пришлось бѣжать отъ толпы этихъ бродягъ, этихъ Ивановъ, не помнящихъ родства,—но народная молва утверждаетъ, что онъ отравился. Однако плохо пришлось и «бунтовщикамъ»: ихъ такъ усмирили и поучили, что они окончательно были порабощены.

Ближайшему потомку этого Потапова тоже не посчастливилось въ выполненіи программы своего предка: онъ попалъ подъ судъ, который обошелся съ нимъ, вопреки ожиданіямъ всѣхъ, далеко не милостиво.

Однако и послѣ того долго еще держался средневѣковый режимъ на потаповскихъ заводахъ. Дикій произволъ, жестокость и алчность тѣхъ знаменитыхъ уральскихъ богачей-заводчиковъ, которые выскочили въ милліонеры изъ разныхъ цѣловальниковъ въ родѣ владѣльца Кыштымскихъ заводовъ—Расторгуева, сибирскихъ ямщиковъ подобно владѣльцу Сысертскихъ заводовъ—Турчанинову и бродягъ, осѣвшихъ на богатыхъ башкирскихъ земляхъ,—эти великолѣпныя качества всосались въ плоть и кровь потомковъ такихъ проходимцевъ, царившихъ на Уралѣ. И только въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи ихъ, подъ вліяніемъ времени, просвѣщенія и административныхъ мѣръ, значительно стушевалось ужасное наслѣдіе предковъ.

А пока оно стушевывалось, заводскій людъ стоналъ и терпѣлъ. Стоналъ онъ до 1868 года, будучи крѣпостнымъ, стоналъ и послѣ, именуясь свободнымъ...

Старообрядцамъ на потаповскихъ заводахъ жилось лучше, чѣмъ православнымъ: они пользовались и раз-

ными льготами и благоволѣніемъ хозяевъ и приказчиковъ, бывшихъ старообрядцами самаго крѣпкаго закала. Однако это не мѣшало Потаповымъ выжимать изъ послѣдователей древляго благочестія все, что только можно было выжать работою.

Въ потаповскихъ лѣсахъ было много тайныхъ скитовъ, уничтоженныхъ въ болѣе позднее время мѣстными властями. Но и теперь въ лѣсныхъ дебряхъ имѣются отдѣльныя келліи, гдѣ проживаютъ старики и старицы изъ старообрядцевъ.

Келліи устраивались съ разрѣшенія заводскаго начальства, которое не запрещало рубить лѣсъ на устройство келлій и жить въ нихъ.

Къ такимъ келліямъ съ теченіемъ времени пристраивались новыя, и въ концѣ-концовъ образовывался болѣе или менѣе обширный скитъ.

Стѣны келлій внутри уставлены иконами, а передъ послѣдними—паникадило.

Скитники живутъ добровольнымъ подаяніемъ; живутъ не терпя нужды.

Потаповскіе старообрядцы—безпоповцы. Они называютъ себя христіанами древляго благочестія или исповѣдующими греко-россійскую церковь.

Хотя съ никоніанами въ работахъ и торговыхъ дѣлахъ они находятся въ постоянномъ общеніи, но съ «нечистыми, щепотниками, табашниками и скобленными рылами» хлѣба, соли и интимныхъ бесѣдъ не водятъ,—крѣпко и упорно держатся своихъ толкованій и старинки.

Въ качествѣ обывателей и рабочихъ въ потаповскихъ заводахъ не мало поселилось и размножилось и послѣдователей разныхъ сектъ. Въ числѣ послѣднихъ есть такія, о существованіи которыхъ рѣдко кто слышалъ.

Вообще на Уралѣ есть много такого, что читателю или извѣстно въ слишкомъ смутныхъ очертаніяхъ или совсѣмъ невѣдомо.

IV.

По мѣрѣ приближенія къ Сливянскому заводу характеръ мѣстности становился снова все болѣе гористымъ. Далеко раскинулись зеленыя, почти сплошь покрытыя хвойнымъ и березовымъ лѣсомъ, горы, то въ видѣ коническихъ шапокъ, то въ видѣ огромныхъ сѣделъ. Цѣпь ихъ терялась въ туманномъ фонѣ горизонта. За этой цѣпью, почти параллельно ей, виднѣлся высокій горный кряжъ, съ отдѣльными выступающими грядами и сопками.

Между горъ блестѣли озера, соединенныя между собою естественными и искусственными широкими протоками, и чернѣли угрюмыя, тѣнистыя ущелья.

По бокамъ дороги и по ней ярко блестѣли бѣлые куски кварца, со вкрапленными въ немъ частицами слюды. Между кварцемъ виднѣлись сѣро-зеленые зміевики, бурый желѣзнякъ, осколки мѣдной зелени и сини.

Мѣстами попадались огромные заброшенные разрѣзы бѣлаго известняка, красной глины и слегка сѣроватаго мрамора.

Дорога шла то лѣсомъ, то по плотинѣ черезъ болото, то между высокихъ нависшихъ гранитныхъ скалъ.

Все чаще и чаще виднѣлись въ лѣсу огромные штабели дровъ. Но вотъ лѣсъ внезапно окончился, и я увидѣлъ заводъ, растянувшійся подъ горами версты на три.

Сѣрыя, изветшалыя избы, между которыми высились двѣ бѣлыя каменныя церкви да фабричныя трубы, выглядѣли угрюмо, непривѣтливо.

Съ гикомъ и свистомъ, напутствуемый лаемъ собакъ, мчалъ меня мой возница по улицамъ, среди которыхъ валялись кучи навоза и мусора.

Но вотъ коробокъ круто повернулъ въ кривой и горбатый переулокъ и, проѣхавъ нѣсколько шаговъ, остановился у двухъэтажнаго, тщательно выбѣленнаго

каменнаго дома съ неуклюжими колоннами, возлѣ подъѣзда.

Это была принадлежащая заводовладѣльцамъ квартира для пріѣзжающихъ, или какъ ее называютъ мѣстные жители—пріѣзжій домъ, гдѣ прибывающимъ по заводскимъ дѣламъ предоставлено право безплатнаго пользованія комнатами.

Едва ямщикъ осадилъ лошадь у крыльца, какъ изъ дверей выскочилъ худой, длинный, какъ шестъ, старикъ и, отчаянно жестикулируя, закричалъ:

— Мѣста нѣтъ! Нѣтъ мѣста! Самъ управляющій здѣсь!

И съ этими словами онъ такъ же быстро скрылся, какъ и появился.

— Куда же теперь?—спросилъ ямщикъ.—На земскую съѣзжую алы на хватеру? Тутъ у одного хватера для пріѣзжихъ есть.

— Ну, туда и вези,—отвѣчалъ я.

Квартира оказалась въ крохотномъ домишкѣ. Но мнѣ было рѣшительно все равно, гдѣ бы ни остановиться,—лишь бы почувствовать, что спинка коробка не бьетъ уже по затылку, а ноги не корчитъ судорога отъ непривычнаго положенія.

Расплатившись съ ямщикомъ, я умылся, пріодѣлся и сейчасъ же направился въ заводскую контору. Здѣсь я хотѣлъ узнать, въ какой часъ удобнѣе явиться къ управляющему заводами, къ которому мнѣ необходимо было обратиться за объясненіями по дѣлу, составляющему цѣль моей поѣздки въ Потаповскій заводъ.

Войдя въ большое выштукатуренное зданіе конторы, я увидѣлъ обширную комнату, въ которую выходило нѣсколько дверей.

То изъ одной, то изъ другой двери выбѣгали какіе-то разныхъ возрастовъ люди, повидимому служащіе. Съ блѣдными, искаженными тревогою и страхомъ лицами они метались изъ комнаты въ комнату.

Снявши пальто, которое умостилъ на длинной вѣшалкѣ, сплошь унизанной верхней одеждою, я съ недоумѣніемъ поглядывалъ на мчавшихся мимо меня.

Одного изъ нихъ—толстяка съ рыжими волосами—я попробовалъ остановить и отрекомендоваться. Но едва произнесъ свою фамилію, какъ чѣмъ-то встревоженный рыжій господинъ вскричалъ: «Очень, очень пріятно-съ!»—и моментально бросился къ двери. Въ это же время изъ послѣдней выскочилъ какой-то длинноногій и тощій, съ всклокоченной черной шевелюрою, мужчина въ сюртукѣ, съ кипою бумагъ въ рукѣ. Рыжій налетѣлъ на черннаго. Бумаги полетѣли во всѣ стороны.

— Чортъ!—зашипѣлъ черный и, ворча себѣ подъ носъ, сталъ подбирать бумаги.

Поспѣшивъ воспользоваться случаемъ, я подошелъ къ черному господину, у котораго волоса, еще болѣе разлохматились и торчали копною, и назвалъ свою фамилію.

— Пудовкинъ, правитель канцеляріи,—произнесъ черный, протягивая свою худую руку.—Вамъ что требуется?

— Очень пріятно познакомиться,—заговорилъ онъ, выслушавъ мои объясненія.—А что до явки «самому», то сейчасъ узнаю. Онъ здѣсь. Я къ нему шелъ, да бухгалтеръ, чтобъ онъ лопнулъ, бумаги вышибъ: какъ ошпаренная собака мечется. Ишь все перепуталъ!

Пудовкинъ долго разбиралъ и разглаживалъ бумаги, бормоча себѣ подъ носъ:

— Ходячее сальдо, рыжій контокоррентъ, двойной итальянскій бандитъ! Чортъ!

Кончивъ свои манипуляціи съ бумагами, Пудовкинъ тщательно провелъ гребенкою по волосамъ, обдернулъ сюртукъ, откашлялся и съ какой-то отчаянной рѣшимостью ринулся въ дверь. Черезъ минуту онъ появился и торжественно провозгласилъ:

— Пожалуйте!

Вслѣдъ за правителемъ дѣлъ я прошелъ комнату, заполненную столами, вокругъ которыхъ, вплотную одинъ къ другому, сидѣло десятка два служащихъ, усердно хлопавшихъ на счетахъ. Въ комнатѣ было сильно накурено. Пахло махоркою, юфтой и пóтомъ.

Правитель галантно распахнулъ дверь и пропустилъ меня впередъ, шепнувъ:

— Вотъ самъ сидитъ.

За большимъ письменнымъ столомъ, лицомъ къ двери, сидѣлъ плотный мужчина въ черномъ сюртукѣ. На видъ ему было лѣтъ за пятьдесятъ. Въ величавой осанкѣ и мощной фигурѣ его было что-то оригинальное.

На столѣ кучами лежали бумаги.

— Ваше дѣло,— замѣтилъ управляющій, довольно терпѣливо выслушавъ меня,—потребуетъ много времени. Къ тому же я уѣзжаю сегодня въ Потаповскій заводъ. Когда будетъ необходимо, попрошу васъ туда же направиться. А пока побесѣдуйте по интересующему васъ вопросу съ лѣсничимъ. Вамъ укажутъ его кабинетъ.

И слегка кивнувъ головою, управляющій подвинулъ къ себѣ бумаги.

Я раскланялся и вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ попрежнему съ необыкновеннымъ усердіемъ щелкали на счетахъ.

За конторкою виднѣлась рыжая голова бухгалтера, а рядомъ съ конторкою, спиною къ дверямъ, стоялъ Пудовкинъ. Я подошелъ къ нимъ.

Правитель дѣлъ о чемъ-то горячо спорилъ и, повидимому, въ доказательство своей правоты показывалъ какую-то бумагу, перечеркнутую съ угла на уголъ краснымъ карандашомъ.

Сидѣвшіе рядомъ конторщики, оставивъ свое хлопанье на счетахъ, навострили уши.

— Вы что заротозѣяли?—вдругъ зашипѣлъ на нихъ

бухгалтеръ.—Сей минутъ за работу, да хлопать погромче! Знаете вѣдь, что тамъ «самъ» сидитъ!

Снова защелкали счеты и заскрипѣли перья. Бухгалтеръ, черкнувшій что-то въ памятной книжкѣ, вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Гдѣ я могу увидѣть лѣсничаго?—спросилъ я у Пудовкина.

— Я провожу васъ къ нему,—произнесъ тотъ.

Путеводимый имъ, я прошелъ двѣ комнаты, съ низкими потолками и маленькими окнами. Комнаты эти были биткомъ-набиты служащими, которые тѣснились за столами. Воздухъ былъ спертый и затхлый.

Вступивъ въ третью комнату, я увидѣлъ за столомъ въ облакахъ табачнаго дыма плотную и высокую фигуру блондина среднихъ лѣтъ.

Послѣ обоюдныхъ представленій я изложилъ цѣль своего посѣщенія.

— Знаете ли что,—сказалъ лѣсничій Бѣлышевъ,—не будете ли добры побывать у меня сегодня вечеромъ, часовъ въ десять. Тамъ на свободѣ поговоримъ. А теперь право некогда. Видите, какую массу бумагъ навалили. Извините.

Ничего не оставалось мнѣ другого, какъ раскланяться и отправиться на квартиру.

Ровно въ десять часовъ я былъ у дома Бѣлышева.

Звонка у двери не было. Сначала я забарабанилъ по двери слегка рукою, но, повторивъ безуспѣшно этотъ опытъ нѣсколько разъ все съ большей силою, я пустилъ въ ходъ и ноги. Наконецъ, послышались шаги и дверь полуоткрылась. Но въ тотъ же моментъ за дверью кто-то отчаянно взвизгнулъ и бросился опрометью въ комнату.

— Простите,—послышался черезъ минуту женскій голосъ,—я сейчасъ. Прошу войти.

Я вошелъ.

Убранство комнатъ во всѣхъ мелочахъ носило ха-

рактеръ дешевой роскоши и отличалось полнымъ безвкусіемъ. Мебель и каждая вещица бросались въ глаза или яркостью красокъ и мишурнымъ блескомъ или вычурностью формъ.

Прошло добрыхъ четверть часа, прежде чѣмъ изъ-за порыжѣлой портьеры показалась хозяйка дома.

Это была полная, съ лицомъ покрытымъ красными пятнами, женщина лѣтъ за сорокъ. Пестрое съ большими разноцвѣтными разводами платье туго охватывало ея неуклюжую фигуру.

— Вы къ мужу?—забарабанила она, едва я успѣлъ представиться.—Онъ сейчасъ придетъ. Палашка, моя кухарка, говоритъ, что управляющему уже поданы лошади.

— Вы изъ Петербурга? Да? Впрочемъ я съ перваго взгляда была убѣждена въ этомъ. У питерцевъ, знаете... какъ бы выразиться... Sans façon, то-есть, такъ-сказать, особенный фасонъ.

При такомъ вольномъ переводѣ мнѣ едва удалось скрыть улыбку, и я смущенно пробормоталъ:

— Да, да.

— Вы не повѣрите, какъ я люблю питерцевъ и столицу!—патетически воскликнула хозяйка.

— Вы, вѣроятно, уроженка Петербурга? — полюбопытствовалъ я.

— О нѣтъ! Далѣе нашей губерніи я никуда не выѣзжала. Но Петербургъ для меня это нѣчто въ родѣ Эдема! Тамъ такая чудная опера и великолѣпное филармоническое общество...

— У васъ большая семья? — спросилъ я, чтобы что-нибудь сказать.

— Представьте себѣ, пять дочерей!—жеманно воскликнула мадамъ Бѣлышева. — Мнѣ еще нѣтъ тридцати лѣтъ, и вдругъ пять дочерей,—не правда ли удивительно!

— Да,—протянулъ я и почему-то сконфузился, взглянувъ на лицо и фигуру своей собесѣдницы.

— Олечка! — громкимъ, хриповатымъ голосомъ закричала Бѣлышева.—Иди сюда.

Изъ-за портьеры выскочила дѣвочка, которой по росту и развитію фигуры можно было дать не менѣе пятнадцати лѣтъ.

Однако на ней было коротенькое выше колѣнъ платье, изъ - подъ котораго рѣзко бросались въ глаза длинныя мясистыя ноги. Это обстоятельство повидимому стѣсняло дѣвицу: она какъ - то ежилась и пригиналась, держа въ рукѣ какую - то истрепанную засаленную книгу.

— Моя старшая дочь,—отрекомендовала хозяйка.— Ей всего двѣнадцатый годъ, но взгляните, какой ростъ! Просто удивительно!

Не мало стоило мнѣ труда удержаться, чтобы не фыркнуть, а дѣвица совсѣмъ сконфузилась, съежилась и, сдѣлавъ неловкій реверансъ, стояла, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ты опять за чтеніе!—вдругъ вскричала молодящаяся мамаша, обращаясь къ дочери.—Все читаетъ и читаетъ, просто поразительно! Не понимаю, что интереснаго въ томъ. Теперь пишутъ такъ скучно, описываютъ такія обыденныя вещи, что положительно не стоитъ читать. И я, увѣряю васъ, ничего не читаю. Мужъ тоже не читаетъ,—его, видите, никогда дома нѣтъ: такая ужъ у него служба!

При этомъ мадамъ Питерская метнула въ мою сторону кокетливый взглядъ.

— Мы даже и газетъ не получаемъ,—продолжала она:—въ нихъ вѣдь та же скука и та же повседневная проза! У насъ организовалось дамское музыкальное общество. На членовъ его налагается обязанность свободное время не терять на чтеніе, но употреблять его на совершенствованіе въ музыкѣ и пѣніи. Мы даемъ

музыкально-вокальные вечера въ клубѣ и частныхъ домахъ. Я состою предсѣдательницей этого кружка. Вѣдь надо же приносить посильную помощь обществу. Это обязанность каждаго интеллигентнаго человѣка.

— Вы навѣрное поете?—продолжала она.

— Нѣтъ, не пою.

— Ну, въ такомъ случаѣ играете на чемъ-либо?

— И не играю.

— Не можетъ быть! Вы скромничаете. Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ! Вы скромничаете; быть не можетъ, чтобы вы не пѣли и не играли. Эти искусства—это высшее наслажденіе души, высшая поэзія!

И поклонница Евтерпы забарабанила со скоростью и неутомимостью граммофона, пущеннаго полнымъ ходомъ.

Въ это время послышался стукъ въ дверяхъ и затѣмъ шаги. Въ комнату ввалилась цѣлая компанія, во главѣ съ хозяиномъ дома.

— А, вы уже здѣсь!—заговорилъ онъ.—Простите, что задержалъ. Позвольте представить моихъ сослуживцевъ.

Послѣдовалъ цѣлый рядъ рукопожатій.

— Прошу подкрѣпиться,—послышался голосъ хозяйки.

Перешли въ смежную комнату, гдѣ на столѣ, уставленномъ бутылками и соленой закускою, кипѣлъ самоваръ.

Сначала разговоръ не клеился. Говорили о погодѣ, о ранней веснѣ, которая вѣроятно хорошо повліяетъ на урожай, о только-что миновавшей ревизіи управляющимъ конторскихъ дѣлъ. Но послѣ пятой-шестой рюмки всѣ какъ-то оживились.

— Вы изъ какихъ мѣстъ прибыли?—обратился ко мнѣ сидѣвшій рядомъ толстенькій и коротенькій человѣчекъ невзрачной наружности, главный механикъ заводовъ, Литейщиковъ.

— Изъ Петербурга,—отвѣчалъ я.

— А,—протянулъ Литейщиковъ.—Ну послѣ петербургскаго здѣшній климатъ не покажется вамъ особенно суровымъ.

— Вы вѣдь служить сюда пріѣхали?

— Нѣтъ.

— Гм... А я былъ увѣренъ, что вы къ намъ служить пріѣхали.

— Почему же?

— Да ужъ такія времена пошли теперь! Однимъ словомъ великое переселеніе народовъ изъ земли питерской въ землю потаповскую!

— Удивительно странныя вещи завелись у насъ нонѣ!—продолжалъ онъ, хлебнувъ изъ блюдца чаю.—Жили (мы, то-есть здѣшніе уроженцы, много лѣтъ сами, особнячкомъ отъ Питера. И не было намъ никакой нужды до этого Питера. И Питеру, то-есть владѣльцамъ заводовъ, не было дѣла до насъ. Имъ нуженъ былъ лишь доходецъ, а до насъ никакого дѣла! Положительно никакого дѣла! И управляющіе, и управители, и строители—всѣ были изъ здѣшнихъ, заводскихъ. Ни въ какихъ Питерахъ не учились, а все здѣсь—въ заводѣ или въ городѣ—въ училищѣ грамоту постигали. Ну, а постигнувши, къ дѣлу пріучались. Съ малыхъ должностей, съ переписчиковъ, слесарей, засыпокъ да подсыпокъ [1]) въ начальническія должности выходили и дѣло вели себѣ и хозяевамъ на утѣшеніе.

И доходецъ хозяевамъ-то былъ. А теперь пошли новшества: изъ Питера да изъ Москвы людей приглашаютъ и жалованье даютъ имъ вчетверо противъ нашего. А тѣ, кто пріѣзжаютъ, кричатъ, что все, дескать, у васъ устарѣло, отжило свой вѣкъ. Что у васъ, дескать, и производительность мала, и способы выработки не

---

[1]) Засыпки и подсыпки—рабочіе на доменной печи, засыпающіе въ нее уголь и руду.

экономичны, и топливо зря жжете, небо имъ грѣете, и всякая-всячина у васъ путнаго слова не стоитъ. И все-то эти питерцы, инженеры да мастера, ломаютъ да передѣлываютъ. Денегъ тьму всаживаютъ, а дохода-то прежняго, что при насъ было, нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Но вѣдь техника идетъ впередъ,—запротестовалъ Бѣлышевъ.—Измѣнились также требованія рынка и условія торговли. Вѣдь все это естественно требуетъ и нововведеній и измѣненій.

— Позвольте не согласиться съ вами,—загорячился Литейщиковъ.—Это невѣрно, невѣрно-съ! Я, видите ли, какъ вамъ извѣстно, состою заводскимъ механикомъ. Въ институтахъ не учился, но всю ту механику на практикѣ прошелъ. И чугунъ, и желѣзо при нашихъ устройствахъ получались такіе, что покупатели только пальчики облизывали. Кланяются бывало, Христомъ-Богомъ молятъ продать.

Торговали мы сплавомъ,—весною караванъ барокъ штукъ сорокъ сплавляли на Волгу. Такъ вотъ зимою-то покупатели намъ пишутъ мольбы слезныя: продайте, дескать, милые люди, столько-то тысячъ пудовъ желѣза. И ужъ такъ-то, бывало, упрашиваютъ да ублажаютъ. Ну, весною караванный и начнетъ расписывать товаръ: такой-то проситъ двадцать тысячъ пудовъ,—продать ему пять тысячъ, а больше никакъ невозможно: потому на всѣхъ полникомъ нехватитъ.

И вотъ такъ и расписывали караванъ: кому половину, кому четверть того, что просили продать. Покупатели не сердятся и за то, что дали имъ, благодарятъ-съ, да еще какъ-съ благодарятъ. Такъ-то было-съ!

— А теперь иныя времена, иныя условія,—замѣтилъ Бѣлышевъ.—Поэтому...

— Да-съ, совсѣмъ иныя-съ времена!—перебилъ Литейщиковъ,—желѣзныхъ дорогъ здѣсь понастроили, точно безъ нихъ жить нельзя было! Жили же сколько десятковъ лѣтъ, и получше нынѣшняго жили, безъ

этихъ дорогъ! Для путешествiя эти дороги конечно хороши, но для нашей торговли одинъ вредъ. Покупатель теперь не хочетъ брать съ каравана большими партiями, а норовитъ онъ требовать по малымъ частямъ съ отправкою по желѣзной дорогѣ... «Переплачу—говоритъ—нѣсколько копеекъ на пудъ, а все же эта переплата будетъ не въ примѣръ здоровѣе на мой желудокъ, чѣмъ вашъ караванъ: капиталъ не затрачивается и риску поменьше. А то купишь у васъ по цѣнѣ Нижегородской ярмарки, а черезъ мѣсяцъ глядишь—что ни недѣля, то цѣна все ниже да ниже, а убытка все больше да больше». Теперь вотъ каравана прежняго и въ поминѣ нѣтъ. Когда штукъ десять барокъ сплавятъ, а иной годъ и ни одной.

И развела конкуренцiю безшабашную эта желѣзная дорога. Тѣ заводы уральскiе, что по желѣзной дорогѣ поближе къ Россiи сидятъ, стараются гласными и негласными сбавками цѣнъ подрѣзать другiе заводы, покупателя отбить. Ну, къ тому же сказать должно, что понастроили и на югѣ этомъ анаѳемскомъ желѣзныхъ дорогъ, что паутины наплели, а на ней заводовъ столько, что отъ одного плюнь—въ другой попадешь. Цѣну сбили они на желѣзо чуть не вдвое.

— По всѣмъ этимъ причинамъ,—сказалъ Бѣлышевъ,—и нужно здѣшнимъ заводамъ вооружиться тѣми усовершенствованiями, которыми владѣетъ югъ, улучшить и вмѣстѣ съ тѣмъ удешевить товаръ, чтобы успѣшно конкурировать. Вѣдь теперь уже не секретъ, что южное сортовое желѣзо цѣною дешевле уральскаго, а качествомъ не только не хуже, но и получше того, которое многими здѣшними заводами вырабатывается.

— Вы, можетъ-быть, скажете,—ядовито улыбнувшись спросилъ Литейщиковъ,—что и листовое южное лучше нашего?

— Этого сказать не могу: южное нѣсколько хуже, но цѣною значительно дешевле. Съ этимъ однако при-

ходится считаться. Къ тому же не нужно забывать, что производство листового желѣза на югѣ еще въ младенчествѣ и что при надлежащемъ уходѣ за этимъ младенцемъ нужно разсчитывать на его быстрый и могучій ростъ.

— Этому-съ никогда не бывать! Сейчасъ видно, что вы не знаете нашего желѣза. Наше желѣзо славится магнитными окислами на поверхности его, предохраняющими отъ ржавчины. На коксѣ и на фосфористой рудѣ югу этого не добиться. У насъ при обработкѣ на древесномъ углѣ сѣра и фосфоръ великолѣпно устраняются. Принимая во вниманіе также пробивку подъ паровымъ молотомъ желѣза, которой на югѣ нѣтъ...

— И что вы заладили,—перебила хозяйка,—съ желѣзомъ своимъ! Удивительно интересно слушать!

— Вы вѣдь не женаты?—обратилась она ко мнѣ.

— Да, холостъ.

— Ну, значитъ, наши дѣвицы обрадуются. У насъ очень мало молодыхъ людей: все народъ женатый. И повеселиться бѣдняжкамъ не съ кѣмъ! Вы, конечно, танцуете?

— Да, есть грѣхъ.

— Вотъ и великолѣпно! Танцоровъ у насъ маловато. Хотя теперь, знаете ли, у насъ живетъ балетчица. Выписали ее вскладчину изъ города, изъ балета. Она теперь обучаетъ въ нашемъ клубѣ танцамъ. И сколько охотниковъ и охотницъ до танцевъ нашлось—страсть! Ужъ на что регистраторъ, Ермилъ Прокофьевичъ, и старенькій онъ и ревматизмомъ сколько ужъ лѣтъ страдаетъ,—а вотъ поглядите, какъ усердно каждый день выдѣлываетъ па-де-катры и прочіе новомодные ваши танцы.

— Не поговоримъ ли о вашемъ дѣлѣ завтра?—обратился ко мнѣ Бѣлышевъ.—Сегодня у насъ въ нѣкоторомъ родѣ праздникъ. Ревизія...

— Завтра просимъ къ намъ обѣдать!—перебила хо-

зяйка.—Да ну, полно отговариваться, церемониться! У насъ кстати будутъ пироги. Наша стряпка замѣчательная искусница по части пироговъ.

Въ это время съ улицы донесся гулъ голосовъ, безсвязная пьяная пѣсня и пиликанье гармоники.

— Это наши контористы загуляли на радостяхъ по случаю отъѣзда управляющаго,—пробасилъ сидѣвшій противъ меня очень высокій, худой среднихъ лѣтъ мужчина.

— Выпьемъ и мы,—продолжалъ онъ, наливая вина себѣ и своимъ сосѣдямъ.

Началось опять чоканье и тосты, вперемежку съ низкопробными остротами и анекдотами изъ мѣстной жизни.

Я нѣсколько разъ порывался уйти, но меня съ настойчивостью и краснорѣчіемъ, достойными лучшаго примѣненія, удерживали и не давали возможности встать изъ-за стола.

Наконецъ, когда уже яркіе солнечные лучи ворвались сквозь облака дыма въ нашу комнату, мнѣ удалось встать и раскланяться.

— Поѣзжай домой!—сказалъ я извозчику, усаживаясь въ коробокъ.

На улицахъ замѣтно было праздничное оживленіе. Туда и сюда бродили по ней большими компаніями мастеровые, въ пиджакахъ, цвѣтныхъ рубахахъ, пестрыхъ брюкахъ на выпускъ и въ широкихъ плисовыхъ шароварахъ, свѣшивающихся надъ мельчайшими складками длинныхъ сапогъ съ высокими каблуками.

На скамейкахъ у воротъ, несмотря на то, что было только около семи часовъ, уже сидѣли разряженныя «по-модному» молодки, въ узкихъ кофтахъ, юбкахъ съ множествомъ сборокъ, въ яркаго цвѣта платкахъ. Встрѣчались и «модныя» шляпы, обильно украшенныя цѣлой кучею красныхъ, желтыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ.

Возлѣ молодокъ увивалась молодежь—мастеровые и заводскіе служащіе.

Послѣдніе особенно выглядѣли франтами, на нихъ были городскіе костюмы, яркіе галстуки, преимущественно красные, и всякихъ фасоновъ шляпы и фуражки.

Когда мой извозчикъ поровнялся съ толпой подгулявшихъ мастеровыхъ, горланившихъ пѣсни подъ звуки хрипѣвшей гармоніи, толпа вдругъ на мгновеніе примолкла, но потомъ изъ нея раздался такой дикій визгъ, крикъ и свистъ, что лошадь шарахнулась въ сторону и экипажъ едва не опрокинулся.

Взрывъ хохота и усилившійся свистъ озорниковъ заглушилъ проклятія извозчика, едва сдержавшаго лошадь.

Экипажъ покатилъ далѣе. Кто-то изъ оставшейся позади толпы запѣлъ осипшимъ надтреснутымъ голосомъ:

Гармошки-матушки
Лучше хлѣба-батюшки.
Тятька по міру пойдетъ,
Мнѣ гармошку заведетъ;
Тятька мерина продастъ,
На гармошку денегъ дастъ.

Вслѣдъ за тѣмъ высокій теноръ зачастилъ подъ мотивъ плясовой, которую бойко выводила гармонія:

Всѣ тропиночки запали,
Всѣ бураномъ занесло.
Всѣ миляночки пропали—
Лихорадкой затрясло!

Другой голосъ подъ тотъ же мотивъ подхватилъ:

Раскурилась папироса—
Вахрамѣевскій табакъ.
Покатилася бутылка
Къ цѣловальнику въ кабакъ.

Раскурилась папироса.
Разлюбезный тотъ табакъ.
Мой-то милой шибко пьяный,
Да ешшо ушелъ въ кабакъ!

V.

Дѣла сложились такъ, что мнѣ предстояло прожить въ заводѣ не двѣ недѣли, какъ я предполагалъ, а нѣсколько мѣсяцевъ.

Хозяинъ дома, гдѣ я имѣлъ квартиру, Иванъ Артемьевичъ, бобыль, лѣтъ за пятьдесятъ, кержачилъ,—держался «древляго благочестія».

Нельзя сказать, чтобы онъ очень строго соблюдалъ все то, что требуется отъ истиннаго чтителя «глаголемыхъ старыхъ обрядовъ», но во всякомъ случаѣ далеко не «обмірщился» и въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, какъ и въ старинныхъ обычаяхъ, казалось, былъ довольно крѣпокъ.

Меня даже не мало удивляло, какъ онъ согласился держать въ своемъ домѣ «никоніанина».

Причиною такого попущенія, какъ мнѣ казалось, была его бѣдность, рѣзко во всемъ его домашнемъ обиходѣ бросавшаяся въ глаза.

Ежедневно по утрамъ онъ подавалъ мнѣ самоваръ и тутъ мы частенько бесѣдовали на разныя темы.

Чаю онъ не пилъ.

Зная, что запретъ на чай толкуется старообрядцами по-разному, я спросилъ почему, собственно, не полагается употреблять этотъ напитокъ.

— У насъ говорятъ,—былъ отвѣтъ:—что кто пьетъ чай, отчаивается отъ Бога, кто пьетъ *кофъ*, налагаетъ на Христа ковъ.

— Почему же такъ?

— Чай — иноземное зелье, трава идоложертвенная.

Вы покупаете чай и много даете денегъ китайцамъ, а тѣ изъ вашихъ денегъ своему идолу—змѣю—жертву приносятъ. Такъ и выходитъ, что трава эта идоложертвенная, а идоложертвенное уставомъ воспрещается потреблять.

— А если къ словамъ «чаи китайскіе» подставить числа,—добавилъ онъ къ своимъ аргументамъ,—то получишь число шестьсотъ шестьдесятъ шесть, которымъ знаменуется въ Апокалипсисѣ скверное имя антихриста: «Иже имать умъ, да почтетъ число звѣрино: число бо человѣческое есть, и число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть».

Грѣховность потребленія табаку и хмеля мой хозяинъ доказывалъ тѣмъ, что въ какомъ-то писаніи скитскаго старца сказано, что эти два зелья выросли на могилѣ блудницы—хмель изъ головы, а табакъ изъ чрева.

Отъ Ивана Артемьевича я узналъ, что безпоповцы, проживающіе на потаповскихъ заводахъ, до сихъ поръ избѣгаютъ обращаться къ православному доктору.

— Есть,—говорятъ они,—въ Патерикѣ скитскомъ повѣсть объ оскверненіи лѣкаремъ-иновѣрцемъ. Сказано въ ней, что однажды, когда блаженный Агапитъ, безвозмездный врачъ, заболѣлъ, пришелъ къ нему лѣкарь, армянинъ родомъ и армянской вѣры. Желая опредѣлить болѣзнь блаженнаго и тѣмъ похвастать своими познаніями, лѣкарь взялъ его за руку. Блаженный спросилъ его: «Кто ты и какой вѣры?»

«Развѣ не слышалъ обо мнѣ, — молвилъ лѣкарь,— что я армянинъ?»

«Какъ же ты смѣлъ, — сказалъ блаженный: — войти въ келлію мою, осквернить ее и держать мою грѣшную руку? Изыди отъ меня, невѣрный и нечестивый!»

И осрамленный-де лѣкарь ушелъ изъ келліи.

Многіе изъ старообрядцевъ, по словамъ моего хозяина, не ходятъ въ баню, видя въ томъ грѣхъ, такъ какъ въ поученіи игумна Александра сказано: «Отцы наши и

лица свои рѣдко умывали, мы же баню и покоя требуемъ. Горе мнѣ, чада, какъ мы погубили житье ангельское!»

— Это у васъ свѣтскія книги?—однажды спросилъ меня Иванъ Артемьевичъ.

— Да. Такихъ не читаете?

— Теперь нѣтъ, не читаю. Но я читывалъ и свѣтскія книги. Давалъ мнѣ одинъ купецъ. «На,—говоритъ,—почитай, что про васъ пишутъ». И понялъ я изъ этой книги, что писалъ ее, должно-быть, какой-нибудь отощалый или начинающій писака. Сидѣлъ онъ, должно-быть, въ какой-либо деревушкѣ, гдѣ древляго благочестія люди есть. Слышалъ онъ, что нѣкіе мужи объ нарицаемыхъ раскольниками сочиненія писали и славу черезъ то получили. Ну, давай и онъ къ старообрядцамъ прислушиваться, слѣдить за ними, да у нихъ и объ нихъ выпытывать.

Нахваталъ онъ того-сего и все то записалъ безъ всякаго смысла и разумѣнія. Гдѣ не договорилъ, гдѣ совсѣмъ умолчалъ, а гдѣ и отъ себя разныхъ разсужденій и разнаго тумана прибавилъ. И нѣтъ въ той книгѣ ни ума, ни наблюдательности, ни правды, ни мысли здравой,—такъ каша какая-то! А славу писатель тотъ все же получилъ, потому что книжка та, какъ я слышалъ, ходовая, многими читается.

Другую книжку почиталъ, — у разносчика купилъ ее,—тамъ на смѣхъ поднимаютъ старообрядцевъ. Какихъ только басенъ не написано тамъ! Между прочимъ разсказано въ ней, какъ проѣзжавшій мимо великороссійской церкви раскольничій попъ спрашивалъ прохожаго русскаго человѣка: «Скажи, человѣче, что это за домъ?» По-моему, такой дикости никакой попъ спросить не могъ бы.

Третью взялъ—стихи оказались. Тамъ все про любовь, про перси, ланиты и бедра распѣвалось и тутъ

же ни къ селу ни къ городу старца изъ старообрядческаго скита приплели.

Далъ я себѣ тогда зарокъ никакихъ свѣтскихъ книгъ не читать и поднесь не читаю.

Записывая толкованія Ивана Артемьевича, я подумалъ, не уподобляюсь ли тому «отощалому писакѣ», который, по словамъ моего собесѣдника, нахватавъ того-сего о старообрядцахъ, въ погонѣ за славою, не книгу написалъ, а такъ кашу какую-то. Но такъ какъ я вовсе не задаюсь цѣлью изслѣдованія старообрядческихъ обычаевъ и обрядностей, и тѣмъ менѣе гонюсь за какой-либо славой, а лишь наношу на бумагу все то, что вспоминается изъ моего пребыванія на Уралѣ, я не пропускаю и моихъ бесѣдъ съ Иваномъ Артемьевичемъ, которыя быть-можетъ кого-нибудь и заинтересуютъ.

Консерватизмъ потаповскихъ старообрядцевъ сохранилъ въ ихъ средѣ массу повѣрій, суевѣрій и предразсудковъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ и настолько глубоко вкоренившихся, что ни школы ни постоянная близость къ православнымъ понынѣ не могутъ поколебать ихъ корней. Въ этомъ наслѣдіи старины главнымъ образомъ сказывается неправильное пониманіе истиннагс ученія церкви и странныя приложенія текстовъ изъ священнаго писанія и исторіи церкви къ такимъ явленіямъ, къ которымъ, казалось бы, приложить ихъ совсѣмъ невозможно.

Старообрядецъ при встрѣчѣ не подаетъ руки. Не зная основанія этого обычая, вы, быть-можетъ, подумаете, что тутъ играетъ роль гигіена: вѣдь за границей додумались же до антигигіеничности рукопожатій и есть цѣлыя общества, держащіяся правила неподаванія руки. Но если вы поинтересуетесь узнать, почему старообрядцу не полагается подавать руку, то получите въ отвѣтъ текстъ изъ псалма Давида: «Простре руку свою на воздаяніе и оскверниша завѣтъ Его».

Если вы начнете доказывать, что въ данномъ случаѣ

никакъ не можете поставить себя на мѣсто Іуды Искаріота, то услышите и другое объясненіе, въ родѣ слѣдующаго:—Былъ, дескать, городъ Константинополь осажденъ турками. Увидѣвъ, что неминуемо приходится сдать городъ туркамъ, царь Константинъ взялъ ключи городскихъ воротъ и нѣсколько дней держалъ ключи у себя, колеблясь отдать ихъ туркамъ. Наконецъ, видя, что сдачи не миновать, приказалъ отворить ворота и отдалъ ключи изъ рукъ въ руки турецкому султану. Въ ознаменованіе этого преданія руками честно́го города на оскверненіе не положено съ тѣхъ поръ вѣрующему подавать одинъ другому руки.

Старообрядцы называютъ шлейфъ къ платьямъ сатанинскимъ хвостомъ; клубъ—сонмищемъ антихристовымъ.

Для объясненія преступности этихъ «новшествъ» немедленно приведутъ нѣсколько текстовъ изъ священнаго писанія.

И понынѣ считаютъ они привитіе оспы постановкою антихристовой печати.

Остригши ногти, потаповскіе старообрядцы обязательно собираютъ ихъ въ одно мѣсто и хранятъ, какъ зѣницу ока: на томъ-де свѣтѣ придется лѣзть на высокую-высокую гору, а безъ ногтей никакъ не влѣзть на нее.

Старообрядцы вѣрятъ, что убившему змѣю простится 40 грѣховъ, а проводившему 40 покойниковъ — три грѣха.

Много повѣрій и суевѣрныхъ предразсудковъ и у православнаго простолюдина. Много ихъ, какъ извѣстно, даже среди людей, которые считаются образованными и умственно развитыми: считаютъ же они понедѣльникъ нехорошимъ днемъ для отъѣзда въ дорогу, боятся поздороваться черезъ порогъ или перемѣнить при сдачѣ колоду картъ.

Но нигдѣ повѣрія и суевѣрія такъ крѣпко не держатся, какъ среди старообрядцевъ, считающихъ пре-

ступнымъ малѣйшее отступленіе отъ того, во что вѣрили и чего держались ихъ отцы и дѣды.

Ни у кого изъ христіанъ эти пережитки старины разными мудрствованіями и кривотолками не поставлены такъ незыблемо на фундаментъ религіи и церковныхъ правилъ.

Православный простолюдинъ съ дѣтства знакомится съ народными повѣрьями и суевѣрными понятіями. Его посвящаютъ въ эти тайны старшіе, но они въ правдивости своихъ словъ не приводятъ доказательствъ изъ священнаго писанія. У старообрядцевъ же на все есть эти доказательства: не вѣрить имъ—не имѣть вѣры въ святость книгъ, откуда черпаются эти доказательства.

Поэтому повѣрія и суевѣрія, какъ и старинные обычаи, у старообрядцевъ имѣютъ столь большое значеніе и прочность, которыхъ трудно встрѣтить въ средѣ прочаго христіанскаго населенія.

Какъ ни странно, но доказательства отъ священнаго писанія можно услышать даже относительно націонализаціи земли. Вотъ примѣръ такого доказательства:

Пророкъ Іезекіиль (гл. 47, стт. 21—23) именемъ Господнимъ приказалъ всю землю дѣлить поровну и по жребію. Въ книгѣ Левита (гл. 5, ст. 23) запрещено землю продавать навсегда, а только отдавать въ аренду на 6 лѣтъ. А въ книгѣ Царствъ сказано, что приказывающій пріобрѣтать землю и владѣть дареными землями не слушается Закона Божьяго и потому равняется волшебнику и служителю идола (гл. 15, ст. 23). «Горе вамъ,—говорилъ пророкъ Исаія (гл. 5, ст. 8),—прибавляющіе поле къ полю, домъ къ дому, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ-будто вы одни поселены на землѣ!»

«Спеціалисты» по аграрному вопросу навѣрное не подозрѣваютъ, что «эти зловредныя теоріи» имѣютъ доказательства отъ писанія...

Народная перепись 1897 года опредѣлила общее число

старообрядцевъ, уклоняющихся и сектантовъ въ Пермской губерніи безъ малаго въ двѣсти пятнадцать тысячъ, что составляетъ восемь съ четвертью процентовъ къ общему числу православныхъ въ губерніи.

Принимая во вниманіе, что уклоняющихся трудно точно зарегистровать, можно предположить, что опредѣленная переписью цифра значительно менѣе дѣйствительной.

Солидную цифру, двѣсти пятнадцать тысячъ, составляютъ не указавшіе толка и секты—сто семнадцать съ половиною тысячъ, безпоповцы—пятьдесятъ четыре съ половиной тысячи, поповцы—сорокъ тысячъ и сектанты—три тысячи [1]).

Секты есть разныя—и раціоналистическія и мистическія.

И въ числѣ ихъ имѣются нѣсколько малоизвѣстныхъ читающей публикѣ. Обиліе оригинальныхъ обычаевъ и повѣрій этихъ сектантовъ тщетно ждетъ своего популяризатора.

VI.

На огромномъ пространствѣ раскинулись въ Пермской губерніи лѣса. Площадь, занимаемую ими, опредѣляютъ безъ малаго въ двадцать милліоновъ десятинъ. Лѣсъ преимущественно хвойный, а изъ лиственнаго наиболѣе часто встрѣчается береза, осина, черемуха и рябина. Какъ безпощадно ни рубятъ эти лѣса, все же они и понынѣ выглядятъ могучими великанами. Въ иныхъ мѣстахъ и теперь еще встрѣчаются такія лѣсныя трущобы, про которыя говорятъ, что туда ни человѣкъ не заходилъ, ни воронъ костей не заносилъ. Въ гущинѣ этихъ лѣсовъ водится много дикихъ козъ,

---

[1]) Цифры незначительно округлены.

рысей, зайцевъ, лисицъ и бѣлокъ. Встрѣчаются выдры, куницы, россомахи, лоси, медвѣди, волки; бываютъ проходомъ и олени. Тамъ же обиліе пернатой дичи: тетеревовъ, глухарей, рябчиковъ, вальдшнеповъ, утокъ и гусей. Но главная и самая цѣнная дичь въ Пермскомъ краѣ—рябчикъ. Въ благопріятный для охоты годъ охотникъ-промышленникъ убиваетъ ихъ до 600 паръ.

Козъ и лосей владѣльцы лѣсовъ запрещаютъ стрѣлять, но при огромныхъ площадяхъ и незначительномъ количествѣ лѣсной стражи невозможно уберечь этихъ животныхъ отъ охотниковъ-хищниковъ. Почти круглый годъ можно купить «изъ-подъ полы» и козлятину и лосятину по цѣнѣ дешевле базарной говядины.

Но вся эта дичь держится вдали отъ селеній. Вблизи же послѣднихъ лѣса удивительно пустынны и молчаливы: не встрѣтите ни звѣря ни звѣрька и не услышите пѣнія. Однѣ только вороны, встревоженныя появленіемъ человѣка, неистово каркаютъ, да тоскливо жужжатъ слѣпни и комары. Къ тринадцатому іюня, называемому на Уралѣ днемъ «Акулины—задери хвосты», слѣпней бываетъ такое обиліе, что несчастныя лошади и коровы, пасущіяся въ лѣсу, приходятъ въ бѣшенство и съ поднятыми кверху хвостами, очертя голову, обращаются въ бѣгство, нерѣдко погибая въ болотныхъ трясинахъ и каменистыхъ оврагахъ. Не даромъ въ простомъ народѣ существуетъ повѣрье, что передъ разговѣньемъ на Пасху слѣдуетъ поѣсть рѣдьки или хрѣну,—тогда-де оводы не будутъ кусать.

Какъ чудно хорошъ уральскій лѣсъ въ маѣ! Высокія сосны, эти гиганты, символирующіе собою мощь и долговѣчность, горделиво киваютъ своими верхушками. Вѣтвистыя ели жмутся въ весенней нѣгѣ поближе одна къ другой, переплетаясь своими наклоненными книзу вѣтвями. Между огромными, ушедшими въ высь сосновыми деревьями и красивыми пихтами, съ ихъ

длинными, острыми шпилями, кое-гдѣ раскинулись тонкія осины. Онѣ силятся проглядѣть сквозь густую зеленую шапку, почти сплошь раскинувшуюся въ недосягаемой для нихъ высотѣ, взглянуть на голубое небо, на яркіе солнечные лучи, которые лишь тогда ласкаютъ ихъ, когда вѣтеръ колышетъ и гнетъ макушки деревьевъ, а въ зеленой шапкѣ всюду образуются отверстія, то увеличивающіяся, то уменьшающіяся, то совсѣмъ исчезающія.

Мѣстами деревья и кустарникъ образуютъ такую гущину, что за двадцать шаговъ нельзя проглядѣть черезъ эту зеленую стѣну. И впереди и надъ головой непроглядная чаща!

Мѣстами же видны лишь рѣдкіе сосновые стволы, а между ними нѣтъ ни деревца ни кустика.

Только внизу, на землѣ, раскинулся яркій зеленый коверъ изъ мха, папоротниковъ и травы, то высокой, то низкой и какъ бы прилипшей къ кочкамъ, то волнистой и вьющейся вокругъ тонкихъ деревцовъ.

Тихо, тихо въ лѣсу! Только иногда чирикнетъ въ кустахъ какая-то пестрая птичка, промчится стремглавъ испуганный заяцъ, затрещавъ по сухому валежнику, раздастся гдѣ-то далеко, на высокой соснѣ протяжный крикъ глухаря, или вдругъ послышится трескъ обломавшейся вѣтви.

Всякій шумъ быстро подхватывается эхомъ и на тысячу ладовъ отдается вдали. Прошумитъ и замолкнетъ!

И опять тишина! Только старыя ели слегка поскрипываютъ своими сплетенными вѣтвями да изъ-подъ лапокъ проворной бѣлки сыплются съ дерева на землю кусочки древесной коры и высохшія пожелтѣвшія иглы.

И кажется, что весь лѣсъ въ своей дневной красотѣ погрузился въ глубокій сонъ...

Когда же вечерняя мгла окутаетъ и вершины и подножіе высокихъ соcенъ, когда бѣлесоватый туманъ причудливыми формами поднимется надъ низинами и

надъ узкимъ журчащимъ ручьемъ, когда восточный вѣтеръ заколышетъ горделивыя макушки высокихъ сосенъ, лѣсъ просыпается отъ своего сна и слышится его говоръ, то похожій на шопотъ, то на бранный кликъ, то на жалобный плачъ или стонъ, то на злой нечеловѣческій смѣхъ.

Онъ о чемъ-то разсказываетъ; онъ говоритъ о томъ, что ему лишь извѣстно, онъ ропщетъ порою и угрожающе шумитъ, весь нахмурившись.

Бѣлыя и черныя тѣни встаютъ тогда межъ деревьевъ, растутъ, движутся и собираются въ одну грозную силу.

Длинная, костлявая, съ огромными руками и бородою фигура лѣсного духа заслоняетъ дорогу...

Съ наступленіемъ утренняго разсвѣта исчезаютъ тѣни, притихаетъ лѣсъ и снова погружается въ свой холодный сонъ. Только туманъ еще держится и бѣлой пеленой окутываетъ кусты хвойника.

Едва первый проблескъ утра озаритъ верхушки гигантскихъ сосенъ, какъ изъ самой густой лѣсной чащи вдругъ раздается звукъ: «тёд-тёд-тёд... ёд-ёд-ёд», заканчивающійся сильнымъ ударомъ.

А затѣмъ слышится тамъ же, въ этой гущинѣ, гдѣ-то высоко на деревѣ, кто-то словно точитъ желѣзо. Вотъ вдали послышался такой же звукъ и такое же точеніе; это токуютъ глухари. Съ каждой минутой сильнѣе и неистовѣе становится этотъ призывный крикъ...

На полянахъ между поросшими мхомъ кочками токуютъ тетерева; ихъ пѣснь любви, стройная, мелодичная, исполненная страсти, звучитъ по всему лѣсу, пробуждая все пернатое царство. А заря горитъ все ярче и ярче.

Тысяча разнообразныхъ голосовъ вдругъ раздаются въ лѣсу, точно жители его перекликаются между собою и привѣтствуютъ первые солнечные лучи, уже

залившіе своимъ тепломъ и свѣтомъ верхушки деревьевъ.

Ѣдешь по лѣсу и кажется, что нѣтъ ему конца.

Тамъ, гдѣ нѣтъ деревьевъ, блещутъ, какъ расплавленное серебро, обширныя, мѣстами тянущіяся болѣе десяти верстъ озера, которыя часто образуютъ цѣлыя системы, естественныя и искусственныя; ярко зеленѣютъ глубокія торфяныя и моховыя болота; шумятъ быстрые, порожистые рѣки и ручьи, глубокіе только весною; рѣзко выдѣляются своими фантастическими очертаніями валуны и обнаженныя скалы, у которыхъ часто верхній гребень своими наклонно торчащими слоями напоминаетъ старинныя зубчатыя крѣпостныя стѣны; изрѣдка тамъ и сямъ чернѣютъ маленькими островами вспаханные участки земли, съ жалкими «заимочными» постройками. А позади и по бокамъ та же декорація: все тотъ же могучій старый лѣсъ...

Въ концѣ мая недалеко отъ Сливянскаго завода, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, надъ лѣсомъ стоялъ, словно туманъ, голубовато-бѣлый дымъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ поднимался кверху болѣе плотнымъ облакомъ, которое то темнѣло, дѣлаясь почти чернымъ, то снова рѣдѣло и свѣтлѣло.

Въ воздухѣ, въ направленіи обратномъ теченію дувшаго съ значительной силою вѣтра, неслась стая птицъ.

Горѣлъ старый, многими десятками лѣтъ сбереженный лѣсъ.

Палъ—такъ называется мѣстными жителями лѣсной пожаръ—повидимому принялъ большіе размѣры.

И дѣйствительно, тамъ, гдѣ клубился черный дымъ, огонь свирѣпствовалъ съ ужасающей силою. Вѣтеръ и стоявшая всѣ послѣдніе дни сухая погода облегчили распространеніе этого страшнаго бича уральскихъ лѣсовъ.

Съ каждой минутою палъ охватывалъ все большее и большее пространство.

Гонимый вѣтромъ, огонь стлался по землѣ, уничтожая на своемъ пути сухую траву, хвою, валежникъ и быстро поднимался по вѣтвямъ кустарника и молодняка, превращая ихъ въ костры.

Кора на стволахъ сосенъ, охваченная огнемъ отъ горѣвшихъ иглъ, которыя лежали густымъ слоемъ у самыхъ корней, и мха, наросшаго на деревьяхъ, обугливалась аршина на два и болѣе надъ поверхностью земли.

Облака густого удушливаго дыма заполняли все пространство между деревьями и все выше поднимались надъ вершинами ихъ.

Эти облака, то молочно-бѣлаго, то желтаго, то бураго и чернаго цвѣта, застилали собою солнце. Въ ста шагахъ нельзя было ясно различать окружающихъ деревьевъ.

Въ дыму мелькали силуэты людей. Рабочіе, вооружившись кто лопатою, кто длинной вѣтвью, кто метлою, прихлопывали и заметали огонь по линіи его распространенія.

Въ паническомъ страхѣ промчались сквозь цѣпь тушильщиковъ, наскакивая одна на другую, съ десятокъ дикихъ козъ.

Всѣхъ работавшихъ надъ тушеніемъ пожара было человѣкъ сто.

Руководилъ ими Бѣлышевъ.

То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ по линіи огня онъ останавливалъ свою лошадь, слѣзалъ съ нея, понукалъ тушить энергичнѣе, указывалъ, куда нужно итти, и, выхвативъ метлу у лѣниво, повидимому безцѣльно хлопавшаго ею по огню крестьянина, показывалъ, какъ нужно ею дѣйствовать.

Распорядившись въ одномъ мѣстѣ, онъ мчался къ другому.

Но работа шла вяло. Едва Бѣлыщевъ скрывался въ

дыму, какъ тушильщики медленно и неохотно исполняли то, что было велѣно имъ дѣлать, а иные стояли совсѣмъ неподвижно и тупо смотрѣли на бушующее пламя.

— Ишь ты прыткій какой, проворъ какой выискался!—слышались голоса.—Развѣ этакой палъ потушишь!

— Вѣстимо не потушишь!—подтвердилъ какой-то бородачъ, набивая трубку табакомъ.—Вновѣ онъ, свѣжакъ еще,—откуда же ему знать-то!

— Конешно что такъ!—поддакивалъ его сосѣдъ, усаживаясь на пень.—Видомъ-то онъ орелъ, а умомъ, видно, тетеревъ. Супротивъ Божьей воли не совладашь!

— Эй, поналяжь! Поворачиваются, какъ исподніе жернова!—доносился изъ густой мглы окрикъ полѣсовщика [1]). Лайдаки, ироды! Чего стали? Да бѣги же сюда скорѣе!

— Чего стали?! Самъ попробуй!—отвѣчало нѣсколько голосовъ.—Побѣги, да не зашиби ноги! Не сгорѣть же намъ за восемь гривенъ! Экой дешевый объявился! На-вотъ! Стараго лѣса кочерга! Го, го!

Нужно замѣтить, что тушеніе лѣсныхъ пожаровъ независимо отъ того, кому принадлежитъ лѣсъ—казнѣ или частному лицу, составляетъ натуральную повинность окрестнаго населенія. Крестьяне всѣхъ селъ и деревень, расположенныхъ въ десяти и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ двадцати пяти верстахъ отъ пожарища, обязаны являться для тушенія пожара по первому требованію лѣсного начальства или хозяина лѣса, при чемъ плата выдается по особой таксѣ только тѣмъ рабочимъ, которые прибыли на пожаръ изъ селеній, отстоящихъ отъ него далѣе пятнадцати верстъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что повинность эта для населенія очень тягостна, особенно въ страдное время, когда для

---

[1]) Лѣсного сторожа.

крестьянина, занятаго полевой работою, дорогъ каждый часъ.

Нельзя однако того же сказать о работавшихъ при тушеніи описываемаго нами пожара. Съ посѣвомъ уже покончили; день былъ праздничный, когда въ заводѣ работаетъ лишь небольшое число людей—при доменныхъ печахъ и ремонтахъ, а въ остальныхъ цехахъ работа не производится.

Къ тому же мѣстное заводоуправленіе не придерживалось правилъ о вознагражденіи тушильщиковъ: оно платило каждому прибывшему для тушенія, независимо отъ разстоянія,—хотя бы пожаръ случился въ одной верстѣ отъ селенія.

Тѣмъ не менѣе, когда потребовался нарядъ для тушенія пожара, иной объявился больнымъ или неизвѣстно гдѣ отсутствующимъ, а иной, отправившись въ лѣсъ яко бы для тушенія, преспокойно лежалъ подъ кустомъ, ожидая того времени, когда тушильщики пойдутъ домой. Тогда онъ присоединится къ нимъ, дѣлая, конечно, видъ, что и онъ работалъ.

Тѣ, которые явились на пожарище, или роптали, что праздникъ-де даромъ пропалъ, не пришлось погулять, и держались въ сторонѣ, гдѣ несравненно болѣе хлопали языкомъ, чѣмъ вѣтвями и лопатами; или работали хотя и непрерывно, но неохотно, безъ всякой энергіи, считая совершенно безполезнымъ бороться съ огненной стихіей.

— Развѣ только Богъ прикончитъ,—говорили они.— Дождя пошлетъ или вѣтеръ вспять повернетъ!

Лишь немногіе изъ тушильщиковъ сознавали, что при дружной работѣ палъ, можно во-время остановить, не дать ему разрастись и послѣ нѣсколькихъ часовъ упорной и настойчивой работы совсѣмъ его прекратить.

Хотя артель рабочихъ прибыла не поздно, она однако «упустила палъ», и онъ на ея глазахъ выросталъ въ море огня.

Пожаръ принималъ угрожающіе размѣры. Между соснами сталъ все чаще и чаще встрѣчаться молоднякъ, а мѣстами сплошь росли ель и пихта.

Напольный, низовой пожаръ, подойдя къ ельнику и пихтарю, сталъ быстро переходить въ вершинный или, какъ его называютъ, повальный. Точно по ступенямъ лѣстницы огонь перебѣгалъ по густымъ вѣтвямъ, которыя покрывали деревья сплошь, отъ земли до вершины. Съ низкихъ огонь перекидывался на вершины старыхъ высокихъ сосенъ. То тамъ внизу, то высоко вверху, въ вѣтвяхъ, появлялись огненныя звѣздочки и въ нѣсколько мгновеній превращались въ огромные костры. Пылало все, что можетъ горѣть. Туча искръ носилась въ воздухѣ.

Люди, тушившіе пожаръ, остановились: они теперь были совершенно безсильны совладать съ грозной стихіей.

А пламя пожара все росло, охватывая огромное пространство.

Съ трескомъ и стономъ горѣли вѣковыя деревья.

Запахъ гари становился нестерпимо удушливъ.

— Садись на лошадей!—слышалась команда Бѣлышева.—Живо! Поворачивайся!

Цѣлая вереница тушильщиковъ въ повозкахъ и верхомъ на лошадяхъ поплелась мелкой рысцою между деревьевъ въ обходъ пожарища.

Спѣшили къ просѣкѣ, находящейся на пути слѣдованія пожара.

Однако съ большими затрудненіями можно было пробираться въ дыму между пнями и густо стоящими деревьями, и прошло болѣе часа, прежде чѣмъ артель тушильщиковъ достигла просѣки.

Начали уширять просѣку, для чего рубили деревья и валили ихъ на землю. Это была единственная надежда остановить вершинный палъ.

Если бы удалось это сдѣлать, то на просѣкѣ нетрудно

было бы прикончить съ напольнымъ огнемъ. Но не легко было выполнить предстоящую задачу: огромныя деревья медленно поддавались усиліямъ; ѣдкій дымъ жегъ глаза и захватывалъ дыханіе.

По мѣрѣ приближенія пожара дымъ на просѣкѣ становился удушливѣе. Люди стали роптать и, не слушая окриковъ лѣсничаго и полѣсовщиковъ, надзиравшихъ за ними, одинъ за другимъ отходили вдоль просѣки, подалѣе отъ дыма.

Вотъ на крайнихъ къ просѣкѣ деревьяхъ мелькнули бѣлые огни и черезъ нѣсколько секундъ одна сторона просѣки пылала сплошной стѣною. Трава посреди просѣки курилась, а мѣстами надъ ней поднимались большіе огненные языки.

Нѣсколько полѣсовщиковъ и рабочихъ самоотверженно бѣгали вдоль противоположной стороны просѣки, стараясь не пустить огонь черезъ просѣку въ лѣсъ.

Отчасти вслѣдствіе ослабленія силы вѣтра и тяги его вдоль просѣки, отчасти благодаря значительной ширинѣ послѣдней, вершинный пожаръ не успѣлъ перекинуться на другую ея сторону, гдѣ ель и лиственница попадались лишь изрѣдка между соснами.

Огонь сталъ ослабѣвать, но дымъ сгустился и стлался по землѣ черными клубами.

Кое-гдѣ напольный огонь пробрался черезъ просѣку въ уцѣлѣвшій лѣсъ, но его удалось довольно скоро притушить.

Угрозами, упрашиваніями, обѣщаніями дать на водку удалось вернуть на пожарище тѣхъ изъ артели, которые, спасаясь отъ дыма, отошли въ сторону.

Пріятная ли перспектива получить «на чай» или столь же пріятное сознаніе, что работѣ наступаетъ конецъ,— трудно сказать, что именно главнымъ образомъ воздѣйствовало на тушильщиковъ. Такъ или иначе, но они дружно принялись «шабашить» палъ.

Но прежде чѣмъ зашабашили, прошло болѣе двухъ часовъ.

Съ обоихъ концовъ просѣки показались группы рабочихъ: то шли тушильщики, дѣйствовавшіе на флангахъ пожарища.

Послѣ получасового отдыха рабочіе двинулись по лѣсу къ тому мѣсту, гдѣ ими были оставлены ихъ лошади и повозки.

На просѣкѣ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ лѣсу остались конные полѣсовщики и нѣсколько рабочихъ.

Вечерѣло. Вѣковыя темно-зеленыя сосны бросали отъ себя длинныя тѣни. Между стволами ихъ мѣстами то стоялъ полумракъ, то яркими пятнами блестѣла освѣщенная солнечными лучами трава. Въ воздухѣ повѣяло сыростью и тѣмъ ароматомъ, которымъ отличаются горныя ночи.

— Гдѣ же, Степанъ, остановимся?—спрашивалъ Бѣлышевъ у сопровождавшаго насъ полѣсовщика, высокаго, костистаго, съ очень некрасивымъ лицомъ молодого парня.

Нужно замѣтить, что я вмѣстѣ съ Бѣлышевымъ поспѣлъ на пожарище спустя полчаса послѣ того, какъ полѣсовщиками былъ замѣченъ палъ.

— А гдѣ пожелаете. Можно на кордонѣ, аль въ куренѣ [1]). Въ куренѣ поближе—съ версту, не болѣ. Прямикомъ по лѣсу проберемся, благо верхами ѣдемъ.

— Ну такъ веди къ куреню!

Степанъ хлестнулъ свою поджарую лошаденку и, подпрыгивая на сѣдлѣ, поѣхалъ впереди Бѣлышева.

Но спустя нѣсколько минутъ онъ пріостановилъ лошадь и, повернувшись на сѣдлѣ лицомъ къ Бѣлышеву, произнесъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ:

— А палъ-то пустилъ Игнашка Бродягинъ.

---

[1]) Кордонъ—лѣсная сторожка. Курень—мѣсто, гдѣ производится выжегъ угля.

— Кто этотъ Бродягинъ?—спросилъ Бѣлышевъ.—И какъ ты знаешь, что онъ виновникъ пала?

— Игнашка-кабанщикъ [1]). На куренѣ, куда ѣдемъ, находится. А что его рукъ дѣло, въ томъ моя порука. Когда палъ только начался, бѣжалъ я сюда и видѣлъ Игнашку, какъ онъ скорой ходою пробирался изъ лѣса къ куреню. Идетъ, а самъ все озиратся.

— Да зачѣмъ же нужно было ему палъ пускать?—полюбопытствовалъ я.

— А кто ихъ разберетъ, зачѣмъ! Изъ-за разнаго на то идутъ. Кто костеръ разведетъ, а потомъ заснетъ, аль отлучится, а огонь и пойдетъ по ветоши [2]). Иной костеръ и затушитъ, а искры подъ пепломъ затаятся; ихъ потомъ вѣтромъ раздуетъ, ну и пошла писать! Иной разъ отъ курева бывать: спичку аль папироску не замнетъ и огонь затерятъ. Бывать, увидитъ, что стряслась бѣда—палъ пошелъ, струситъ человѣкъ да бѣжать! Убѣжишь—не будешь въ отвѣтѣ: разбирай тамъ, кто палъ пустилъ! А кто и нарокомъ поджигатъ, чтобы ветошь и хвойныя иглы на землѣ повыжгло: тогда трава растетъ лучше и корма лучше. Случается, что для тѣхъ же кормовъ мелколѣсье поджигаютъ для очистки мѣста. Иной съ сердцовъ поджигатъ. Изобидитъ его начальство, лѣсничій, аль нашъ братъ-полѣсовщикъ,—онъ, варнакъ сибирный, возьметъ да подпалитъ: на-те, дескать, утѣшайтесь. Нашего брата подъ отвѣтъ да хлопоты подведетъ! Одно слово—эти лѣсные шатуны шибко озорные!

— Ну, это все извѣстно,—замѣтилъ Бѣлышевъ:—а ты скажи, какъ же Бродягинъ палъ пустилъ? Со злобы что ли?

---

[1]) Кабанъ—угольная куча. Кабанщикъ—углежогъ, угольщикъ. На Уралѣ существуютъ способы обугливанія дерева кучной и кабанный. При первомъ—дрова укладываются въ кучи стоймя; при второмъ—жерди горизонтально.

[2]) Ветошь—прошлогодняя высохшая трава.

— А вѣрно, что такъ,—процѣдилъ сквозь зубы Степанъ.—А впрочемъ до тошности не знаю. Кто ихъ разберетъ?! А человѣкъ онъ опасный: шибко недолюбливатъ нашего брата, лѣсного начальства. Вотъ повидите, какъ онъ глазищами своими будетъ ѣсть меня. Намедни повстрѣчамшись со мной въ лѣсу, онъ такъ поглядѣлъ на меня, что я инда за леваллертъ схватился: оченно злой глазъ у него. А злобится, должно-быть, за то, что по веснѣ я на него протоколъ составилъ: самовольно на елани [1]) косилъ онъ, да къ тому изъ березняка долготья возъ нарубилъ. Штрафъ-то онъ безмедленно до суда заплатилъ, ни слова не сказалъ. И мнѣ потомъ ни слова не промолвилъ, а только при встрѣчѣ шибко люто поглядывалъ: сразу видно, что недоброе думалъ.

— Ну, распутная!—крикнулъ Степанъ на споткнувшуюся лошадь и стегнулъ ее плетью.

Лошадь затрусила мелкой рысцою. Деревья стали рѣдѣть и скоро за опушкою показалась большая постать [2]), со всѣхъ сторонъ окруженная сплошными стѣнами сосноваго лѣса. Посреди ея высилась пирамидальная, присыпанная землею, куча сложенныхъ дровъ, надъ которой поднимался легкій дымокъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея виднѣлась приземистая наскоро сдѣланная землянка, а рядомъ съ ней зеленѣлъ шалашъ изъ вѣтвей. Возлѣ шалаша у висящаго на треножникѣ котелка сидѣли двое крестъянъ въ цвѣтныхъ рубахахъ.

Когда мы подъѣхали къ нимъ, они не спѣша встали и медленно стащили съ головъ картузы.

— Здравствуйте!—сказалъ Бѣлышевъ.—Ужинать собираетесь?

---

[1]) Елань—степная равнина.

[2]) Постать — площадка, на которой происходитъ выжиганіе угля.

— Да, собираемся. Не угодно ли и господамъ попробовать нашего варева, коли не побрезгуете.

— Спасибо, съ большимъ удовольствіемъ. Усталъ и, какъ волкъ, проголодался.

Бѣлышевъ слѣзъ съ лошади и передалъ поводья Степану. Тотъ, разсѣдлавъ коней, вытеревъ имъ спины травою и «спутавъ» имъ переднія ноги, пустилъ ихъ пастись.

— Айдате [1]) сюда!—обращаясь къ Бѣлышеву, говорилъ одинъ изъ бывшихъ у котла, темнолицый и сѣдой, приземистый старикъ.—Садись, баринъ, сюда! Вотъ въ чашку каши наложу, попробуй да не взыщи. И вы, господинъ, жалуйте!—обратился онъ ко мнѣ:—нашего хлѣба-соли отвѣдать.

Товарищъ говорившаго, молодой довольно красивый и плотно сложенный мужчина, стоялъ поодаль съ непокрытой головою.

Черезъ минуту вся компанія размѣстилась вокругъ стола.

— Это твой кабанъ?—спросилъ Бѣлышевъ старика, указывая на кучу дровъ.

— Мой.

— Поспѣваетъ?

— Поспѣваетъ, да не круто.

— А ты, Игнатъ, откуда по лѣсу шелъ, когда палъ начался?—спросилъ Бѣлышевъ, повернувшись къ молодому парню.

— Откуда? Изъ лѣсу шелъ. Лошадь искалъ,—отвѣчалъ тотъ, нахмурившись и метнувъ злобный взглядъ на полѣсовщика.

— Ну, и что же, нашелъ лошадь?

— Нѣтъ, она тутъ у куреня оказалась.

---

[1]) Татарское «айда»—иди. Мѣстные жители производятъ изъ этого слова глаголъ на русскій ладъ.

— Почему же ты искалъ ее вдали отъ куреня, когда она тутъ же поблизости была?

— Я ее искалъ и здѣсь поблизу, а потомъ дальше пошелъ.

— А палъ видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Видѣлъ, какъ онъ только начинался?

— Видѣлъ. Начинало только курить.

— Почему же ты не попытался притушить огонь?

— Да развѣ одному человѣку справиться съ нимъ,— его не удержать!

— Поэтому ты такъ скоренько и бѣжалъ изъ лѣса?

Игнатъ снова бросилъ острый взглядъ въ сторону полѣсовщика, который все время дѣлалъ видъ, что весь занятъ ѣдою и не слышитъ происходящаго опроса.

— Не бѣжалъ, а шелъ скорою ходóю. Боялся я, чтобы палъ не обошелъ лошадь, ну и шелъ звать дѣда на подмогу искать ее. А хоть бы и бѣжалъ,—эко диво! Аль не жаль было бы, кабы лошадь-отъ погорѣла?

И вдругъ, весь покраснѣвъ и вскочивъ на ноги, онъ вскричалъ, указывая на полѣсовщика:

— Это все онъ наплелъ! Подъ всякую бѣду норовитъ подвести! У змій лютый, кикимора лѣсная!

И съ этими словами быстро зашагалъ въ сторону и скрылся въ лѣсу.

— Протестуюсь!—вскипѣлъ полѣсовщикъ, вскочивъ на ноги и неистово хлопнувъ себя по желудку.—На волостной судъ потяну его за оскорбленіе, и притомъ, такъ-сказать, при исполненіи служебныхъ обязанностей, на служебной службѣ-съ!

— Ну, не шебарши много, а ѣшь!—проворчалъ дѣдъ.

Степанъ однако не могъ успокоиться и, продолжая выражать свое негодованіе, возвысилъ свои угрозы до суда у земскаго начальника, а затѣмъ въ «самомъ окружномъ».

— Пустое плетешь, мелево мелешь!—хладнокровно

возражалъ дѣдъ.—Чего распалился такъ? Ѣшь, тебѣ говорятъ!

Разговоръ шелъ все о томъ же палѣ, но какъ-то не клеился.

Дѣдъ отмалчивался, кряхтѣлъ и вздыхалъ.

Полѣсовщикъ сердито посматривалъ въ сторону, куда шелъ Игнатъ, и что-то шепталъ про себя.

— Не обезсудьте на нашемъ угощеніи, — сказалъ дѣдъ, когда котелокъ съ кашею былъ опороженъ, и, обернувшись къ востоку, сталъ истово креститься.

Бѣлышевымъ одолѣвала истома. Онъ улегся на буркѣ и съ наслажденіемъ протянулъ свои уставшія ноги. Прилегъ и я.

Ночь надвигалась. Снизу, отъ болота тянуло холодной сыростью.

Въ лѣсу было тихо, но въ этой тишинѣ слышались какіе-то отдаленные звуки, напоминающіе то едва уловимый ухомъ стонъ, то шопотъ. Порою въ чуткомъ затишьѣ лѣса слышалось то потрескиваніе валежника, то какой-то непонятный гулъ.

Когда вѣтеръ пробѣгалъ по вершинамъ сосенъ, онѣ дружно шумѣли, и этотъ шумъ напоминалъ громыханіе поѣзда, на далекомъ разстояніи катившаго по рельсамъ.

Прислушиваясь къ этимъ звукамъ, я видѣлъ, какъ дѣдъ, подбросивъ въ костеръ дровъ, улегся возлѣ него, покрывшись овчиннымъ полушубкомъ.

Степанъ продолжалъ сидѣть у того же костра и время отъ времени поплевывалъ въ огонь. Но скоро ему надоѣло это времяпрепровожденіе, онъ легъ и черезъ минуту уже спалъ, посвистывая носомъ.

Опушка лѣса выдѣлялась черной зубчатой стѣною на фонѣ потемнѣвшаго небеснаго купола, на которомъ то тамъ, то сямъ вспыхивали и загорались звѣзды. Сумрачно и непривѣтливо глядѣлъ лѣсъ.

Высоко въ воздухѣ послышались птичьи голоса. Звуки эти приближались.

Сигнальные окрики летящей птицы прозвучали совсѣмъ близко, затѣмъ стали слабѣе и слабѣе и наконецъ совсѣмъ растаяли въ безпредѣльной дали.

Снова наступила тишина. Вдругъ въ у́гольной кучѣ что-то охнуло и застонало: то отъ развитія паровъ и газовъ, не имѣющихъ выхода, произошелъ легкій взрывъ.

— Ишь, баломутка, стрѣляетъ!—послышалось сердитое бормотаніе дѣда.—Хоть ночью-то дала бы покою!

И вслѣдъ за этимъ дѣдъ выскочилъ изъ-подъ полушубка, подошелъ къ кучѣ и сталъ заполнять свѣжими дровами образовавшуюся отъ взрыва впадину, послѣ чего засыпалъ ихъ землею.

— Прожористая ты больно! — брюзжалъ про себя дѣдъ, снова забираясь подъ полушубокъ.—Кормишь [1] тебя, кормишь, и конца тому нѣтъ!

И дѣйствительно, не мало труда приходится потратить «кабанщику», прежде чѣмъ куча «дойдетъ». Стоитъ только ему проглядѣть какую-нибудь неполадку въ кучѣ, какъ вмѣсто угля получится «перегаръ»—зола или «копытникъ» и «чертенята»—необуглившіеся концы дровъ и головни.

А такъ какъ углежогъ получаетъ плату съ каждаго готоваго, надлежащаго качества, и привезеннаго въ заводъ короба [2]) угля, то понятно, что эти «чертенята» для рабочаго бываютъ страшны не менѣе, чѣмъ самые заправскіе сыны преисподней.

Осью кучи служитъ вертикальная труба изъ трехъ кольевъ, расположенныхъ треугольникомъ и заплетенныхъ прутьями. Вокругъ трубы укладываются дрова.

---

[1]) Спеціальное выраженіе. Кормить кучу: заполнять пустоты, образовавшіяся отъ выгоранія дровъ и отъ взрывовъ.

[2]) Особая мѣра емкости, употребляемая на Уралѣ для древеснаго угля.

Внѣшнюю поверхность кучи обкладываютъ дерномъ, травою внутрь, и обсыпаютъ землею. Когда все это сдѣлано, въ трубу спускаютъ сухія сучья и мохъ и зажигаютъ ихъ. Какъ только огонь хорошо разгорится, верхнюю часть трубы закупориваютъ дровами и землей: начинается «томленіе» кучи. По мѣрѣ распространенія внутри огня, дѣлаютъ въ разныхъ мѣстахъ душники—отверстія. Когда находятъ, что возлѣ нихъ достаточно обуглилось, ихъ закрываютъ и протыкаютъ новыя отдушины.

Выжегъ угля длится недѣли двѣ и болѣе, да кромѣ того кладка, дернованіе и разломка кучи требуетъ почти столько же времени. Сюда не входитъ заготовка дровъ для обугливанія, которая также лежитъ на обязанности углежога и требуетъ не мало труда.

Кончивъ съ одной кучею, углежогъ затѣваетъ новую, а тамъ глядь и подоспѣла зима, съ буранами да глубокимъ снѣгомъ. Не легко бываетъ вывезти готовый уголь изъ лѣсу безъ дороги по сугробамъ; не мало лошадей гибнетъ на этой работѣ...

О трудности и безпокойности работы углежоговъ думалъ и я. Мысли мои перескакивали съ одного предмета на другой.

Но усталость брала свое, и скоро дремота охватила меня.

Но только я забылся, какъ почувствовалъ прикосновеніе къ плечу чьей-то руки. Я вздрогнулъ и съ удивленіемъ увидѣлъ передъ самыми своими глазами чью-то чернѣвшую въ ночномъ мракѣ голову.

— Послушайте!—тихо, едва слышно шептала голова.—Послушайте, что я скажу вамъ.

По голосу я сообразилъ, что говорившая голова принадлежитъ женщинѣ.

— Послушайте!—и та же рука болѣе энергично тряхнула меня за плечо.—Вы спите?

— Нѣтъ,—отозвался я и приподнялся на локтѣ.— Что нужно?

— Говорите тише, а то дѣдъ услышитъ, осерчаетъ,— продолжала шопотомъ неизвѣстная женщина.—Я объ Игнатѣ хочу вамъ сказать. Онъ ни въ чемъ не виноватъ. Это Степанъ все вретъ, со злобы обноситъ.

Она съ минуту помолчала и потомъ заговорила быстро, точно хотѣла поскорѣе все объяснить.

Повидимому въ темнотѣ она приняла меня за Бѣлышева.

— Степанъ давно на него злобу имѣетъ. За меня онъ сватался. Я не согласилась: не по душѣ онъ мнѣ. Игнатъ давно живетъ у насъ, какъ роднымъ считается. И всегда я да онъ вмѣстѣ бываемъ. Степанъ и лихостится. Игнатъ много уже напраслинъ отъ Степана перенесъ и денегъ много черезъ то переплатилъ. Молчалъ все,—связываться не хочетъ. Такой у него нравъ: все снесетъ, только бы отъ злого человѣка подальше. И пришелъ онъ ко мнѣ на поскотину [1]), тутъ недалече она,—пришелъ самъ не въ себѣ. Заплакалъ даже отъ обиды. Распытала я, въ чемъ дѣло, не стерпѣла и сказала себѣ: пойду да все по душѣ выложу лѣсничему, не пень и не полѣно онъ—пойметъ и разсудитъ. Вотъ и пришла. Заступитесь, родименькій, пожалѣйте Игната. Что Игнатъ ни въ чемъ въ зломъ не повиненъ, вотъ вамъ крестъ.

Въ темнотѣ замелькала рука.

— Прощайте, не обезсудьте!—ласково и просительно прозвучалъ голосъ дѣвушки, и вслѣдъ за тѣмъ она быстрыми и легкими шагами скрылась въ ночной мглѣ.

— Вотъ и деревенскій романъ!—подумалъ я, продолжая всматриваться въ черную стѣну, за которой скрылась неожиданная просительница.—Кто же однако

---

[1]) Поскотина—обнесенное изгородью пастбище.

изъ нихъ вретъ? А славная должно-быть дѣвушка! Задушевный такой у нея голосъ!

Не веселы были мои думы. Грустныя воспоминанія нахлынули волною и жгли мозгъ. Не весело было и лѣсу, еще болѣе почернѣвшему и сумрачно глядѣвшему изъ ночной мглы.

Уже на небѣ показался сѣрый отсвѣтъ зари, когда я забылся тревожнымъ сномъ.

Когда я проснулся, солнце ярко блестѣло надъ вершинами сосенъ. Возлѣ костра хлопоталъ дѣдъ, улаживая на горячихъ угляхъ мѣдный чайникъ. Игнатъ что-то дѣлалъ возлѣ угольной кучи, а поодаль отъ него за шалашомъ Степанъ разговаривалъ съ какой-то дѣвушкою. Что говорили они, не было слышно, но, судя по жестамъ, они о чемъ-то спорили.

— Это вѣроятно ночной адвокатъ,—подумалъ я, глядя на дѣвушку.

— Это твоя внучка?—сказалъ я дѣду.

— Кто, Настя-то?—и дѣдъ обернулся къ шалашу.— Внучка. Сирота она, безъ отца и матери на рукахъ моихъ да старухи моей выросла.

— Настя! Чего языкъ-то чешешь?—сердито окрикнулъ дѣдъ.—Подь-ка вотъ для барина посудину вымой.

Дѣвушка легкими шагами приближалась къ костру и сконфуженно поклонилась мнѣ, въ то время, какъ я съ любопытствомъ смотрѣлъ на ея красивое, залитое румянцемъ лицо, на ея свѣтлые, искрящіеся какимъ-то особеннымъ блескомъ глаза и ея стройную, крѣпкую фигуру.

— Пожалуйте!—звучнымъ и мягкимъ голосомъ промолвила она, подавая мнѣ чашку съ отбитою ручкою.

Когда такую же чашку она протянула Бѣлышеву, лицо ея совсѣмъ зардѣлось и рѣсницы вздрагивали.

Вслѣдъ за тѣмъ она взяла стоявшую передъ полѣсовщикомъ кружку и также стала ее мыть.

— Почто безпокоиться?! — галантно воскликнулъ Степанъ.—Отъ грязи не треснешь, отъ чистоты не воскреснешь! А впрочемъ отъ вашихъ рукъ, Настасья Дмитровна, намъ одно удовольствіе будетъ.

По лицу дѣвушки пробѣжала презрительная улыбка.

Дѣдъ началъ толковать о томъ, какъ стало трудно жить при «нонѣшнихъ» цѣнахъ на уголь. Весь его разговоръ кружился возлѣ угля, дровъ и лѣсныхъ постатей.

Дѣвушка молчала. Молчали также сидѣвшіе тутъ же рядомъ Степанъ и Игнатъ. Какъ только взоръ перваго падалъ на своего сосѣда, въ немъ разгорался злой огонекъ и при этомъ каблукъ его порыжѣлаго сапога начиналъ нервно царапать землю.

— Давно ты занимаешься выжегомъ угля?—спросилъ я у дѣда.

— Сызмальства. При отцѣ еще мальчонкою работалъ. Нашъ весь родъ—и отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ—всѣ на углѣ работали.

— Сколько же времени проводишь въ лѣсу?

— Сколько времени? Да почитай-что цѣльный годъ. То дровишки рублю для завода и для угля, то уголь выжигаю, то лѣсную дичину пострѣливаю. Такъ въ лѣсу все и живу.

— И не надоѣдаетъ жить въ лѣсу?

— Почто надоѣсть? Развѣ жить на заводѣ лучше? Тамъ народъ до всего дошлый—на себя топора не уронитъ, а всякаго норовитъ хульнымъ словомъ аль дѣломъ непутевымъ изобидѣть. Тамъ и отца родного обмамонятъ, обнесутъ, оговорятъ, на грѣхъ только наведутъ. Тамъ другъ дружку безъ масла готовы проглотить! Шибко лютъ народъ сдѣлался! А здѣсь и тихо, и спокойно, и къ Богу ближе. По моимъ мыслямъ, лучше лѣсу ничего на свѣтѣ нѣту, и лучшей жизни, чѣмъ въ лѣсу, тоже не сыскать. А какъ посмотришь, что лѣсъ-то гибнетъ, ажъ въ душѣ заболитъ. Вѣдь

вотъ на моихъ уже глазахъ сколько того лѣса погибло. Здѣсь была такая чаща, что не пролѣзть, одно слово—урманъ, а теперь погляди, чуть не на версту межъ деревъ видать. Топоромъ здѣшняго лѣса не извести, а изводятъ его палы и пастьба скота. Тѣсно стало жить народу, въ лѣсъ онъ полѣзъ, а прилѣзши—губить его сталъ. И старое дерево и молоднякъ губятъ. Оно и не диво: отца родного, дѣтей не жалѣютъ, такъ гдѣ ужъ найти у нихъ жалости къ лѣсу. Хоть и дошлый до разныхъ разностей сталъ человѣкъ, а глупъ сдѣлался, какъ полѣно. Не понимаетъ, дерево стоеросовое, безсмысленный пень корявый, что своими же руками лишаетъ себя дара Божьяго. Эхъ, да что толковать, только на сердце себя наведешь!

Дѣдъ махнулъ рукою и поднялся на ноги.

— Пойдемъ, Игнатъ!—сказалъ онъ, кивнувъ головою въ сторону угольной кучи.—Нужно новые душники подѣлать.

— Пора и намъ двигаться,—произнесъ Бѣлышевъ.

Степанъ неохотно всталъ и медленно поплелся къ виднѣвшимся у опушки лѣса лошадямъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что мы остались одни, я разсказалъ Бѣлышеву о ночномъ ходатаѣ.

— Чортъ ихъ разберетъ, кто изъ нихъ правъ!—досадливо замѣтилъ Бѣлышевъ.—Врутъ такъ, что и сами не разберутъ, гдѣ правда, гдѣ вранье. Ѣдемте!

VII.

Однажды рано утромъ я былъ разбуженъ разговоромъ, ясно доносившимся до меня изъ-за дощатой перегородки. Хозяинъ моей квартиры велъ съ кѣмъ-то оживленную бесѣду и, судя по интонаціи, горячился. Голосъ, отвѣчавшій ему, показался мнѣ знакомымъ.

— Мало того, что ты совсѣмъ обмірщился,—говорилъ

Иванъ Артемьевичъ:—съ малыхъ лѣтъ живешь у никоніанъ, а ты, я вижу, голубь мой, задумалъ въ никоніанство перейти.

— Нѣтъ, не думаю—протестовалъ кто-то.

— Ну, а дѣлишки-то твои съ кралей лѣсною къ чему тебя ведутъ? Наслышанъ я, братъ, о томъ достаточно.

— Я къ ней со всѣмъ своимъ сердцемъ: она для меня, что родная сестра. Но у насъ нѣтъ грѣха и не будетъ.

— Эй, Игнатъ, не криви душою!

Тутъ я сразу догадался, кто былъ собесѣдникомъ Ивана Артемьевича: это былъ работникъ углежога, тотъ самый, на котораго полѣсовщикъ возводилъ обвиненіе въ поджогѣ лѣса.

— Я не кривлю душой,—повторилъ Игнатъ.

— Нѣтъ, кривишь душою. Наскрозь вижу твою гнилую рѣчь. Отъ соблазна должно бѣжать. Врагъ силенъ, и когда ему нужно соблазнить человѣка къ грѣховному дѣлу, онъ пускаетъ въ дѣло свое орудіе—женщину. Не даромъ она называется покоищемъ змѣинымъ. Послушай, какъ сіе бываетъ.

Въ давнія времена, во странахъ ахорейскихъ жилъ черноризецъ Аппелій, саномъ пресвитеръ, праведной жизни. Какъ бывшій прежде кузнецомъ, онъ, будучи и черноризцемъ, работалъ въ кузницѣ. Однажды, когда онъ ковалъ въ кузницѣ полосу желѣза, предъ нимъ предсталъ дьяволъ въ видѣ женщины соблазнительной красоты. Но Аппелій схватилъ голой рукою раскаленное желѣзо и пожегъ имъ лицо и тѣло женщины, которая столь громко вскрикнула отъ боли, что пробудились всѣ черноризцы въ кельяхъ, и исчезла. Да, исчезла. Съ тѣхъ поръ Аппелій, нисколько не страшась, бралъ голой рукою раскаленное желѣзо и оно не причиняло ему никакого вреда.

Вотъ какъ люди, не кривящіе душою, супротивъ

грѣха выстаиваютъ. А ты какъ дѣлаешь? Прилѣпился къ своей Настасьѣ, и не оторвешь тебя ни стыдомъ, ни совѣтомъ добрымъ, ни словами поносными.

— Я сказалъ тебѣ, Иванъ Артемьевичъ, что промежъ насъ нѣтъ грѣха и не будетъ грѣха.

— Эхъ, мелево мелешь! Экой, подумаешь, проворъ сыскался, кремень какой! Не такихъ, какъ ты, эти лапушки-сударушки вокругъ пальца обводили. Потому, что слабъ въ грѣхахъ своихъ человѣкъ. Вотъ послушай одну исторію и разумѣй!

Въ древнія времена жилъ во Египтѣ благочестивый юноша-христіанинъ. Принужденный родителями, онъ женился на молодой и красивой дѣвушкѣ. Въ первую брачную ночь онъ обратился къ женѣ съ такой рѣчью:

— Хотя намъ по обычаю должно сотворить, что положено мужу и женѣ, но да воздержимся отъ того, сохранимъ цѣломудріе и будемъ жить какъ братъ съ сестрою, безстрастно и чисто. И ты тому не печалься: отказавшись отъ наслажденій плотскихъ, ты найдешь сладости жизни тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни скорби, ни воздыханія, ни зимы лютой, ни лѣта знойнаго, ни песка сыпучаго, ни тьмы, но гдѣ все—свѣтъ и все—радость. Тамъ насладишься ты отъ древа вѣчной жизни. Если же я буду творить супругу положенное, то обречена ты будешь носить тяжесть во чревѣ, претерпишь муку родовъ, понесешь много трудовъ, ухаживая за младенцемъ и заботясь о его здоровьѣ и пропитаніи. И еще не станетъ твердо на ноги первый младенецъ, какъ появится другой, а тамъ черезъ нѣкое время третій. И такъ всѣ часы, всѣ дни и ночи будешь ты въ заботахъ о душѣ своей и печалиться о грѣхахъ своихъ. Итакъ, какъ же ты хочешь жить со мною?

— Будемъ жить такъ, какъ ты говоришь,—отвѣчала прекрасная женщина.

И поклялись они оба сохранить дѣвство и чистоту навсегда.

Отлучившись отъ мірской жизни, они удалились въ пустыню и на высокой горѣ, подъ скалою устроили себѣ жилье.

Въ трудѣ и молитвѣ прожили они тамъ нѣсколько лѣтъ, какъ истые черноризцы.

Но начала прихварывать жена. Ей все недомогалось: то въ глазахъ у нея какіе-то круги маячили, то ночью она металась и бормотала безсвязныя непонятныя слова, то по цѣлымъ суткамъ не могла ничего ѣсть и пить. И съ каждымъ днемъ она все болѣе слабѣла. Сидѣла она однажды подъ вечеръ рядомъ съ мужемъ своимъ, шерсть пряла и воду на кострѣ кипятила. Сидѣла, пошатнулась и упала. Взбрызнулъ ее черноризецъ студеной водою, но она не шелохнулась. Испугался онъ и наклонился надъ нею. И видитъ онъ: лежитъ она, молодая и прекрасная, недвижима. Глаза закрыты, и дыханія не слышно. Приникъ онъ ухомъ къ груди ея послушать, бьется ли еще сердце ея. Едва замѣтилъ біеніе его.

— Конецъ, видно, жизни ея пришелъ!—подумалъ черноризецъ.

И жалко, жалко такъ стало ему этой женщины.

Но вдругъ слышитъ онъ, что сердце ея забилось такъ скоро, скоро, а у него въ груди сердце такъ и затрепетало. И хочетъ онъ оторвать ухо свое отъ груди ея и не можетъ. А въ головѣ его что-то стучитъ. Вздрогнула женщина и вдругъ обняла его голову. Забыли тутъ они клятвы свои.

Послѣ довольно продолжительной паузы Иванъ Артемьевичъ снова заговорилъ:

— Слабъ, ой какъ слабъ человѣкъ къ женской породѣ! Не даромъ же въ «Шестидневцѣ» о разсѣченіи человѣческаго естества говорится:

«Человѣкъ не человѣкъ еси,—жеребецъ; не жеребецъ еси человѣкъ».

Сіе толкованіе должно разумѣть тако: конь похоте-

любивъ есть; егда узритъ кобылу, всадника разбіе; сице и человѣкъ похотелюбивъ, склоненъ зѣло на блудъ, чѣмъ душу свою погубляетъ.

Съ минуту длилось молчаніе.

— Ну, что же скажешь?—послышался голосъ хозяина.

— Я уже сказалъ тебѣ.

— Но не сказалъ, когда уйдешь отъ своей крали.

— Уходить не-зачѣмъ.

— Смотри, какъ бы потомъ не пожалѣть! Огонь безъ дыму, человѣкъ безъ грѣха не бываетъ—нѣсть бо человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ. Не послушаешь меня теперь, потомъ пожалѣешь, да не поздно ли будетъ тогда!

— Не придется жалѣть, и не уйду отъ своихъ хозяевъ,—съ раздраженіемъ вскричалъ Игнатъ.

— Чего опалился? Аль правда на сердце навела? Ну, что жъ, дѣлай, какъ знаешь. Видно камня не сварить, а тебя не уговорить. А все же тебѣ мой послѣдній наказъ: бѣги отъ соблазна и къ Богу мысли свои обрати. Помни, что «человѣкъ не человѣкъ еси,—саламандра; не саламандра еси человѣкъ». Есть бо звѣрь во египетской странѣ, величествомъ со пса,—саламандра, и такову силу имать, егда разжегши пещь седмь седмерицею и ввержеши его въ ню, тогда вся сила огненна угасне.

Тако и человѣкъ аще разженъ буде седмь седмерицею дьявольскимъ грѣхомъ и вверже себе въ любовь Божію, то та вся сила грѣха угаснетъ.

Игнатъ что-то тихо сказалъ. Половицы заскрипѣли.

— Богъ спасетъ!—послышался голосъ Ивана Артемьевича.

Дверь хлопнула и воцарилась тишина. Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за перегородки послышалось тихое, вполголоса пѣніе:

«Кто бы, кто бы мнѣ построилъ
Во темныхъ лѣсахъ келью,
Гдѣ бы птицы не летали,
Гдѣ бы люди не ходили,
Гдѣ душамъ нашимъ на пользу.
Какъ во Римскомъ было царствѣ
И во Московскомъ государствѣ,
Злой антихристъ народился,
Онъ на царство нацарился.
Распустилъ онъ свои сѣти,
На всемъ бѣломъ свѣтѣ;
Онъ и ходитъ и прельщаетъ,
Свои сѣти простираетъ,
Человѣки уловляетъ.
Вы рабы мои и рабыни,
Православные христіане,
Вы не весело ходите,
Не забывъ Бога живите.
Уходите, мои друзи,
Вы во горы, и во вертепы
И во пропасти земныя.
Засыпайтеся, мои свѣты,
Вы песками и пеплами.
Вы постомъ, друзи, попоститеся,
Вы и Богу помолитеся.
Вы постойте, мои друзи,
Вы за вѣру за Христову,
И за крестъ, и за молитву
И за все православіе.
Я за то васъ, мои друзи,
Надѣлю раемъ пресвѣтлымъ
На главы вѣнцы златые».

Когда, спустя четверть часа, я сидѣлъ у самовара и приготовлялъ себѣ чай, Иванъ Артемьевичъ, по обыкновенію, умостившись на узенькой лавкѣ, пустился въ разговоры. Вспомня послѣднія строки пропѣтой имъ пѣсни, я обратился къ нему:

— Скажите пожалуйста, что вы разумѣете подъ раемъ?

— Рай? Послѣ страшнаго суда устроитъ Господь Богъ великій столъ и протянется этотъ столъ отъ са-

мако конца востока до конца запада. И сядутъ за столъ, всѣ праведники, и поѣдятъ они честной трапезы. А послѣ того они вовѣки ѣсть и пить не будутъ, а сыты будутъ. И радостно и свѣтло будетъ ихъ житіе на лыхъ палатахъ, а передъ палатами ихъ сады большіе будутъ. И радостно и свѣтло будетъ ихъ житіе навѣки вѣчные. И будетъ тамъ... И какъ Вы это, сударь, пьете, посмотрю я на васъ.

— А что?

— Да не ладно какъ-то. Сказано вѣдь:

«Аще что пити начнеши, не поспѣши скоро вливати во уста. Уже бо что пріялъ еси, не отскочитъ отъ тебе; но проникни въ сосудъ и зри всякаго праха и волоса, да не растлити здоровья, да не возмутитъ ти съ гадіемъ ядомое. Да не изнуритъ тя болѣзнь нечаемая и егда узриши, что питіе чисто ти есть, тогда не поспѣши вливати и возри на образъ Христовъ. Перекрести лице свое, сотвори молитву Исусову, рцы: «Благослови Отче», и тогда піи якоже хощеши».

А смотрѣть на ваше питье очень соблазнительно: хвать стаканъ и, не перекрестивши лба, хлопъ въ ротъ безъ всякаго чина. Неподобно!

Я улыбнулся.

— Молоды вы, сударь, потому и смѣшки все вамъ,— наставительно промолвилъ Иванъ Артемьевичъ.—Да и не учатъ васъ въ школахъ правиламъ. Все только свѣтскія книги читаютъ. Одно ума развлеченіе да душѣ погубленіе.

— И смѣяться-то за ѣдою не подобаетъ,—докторальнымъ тономъ продолжалъ Иванъ Артемьевичъ:

— «Блюдися какова либо крупица не въ свое мѣсто въ горлѣ станетъ и задавитъ тя».

— Это у васъ Игнатъ былъ?—спросилъ я.

— Да, онъ. А вы откуда его знаете?

Я объяснилъ.

— Родственникомъ онъ мнѣ приходится, — молвилъ

Иванъ Артемьевичъ, — въ племянникахъ состоитъ. И разговорецъ нашъ, сударь, слышали?

— Слышалъ.

— Какое же ваше сужденіе будетъ по нашему разговору?

— Какое же могу имѣть сужденіе, когда ни Игната не знаю, ни самаго дѣла въ подробностяхъ не знаю.

— Коли время есть, послушайте, а я вамъ все это объясню.

Иванъ Артемьевичъ плавно и не спѣша началъ свое повѣствованіе. Бесѣда наша затянулась надолго и неизвѣстно, когда бы она окончилась, если бы за мною не прислали изъ заводской конторы.

VIII.

Блѣдное лицо, глаза и вся фигура Игната имѣли постоянный отпечатокъ той тупой покорности судьбѣ, которую случается замѣтить въ человѣкѣ, забитомъ неудачами, горемъ или болѣзнью.

Такимъ Игнатъ вышелъ отъ людскихъ заботъ. О немъ очень много заботились. Онъ былъ объектомъ заботъ еще до появленія своего на свѣтъ Божій. Его мать, женщина стараго уклада, въ ожиданіи этого появленія, боялась взглянуть даже на свинью, чтобы младенецъ не воспріялъ «неподобнаго облика», и, при всей своей бѣдности, сама не шила бѣлья для ожидаемаго ребенка, а отдавала «швачкѣ», такъ какъ въ противномъ случаѣ никакъ нельзя было разсчитывать на долголѣтіе ребенка. Ставъ счастливой матерью, она сорокъ дней прятала новорожденнаго отъ взора чужихъ людей, опасаясь «сглаза». До году Игнашку не стригли и рѣшились остричь лишь по минованіи этого срока, въ Великій Четвергъ. Мать ни на часъ не разставалась съ сыномъ. Куда бы она ни шла, всюду съ собою тащила

и его, оберегая его здравіе и благополучіе. Когда Игнашка, быть-можетъ изнемогая отъ расточаемыхъ ему заботъ, пытался кричать, его окуривали, спрыскивали водою съ уголька, или надѣвали рубашонку задомъ напередъ; а если эти радикальныя средства не помогали, то его относили подъ нашестъ, гдѣ шептали «вѣрные» заговоры и перевертывали черезъ голову, а затѣмъ, напоивъ настоемъ маковыхъ зеренъ, укладывали въ колыбель. «Эти средствія были шибко пользительны: дитё засыпало и спало, какъ задавленное».

Однажды Игнашка выразилъ будто бы намѣреніе стать на ножки.

Мать, замѣтивъ столь радостное проявленіе, немедленно схватила первый попавшійся подъ руку ножъ и поспѣшила провести имъ по полу между пятокъ любимаго дитяти. Поспѣшность ея была вполнѣ естественная: она заботилась до перваго шага, сдѣланнаго ребенкомъ самостоятельно, разрѣзать невидимыя глазамъ грѣшниковъ путы. Не поспѣй она во-время полоснуть ножомъ, Игнашка былъ бы обреченъ на печальную участь долгаго нехожденія, а въ зрѣломъ возрастѣ— болѣзни ногъ. Игнашка дѣйствительно немедленно послѣ столь стремительно совершенной манипуляціи не только шагнулъ, но даже подпрыгнулъ, испустивъ въ видѣ салюта отчаянный вопль. Оказалось, что вмѣстѣ съ незримыми путами, были отсѣчены два пальца на его ногѣ. Этотъ печальный случай лишь увеличилъ заботливость рачительной матери. Игнашу немедленно потащили къ бабкѣ-знахаркѣ, которая, осмотрѣвъ рану, глубокомысленно изрекла:

— Смажь ему пальчики лампаднымъ масломъ, завяжи тряпочкой. И тряпочку ту не снимай до молодого мѣсяца! Всю боль какъ рукой сниметъ. Однако, къ удивленію сердобольной матери, явившійся черезъ недѣлю молодой мѣсяцъ облегченія не принесъ: ребенокъ день и ночь кричалъ, а больная нога его распухала.

Пришлось обратиться къ другой знахаркѣ. Та пошептала, поплевала и дала настой травы, указавъ, что этимъ зельемъ нужно обмывать на зоряхъ. Неизвѣстно почему: отъ недостаточной ли силы зелья или же вслѣдствіе того, что мать, однажды, заработавшись на огородѣ, пропустила вечернюю зорю и совершила омовеніе раны уже послѣ того, какъ солнце закатилось, но опухоль не опадала и ребенокъ все кричалъ. Только маковый настой приносилъ нѣкоторое, хотя временное облегченіе въ видѣ сна. По счастливому случаю, страдающаго ребенка увидѣлъ фельдшеръ. Онъ осмотрѣлъ его, поковырялъ ножомъ въ ранкѣ, отрѣзалъ еще частицу мяса и далъ какое-то лѣкарство.

Ребенокъ сталъ поправляться, но за время болѣзни онъ такъ ослабъ, что еще съ полгода не становился на ноги.

Вотъ онъ сталъ уже ходить, однако выглядѣлъ худенькимъ, болѣзненнымъ.

Озабочиваясь здоровьемъ его, мать носила знахаркамъ яйца, куръ, иногда деньги, упрашивая помочь «родимому дитю». Такъ какъ приношенія эти, вслѣдствіе бѣдности просительницы, не отличались обиліемъ, то знахарки очевидно скупились на заговоры и «средствія». Такого убѣжденія была мать Игнаши, видя, что ребенокъ попрежнему хилъ и слабъ.

Расчувствовавшись слезами бѣдной женщины, одна старуха-знахарка посовѣтовала «перепечь» ребенка. Сказано—сдѣлано: ребенка уложили на лопату, прикрѣпили къ ней полотенцемъ и сунули въ затопленную печь. Хотя операція эта была совершена быстро, однако волосенки на головѣ успѣли обгорѣть.

Средство это, какъ и прочія, къ огорченію матери, не имѣло ожидаемаго результата.

Игнашѣ стукнулъ уже десятый годокъ, но онъ попрежнему имѣлъ болѣзненный, истощенный видъ.

Теперь заботою матери было, куда бы пристроить Игнашу «въ науку». Мѣсто нашлось у сапожника.

Отзывы о личности этого мастера были діаметрально противоположны. Старообрядцы называли его человѣкомъ стариннымъ, благочестивымъ, истымъ чтителемъ часовенной вѣры и старыхъ обрядовъ. «Табашники» же были иного мнѣнія, говоря, что онъ великій богословъ: всѣ праздники по перстамъ знаетъ; вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ; молока не хлебнетъ въ пятницу, а молочницѣ и въ великую субботу не спуститъ.

Чье опредѣленіе было вѣрно—трудно сказать.

Отецъ Игнаши, плававшій въ должности водолива съ заводскимъ караваномъ въ Нижній-Новгородъ, за годъ до поступленія Игнаши «въ науку», простылъ и умеръ гдѣ-то въ пути, оставивъ въ наслѣдство женѣ и сыну лишь старую, полуразвалившуюся избенку.

Тяжелая жизнь у сапожника, отличавшагося грубостью и скряжничествомъ, не могла поправить здоровье Игнаши.

Когда вскорѣ умерла и мать его, Игнатъ совсѣмъ захирѣлъ и свалился съ ногъ.

Сапожникъ далъ ему полную отставку. И началъ съ тѣхъ поръ Игнаша скитаться отъ одного родственника къ другому: у одного день проживетъ, у другого два; у одного ѣсть дадутъ, у другого старые сапоги подарятъ, а у третьяго подзатыльникомъ наградятъ.

Если бы Игнаша зналъ изреченіе: «Бѣдность не порокъ, а большое свинство», онъ навѣрно назвалъ бы изрекшаго эти слова великимъ мудрецомъ.

Но Игнаша не зналъ ни такихъ утѣшительныхъ изреченій ни людей, которые были бы готовы утѣшить и пригрѣть его.

И ходилъ онъ «тощой, скрозь ребра кишки видно». Долго ходилъ онъ, безпріютный и оборванный, по дворамъ христіанъ древляго благочестія, пока не при-

строился у нечестиваго никоніанина, занимавшагося углежженіемъ.

Взятый имъ изъ состраданія, Игнаша сталъ поправляться и крѣпнуть. Но ни здоровый лѣсной воздухъ ни сытная пища и мягкое обхожденіе хозяина не могли согнать со щекъ Игнаши блѣдность.

— Почто ты такой хлипкóй?—часто говорилъ ему хозяинъ.—Точно все нутро у тебя выгорѣло. И работой тебя не неволю и какъ за родного почитаю тебя. Жалко тебя, очень мнѣ жалко.

Такъ же сердечно относилась къ Игнашѣ и внучка углежога, Настя.

IX.

Пермская губернія одна изъ тѣхъ губерній, въ которыхъ не скоро доѣдешь отъ одной границы до другой. Уступая по величинѣ лишь Архангельской и Вологодской губерніямъ, Пермская раскинулась на пространствѣ безъ малаго въ триста тысячъ квадратныхъ верстъ, т.-е. болѣе $30^1/_2$ милліоновъ десятинъ.

Обширная гористая полоса является средоточіемъ уральской горной промышленности.

По обѣимъ же сторонамъ ея земледѣльческіе районы, которые однако не могутъ похвастать обиліемъ плодородной земли. Изъ всей огромной площади губерніи только 22 процента земли, удобной для сельскохозяйственной культуры, но и та далеко не вся занята этой культурою: земледѣліе привилось только въ немногихъ мѣстахъ. Въ большинствѣ хозяйствъ оно оставляетъ желать очень многаго.

Въ горнопромышленномъ районѣ, отчасти благодаря каменистой, глинистой, песчаной или болотистой почвѣ, отчасти вслѣдствіе климатическихъ условій, отчасти отъ плохого ухода за землей и несовершенной ея обработки,

а также по той причинѣ, что жители привыкли считать главнымъ ресурсомъ для своего существованія заработокъ на заводскихъ работахъ, земледѣліе совсѣмъ слабо развито.

Собственно заводскія работы занимаютъ не много рукъ, но работы вспомогательныя, какъ напр.: добыча руды, строительнаго камня, флюса [1]) и другихъ полезныхъ ископаемыхъ, выдѣлка кирпича и куренныя работы, къ которымъ относятся выжегъ угля, заготовка дровъ и бревенъ,—все это требуетъ очень много работниковъ. Къ тому же во всей губерніи извозный промыселъ не потерялъ своего значенія, вслѣдствіе огромныхъ разстояній при недостаткѣ искусственныхъ путей сообщенія.

Но почти всѣ заводскіе мастеровые съ наступленіемъ праздника Петра и Павла или нѣсколько позднѣе оставляютъ заводскія работы и отправляются «страдовать». Простой народъ говоритъ: «Прежде Петра не суй носу, а послѣ Петра берись за косу». Съ этого дня начало сѣнокоса.

Забравъ съ собой чадъ и домочадцевъ, страдовщикъ отправляется на свою надѣльную или арендованную землю, гдѣ и проживаетъ до конца августа. Здѣсь онъ занимается сѣнокошеніемъ и уборкою хлѣба, но усердствуетъ не особенно: поздно встанетъ, послѣ обѣда часика два заснетъ, иной разъ подъ вечеръ отлучится поохотиться или рыбу поудитъ, а тамъ, смотришь, солнце уже зашло: пора ужинать и на боковую. Бабы работаютъ прилежнѣе мужчинъ, но также особымъ усердіемъ не отличаются.

И вообще большинство заводскихъ мастеровыхъ смотрятъ на страду болѣе, какъ на выѣздъ на дачу, чѣмъ на работу, которая дала бы средства къ существованію.

---

[1]) Флюсовый камень (известнякъ, доломитъ) употребляется въ доменныхъ печахъ для выдѣленія шлака.

Иной купитъ жеребенка, теленка да пару ягнятъ и страдуетъ: заготавливаетъ для нихъ на зиму сѣно. Спустя года три, онъ весь свой живой инвентарь продаетъ рублей за восемьдесятъ, за сумму ничтожную въ сравненіи съ той, которую онъ самъ въ одиночку, безъ своей семьи, могъ бы заработать въ заводѣ за три лѣта.

Желаніе вырваться изъ копоти, дыма и адской жары металлургическихъ печей вполнѣ естественно и понятно, но странно смотрѣть, какъ здоровый человѣкъ у котораго и закромы, и сараи, и собственные карманы пусты, въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ болѣе лежебочничаетъ, чѣмъ работаетъ, хотя при упорномъ трудѣ и урожайномъ годѣ онъ могъ бы своимъ «страдованіемъ» обезпечить существованіе себѣ на цѣлый годъ.

Большинство «страдовщиковъ» въ описываемыхъ нами заводахъ были именно «дачники», присвоившіе себѣ право на лѣность.

Только жители селъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ завода, страдуютъ по-настоящему. Но и тутъ бываетъ не безъ странностей.

Такъ, напримѣръ, есть село, владѣющее по надѣлу и арендным договорамъ сравнительно большой и плодородной площадью земли. Жители этого села зажиточны: у каждаго хорошая изба, при ней просторныя надворныя постройки; у многихъ можно найти въ домѣ швейныя машины, а у нѣкоторыхъ и граммофоны.

Но на задворкахъ можете также найти скирды немолоченнаго хлѣба, скопленнаго за два года, а въ амбарахъ зерно, накопленное за нѣсколько лѣтъ. Все это портится, гніетъ, но хозяинъ не спѣшитъ утилизовать свое добро: зачѣмъ, дескать, мнѣ хлопотать надъ молотьбою да съ продажею,—и зерно и деньги имѣемъ, съ голоду не помремъ!

Сгнаиваніе зерна въ закромахъ считается у такихъ богатеевъ какой-то доблестью.

Извѣстенъ и такой случай. Верстахъ въ ста-пятиде-

сяти отъ Екатеринбурга, по теченію рѣки Течи, на берегу довольно большого и богатаго рыбою озера, въ безлѣсной и степной мѣстности стоитъ небольшое село Метлино.

Вся мѣстность подъ селомъ и вокругъ его болѣе 150 лѣтъ тому назадъ представляла собою пустырь. Она принадлежала башкирамъ и была куплена у нихъ орловскимъ помѣщикомъ Метлинымъ, по обычаю добраго стараго времени, «за какіе-то гроши и нѣсколько барановъ». Метлинъ переселилъ сюда своихъ крестьянъ. Послѣ его смерти Метлино перешло къ дочери его, бывшей замужемъ за горнымъ чиновникомъ, оберъ-бергъ-гауптманомъ Булгаковымъ. По духовному завѣщанію Булгаковой ея метлиновскіе крестьяне получили волю и въ даръ озеро, усадьбу и земли болѣе 3000 десятинъ. Получившіе безъ всякихъ платежей на ревизскую душу около 40 десятинъ удовлетворительнаго качества земли и перечисленные въ 1862 году въ разрядъ собственниковъ, метлинцы умудрились однако скоро попасть въ разрядъ бѣднѣйшаго населенія Екатеринбургскаго уѣзда.

Но встрѣчается не одна сотня бѣдняковъ-хозяевъ, которые страдуютъ не только лѣтомъ, но и круглый годъ: лѣтомъ они жарятся въ полѣ подъ палящими солнечными лучами, а зимой окоченѣваютъ на работѣ въ лѣсу; осенью, глядя на ничтожные плоды плохого урожая, они мечтаютъ о зимнихъ заработкахъ, а въ трескучіе морозы, не находя постоянной работы, они съ тупой покорностью своей судьбѣ мастерятъ свои сохи и бороны для того, чтобы весною вспахать свои участки.

Трудъ да горе, капли пота
Пополамъ съ слезой,
За тяжелою работой
Съ вѣчною нуждой.
Ломота въ костяхъ, мозоли
Съ грязью на рукахъ,
Жизнь безъ счастія и доли...

Страдуютъ лѣтомъ рабочіе, страдуютъ и заводы. На іюль и августъ, а иногда и до половины сентября работъ въ заводѣ не производится. Одни лишь доменныя печи попыхиваютъ своими жерлами да производится ремонтъ заводскихъ зданій и машинъ.

Эта страда для заводовъ убыточна. Съ такой страдою горные заводы южныхъ и центральныхъ губерній не знакомы. Для нихъ подобная страда можетъ быть лишь при разныхъ промышленныхъ кризисахъ, когда волею судебъ приходится сократить производство.

Не даромъ же говорятъ, что Уралъ страна особая, и по характеру природы, и климату, и народонаселенію, и по его обычаямъ, и всему укладу жизни.

И среди его особенностей есть такія, какія, по мѣткому выраженію, ни въ какія ворота не лѣзутъ.

Всѣ мы еще со школьной скамьи освѣдомлены о томъ, что Уралъ богатъ желѣзными и мѣдными рудами, золотомъ, драгоцѣнными камнями, разнообразными ископаемыми. Обиліе лѣса обезпечиваетъ потребность въ древесномъ углѣ, на которомъ работаютъ доменныя печи. На Уралѣ дешевыя рабочія руки. Огромныя уральскія озера и пруды даютъ дешевую двигательную силу для машинъ.

И этотъ самый Уралъ едва дышитъ, влачитъ жалкое существованіе. Отъ безденежья и безработицы многіе заводы уже «крахнули», а многіе наканунѣ краха. Иные мечтаютъ, какъ о маннѣ небесной, продать свои заводы иностранцамъ, а другіе взять изъ земельнаго или государственнаго банка ссуду для того, чтобы черезъ годъ снова клянчить о дополнительномъ позаимствованіи.

Плохо стало жить и заводскому люду, составляющему коренное населеніе злополучныхъ заводовъ.

Многіе изъ послѣднихъ, безспорно могущіе имѣть блестящую будущность, нынѣ хирѣютъ въ облакахъ затхлой рутины и въ стояніи на одномъ мѣстѣ. Это

стояніе на мѣстѣ, при быстромъ, напряженномъ и постоянномъ движеніи другихъ однородныхъ предпріятій впередъ, есть, конечно, та же отсталость. Отстать же отъ другихъ по нынѣшнимъ временамъ—значитъ погибнуть. И предпріятіе гибнетъ медленно, медленно—благодаря его естественной мощи, но вѣрно. Ни новыя заграничныя машины, ни патентованныя усовершенствованія не поднимутъ дѣла, гдѣ живыя машины—люди, руководящіе дѣломъ и работающіе въ немъ, погрязли въ тинѣ стараго уральскаго домостроя, гдѣ живыя машины тѣ же неодушевленныя машины, но безпорядочно прыгающія порознь, безъ надлежащаго сознанія и живой энергіи.

Этотъ уральскій консерватизмъ, неприспособленность къ новымъ требованіямъ рынка, неподготовленность къ тяжелой борьбѣ за существованіе, неумѣніе предугадывать грядущія событія, бездѣятельная растерянность во времена кризисовъ металлургической промышленности, какъ и причины спеціальныя для Урала: отдаленность отъ центровъ торговли, недостатокъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, разбросанность заводовъ, составляющихъ одно и то же предпріятіе, на пространствѣ, измѣряемомъ десятками верстъ, огромные накладные расходы, издавна, по традиціи, сохранившіеся почти въ полной неприкосновенности,—все это послужило причиною упадка уральскихъ заводовъ, благоденствію которыхъ еще такъ недавно завидовали ихъ южные сотоварищи.

Печально было положеніе и потаповскихъ заводовъ, этого уральскаго колосса, опутаннаго хозяйской глупостью и ветхозавѣтными порядками.

Денегъ нѣтъ и достать неоткуда: заложены и земля, и лѣса, и чугунъ, и желѣзо, а кредитъ безъ вѣрнаго обезпеченія уже отошелъ въ область преданій. Его не получить потаповскимъ заводамъ, которымъ когда-то вѣрили сотни тысячъ рублей лишь на слово,

Старые заказчики отбились, Нижегородская ярмарка потеряла для нихъ значеніе услужливаго Сезама, который всегда покорно раскрывалъ имъ свою широкую мошну, а желѣзная дорога систематически урѣзывала подачу вагоновъ подъ нагрузку запроданнаго товара.

Когда хозяева, привыкшіе правдами и неправдами высасывать изъ оборотныхъ средствъ заводовъ деньги на прожиганіе ихъ въ столицѣ, не только уже не получали ни сантима отъ заводовъ, но должны были добывать для послѣднихъ деньги, необходимыя на расчетъ рабочихъ,—тогда хозяева стали думать и гадать, какъ имъ быть, какъ своему горю пособить. Надумали живо: назначили новаго управляющаго заводами. Это назначеніе, о которомъ я узналъ отъ механика Литейщикова, произвело сенсацію среди служащихъ.

Какъ водится въ такихъ случаяхъ, одни скорбѣли, другіе радовались.

— Слышали ли новость?—подбѣгаетъ ко мнѣ на улицѣ одинъ изъ конторскихъ служащихъ.—Нашего-то владыку кишнули! Ахъ, и вы уже освѣдомлены? Ну, теперь прощай канцелярская волокита! У насъ, знаете ли, даже есть свой конторскій гимнъ,—стихотвореніе Сумарокова, слегка перелицованное.

И мой собесѣдникъ, трагически насупивъ брови, продолжалъ речитативомъ:

Потребна «самому» порядочная справка.
Имѣетъ въ ономъ быть заводскій интересъ,
Понеже выпала заводская булавка:
Какой по описи булавки оной вѣсъ,
Желѣзо или мѣдь въ булавкѣ той пропало,
Въ которомъ именно году она упала,
Въ которомъ мѣсяцѣ, котораго числа,
Которымъ и часомъ, которою минутой
Заводскій былъ ущербъ булавки помянутой?

— Слышали? — восклицалъ, вывернувшій изъ-за угла, навстрѣчу намъ, прокатный мастеръ.—Слышали

ли, нашего благодѣтеля, отца нашего—управляющаго, владѣльцы уволили? Что-то теперь будетъ? Что подѣется теперь съ заводами и съ нами, горемыками?

И «прокатчикъ» сталъ громко сморкаться и вытирать слезы, повидимому совершенно искреннія.

Прибытіе новаго управляющаго ожидалось со дня на день.

Между тѣмъ наступили жаркіе лѣтніе дни.

Однажды послѣ полудня я забрался въ лѣсную чащу и усѣлся вблизи журчавшаго ручья.

Могучія сосны, стройныя, красивыя пихты, приземистыя черемуха, рябина и тальникъ стояли непроглядной стѣною по обѣимъ сторонамъ ручья. Подъ тѣнью ихъ то одиноко, то купами виднѣлись калина, сибирскій гороховникъ и жимолость.

Кругомъ тихо. Лишь изрѣдка слегка зашумятъ вершины деревьевъ и снова смолкнутъ.

Невдалекѣ отъ меня изъ воды, среди камней вынырнула темно-бурая птичка, видомъ похожая отчасти на скворца, отчасти на дрозда, но отличающаяся отъ нихъ очень короткимъ хвостомъ. Птичка снова скрылась подъ водою и вынырнула шаговъ черезъ десять, уже въ непосредственной близости ко мнѣ. Тутъ она, очевидно замѣтивъ меня, торопливо погрузилась въ воду, и мнѣ было видно, какъ она быстро побѣжала по каменистому дну. На значительномъ отъ меня разстояніи она вынырнула и полетѣла надъ самой водою.

Тутъ мнѣ вспомнилось названіе этой замѣчательной по образу жизни птички. Оляпка, или водяной воробей, живетъ у мелкой воды, подъ камнями или пнями. Даже зимою тамъ, гдѣ есть незамерзающая ключевая вода, можно наблюдать, какъ проворно бѣгаетъ эта птичка туда и сюда по дну, то разыскивая себѣ пищу, то укрываясь отъ любопытныхъ взоровъ.

Не знаю, долго ли я находился въ состояніи бла-

женнаго покоя, но изъ него былъ внезапно выведенъ раздавшимся невдалекѣ трескомъ валежника.

Изъ-за куста черемухи показался всадникъ, въ которомъ я сразу призналъ полѣсовщика Степана. Онъ тоже узналъ меня, поклонился и, слащаво улыбаясь, спросилъ:

— Гулять изволите?

— Да. А вы откуда?

— Изъ лѣса. Наше дѣло извѣстное: изъ лѣса да въ лѣсъ. Былъ сейчасъ на пóстати, гдѣ недавно ваша милость ночевала.

— А, вотъ откуда,—сказалъ я, вспомнивъ свою ночевку послѣ лѣсного пожара и ночного ходатая.—Ну, что тамъ дѣлается?

— Мало хорошаго. Дѣдъ, сами изволили видѣть, куда какимъ крѣпкимъ казался, а черезъ недѣлю послѣ того, какъ вы тамъ были, Богу душу отдалъ. Утромъ нашли его въ шалашѣ мертвымъ: заснулъ да и не проснулся. Не болѣлъ и не горѣлъ, а умеръ: значитъ, положенный конецъ пришелъ. Пóстать теперь передана другому кабанщику.

— Ну, а внучка—Настей, кажется, звали ее,— гдѣ она?

— Извѣстно, дѣло ея сиротское. Не стало дѣда, въ услуженіе пошла. Богатей здѣсь есть, Тагильцевымъ прозывается. Такъ она къ нему.

Степанъ какъ-то загадочно крякнулъ, слѣзъ съ лошади и съ какимъ-то ожесточеніемъ подтягивалъ подпруги у сѣдла.

— Не тотъ ли, котораго башкирскимъ адвокатомъ называютъ?

— Онъ самый. И вы уже знаете его? А впрочемъ, какъ и не знать: всѣ его знаютъ,—проворъ на всѣ руки.

— А Игнатъ гдѣ?

— Игнатъ все тамъ же, на пóстати, въ работникахъ состоитъ.

Степанъ, закуривъ трубку, усѣлся на землю и началъ толковать о Тагильцевѣ, не жалѣя черныхъ красокъ въ описаніи его качествъ и дѣяній.

— А вѣдь пора и домой,—сказалъ я, взглянувъ на часы.

— Вы какъ, дорóгою или напрямикъ?—спросилъ Степанъ.

— Сюда шелъ дорогою.

— Хотите напрямикъ провожу?

Я, конечно, изъявилъ согласіе. Степанъ свистнулъ и шагнулъ черезъ ручей. За нимъ двинулся я, а за мною, въ нѣсколькихъ шагахъ, пощипывая на ходу траву и мохъ, поплелась лошадь.

По мѣрѣ удаленія отъ ручья характеръ мѣстности все рѣзче и рѣзче мѣнялся.

Небольшіе холмы смѣнились болѣе высокими сопками. На обнаженныхъ вершинахъ ихъ виднѣлись глыбы камня.

На смѣну мендачнаго лѣса, выросшаго на низменныхъ, болотистыхъ мѣстахъ, появился тотъ гигантскій кондовый лѣсъ, который растетъ на сухой, каменистой почвѣ.

Деревья были прямы, какъ мачты, и высоко тянулись своими острыми шпилями и куполообразными шапками.

Степанъ, говорившій о разныхъ пустякахъ, вдругъ какъ-то съежился и выпалилъ:

— А Игнашку на будущей недѣлѣ къ слѣдователю поволокутъ на допросъ по дѣлу о поджогѣ лѣса. Это что недавно палъ былъ.

— Развѣ нашлись улики?

— Какъ же-съ, нашлись. Свидѣтели оказались. Видѣли, значитъ, какъ поджигалъ онъ, варнакъ треклятый.

При этомъ Степанъ искоса взглянулъ па меня и закашлялъ, очевидно волнуясь,

И онъ началъ разсказывать, какъ два полѣсовщика, пріятели Степана, заявляли старшему лѣсничему о томъ, что были свидѣтелями поджога Игнатомъ заводскаго лѣса.

Въ одномъ мѣстѣ мы натолкнулись на буреломъ съ его дикой картиною хаоса.

Не даромъ уральскіе обыватели объясняютъ такіе буреломы дракою двухъ встрѣтившихся лѣшихъ, которые съ корнями вырываютъ вѣковыя деревья и дерутся ими. Конечно, отъ такого побоища должно быть не мало поваленныхъ и сломанныхъ деревьевъ, не мало щепъ и сушняка.

Уральцы говорятъ также, что лѣсовикъ, или лѣсунъ, живетъ въ глухихъ урманахъ, лѣсныхъ трущобахъ, среди сушника или въ дуплѣ. На зиму лѣсовикъ проваливается въ преисподнюю, а весною выскакиваетъ оттуда, чтобы снова жить на старомъ своемъ мѣстѣ. Передъ уходомъ на зимовку лѣсной владыка бѣснуется,—очевидно преисподняя не представляетъ для него сладостную перспективу,—ломаетъ деревья, валитъ ихъ кучами, разгоняетъ птицъ и звѣрей.

— А не заблудимся мы?—выразилъ я свое опасеніе, протискиваясь между вѣтвей упавшихъ одна на другую сосенъ.

— И слѣпая курочка находитъ зернышко, а моимъ зрячимъ глазамъ стыдно было бы не угадать знаемаго мѣста. Недалеко итти.

И дѣйствительно, вскорѣ передъ нами открылась сырая, тѣнистая долина, по дну которой вился узкій ручей, мѣстами совершенно закрытый густымъ кустарникомъ, а за ручьемъ уже свѣтлѣла лѣсная опушка.

Мѣстность вся была изрыта. Тутъ когда-то, повидимому давно, много поработала «желѣзная лопата, добывая мѣдь и злато».

Вездѣ кучи камней—отвалы, ямы, канавы, обгорѣлые пни.

Здѣсь когда-то кипѣла работа. Теперь же вся эта «мерзость запустѣнія» глядѣла одиноко, уныло и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то укоризненно.

X.

Въ музыкальной драмѣ Р. Вагнера «Тристанъ и Изольда» герой на свиданіи съ героинею выражаетъ вполнѣ опредѣленное намѣреніе поцѣловать ее: сдѣлаетъ шагъ впередъ, разставитъ руки и поетъ что-то; затѣмъ снова шагнетъ, разставитъ руки еще шире и снова поетъ. И такъ онъ дѣйствуетъ въ теченіе доброй четверти часа. А героиня преспокойно ожидаетъ, когда наконецъ возлюбленный допоется до желаннаго результата, и тѣмъ временемъ ковыряетъ полъ носкомъ туфельки.

Въ оперѣ «Русланъ и Людмила» Черноморъ изъ-подъ самыхъ носовъ охмелѣвшихъ витязей похищаетъ новобрачную Людмилу. Казалось бы, что витязи должны немедленно ринуться въ погоню за похитителемъ. Однако они неторопливо собираются у суфлерской будки и тянутъ:

О, витязи, скорѣе въ чисто поле!
Намъ дорогъ часъ и путь далекъ,
И путь далекъ, и путь далекъ!
О-о-о-о! А-а-а-а! И путь далекъ!

— Еле удерживаешься, — говоритъ одинъ фельетонистъ, — чтобы не запустить въ этихъ витязей шапкою, биноклемъ, чѣмъ попало! «Да не разѣвайте вы глотки безъ толку, умники вы этакіе! Бѣгите! Время попусту теряете!»

Эта медлительность, почти отсутствіе движенія, эта безжизненность и неповоротливость въ полной ихъ тлетворной силѣ характеризовали прошлый бытъ ураль-

скихъ заводовъ. И также хотѣлось крикнуть во все горло: «Да очнитесь же наконецъ! Довольно толочься на одномъ мѣстѣ и тянуть волынку: вѣдь время попусту теряете!»

Такъ досадно и вчужѣ обидно было наблюдать мертвую спячку столь щедро одаренныхъ самою природою уральскихъ заводовъ. Такъ грустно было мнѣ два года тому назадъ, во время пребыванія въ Сливянскомъ заводѣ.

Но и теперь, во второе мое посѣщеніе гостепріимнаго завода, общая картина уральской заводской жизни навѣвала еще бо́льшую грусть: сгустились зловѣщія тѣни этой картины и мрачныя краски особенно рѣзали глазъ своимъ мертвящимъ холодомъ.

Безденежье у заводоуправленій стало особенно остро ощущаться. Нѣтъ денегъ ни на расчетъ съ рабочими ни на уплату поставщикамъ и банкамъ. Разсчитывали рабочихъ, вмѣсто денегъ, ордерами, по которымъ мѣстные торговцы отпускали всякую заваль по тройнымъ цѣнамъ, сохраняя эти ордера у себя, какъ долговыя обязательства заводовъ. За денежный учетъ такихъ ордеровъ тѣ же торговцы брали съ рабочихъ по 50—60 процентовъ.

Торговцы, изждавшись полученія отъ заводовъ денегъ по ордерамъ, прекратили отпускъ товаровъ въ кредитъ: заводы стали тогда расплачиваться съ рабочими и служащими желѣзомъ. Получившій свой заработокъ желѣзомъ тащилъ его къ прасолу или другому дѣльцу, дѣлавшему большую скидку съ рыночной цѣны. Но и это скоро прекратилось. Никакъ не уплачивали заработка: «Денегъ нѣтъ и когда будутъ—неизвѣстно!»

И это далеко не единичное явленіе разрасталось и охватывало все бо́льшій районъ уральской промышленности.

А между тѣмъ та же рутина, тотъ же изжившій строй сохранялся на Уралѣ неприкосновеннымъ.

Въ каждомъ заводѣ попрежнему свой управитель и своя контора, надъ ними главное управленіе заводами, а сверхъ его «всѣхъ Давишъ»—правленіе. Вездѣ огромные штаты, вездѣ непроизводительные расходы и тѣ особенныя, чисто-уральскія, затраты, отъ которыхъ никому пользы нѣтъ.

Тѣ же главноуправляющіе заводами съ особеннымъ, чисто-уральскимъ, олимпійскимъ соннымъ величіемъ и дико-огромными окладами жалованья. Тѣ же уральскіе инженеры, мнящіе себя господами, мало работающіе, но много заботящіеся о своемъ комфортѣ и покоѣ. Тѣ же доморощенные механики, прокатчики, смотрители, надзиратели, бухгалтеры, которымъ важно лишь такъ или иначе получить положенное имъ жалованье, а «на остальное-прочее въ высшей степени наплевать».

Та же выработка издѣлій внѣ всякихъ условій и рынковъ сбыта; та же отсталость въ техникѣ и коммерціи. То же земельное неустройство. Та же хищническая рубка лѣсовъ и прежняя нераціональная разработка прочихъ природныхъ богатствъ. Та же нерадивая безхозяйственность и та же непробудная, неумытая лѣнь.

А тутъ, къ великому прискорбію заводчиковъ, миновала благодатная эра правительственныхъ субсидій: стали давать ихъ весьма туго. Банки, предвидя крахи заводскихъ предпріятій, сократили кредиты, уклоняясь даже отъ ссудъ подъ залогъ.

Если прибавить къ тому и причины общія—въ видѣ безденежья у народа и застоя въ торговлѣ, а также разныя послѣдствія только-что закончившейся нашей неудачной войны,—то картина жизни уральскихъ заводовъ и должна получиться только зловѣще-мрачной...

Остановился я на прежней квартирѣ, у Ивана Артемьевича

Не удивительно, что наши разговоры вертѣлись вокругъ одной и той же оси. Положеніе заводовъ обсуждалось со всѣхъ сторонъ и сегодня, и завтра, и утромъ, и вечеромъ.

И въ рѣчахъ словоохотливаго хозяина слышались то раздраженіе, то грусть, то иронія, то слезы, то озлобленіе.

— Да, видно, не все коту масленица,—однажды говорилъ онъ, уютно расположившись въ широкомъ креслѣ, стоявшемъ у моего окна.—Придется и нашимъ владѣльцамъ попоститься. Довольно почудесили! А начудесили они не мало. Въ старые годы, къ примѣру сказать, въ господскомъ домѣ кормили свиней лущеными кедровыми орѣхами. Десятокъ дѣвочекъ тѣмъ только и занимался, что съ утра до поздней ночи лущилъ эти орѣхи. Свиней ежедневно мыли щелокомъ, а передъ убоемъ напаивали виномъ.

— Это для чего же?—поинтересовался я.

— Чтобы были мясо повкуснѣе да печень поболѣе. А поросятъ воспитывали въ особыхъ люлькахъ, просторныхъ, мягкихъ да теплыхъ. Гусей заживо жарили передъ каминами—все для того же, для лучшаго вкуса. Вкусно любили поѣсть. Не такъ ужъ давно, когда на Уралѣ не было еще желѣзной дороги, владѣльцамъ посылали изъ здѣшнихъ заводовъ лошадьми, на двухъ-трехъ тройкахъ, ананасы. Ихъ выращивали въ заводскихъ оранжереяхъ, что при господскомъ домѣ. Впрочемъ и теперь ихъ тамъ выращиваютъ, да уже числомъ поменѣе. И слышалъ я, что если подсчитатъ весь расходъ, то выгонка одного ананаса обходится около двадцати рублей.

Иванъ Артемьевичъ съ минуту помолчалъ и продолжалъ:

— Да и съ людьми не очень церемонились. Зачастую заставляли впередъ пятками ходить: что бывало ни прикажутъ, чтобъ въ моментъ было исполнено. Не

спрашивая чьего-либо согласія, женили, разводили, переселяли нашихъ мастеровыхъ и крестили башкировъ. А ужъ работу выжать изъ нашего брата—на то были они большіе мастаки. Дѣтей уже съ восьмилѣтняго возраста назначали на работы: собирать грибы, ягоды, мохъ, валежникъ, пасти господскую птицу, выбирать чугунъ изъ шлака. Съ четырнадцатилѣтняго возраста уже назначали на обязательную огненную работу, а также на работы въ подземныхъ рудникахъ и глубокихъ разрѣзахъ. Нигдѣ крѣпостное право не было такъ тяжело, какъ здѣсь, на Уралѣ. Заводчики или покупали крестьянъ на правахъ помѣщиковъ или получали ихъ въ приписку отъ казны. Заводчики вносили казнѣ подушную подать, а самимъ работавшимъ ничего не платили, такъ какъ имъ никакого содержанія не полагалось. Работа была тяжелая. Обхожденіе звѣрское: били и палкою, и скалкою, и трепалкою. Отъ этого битья иные бѣжали въ лѣса, въ самую безпросвѣтную дрему, а иные чинили противности. На такихъ бунтарей присылали солдатъ. Бунтарей за ихъ продерзости забивали въ колодки, плетьми приводили въ подобострастіе, сдавали также въ солдаты и ссылали въ Сибирь.

— И отъ васъ и отъ другихъ я все слышу разсказы о минувшемъ времени крѣпостничества. А каковы были владѣльцы послѣ уничтоженія крѣпостного права?

— Каковъ корень, такова и поросль. Отъ лося бываютъ лосята, а отъ свиньи поросята. Что природа дала, того мыломъ не вымоешь. И такая пословица, конечно, не мимо молвится. У новыхъ владѣльцевъ руки были укорочены, а сноровка и повадки остались старыя. Не мытьемъ, такъ катаньемъ, а свое они брали. Что и говорить, хорошій жомъ былъ! И все-то онъ выжалъ. Вотъ теперь и зубы на полку кладемъ. Животики подводитъ, а глаза на лобъ лѣзутъ. Отощали и духомъ пали. Да какъ и не пасть духомъ, когда нѣтъ надежды на близкіе лучшіе дни!

Поистинѣ, какъ говорится въ книгѣ Бытія, пролилъ Господь на Содомъ и Гоморру дождемъ сѣру и огнь съ неба и ниспровергъ города эти, и всю окрестность ихъ, и всѣхъ жителей, и всѣ произрастанія земли.

— А какъ поживаетъ Игнатъ?—спросилъ я однажды Ивана Артемьевича, наслушавшись его повѣствованій о прежнемъ житьѣ-бытьѣ.

— Не знаю, давно не видывалъ. Онъ сюда болѣе ходокъ. Отъ древляго православія откололся и въ вашу вѣру перекинулся. Говоритъ, что по вашей вѣрѣ жить свободнѣе. А свобода-то нужна, чтобъ съ кралей своей лѣсною окрутиться. Изъ-за подлой бабы вѣру отцовъ своихъ оставилъ. Слыхать, что скоро и окрутятся.

На дальнѣйшіе разспросы объ Игнатѣ мой собесѣдникъ или отвѣчалъ неохотно, или отмалчивался.

XI.

Отчасти будучи заинтересованъ Игнатомъ и Настей, какъ персонажами развернувшейся передъ мною пьесы, отчасти отъ скуки, а отчасти и изъ интереса къ мѣстнымъ обычаямъ, я озаботился принять мѣры къ тому, чтобы быть возможно близкимъ свидѣтелемъ предстоящей свадьбы. Тамъ, гдѣ мнѣ не удавалось видѣть воочію, пробѣлы въ моихъ наблюденіяхъ пополнялись разсказами очевидцевъ. Такимъ образомъ «свадебное дѣйство» стало мнѣ извѣстнымъ во всѣхъ подробностяхъ.

Въ избѣ одной вдовы, у которой вотъ уже около полугода проживала Настя и которая приходилась ей теткою, однажды утромъ появились сватъ и сваха, командированные Игнатомъ Бродягинымъ.

По обычаю сваты затѣяли посторонній разговоръ, спрашивая, не продастъ ли тетка Устинья соломы.

— Отчего не продать хорошимъ людямъ!—отвѣчала старуха.

— На добромъ словѣ благодарствуемъ. А не отпустишь ли къ намъ Настасью? Стряпка, вишь, нужна нашему дѣлу.

— О томъ, любезные сватъ и сватьюшка, намъ нужно подумать. Завтра мы вѣсть вамъ дадимъ.

Этотъ отвѣтъ слѣдовало почесть за благопріятный. При отказѣ, когда женихъ не нравится, отвѣта не откладываютъ до завтра, а говорятъ дипломатично: «Не разсудилося, капитала не хватать».

Дня черезъ два въ той же избѣ собрались тѣ же сваты. Невѣста и женихъ, какъ и положено обычаемъ, отсутствовали.

Шелъ «договоръ» о томъ, когда «просватанье», что шить да что кроить. Скоро договорившись, послали за женихомъ и «спрыснули» договоръ полубутылкой водки. Игнатъ сіялъ счастьемъ.

Въ одинъ изъ ближайшихъ праздниковъ было назначено «просватанье», или, какъ ранѣе его называли, «дѣвичникъ».

«Позыватаи»—три дѣвушки отъ невѣсты—сзывали на этотъ праздникъ знакомыхъ жениха и невѣсты и родственниковъ послѣдней. Къ родственникамъ же жениха, старообрядцамъ, позыватаи не рискнули зайти.

Въ сумеркахъ мужчины собрались во дворѣ, у сѣней невѣстиной избы. Жениха еще не было: онъ и долженъ былъ опоздать, чтобы дать возможность дѣвчатамъ пропѣть обычную пѣсню. Онѣ пѣли такъ:

Долго, долго-то
Игната нѣтъ,
Долго, долго-то
Васильевича нѣтъ.

Куры пропѣли,
А его еще нѣтъ,

Другія почали,
А его все нѣтъ!

И третьи пропѣли,
И свѣтъ на дворѣ,
Свѣтъ на дворѣ,
Игнатъ на конѣ,

Васильевичъ на добромъ.
Конь подъ нимъ, какъ лютый звѣрь,
Грива у коня колесомъ завита,
Хвостъ у коня, какъ люта змѣя.

—«Выбирай, сударь Игнатъ, вѣрну слугу;
Выбирай, Васильевичъ, вѣрну слугу,
Вѣрну слугу да сестрицу свою,
Сестрицу свою—Ѳедосью Васильевну.

Было бы кого къ невѣстѣ послать,
Было бы кому невѣстушку позвать.
Если спитъ, не будите ее.
Если сидитъ, не стращайте ее».

—«Самъ я приду,
Самъ я разбужу,
Самъ я скажу,
Самъ я развеселю» [1]).

Наконецъ, по прибытіи жениха старшій изъ родни невѣсты, держа хлѣбъ и соль, распахнулъ дверь и торжественно провозгласилъ:

«Милости просимъ, любезные сватъ и сватьюшка! Милости просимъ, люди добрые!»

Вошли, помолились Богу и стали въ ожиданіи дальнѣйшей церемоніи.

Устинья—такъ назвали вдову, посаженую мать—зажгла свѣчу у образа. Вслѣдъ за этимъ жениха и невѣсту поставили рядомъ на срединѣ избы. Помоли-

[1]) Всѣ приводимыя здѣсь пѣсни въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ записаны авторомъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ,—безъ всякихъ передѣлокъ. Въ описаніи свадебныхъ обрядовъ соблюдена та же фотографическая точность.

лисъ. Невѣста земно поклонилась жениху и поцѣловала его.

Сваха подала тарелку съ платкомъ невѣстѣ, а та отдала жениху.

— Кому подаешь?—вопрошала сваха.

— Игнату Васильевичу,—отвѣчала раскраснѣвшаяся Настя.

Когда Игнатъ, взявъ платокъ, положилъ на тарелку рубль, сваха снова обратилась къ невѣстѣ съ вопросомъ:

— Отъ кого принимаешь?

— Отъ Игната Васильевича.

Женихъ взялъ за руку невѣсту и, предшествуемый тысяцкимъ, который обыкновенно выбирается изъ холостыхъ товарищей или братьевъ жениха, направился къ столу. Долго усаживались: каждому положено свое мѣсто. Наконецъ размѣстились такъ: полтысяцкій (это должностное свадебное лицо рангомъ пониже тысяцкаго), тысяцкій, женихъ, невѣста, сваха, женщины—сначала родственницы, а затѣмъ стороннія; далѣе, за ними, мужчины сторонніе, полдружки, дружка. Послѣдній, какъ главное дѣйствующее лицо на свадьбѣ, своимъ присутствіемъ предохраняющее брачущихся отъ дурныхъ людей и дурного глаза, усѣлся на почетномъ мѣстѣ—какъ-разъ противъ жениха.

Далѣе, за крестнымъ невѣсты, слѣдовало бы, по установленному обычаемъ порядку, быть крестному жениха, отцу невѣсты и отцу жениха. За неимѣніемъ ихъ, мѣста, для нихъ предназначенныя, подъ самыми образами, оставались незанятыми.

Старшій родственникъ невѣсты обносилъ всѣхъ по очереди водкою, а присутствующіе налегли на снѣдь въ видѣ пирога съ рыбою, студня, жаренаго мяса, гуся, сладкихъ пироговъ съ урюкомъ, изюмомъ и ягодами.

Дѣвчата, обернувшись къ невѣстѣ, запѣли:

Подлѣ рѣку, подлѣ рѣку,
На крутомъ берегу,
На крутомъ берегу,
То былъ стоялъ,
То былъ стоялъ
Зеленый садъ, зеленый садъ.
Во этомъ во саду,
Во этомъ зеленомъ,
Сидитъ-то пташечка-кинареечка.
Слеталися къ ней пташечки-кинареечки
И пѣли онѣ, ахъ пѣли онѣ,
Да такъ жалобнешенько.
Подлѣ рѣку, подлѣ рѣку,
На крутомъ берегу,
На крутомъ берегу,
То стоялъ новъ тесовъ теремъ.
Въ томъ терему сидитъ дѣвушка,
Сидитъ красная, Настасья Дмитровна.
Собирались къ ней, собирались къ ней
Милыя подруженьки, милыя душеньки.
Говорили онѣ, вотъ говорили онѣ,
Разговаривали да разговаривали:
«Охъ ты наша Настасья Дмитровна,
Свѣтъ душа, да Настасья Дмитровна!»

Пропѣли. Одна изъ присутствовавшихъ дѣвочекъ съ жестянымъ стаканомъ, поставленнымъ на такую же тарелочку, подошла къ жениху. Тотъ положилъ въ стаканъ деньги: расплатился за невѣсту, за что былъ награжденъ поцѣлуемъ этой дѣвчурки.

Затянули пѣсню жениху:

Изъ-подъ лѣса,
Изъ-подъ лѣса,
Конь бѣжитъ
Изъ-подъ темнаго,
Буръ, косматый.
За конемъ бѣжитъ
Удалъ молодецъ—
Свѣтъ Игнатъ Васильевичъ.
Да не кричитъ онъ ей,
Онъ не гаркаетъ,

Только черной шляпой помахиваетъ:
—«Переди, душа Настасья, коня,
Переди, душа Дмитровна, коня!»
—«Рада бы, сударь, перенять,
Рада бы, Васильевичъ, перенять.
Что травой меня сопутало,
Что Божьей росой обмо́чило!»
—«Да не обманывай, обманщица,
Да, душа, красна дѣвица,
Свѣтъ Настасья Дмитровна!
Да что сопутала кручинушка-печаль,
Да что обмо́чили горючи слезы,
За меня замужъ идучи,
За уда́ла добра молодца,
Игната Васильевича».

Снова та же дѣвочка подошла къ жениху, и снова онъ положилъ въ ея руку монету, на этотъ разъ заплативъ уже за себя.

Загремѣла пѣсня тысяцкому:

Какъ у мѣсяца
Звѣзды часты,
У красна солнца
Лучи ясны,—
У Игната,
У Васильевича
Кудри по плечамъ лежатъ,
Разстилаются.
Ровно жаръ горятъ,
Разгораются.

Что поѣхалъ Алексѣй Алексѣевичъ
Ко заутрени, ко заутрени.
Всѣ попы, дьяки заглядаются,
Всѣ чиновны люди удивляются:
—«Еще чей такой, добрый молодецъ?
Еще кто его воспо́родилъ?»
—«Воспо́родила ро́дна мамонька,
Ро́дна мамонька.
Воспо́илъ, вскóрмилъ сударь тятенька,
Сударь тятенька.

Возлелѣяла легка лодочка,
Завивала кудри красна дѣвушка,
Завивала она подъ окошечкомъ,
Золотымъ витымъ, золотымъ витымъ
Веретешечкомъ.
Завивала она, приговаривала:
—«Когда кудерцы, когда русые
Разо́вьются да разо́вьются,
Тогда рѣчушки, тогда быстрыя
Разо́льются.
Разливалися, разливалися
Рѣчки быстрыя,
Развивалися, развивалися
Кудри русыя
Удало́го добра молодца
Алексѣя Алексѣевича».

У чествуемаго тысяцкаго, запаснаго солдата, волоса были черные и очень коротко подстрижены, такъ что примѣненіе къ нимъ словъ пѣсни являлось нѣкоторымъ курьезомъ, но дѣлать нечего: изъ пѣсни слова не выкинешь. И чествуемый лѣзъ въ карманъ и дарилъ пѣвицъ мѣдными монетами.

Наступила очередь коренной свахи (такъ называется сваха отъ жениха). Поклонившись ей, дѣвчата начали веселую пѣсню со все ускоряющимся темпомъ.

Да какъ по сѣнямъ было,
Сѣнюшкамъ,
Да по новымъ было рѣшетчатамъ:
Тутъ ходила, похаживала
Дорогая боярыня,
Дорогая боярыня
Свѣтъ Арина Андреевна [1]).
Да она будила, спобуживала
Своего дружка миленькаго,
Свѣта Егора Васильевича [2]).

---

[1]) Имя свахи.
[2]) Имя мужа свахи.

—«Да ужъ ты встань, проснись,
Милый другъ, отецкій сынъ!
Оторвался твой конь
Отъ столба, столба дубовенькаго,
Отъ кольца серебрянаго,
Отъ витого позолоченнаго.
Заскочилъ твой добрый конь
Къ молодой женѣ въ зеленый садъ,
Къ Аринѣ Андреевнѣ.
Весь зеленый садъ повытопталъ,
Зрѣлы ягодки повыщипывалъ.
Ты не плачь, моя умная,
Ты не плачь, моя разумная,
Свѣтъ Арина Андреевна!
Наживемъ съ тобой зеленый садъ
Мы со ка́линой, со ма́линой,
Съ черной ягодкой смородинной».

Когда были пропѣты особыя пѣсни второй и третьей свахамъ, началось чествованіе старшихъ родственниковъ невѣсты.

По столу, столу дубовенькому,
По блюду, блюду серебренному,
По меду, меду па́ташному,
По па́ташному плавала
Чарочка золотая.
Никто за эту чарочку
Не возьмется.
Ой взялся, принялся
Одинъ господинъ,
Свѣтъ сударь
Кузьма Ѳомичъ [1]).
Самъ онъ запьетъ
И женѣ подаетъ,
Свѣтъ-душѣ
Аннѣ Григорьевнѣ [2]).
—«Ой, кушай жена,
Кушай, барыня моя!»

---

[1]) Имя чествуемаго.
[2]) Имя жены чествуемаго лица.

—«Ой, право, не пью я,
Въ ротъ не беру я.
Только пью я и кушаю
Одинъ чай съ кофеемъ.
Ой, сегодняшней ночкою
Малость спалось,
Охъ, малость спалось,
Много видѣлось.
Видѣла, будто у насъ,
На широкомъ на дворѣ
Ходитъ павлинъ съ павушею.
Ой, выронилъ онъ перышко золотое,
Ой, выросла травушка шелковая,
Ой, расцвѣли цвѣты лазоревые».
—«Охъ, моя милая!
Я весь сонъ разсужу,
Сонъ разскажу,
На словахъ разложу.
Ой, сизый павлинъ—
Я, господинъ—
Сударь Кузьма Ѳомичъ.
Сизая павушка—ты у меня,
Свѣтъ-душа, Анна Григорьевна.
Ужъ шелкова травонька—
Люди при насъ.
Цвѣтикъ аленькій—
Сыночекъ у насъ,
Свѣтъ-сударь, Пантелѣй Кузьмичъ».

Чарка съ водкою обошла уже вокругъ стола три раза, какъ внесли четвертную бутыль съ водкою и торжественно поставили ее въ переднемъ углу: это приношеніе жениха. Снова стали обносить всѣхъ по порядку. Тѣмъ временемъ и каждому изъ присутствовавшихъ родственниковъ просватанныхъ пѣлась особая по содержанію пѣсня. Правда, мотивъ этихъ пѣсенъ былъ по большей части однообразенъ и видимо тронутъ вліяніемъ новѣйшихъ напѣвовъ.

— Давайте поиграемъ!—послышался чей-то молодой голосъ, когда всѣ уже насытились.

Быстро составился и закружился хороводъ подъ аккомпанементъ общей пѣсни.

Поздно ночью разошлись съ «просватанья».

Въ день свадьбы, въ условленный часъ, къ невѣстѣ явились дружко и полдружья объявить ей, чтобы она собиралась къ вѣнцу.

Дѣвушки стояли у печи шеренгою, а за ними невѣста. При входѣ дружки дѣвушки запѣли:

Что не верба въ избу катится.
Не кудрявая Богу молится,
Она молится, низко кланяется
На всѣ четыре сторонушки.

— Ну-те, покажите намъ невѣсту!—сказалъ дружко.— Должо́нъ подарокъ ей отдать.

Подойдя къ невѣстѣ и поцѣловавъ ее, дружко подалъ ей башмаки съ ярко блестящими подковками.

Вслѣдъ за нимъ полдружье, поцѣловавъ Настю, подалъ ей чулки. Это были дары жениха.

Начался процессъ покупки дружкою постели невѣсты. Онъ торговался и въ концѣ-концовъ, уплативъ дѣвушкамъ двугривенный, водрузилъ на себя подушку, кошму, одѣяло и занавѣску къ постели.

Умостивъ всѣ эти постельныя принадлежности въ телѣгу, дружко съ полдружьемъ направились къ дому жениха.

— Ну, слава Богу, постель выручили!—возгласили они, торжественно внося привезенное.

Въ то время, какъ какая-то старуха устраивала постель—ей, какъ старшей лѣтами, принадлежала эта почетная привилегія,—посаженые отецъ и мать благословляли Игната.

Въ избѣ Устиньи шло также благословеніе невѣсты.

Дѣвушки, заплетая въ одну косу волосы невѣсты и вплетая въ нихъ свой даръ—алую ленту, пѣли:

Отшатнись-ка, родима матушка,
Ты отъ печки отъ муравленной,
Пришатнись-ка, родима матушка,
Ты ко мнѣ, ко молодешенькой,

Расплети-ка, родима матушка,
Ты мою косу рубчатую
Ужъ какъ отъ роду да вопервыя,
Во дѣвичьей красотѣ во послѣднія.

Когда церемонія съ косою была окончена, невѣста перекрестилась и упала ницъ передъ посажеными отцомъ и матерью.

— Ты прости, родимый батюшка!—сказала она.—Благослови, родимый тятенька, великимъ благословеніемъ. Меня твое, твое-то, тятенька, благословеніе изъ синя моря вынесетъ, изъ темна лѣса-то выведетъ.

Посаженый благословилъ.

— Благослови, родимая мамонька!—обратилась невѣста къ посаженой, повторяя ту же просьбу.

А дѣвушки пѣли:

Я первую ступень ступила
Да обронила волю тятинкину.
Да еще ступень ступила
Да обронила волю мамонькину.
Да впервое поклонъ положу
Да Пресвятой Богородицѣ.
Да еще-то поклонъ положу
За себя-то, за красную дѣвицу.
Да еще-то поклонъ положу
За свою дѣвичью красу.
Да еще-то поклонъ положу
За царя за благовѣрнаго.
Да еще-то поклонъ положу
За царицу за благовѣрную.

— Простите, родимыя подруженьки! — продолжала невѣста, кланяясь во всѣ стороны.—Простите подруженьки родимыя, задушевныя! Простите вы, люди добрые, сосѣдушки приближенные и люди сторонніе! Не попомните, мои голубчики, моей да старой грубности: не грубность то была, а глупость!

Въ это время послышался во дворѣ шумъ: то пріѣхалъ женихъ съ «поѣздомъ».

— Милости просимъ!—привѣтствовалъ прибывшихъ посаженый отецъ невѣсты.

Впереди шелъ Игнатъ въ новой шерстяной рубахѣ. За нимъ—дружко съ хлѣбомъ-солью и полдружье съ платкомъ-косынкою, подаркомъ жениха невѣстѣ.

Вошли, перекрестились. Женихъ обнялъ и сочно поцѣловалъ невѣсту. Посаженый зажегъ у образа свѣчу, а дѣвушки, къ которымъ присоединилась и невѣста, пѣли:

Не затепливай, родимый тятенька,
Ты бѣлу свѣчу воску яраго.
Не вручай, родимая мамонька,
Теплу руку во студеную:
Студена рука да обманчива.

Женихъ, предшествуемый тысяцкимъ, повелъ за руку невѣсту къ столу, накрытому бѣлой скатертью и уставленному сластями.

Поѣзжане и всѣ присутствующіе размѣстились за столомъ въ томъ же строгомъ порядкѣ, какъ и на просватаньѣ. Но посаженыхъ отца и матери жениха здѣсь не было, такъ какъ по обычаю они должны ожидать свадебный поѣздъ въ домѣ жениха.

Братъ невѣсты обносилъ всѣхъ присутствовавшихъ виномъ. Наскоро выпили, закусили, встали и начали молиться.

Дружко, взявъ хлѣбъ отца невѣсты, обратился къ посаженымъ ея:

— Благословляй, сватушка и сватьюшка!

— Айдате съ Богомъ, Богъ благословитъ! — отвѣчали тѣ.

А дѣвушки снова запѣли:

Спѣть ли, спѣть ли,
Мнѣ приподнятися
Со тесовой лавочки
Да на рѣзвы ноженьки?

Что не верба въ избу катится,
Не кудрява Богу молится.
Онъ молится и споклоняется,
Разудалый, добрый молодецъ
Игнатъ Васильевичъ.

Наконецъ всѣ двинулись во дворъ, гдѣ стояло нѣсколько телѣгъ и коробковъ. Лошади были разукрашены лентами.

Женихъ, поднявъ на руки невѣсту, посадилъ ее въ коробокъ. Свадебный поѣздъ тронулся.

Впереди ѣхали друзья Игната съ иконою. Обыкновенно это мѣсто принадлежитъ крестному жениха и его старшему родственнику, но, какъ уже было сказано, родственники Игната отсутствовали: негоже быть «древнимъ православнымъ» на свадьбѣ у «никоніанина» и притомъ отщепенца отъ «церковенной» вѣры.

На слѣдующихъ повозкахъ возсѣдали, соблюдая установленный обычаемъ порядокъ, дружко съ полдружьемъ, въ рукахъ у которыхъ были хлѣбъ и соль, женихъ съ тысяцкимъ, потомъ на одной лошади невѣста съ тремя свахами—коренной отъ невѣсты и двумя отъ жениха, и, наконецъ, дѣвушки и прочіе поѣзжане.

Отецъ и мать невѣсты при отъѣздѣ ея съ женихомъ обыкновенно усаживаются за столъ. Имъ воспрещается провожать брачущихся, какъ и не полагается смотрѣть въ окно на отъѣзжающихъ.

Когда поѣздъ остановился у церкви, Игнатъ быстро соскочилъ съ коробка и, поднявъ на руки невѣсту, бережно поставилъ ее на землю. Въ ту же минуту къ ней подбѣжали дѣвушки, цѣлуя и прощаясь съ своей подругой. Дѣвушки въ церковь не идутъ, а садятся на коробокъ и ѣдутъ съ пѣснями въ домъ невѣсты, гдѣ говорятъ матери ея: «Проводили твою доченьку до Божьей церковки. Велѣла твоя доченька тебѣ кланяться».

Какъ только женихъ съ невѣстой вошли въ цер-

ковѣ, сваха выдернула изъ косы невѣсты ленту, отчего волоса распустились и широкой волною охватили плечи дѣвушки.

Во время самаго вѣнчанія рядомъ съ женихомъ стоялъ тысяцкій и дружко, а рядомъ съ невѣстой—коренная и другія свахи отъ жениха.

Перевѣнчали. Коренная сваха покрыла платкомъ голову невѣсты въ знакъ того, что она уже замужняя женщина.

Молодыхъ отвели въ сторону, въ уголъ церкви. Здѣсь сваха отъ жениха плела косу правую, а сваха отъ невѣсты—лѣвую. Покончивъ съ этимъ, надѣли на голову новобрачной косынку—принадлежность замужнихъ—и подали зеркальце. Въ то время, какъ молодые смотрѣли въ зеркало, одна изъ свахъ спрашивала новобрачную:

— Настя! Кого видишь въ зеркалѣ?

— Вижу Игната Васильевича,—отвѣчала она.

— А ты, Игнатъ Васильевичъ, кого видишь?

— Настасью Дмитріевну,—молвилъ новобрачный.

Молодые поцѣловались и направились изъ церкви. Здѣсь новобрачный уже не подсаживалъ невѣсту, а во исполненіе требованій обычая говорилъ:

— Ты—уже моя; садись-ка сама.

Свадебный поѣздъ прибылъ къ дому жениха. Послѣ благословенія новобрачныхъ посажеными отцомъ и матерью жениха всѣ присутствующіе стали размѣщаться за столомъ, сохраняя тотъ же порядокъ, что и на просватаньѣ, а дѣвушки пѣли:

Солнышко высоко взошло—
Столь высоко и не всхаживало,
Яркія звѣзды за солнышкомъ,
Двѣ свѣтлы зари да за звѣздами,
Буйные вѣтры за зорями.
Солнышко—новобрачный князь,
Частыя звѣзды—гости бояре,

Двѣ свѣтлы зари—княжны-свашеньки,
Буйные вѣтры—рѣзвы друженьки.

При свадебномъ столѣ тоже свой церемоніалъ. Дружко обноситъ водкою. На столѣ обязательно пирогъ съ рыбою. Отецъ новобрачнаго кладетъ на пирогъ деньги и подаетъ новобрачной. Та беретъ деньги, цѣлуетъ пирогъ и свекора и отдаетъ пирогъ свахѣ. Также поступаютъ съ пирогомъ, который даетъ молодой свекровь и на который кладется косынка.

Пиръ разгорался. Ежеминутно слышались выкрики: «Горько! Подсластить!» И сіяющій счастьемъ Игнатъ «подслащалъ», звучно чмокая въ алыя губы новобрачную.

Старинныя свадебныя пѣсни смѣнились фабричными «частушками», тѣми самыми безсвязными четверостишіями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ оригинальнымъ народнымъ творчествомъ, вылившимся въ пѣсняхъ, и которыя исполняются подъ-рядъ, одна за другой на одинъ ладъ.

Какъ охота, какъ охота
Чай попить съ малинкою!
Какъ охота, какъ охота
Посидѣть мнѣ съ милкою!

Мой миленокъ,
Какъ теленокъ,
Раскудрявый
Какъ баранъ.

Я постелюшку стлала
Отъ порога до стола,
Я по ней каталася,
Своего милку дожидалася.

У моей у милочки
Глаза, какъ у рыбочки,
Какъ у рыбки—у ерша;
Моя милка хороша!

Наконецъ кончилось бражничаніе. Всѣ встали и помолились. Дружко съ коренной свахою невѣстиной проводили молодыхъ въ отведенную имъ комнату, а гости поѣхали кататься. Носясь по улицамъ, они пиликали гармониками и во все горло выкрикивали установленную для этого момента пѣсню:

Уродилась хороша, лицомъ бѣла,
Брови черны, развеселы глаза.
Развеселы очи ясны прилучали молодца,
Ой, прилучали, прилучали паренечка.
Оставляла его ночевать:
—«Ты ночуй, ночуй, размолодчикъ,
Ночуй ночку у меня!»
—«Радъ бы, душенька, ночевать,
Боюсь дома меня забранятъ».
—«Ты не бойся, размолодчикъ,
Я сама рано встаю—
До зореньки тебя разбужу,
Подальше тебя провожу».
Я до тѣхъ поръ провожала,
До бѣлыхъ тѣхъ березъ,
Вплоть до бѣлыхъ да кудрявыхъ,
Гдѣ скончалася съ милымъ любовь.

Часа два катались поѣзжане по заводу и повернули къ дому новобрачной, такъ какъ пора уже было везти приданое въ домъ молодожена.

На двухъ сундучкахъ, заново выкрашенныхъ, усѣлись посаженый отецъ и мать невѣсты, и процессія тронулась подъ звуки гармоники и бубна.

Едва въѣхали они во дворъ, гдѣ впереди всѣхъ стояли съ низко опущенной головою молодая и конфузливо озиравшійся молодой, а за ними дружко, свахи и гостьи,—какъ молодой быстро подошелъ къ передней телѣгѣ и бережно помогъ посаженымъ слѣзть на землю, а дружко принялся выгружать сундуки. Молодые, по обычаю, уже побывали въ банѣ и надѣли новое бѣлье и новыя одежды. Коренная невѣстина

сваха держала въ рукахъ только-что снятую молодой «свадебную» сорочку.

Расцвѣли, цвѣли цвѣты лазоревые,
Распашли, пашли духи малиновые...

запѣли осипшими голосами поѣзжане и вдругъ смолкли, точно прикусили языки.

— Милости просимъ къ большому столу,—шептала молодая, еще ниже поникнувъ головою.

Подносъ, который она держала въ рукахъ, трясся, а рюмки на немъ звенѣли.

— Благодарствуемъ на угощеніи,—сказала посаженая мать, беря рюмку.

Брови ея на минуту сурово сдвинулись. Она, видимо, избѣгала смотрѣть въ сторону свахи.

Посаженые выпивъ по рюмки, двинулись въ избу. По лицу ихъ пробѣгала сдерживаемая съ трудомъ улыбка.

— Глянько-ко, братцы!—слышался чей-то пьяный голосъ.—Краснымъ винцомъ не потчуютъ, бѣлую водочку подносятъ. Понимашь? Табакъ дѣло!

— Вѣстимое дѣло,—отвѣчалъ другой:—сирота, безъ материнскаго призора была.

— И «баннаго строенія», значитъ, не будетъ,—разглагольствовалъ какой-то едва державшійся на ногахъ мастеровой.—Жалко, потому что очення ужъ я люблю это банное строеніе: бьешь горшковъ, сколько душенькѣ угодно, и никто-то тебя не ругатъ, но еще спасибо говорятъ—за почетъ молодой считаютъ, а дѣвки-то черепки подметаютъ да пятаки собираютъ. Страсть какъ весело! Не то, что теперь, когда бѣлой водочкою угощаютъ!

Начался такъ-называемый большой столъ, отличавшійся отъ предыдущаго малаго лишь бóльшимъ обиліемъ водки.

Бутылки съ краснымъ виномъ, заботливо откупо-

ренныя еще съ утра, были внезапно сняты свахою со стола: осталась одна водка.

Хотя попрежнему усердно обходила круговая чарочка, хотя попрежнему много пили, много ѣли и пѣли, но тѣмъ не менѣе чувствовалась нѣкоторая общая неловкость и всѣ были въ какомъ-то напряженномъ состояніи.

— За здоровье молодой!—вскричалъ кто-то.—Выпьемъ за нашу боярыню по обычаю-свычаю!

И выпивъ до дна большую рюмку, онъ изъ всей силы стукнулъ о столъ ея нижней частью, отчего послѣдняя со звономъ покатилась по полу.

И вдругъ всѣ, какъ помѣшанные, вскакивали со своихъ мѣстъ и наперерывъ одинъ передъ другимъ повторяли ту же манипуляцію.

Напряженное состояніе какъ бы только того и ждало, чтобы разразиться дикимъ сумбуромъ. Смѣхъ и визгъ, пьяное бормотаніе и свистъ смѣшались съ гуломъ выкрикиваемыхъ остротъ и звономъ разбиваемаго стекла.

Настя, блѣдная и дрожащая, метнувъ на окружающихъ взглядъ, сверкавшій недобрымъ огнемъ, быстро вскочила и ринулась къ двери, протискиваясь сквозь толпу. Игнатъ пытался ее удержать, но не успѣлъ.

Онъ весь побѣлѣлъ и, потрясая кулаками передъ красными и потными лицами горланившихъ, что-то гнѣвно кричалъ, но что именно—за шумомъ невозможно было разобрать.

Въ переднемъ углу шла борьба. Подъ хохотъ и прибаутки окружающихъ снаряжали коренную невѣстину сваху въ вывороченную мѣхомъ наверхъ шубу. Та сопротивлялась, но, конечно, тщетно: двое парней держали уже ее подъ руки, а третій просовывалъ ей за пазуху полѣно, обернутое платкомъ, которое и выглядѣло оттуда точно младенецъ.

Съ криками: «Полѣно топить!»—вся пьяная ватага

предшествуемая свахою, съ гикомъ и свистомъ направилась къ рѣкѣ.

Встрѣчные пѣшеходы и конные останавливались и съ улыбкой поглядывали на эту процессію.

— Въ прорубь полѣно, въ прорубь его!—подзадоривали они.

И дѣйствительно, вся процессія остановилась у проруби. Иначе и быть не могло: обычаемъ требовалось утопить аллегорическое полѣно.

— Стойте, стойте, подлые!—вдругъ неистово завизжала сваха и, оттолкнувъ державшихъ ее парней, ринулась къ лежащей на самомъ краю проруби женской головной косынкѣ.

— Стойте!—продолжала она, поднявъ косынку.— Вѣдь это Настина!

— Настина?—прогудѣло въ толпѣ.—Настина?

— Да ея же, ея это косынка, окаянные погубители!— вопила сваха, мигая покраснѣвшими отъ алкоголя глазами.

И вдругъ всѣ смолкли, и сдѣлалось такъ тихо, тихо, что слышенъ былъ скрипъ полозьевъ проѣзжавшихъ посреди озера саней съ хворостомъ и легкое потрескиваніе льда.

— Что жъ вы стоите? Что рты разинули?—воскликнулъ дружко.—Скорѣй тащи веревки, багры и топоры.

Черезъ минуту на озерѣ шла дѣятельная работа. Настю нашли подъ льдомъ и, вытащивъ оттуда, стали усердно ее качать, но такъ и не откачали. На другой день она уже была погребена въ дальнемъ углу заводскаго кладбища.

— Экое удумала!—судили-рядили кумушки.—Если бы да каждая дѣвка отъ ефтаго самаго топилась, то и озера не хватило бы.

— Вѣстимое дѣло!—подтверждалъ другой голосъ.— Однимъ словомъ, не тѣмъ бы помянуть покойницу, дурой оказалась.

— Вѣрно!—единогласно подтвердили кумушки это глубокомысленное заключеніе.

XII.

Прошло три года со времени послѣдняго моего пребыванія на Уралѣ. Газеты и письма приносили нерадостныя вѣсти.

Владѣльцы потаповскихъ заводовъ всю свою дѣятельность ограничивали тѣмъ, что имѣющіе въ своихъ рукахъ болѣе крупные паи всѣми правдами и неправдами вытѣсняли владѣльцевъ небольшихъ паевъ, а эти послѣдніе владѣльцы старались при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ подставить ногу своимъ притѣснителямъ. Интриги, ссоры, дикія распоряженія и традиціонная лѣнь заводовладѣльцевъ, безшабашная смѣна нѣсколькихъ управляющихъ подъ-рядъ одного за другимъ, при содѣйствіи причинъ общихъ для всего Урала, доконали мощь потаповскихъ заводовъ: они влачили самое жалкое существованіе полнаго безденежья и безработицы.

Впрочемъ въ такомъ печальномъ положеніи оказались не одни лишь потаповскіе заводы. Нѣкоторые изъ уральскихъ заводовъ попали въ конкурсныя управленія, нѣкоторые закрылись временно, нѣкоторые навсегда, многіе наканунѣ закрытія. Надъ головами рабочихъ и служащихъ нависъ страшный бичъ нужды.

Столь долго и упорно натягиваемыя струны лопнули, лопнули со звономъ и трескомъ.

Забастовала дивная гора Сезамъ, которой стоило только сказать: «отворись!», чтобы въ открывшихся расщелинахъ показались неистощимыя богатства. Не одинъ десятокъ лѣтъ она повиновалась грозному окрику сонма

алчныхъ промышленниковъ и вдругъ закапризничала и выказала невиданное дотолѣ упрямство.

Кто-то сказалъ, что акцiонеры—умные люди, занимающiеся финансовыми глупостями и небылицами. И дѣйствительно, уральскiе акцiонеры и пайщики, натворивъ въ теченiе многихъ лѣтъ безъ числа глупостей, теперь. при наступленiи остраго кризиса, совсѣмъ потеряли голову: они или, подобно страусу, зарылись головою и оставались недвижимы въ надеждѣ на «авось да какъ-нибудь» или, какъ угорѣлые, толклись на одномъ мѣстѣ, вопiя и ударяя себя въ перси. Къ десяткамъ совершенныхъ нелѣпостей они добавляли сотни еще бо́льшихъ нелѣпостей. Но какъ истинно русскiе люди, помнящiе традицiи своихъ предковъ, они усердно забили челомъ новоявленнымъ варягамъ въ лицѣ англичанъ: «Приходите княжити!»

Ну тѣ милостиво приняли приглашенiе и соблаговолили пожаловать на Уралъ. Спокойно, не торопясь, съ достоинствомъ, точно творя великое одолженiе, чуть не благодѣянiе, иноземные пришельцы стали забирать въ свои руки уральскiе заводы и промыслы.

Вслѣдъ за англичанами появились на Уралѣ и американцы, а о бельгiйцахъ, вѣчно шныряющихъ тамъ, гдѣ пахнетъ легкой наживою, и говорить нечего: они забѣгали по лѣсамъ и горамъ со своими беззастѣнчивыми грюндерскими проектами.

Взоръ пришельцевъ обратился не на желѣзо, которое считалось понынѣ главнымъ ресурсомъ заводовъ, а къ золоту, мѣди, лѣсу и другимъ естественнымъ богатствамъ, которыя считались уральскими аборигенами за второстепенную и даже третьестепенную статью дохода.

Но лучшiе уральскiе заводскiе округи, измѣряемые сотнями тысячъ десятинъ, лѣса могучiе и дремучiе, рѣки быстрыя и чистыя, озера и пруды глубокiе и для глаза необъятные, горы суровыя и горы взоръ ла-

скающія, долины тѣнистыя и прекрасныя съ ихъ быстрыми и прозрачными, какъ кристаллъ, ручьями, богатства, на самой поверхности лежащія и подъ нею въ неизмѣримомъ количествѣ скрытыя: золото, платина, иридій, осмій, серебро, мѣдь, желѣзо, никель, свинецъ и другіе металлы, каменный уголь, драгоцѣнные и цвѣтные камни—алмазы, сапфиры, александриты, изумруды, берилы, турмалины, аквамарины, топазы, аметисты, горные хрустали, сердолики, агаты, гранаты, малахиты, яшмы, порфиры, мраморы, корунды и многіе другіе,—все это медленно, но вѣрно стало переходить въ жилистыя и цѣпкія руки иностранныхъ капиталистовъ.

Изболѣвшіе душою заводскіе и промысловые рабочіе и служащіе чаютъ прилива иностранныхъ капиталовъ и высказываютъ надежды на тѣ лучшіе дни, когда обезпеченъ на завтра кусокъ хлѣба.

И только молчаливыя сосны съ высокихъ горныхъ скатовъ сурово смотрятъ, какъ шныряютъ по лѣсу какіе-то люди въ невиданныхъ дотолѣ курткахъ и всюду ковыряютъ землю, копая развѣдочные шурфы и закладывая новыя шахты...

Быть-можетъ читателю будетъ не безынтересно также узнать о дальнѣйшей судьбѣ отдѣльныхъ лицъ, промелькнувшихъ передъ нимъ въ этихъ бѣглыхъ набросках уральской жизни.

«Аблакатъ» Тагильцевъ, какъ слышно, посредствомъ какой-то аферы за безцѣнокъ завладѣлъ огромнымъ участкомъ башкирской земли, что однако не помѣшало ему остаться въ прежней роли печальника, друга и благодѣтеля угнетенныхъ башкировъ.

Игнатъ Бродягинъ пропалъ безъ вѣсти. Механикъ Литейщиковъ и лѣсничій Бѣлышевъ въ числѣ многихъ другихъ уволены отъ службы «за непригодностью».

Видно миновало то благодатное времечко, когда, какъ

говорится въ сказкѣ Даля, «князь производилъ любимца въ первые орѣходавы свои, приказывалъ ему носить кафтанъ наизнанку и дозволялъ ему походя спотыкаться на каждомъ шагу—въ знакъ отличнаго благоволѣнія».

Иванъ Артемьевичъ здравствуетъ и коротаетъ свои дни за чтеніемъ книгъ древляго благочестія. Говорятъ, что онъ уже выступаетъ публично въ роли начетчика.

Алешка Клещъ.

(Историческая повѣсть изъ жизни донскихъ казаковъ въ началѣ XVII столѣтія.)

I.

Война объявлена.

Всколыхнулся, взволновался
Православный тихій Донъ.
(Донская пѣсня.)

Широко разлился Донъ возлѣ городка Черкасскаго. Вешнія воды до краевъ наполнили его берега, всѣ прилегающія къ нему ложбины и огромное займище[1]). Косые лучи только-что поднявшагося надъ горизонтомъ солнца позолотили широкую рѣчную гладь, отражавшую, словно гигантское, сказочное зеркало, голубое безоблачное небо.

По берегамъ еще клубился паръ, сквозь который виднѣлся высокій камышъ, густой лѣсокъ, синевато-лиловая полоса праваго гористаго берега да зеленое, необъятное для глаза степное пространство лѣваго, низменнаго.

Длинной и широкой полосою блестѣла рѣка; она то скрывалась, то снова показывалась среди ярко-зеленаго ковра.

Тишина.. Слышалось лишь тихое журчаніе воды, всплескиваніе рыбы, да порою съ берега доносился пронзительный крикъ лебедей и утокъ, нашедшихъ себѣ надежное убѣжище въ густыхъ заросляхъ камыша и лозняка.

На островѣ, образуемомъ протоками Дона, виднѣлся Черкасскій городокъ, обнесенный палисадникомъ, изъ-

1) Займище—лугъ, затопляемый весеннимъ разливомъ.

за котораго выглядывали низкіе курени, трубы землянокъ да вышка съ пучкомъ соломы на шестѣ. У берега колыхались прикованныя къ сваямъ одномачтовыя суденышки.

Внутри городка было замѣтно особенное оживленіе, слышался шумъ, говоръ и бряцаніе...

Черкасскій городокъ, нынѣ Старочеркасская станица, въ описываемую нами эпоху, т.-е. въ началѣ XVII вѣка, представлялъ собою не что иное, какъ укрѣпленный бивуакъ, временное становище.

Онъ былъ обнесенъ плетневой изгородью съ присыпаннымъ позади невысокимъ землянымъ валомъ. Въ изгороди имѣлось нѣсколько воротъ и калитокъ, впереди которыхъ были вырыты глубокіе рвы. Крутыя обочины этихъ рвовъ были усѣяны острыми камнями и низкими кольями съ заостренными верхушками.

Но не изгородь и рвы служили залогомъ безопасности для жителей городка, а сама природа. Донъ съ многими его рукавами, протекавшими и внѣ городка и внутри его, а также топкія мѣста, которыя не высыхали по нѣскольку мѣсяцевъ послѣ спаденія вешнихъ водъ, обыкновенно державшихся, вслѣдствіе низкаго мѣстоположенія, до первыхъ чиселъ іюля,—все это затрудняло доступъ къ городку.

Зимою же его защищали широкія полыньи съ высокими ледяными брустверами.

Въ первое время послѣ своего основанія, т.-е. послѣ 1570 года, Черкасскъ былъ населенъ лишь *отвагами*, т.-е. удалыми казаками, не боявшимися близкаго сосѣдства азовскаго паши, къ нимъ далеко не благоволившаго, и не страшившимися набѣговъ кочевниковъ.

Отваги были люди холостые, бездомовные, занимавшіеся «вольными промыслами, охотничьими поисками», или сказать попросту—грабежами.

Въ началѣ 1630 годовъ, къ какому времени и относится наше повѣствованіе, городокъ выросъ и по

количеству жилищъ и поселенцевъ, но по наружному виду и внутреннему строю мало ушелъ отъ первоначальнаго своего вида: тѣ же землянки и тѣ же *отваги*, занимавшіеся «вольными промыслами». Но удальцы уже не такъ бѣжали отъ супружескихъ узъ и многіе изъ нихъ охотно крали, заодно съ товарами и табунами, молодыхъ турчанокъ, черкешенокъ, калмычекъ, татарокъ и прочихъ иноземокъ, не брезгуя и своими соотечественницами.

Будучи отдѣлены отъ Азова, тогда принадлежавшаго туркамъ, малымъ разстояніемъ, всего въ 60 верстъ, и имѣя въ сосѣдствѣ инородцевъ, часто совершавшихъ свои хищническіе набѣги, казаки не могли заниматься сельскимъ хозяйствомъ, если бы даже и хотѣли того. Они должны были постоянно находиться *начеку*, быть всегда готовыми отразить подкравшагося врага.

Да и не лежала казачья душа къ мирнымъ занятіямъ. Широкая натура требовала простора, удальства, сильныхъ впечатлѣній. Грабили они, рискуя головами, по нуждѣ, но часто и ради простого удовольствія, ради потѣхи.

Часто заключали они съ азовцами мирные договоры, сопровождаемые клятвою казачьихъ атамановъ и *шертованіемъ* (клятвою) азовскаго *бея*, а также размѣномъ заложниковъ; но столь же часто они и разрывали эти договоры.

Миръ и *размирье* для казаковъ не составляли большой разницы. Но «размирье» они предпочитали, такъ какъ могли тогда «охотиться», не нарушая правилъ рыцарской чести.

Казаки, что называется, стояли поперекъ горла туркамъ...

Турецкій визирь, въ бытность въ 1592 г. русскаго посланника Нащокина въ Константинополѣ, похвалившись, что у султана войско столь безчисленно, что земля не можетъ поднять его, однако настоятельно требо-

валъ, чтобы царь свелъ съ Дона казаковъ и разрушилъ ихъ крѣпости.

За исполненіе этого визирь обѣщалъ запретить крымцамъ и азовцамъ нападать на русскія владѣнія. Въ противномъ же случаѣ, грозилъ онъ, «не только велимъ хану и ногаямъ безпрестанно воевать Россію, но и сами пойдемъ на Москву своими головами, сухимъ путемъ и моремъ, не боясь трудовъ ни опасностей, не жалѣя ни казны ни крови».

Нащокинъ обѣщалъ, отъ имени царя, выгнать казаковъ съ Дона и его окрестностей.

Называя въ Царьградѣ донскихъ казаковъ шайкою разбойниковъ, московское правительство, однако, посылало имъ воинскіе снаряды, свинецъ, сѣру, селитру, вино, крупу, сухари, толокно, «сукно настраѳиль и аглинское и инбарское». Въ лицѣ донскихъ витязей Москва видѣла свой крѣпкій и надежный оплотъ противъ хищниковъ-азіатовъ.

Казаки же умножились числомъ, принимая къ себѣ, какъ извѣстно, казаковъ днѣпровскихъ и бѣглыхъ всякаго рода и званія, и «вели непрестанную войну съ Азовомъ, съ ногаями, съ черкесами, съ Тавридою и ватагами ходили въ море искать добычу, слушаясь и не слушаясь указовъ царскихъ. Нащокинъ изъ Азова писалъ въ Москву, что казаки станицъ низовыхъ силою отняли у него дары государства, не хотѣли безъ откупа выдать ему своихъ плѣнниковъ, султанскаго чауша съ шестью князьями черкесскими, и съ досады одному изъ нихъ отсѣкли руку, вопя на шумной сходкѣ: «Мы вѣрны Царю Бѣлому; но кого беремъ саблею, того не освобождаемъ даромъ!»“

Турки говорили, что казаки не даютъ имъ выйти за ворота.

И дѣйствительно, миръ у казаковъ съ турками продолжался недолго. Это было скорѣе перемиріе, которое нарушалось часто даже изъ-за пустого случая.

А послѣдняго недолго было ждать—онъ всегда предупредительно подвертывался подъ руку.

Такъ было и въ описываемое нами время.

Зимою отъ азовскаго паши, по повелѣнію султана, пріѣзжали въ войско донское мировщики, которые, послѣ обильнаго угощенія, ласокъ и щедротъ, любезно принятыхъ казаками, склонили послѣднихъ прекратить войну и заключить мирный договоръ.

На вторичномъ съѣздѣ довѣренные обѣихъ сторонъ съ обычной помпою заключили этотъ договоръ, при чемъ казаки на славу угостили азовскихъ довѣренныхъ и одарили ихъ на прощаніе медомъ и разными товарами, незадолго передъ тѣмъ захваченными у азовцевъ же. Турецкіе послы въ свою очередь дали на *войско* нѣсколько котловъ, соли, сѣтей и 1000 злотыхъ.

Нужно замѣтить, что эти подарки азовцы давали каждый разъ при заключеніи мира, согласно утвержденнаго турецкимъ султаномъ особаго, спеціально для этого случая, указа.

По заключенному договору казаки обязывались не ходить черезъ *замирную* черту въ море, азовцы же на казачьи городки и Украйну.

Прошло два мѣсяца послѣ объявленія этого мирнаго договора. Казаки и азовцы жили, какъ подобаетъ добрымъ сосѣдямъ, по крайней мѣрѣ—по наружному виду. Изъ городковъ ѣздили казаки въ Азовъ, азовцы пріѣзжали къ нимъ; торговали и просто погостить отправлялись. Дружба хоть куда! Каждый изъ нихъ про запасъ, на всякій случай, за пазухою у себя камень припрятывалъ. Однако обѣ стороны были взаимно довольны, утѣшаясь тѣмъ, что худой миръ лучше доброй ссоры.

Но недолговѣчна была эта дружба.

Однажды ночью поймали азовцы въ чертѣ своихъ владѣній казака изъ Черкасскаго городка, Ваньку Красноуха, промышлявшаго по береговымъ зарослямъ.

Пойманному азовцы остригли усы и бороду, въ его же ружье забили этотъ пукъ волосъ и отпустили казака на всѣ четыре стороны, приговаривая:

— Ступай, но знай самъ и своимъ скажи, что такимъ молодцамъ, какъ ты, азовцы могутъ вмѣстѣ съ бородою снять и голову.

Весь сгорая отъ стыда и униженія, явился казакъ въ Черкасскъ. Но ни одинъ изъ казаковъ не позволилъ себѣ посмѣяться надъ нимъ: каждый изъ нихъ считалъ оскорбленіе, нанесенное товарищу, за личную для себя обиду; мало того—за безчестіе всему казачеству.

Въ тотъ же день изъ Черкасска отправили гонца въ городокъ Раздоры къ войсковому атаману съ донесеніемъ о столь дерзкомъ поступкѣ азовцевъ и съ просьбою о прекращеніи замиренія. А сами, вслѣдъ за отправкою гонца, стали приводить въ порядокъ свои суденышки, точить оружіе и подгонять дальніе табуны поближе къ становищу. Никто изъ нихъ не сомнѣвался, что мирному договору съ азовцами пришелъ конецъ.

Менѣе чѣмъ черезъ полсутокъ гонецъ былъ уже передъ Раздорами.

Въ семидесяти верстахъ отъ Черкасска, вверхъ по теченію Дона, на островѣ, при сліяніи Донца съ Дономъ, при подошвѣ крутой горы, расположился городокъ Раздоры.

Городокъ этотъ былъ обнесенъ крѣпкимъ палисадникомъ и по своему мѣстоположенію представлялъ много удобствъ для обороны. Онъ считался главнымъ казачьимъ городкомъ, служа мѣстожительствомъ войскового атамана донскихъ казаковъ.

Черезъ часъ послѣ прибытія гонца изъ Черкасска раздорцы уже огромной толпою окружили войсковую избу, которая своими размѣрами выдѣлялась на майданѣ (площади).

Спустя нѣкоторое время, когда толпа заняла почти всю площадь, войсковой атаманъ, окруженный началь-

ными людьми и стариками и предшествуемый есаулами, съ булавой въ рукѣ, вышелъ изъ избы и остановился среди собранія.

— Помолчи, честная станица,— громко возгласили есаулы,—и все великое Донское войско!

Когда толпа смолкла, есаулы объяснили суть дѣла, подробно передавъ донесеніе изъ Черкасска.

— Что жъ, братцы-станичники, — заговорилъ атаманъ,—или намъ замиреніе держать съ поганымъ азовскимъ пашою или размирную ему послать?

— Размирную, размирную!—завопили сотни голосовъ.

— Такъ, значитъ, размирную?—громко спросилъ атаманъ.—Любо ли это вамъ, атаманы-молодцы?

— Любо! Въ добрый часъ!—кричали со всѣхъ сторонъ казаки.

Потолковавъ съ полчаса со станичниками, атаманъ удалился въ избу, куда также вошли начальные люди и старики. Писарь уже сидѣлъ за большимъ дубовымъ столомъ.

— Пиши!—сказалъ ему атаманъ и началъ диктовать, предварительно совѣтуясь со стариками.

Черезъ четверть часа писарь уже читалъ на площади среди примолкшей толпы войсковую грамоту.

— «Отъ Донскаго атамана,—говорилось въ ней,—и всего великаго войска Донскаго азовскому пашѣ проздравленіе. Токмо для дѣлъ великаго нашего Государя мы были съ вами въ миру, а нынѣ все великое войско приговорили съ вами оный миръ нарушить. Вы бойтесь насъ, а мы остережемся васъ. А се письмо и печать войсковыя».

— Любо ли вамъ?—спросилъ атаманъ.

— Любо! Въ добрый часъ!—кричали повеселѣвшіе казаки.—Къ дѣлу рѣчь!

Снарядили гонца и, вручивъ ему грамоту, скоро выпроводили его изъ Раздоръ.

Такъ началось одно изъ многочисленныхъ «размиреній» донцовъ съ азовцами.

Послали съ извѣщеніемъ нѣсколько гонцовъ и по казачьимъ становищамъ.

Всѣ казаки словно ожили или проснулись отъ продолжительнаго сна. Всюду закипѣла работа въ казачьихъ становищахъ. На всѣхъ лицахъ такъ ясно была написана радость, точно шли приготовленія къ какому-то празднику.

Вотъ почему и въ Черкасскомъ городкѣ, несмотря на раннее утро, было такъ оживленно и шумно.

II.

За дуваномъ[1]).

Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ...
(Донская пѣсня.)

Былъ полдень. Солнце сильно припекало. Въ воздухѣ, во всей природѣ чувствовалась какая-то истома,

Но невзирая на этотъ жаръ, на майданѣ Черкасскаго городка толпился народъ. Площадь была небольшая, неправильной формы и окаймлялась низкими избушками и землянками.

Невзрачны были эти жилища. Да и нельзя было казакамъ заботиться объ ихъ красотѣ и удобствѣ, потому что нарядныя строенія скоро привлекли бы на себя алчные взоры ихъ сосѣдей, иноземцевъ.

— Пускай,—говорили они,—враги сожгутъ наши жи-

---

[1]) Дуванъ—добыча. Дуванъ дуванить—дѣлить добычу.

лища; черезъ недѣлю заплетемъ мы новые плетни, набьемъ ихъ землею—и городокъ готовъ. Скорѣе бусурмане устанутъ жечь наши жилища, чѣмъ мы строить ихъ.

И дѣйствительно, всѣ постройки были изъ самаго легкаго матеріала и первобытной конструкціи. Онѣ должны были давать пріютъ и убѣжище отъ непогоды; бо́льшаго же отъ нихъ не требовалось.

Улицы были узкія, кривыя и горбатыя.

Возлѣ большой, выбѣленной избы съ деревянными ставнями, выкрашенными желтой глиною, стоялъ высокій, плотно сложенный казакъ. Изъ-подъ надвинутой на лобъ ногайской шапки блестѣли черные, какъ уголь, глаза. Только эти глаза да длинные черные, какъ смоль, усы, лихо закрученные, выдѣлялись на энергичномъ, загорѣломъ лицѣ, остальныя черты котораго, довольно мягкія и правильныя, не обращали на себя вниманія.

Тафтяная рубашка его была опоясана турецкимъ шелковымъ, зеленаго цвѣта поясомъ, изъ-за котораго торчалъ булатный ножъ съ черенками изъ рыбьяго зуба, въ черныхъ, оправленныхъ серебромъ ножнахъ. Широкіе ногайскаго покроя шаровары, ярко-желтаго цвѣта, были вдѣты въ большіе черные сапоги, съ загнутыми кверху носами и красными отворотами.

Бравый казакъ, ставъ противъ дверей избы, медленно стащилъ съ себя шапку, покрутилъ въ рукахъ и высоко метнулъ ее кверху.

— Атаманы-молодцы!—громко крикнулъ онъ,—послушайте! Не рвется ли чье-нибудь ретивое на Синё-море [1]) за до́бычею да за *ясырями*? [2]) А охота за *бомомъ* [3])

---

[1]) Синё море—Азовское море.

[2]) Ясырь—плѣнный.

[3]) Бомъ—загражденіе при устьѣ Дона изъ бревенъ, укрѣпленныхъ желѣзными цѣпями, устроенное азовцами для воспрепятствованія казакамъ скрытно прорываться въ море.

будетъ славная и прибыльная. Что жъ, атаманы-молодцы?

Нѣсколько шапокъ взвились кверху. За ними послѣдовало еще десятка четыре. Этимъ выражалось желанiе принять участiе въ набѣгѣ.

Затѣмъ бросавшiе шапки подходили къ глашатаю набѣга или, какъ иначе звали его, вожаку и клали въ его шапку деньги, въ подтвержденiе своего согласiя.

— Братцы - атаманы! — продолжалъ глашатай, — къ азовскому пашѣ идетъ большая галера съ разнымъ добромъ и ясырями. *Прикормленный человѣкъ* [1]) вѣсточку принесъ.

Нѣсколько человѣкъ радостно вскрикнули, и нѣсколько десятковъ шапокъ взвились кверху. Начали считать охотниковъ—оказалось болѣе ста человѣкъ.

Охотники толпою направились къ куреню, выстроенному наподобiе часовни (церквей тогда еще въ Черкасскѣ не было).

Здѣсь они набожно сняли шапки и, истово крестясь, помолились передъ иконою.

Покончивъ молитву, охотники направились къ берегу, гдѣ одна землянка изображала собою кабакъ. Усѣвшись въ кругъ и вооружившись большими ковшами и чарами, они начали «омовенiе» охоты.

Крѣпкiй медъ и вино полились изъ боченковъ въ ковши, а оттуда въ усатые казачьи рты.

— Позвать Ассана!—крикнулъ глашатай, обращаясь къ бѣлоголовому казачонку, удобно примостившемуся на плетнѣ.

Тотъ, спрыгнувъ съ своего наблюдательнаго пункта, опрометью побѣжалъ исполнять приказанiе.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ сопровожденiи молодого татарина въ ярко-зеленой тюбитейкѣ. Его скуластое, изобороженное оспою лицо, хитрые

[1]) Шпiонъ, переметчикъ.

раскосоватые глаза, бѣгающіе въ узкихъ щеляхъ, долженствующихъ изображать собою вѣки, и кривыя жидкія ноги, приставленныя къ короткому туловищу,—все это не могло сдѣлать его наружность привлекательной. Но казаки его любили.

Онъ былъ имъ любъ за то, что изъ всѣхъ прикормленныхъ людей былъ вѣрнѣйшій, самый ловкій и своевременно доставлявшій казакамъ всѣ вѣсти изъ Азова.

Такихъ прикормленныхъ людей у казаковъ было много. Всѣ они хорошо вознаграждались казаками, но зато и въ свою очередь оказывали послѣднимъ большія услуги. Казаки знали все, что происходитъ въ Азовѣ и Сине-морѣ, такъ что у нихъ даже сложилась поговорка: «разсказывай казаку азовскія вѣсти», что обозначало: разсказывай-де то, что намъ и безъ тебя уже отлично извѣстно.

Насколько казаки имѣли успѣхъ въ своихъ развѣдкахъ, настолько эти развѣдки не удавались азовцамъ, которые не только не могли узнавать о планахъ и дѣйствіяхъ казаковъ, но даже не могли изучить топографію донского края, такъ какъ казаки принимали всѣ мѣры къ предотвращенію этого.

Ассанъ жилъ въ самомъ Азовѣ и занимался торговлею. Послѣдняя была для него лишь декораціей, за которой онъ тщательно скрывалъ свои таланты.

Талантовъ у него было много, но всѣ они были такого сорта, что узнай о нихъ азовскій паша, не сноситъ бы Ассану своей головы долѣе сутокъ.

Ассанъ подошелъ къ кругу, снялъ шапку и до пояса поклонился, держа одну руку у сердца, другую у лба.

— Низко бью челомъ храбрымъ атаманамъ,—заговорилъ онъ.—Честь, хвала и здравіе атаманамъ!

— Здравствуй, Ассанъ,—сказалъ ему вожакъ.—Разскажи-ка намъ, предъ честнымъ кругомъ, что знаешь объ азовской галерѣ.

— Аллахъ да поможетъ мнѣ и да просвѣтитъ умъ мой, чтобы разсказъ мой былъ такъ же ясенъ, какъ чистое небо лѣтомъ. Ассанъ узналъ, что въ Азакъ [1]) идетъ галера, а въ той галерѣ много товаровъ константинопольскихъ, много разнаго добра и ясырей для паши. Вотъ все, что знаетъ Ассанъ.

— Когда же она придетъ?

— Два раза мѣсяцъ народится на небѣ, прежде чѣмъ придетъ галера къ Азаку. Но Ассанъ точно узнаетъ, въ какой день ее будутъ ждать.

— А много пищалей и пушекъ на галерѣ?

— Пушка одна, пищалей, думаетъ Ассанъ, будетъ сотни три,—галера большая.

— Э, да чего тамъ разспрашивать! Поѣдемъ—сами увидимъ, сколько бусурманъ на галерѣ. На большіе корабли хаживали, а галера... эка невидаль! Уколошмятимъ!

Такъ сказалъ рыжебородый казакъ, Ѳилатка Рубцовъ, презрительно махнувъ рукою и сплюнувъ на землю. Ѳилатка лишь около года, какъ вступилъ въ общество казаковъ, убѣжавъ отъ своего московскаго барина, у котораго состоялъ крѣпостнымъ лакеемъ. Не успѣвъ еще показать свою удаль на дѣлѣ, Ѳилатка ужасно храбръ былъ на языкѣ и хвастливъ до чрезвычайности.

— Такъ-то такъ!—пробасилъ старый, сѣдобородый казакъ, Антипъ Чайкинъ.—Да не всегда, братъ, бываетъ прибыльно оттого, что, не разспросившись брода, сунешься въ воду. Аль, думаешь ты своей огневой бородой на бусурманъ переполохъ навести?

— Ну, ну, ты, умная голова! Не знаемъ мы, какого еще цвѣта твоя-то была борода, пока не посивѣла...

Въ то время, какъ два сосѣда продолжали пере-

[1]) Азовъ.

канія о бородѣ, остальные казаки, подвинувшись поближе къ Ассану, спрашивали его:

— А что, Ассанка, дуванъ будетъ очень хорошій?

— Аллахъ про то вѣдаетъ. Но Ассаново сердце чуетъ, что атаманы много-много дадутъ злотыхъ Ассану, когда будутъ дуванъ дуванить.

Долго толковали между собою казаки, удаливъ Ассана изъ круга (предосторожность не лишняя, ибо у прикормленныхъ людей языки бывали, по выраженію казаковъ, двойные: «и нашимъ и вашимъ»), долго совѣщались, какъ удачнѣе и скрытнѣе произвести свой набѣгъ. Одни совѣтовали начать дѣло излюбленнымъ манеромъ: за нѣсколько дней до похода спускать внизъ по Дону кокоры и бревна, которыя, ударяясь о бомъ, производили ложную тревогу. Турецкіе сторожевые пикеты, стоявшіе на берегу, замѣтивъ въ ночной мглѣ дрожаніе бома отъ удара, поднимали стрѣльбу, вслѣдъ за которой поднималась тревога въ турецкомъ гарнизонѣ. Утомивъ вниманіе караульныхъ, казаки, вслѣдъ за кокорами, переправлялись черезъ бомъ.

Но другіе казаки говорили: «Не къ чему воловодиться съ кокорами, время терять. Хаживали и безъ нихъ, и теперь пройдемъ. Не дастъ Богъ смерти, не возьмутъ и черти».

Такъ и порѣшили: кокоръ не спускать. Приступили затѣмъ къ обсужденію другихъ вопросовъ.

А вино и медъ тѣмъ временемъ все лилось изъ боченковъ. Изрядно выпивъ, охотники приступили къ выборамъ походнаго атамана. Выборъ палъ на вожатая, которому принадлежала иниціатива набѣга,—казака Алексѣя Клещова, или, какъ его обыкновенно звали, Алешку Клеща.

Черные глаза его гордо блеснули. Онъ всталъ и, низко поклонившись, промолвилъ:

— Спасибо вамъ, братцы-атаманы, за ваше товарищеское довѣріе. Богъ, миръ да любовь не оставятъ

насъ. Выпьемъ же, братцы, за новый походъ, за успѣхъ нашей «охоты», за славу великаго казачества!

Громкіе клики заглушили его рѣчь и эхомъ отозвались вдоль рѣчного берега.

III.

Гульба.

Не бойтесь, ребятушки,
Донскіе мои казаченьки,
Берите бабаечки,
Садитеся въ лодочки,
Поѣзжайте въ Синё море,
Скоро расповѣдайте,
Чѣмъ эти кораблечки,
Они нагруженные.

(*Донская пѣсня.*)

На берегу одного изъ протоковъ Дона, огибавшихъ Черкасскій городокъ, оканчивалось снаряженіе двухъ большихъ лодокъ, струговъ [1]).

Они были выстроены на счетъ богатыхъ казаковъ для вольницы Алексѣя Клещова. Въ вознагражденіе же за эту услугу охотники, возвратившись домой, должны были отдать строителямъ половину добычи, за исключеніемъ плѣнныхъ.

Взглянувъ на эти лодки, читатель пришелъ бы въ неописанное удивленіе и невольно спросилъ бы себя: «Неужели на такихъ душегубкахъ возможно плавать въ бурныхъ Азовскомъ и Черномъ моряхъ, да еще атаковывать ими большіе турецкіе корабли?»

[1]) Струги—общее названіе казачьихъ лодокъ. Меньшія изъ нихъ назывались: «дубы», «дубасы»; а побольше—«тумбасы», «тулумбасы», «стюрны».

Основаніемъ каждой изъ лодокъ служила половина распиленной надвое «трубы»,—такъ назывались липовыя и ветловыя деревья, съ высверленной сердцевиной.

Къ основанію, изъ середины, были прикрѣплены ребра, а съ концовъ—выгнутыя кокоры, обитыя до надлежащей высоты досками. Снаружи лодки были оконопачены и осмолены и для большей крѣпости обвязаны кругомъ лычными веревками и ремнями. Носъ и корма были одинаковые, острые, снабженные рулями, чтобы можно было наступательное движеніе замѣнить отступательнымъ, не поворачивая лодку кругомъ.

Для прикрытія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ у бортовъ были укрѣплены толстые, туго связанные снопы камыша. На каждой лодкѣ высилось по одной небольшой мачтѣ.

Казаки-подростки тащили къ лодкамъ боченки съ сухарями, просомъ, толчіей изъ сухого хлѣба и сухой рыбы, сушенымъ мясомъ и толокномъ, тюки съ соленой и копченой рыбою, ружья, порохъ, багры, топоры и веревки. Все это тщательно укладывалось въ лодкахъ и прикрывалось большими кожами—палубы на лодкахъ не имѣлось.

Межъ тѣмъ на майданѣ, у становой избы собрались охотники, отправлявшіеся въ набѣгъ, и провожавшіе ихъ станичники. Шло молебствіе Николаю угоднику о покровительствѣ подвизавшихся на брань.

Охотники стояли отдѣльно, а впереди ихъ походный атаманъ. Всѣ они были въ старой, поношенной одеждѣ, что составляло у казаковъ обычай.

Отправляясь въ походъ, они одѣвались въ ветошь, чтобы не прельщать ею завистливаго непріятеля и не подавать ему надежду чѣмъ-нибудь поживиться отъ нихъ. По этой же причинѣ и оружіе у охотниковъ было безъ всякихъ украшеній.

Кончился молебенъ, и все населеніе городка дви-

нулось къ берегу, у котораго на крѣпкихъ причалахъ покачивались два струга.

Каждый взрослый казакъ выпилъ по двѣ чарки вина: одну за здравіе и успѣхъ «подвизающихся на брань», а другую за здравіе и благополучіе остающихся въ городкѣ. Вслѣдъ за этимъ каждый изъ гулебщиковъ взялъ по горсти земли и, поцѣловавши ее, бросилъ въ тотъ стругъ, на которомъ долженъ былъ отплыть.

Гулебщики усѣлись въ свои неуклюжія суденышки. Тѣ, которые сидѣли на «нашестьяхъ» [1]), поплевали на ладони и взялись за весла.

— Трогай!—послышалась команда походнаго атамана.

Лодки, мѣрно покачиваясь, поплыли внизъ по теченію.

— Въ добрый часъ! Помогай Богъ! Прощайте! Хорошаго полеванія! Гуляйте да долго не загуливайтесь!—кричали съ берега казаки, бросая кверху шапки, зипуны и сапоги.

А веселые охотники дружнымъ хоромъ затянули свою традиціонную пѣсню:

«Ты прости, ты прощай, тихій Донъ Ивановичъ».

Долго стояли на берегу провожавшіе, пока струги совсѣмъ не скрылись изъ виду.

Весь этотъ вечеръ оставшіеся въ городкѣ казаки «гладили дорожку», т.-е. пили за здоровье и успѣхъ гулебщиковъ.

Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, охотники укрѣпили на мачты паруса, а гребцы, поднявъ весла, положили ихъ вдоль бортовъ.

Солнце стояло еще высоко надъ горизонтомъ. Но мелкій туманъ уже поднимался вдоль рѣчныхъ береговъ. Въ свѣжемъ, пропитанномъ благоуханіями степныхъ цвѣтовъ и пахучихъ травъ, воздухѣ чувствова-

---

[1]) Нашестье—поперечная лавка, сидѣнье.

лась особенная сырость, какъ это бываетъ передъ дождемъ.

Лодки миновали Монастырскій городокъ, лежавшій въ семи верстахъ ниже Черкасска, и, проплывъ нѣкоторое разстояніе, приближались къ «замирной» чертѣ, за которой были уже владѣнія азовскаго паши.

Темная, туманная ночь окутала отважныхъ охотниковъ непроницаемой мглою.

Чудное дѣло! Горсть людей, въ утлыхъ ладьяхъ, легко несомыхъ и опрокидываемыхъ большими морскими волнами, какъ бы это были не судна, а орѣховая скорлупа, безъ компаса, безъ карты, безъ надлежащаго снаряженія и оружія, въ чужомъ, не вполнѣ извѣстномъ морѣ, при ежеминутномъ рискѣ натолкнуться на враждебный военный корабль,—горсть этихъ удальцовъ храбро несется къ морю, какъ бы всѣ опасности, которыми угрожаютъ имъ природа и человѣкъ, существуютъ не для нихъ. И бури и бусурманскіе корабли, повидимому, имъ нипочемъ.

Что же это: русское авось или беззавѣтная, не знающая преградъ отвага?

Намъ кажется, что и то и другое, да вдобавокъ еще одинъ изъ главныхъ двигателей, называемый борьбою за существованіе.

Оторванные отъ Московскаго государства, живя въ сосѣдствѣ съ враждебными, хищническими народами, казаки были поставлены въ необходимость жить и кормиться одной добычею. Не прибѣгай они въ то время къ грабежамъ, они, навѣрное, сидѣли бы и въ голодѣ и въ холодѣ, и нужду терпѣли бы страшную, ибо заниматься сельскимъ хозяйствомъ, при такихъ сосѣдяхъ, какъ турки, татары, ногайцы, имъ было очень трудно.

Условія жизни, необходимость заставляли казаковъ *добывать*. Когда же необходимость эта проходила, то оставалась привычка, стремленіе доставать предметы, въ которыхъ ощущалась нужда, съ рискомъ за собствен-

ныя головы. При очень низкомъ моральномъ развитіи и особенномъ складѣ жизни казаки не могли строго отличать позволительное отъ непозволительнаго.

Гульба, охота, полеваніе были синонимами. Но подъ этими словами разумѣлось двоякое: «охотиться за звѣремъ и за непріятелемъ». Ермакъ Тимоѳеевичъ, Стенька Разинъ именовались также охотниками.

Гулебщина и постоянная боевая жизнь сдѣлались казачьимъ культомъ. Казаки своими ватагами, а также и вмѣстѣ съ запорожцами хаживали на море «подъ Турцію», къ Синону, Трапезонту и другимъ городамъ султана «зипуновъ добывать».

Однако эпитетъ «любители легкой наживы» нельзя было примѣнить въ полномъ его смыслѣ къ казакамъ-добычникамъ, такъ какъ безпрерывно сторожевая и полная тревогъ жизнь ихъ въ становищахъ была не легка; совершеніе же набѣговъ и стычки съ нападавшими на ихъ жилья хищниками стоили казакамъ не мало труда и лишеній, а часто и потери собственнаго крова и жизни многихъ станичниковъ.

Не разъ случалось, что изъ всей ватаги гулебщиковъ, отправившихся въ море за добычею, возвращалась домой лишь незначительная часть. Остальные погибали отъ вражескихъ пуль и морскихъ бурь. Тѣ же, которые возвращались, бывали нерѣдко въ страшно изнуренномъ и болѣзненномъ состояніи.

Правда, казаки очень любили наживу, но послѣдняя весьма рѣдко легко давалась имъ...

Лодки все плыли, но держались уже поближе къ береговымъ зарослямъ. Паруса были сняты, и гребцы снова налегли на весла.

Громкіе разговоры и пѣсни прекратились. Только рыжебородый Ѳилатка мурлыкалъ подъ носъ какую-то пѣсню, начинавшуюся безсмысленнымъ припѣвомъ:

«Да вздунай най дунана вздунай дунай».

Но и тотъ скоро примолкъ. Свѣсивши голову черезъ бортъ кормы, онъ мечтательно почесывалъ затылокъ и плевалъ въ воду.

На носу передней лодки сидѣлъ Алексѣй Клещовъ и шопотомъ разговаривалъ со старикомъ. Послѣдній былъ по лѣтамъ старѣйшій изъ всѣхъ гулебщиковъ— ему миновалъ уже восьмидесятый годъ. Невзирая на эти преклонныя лѣта, старикъ былъ замѣчательно бодръ, крѣпко сложенъ и, повидимому, отличался здоровьемъ и силою.

Звали его всѣ дѣдомъ Пахомомъ, а также тарпанщикомъ: онъ былъ прежде страстнымъ любителемъ ловли и выѣзживанія дикихъ коней, тарпановъ. Если у кого былъ особенно норовистый и злой конь, то его, обыкновенно, приводили къ Пахому для обламыванія, т.-е. выѣздки, и не проходило недѣли, какъ хозяинъ уже не узнавалъ своего коня въ покорномъ и податливомъ животномъ.

Не дешево, однако, далось Пахому это искусство: ключица была у него переломлена, нога вывернута, а рука въ кисти свихнута. Но лѣкарь-костоправъ, чернецъ Игнашка, проживавшій въ раздорахъ, всегда успѣшно вылѣчивалъ Пахома и тотъ снова брался за свою опасную забаву.

— А, вѣдь, близко и до бома,—говорилъ старикъ.

— Близко,—отвѣчалъ Алексѣй.—Богъ за насъ. Ни зги не видно. Туманъ на-руку намъ, да и дождь покрапываетъ.

— Эхъ, кабы благополучно пройти бомъ, а тамъ гуляй наша—не поймаютъ!

— Азовъ не о ста глазовъ. Пройдемъ! Не прорвемся водою, перетащимъ лодки берегомъ, а въ Синё-море все же попадемъ. Рвется, дѣдъ Пахомъ, ретивое помѣриться силами,—ужъ больно я соскучился. То за-

миреніе было, то съ бударою [1]) въ Воронежъ ходилъ. Рука такъ и чешется.

— Молодецъ ты, я вижу, лихая голова! Не даромъ тебя въ атаманы выбрали... Что это? Погляди-ка вонъ туда, на берегъ. Никакъ вѣха торчитъ?

Пахомъ и Алексѣй прилегли къ борту и пристально вглядывались.

Среди ночного мрака и тумана чуть виднѣлась на берегу какая-то темная масса. По предположенію казаковъ, это былъ турецкій «стражументъ» (форпостъ), стоявшій впереди бома.

— Ребята, тихо! Заднiй стругъ, укороти ходъ!—скомандовалъ тихо Алексѣй и его команда шопотомъ была передана отъ одного къ другому.

Передняя лодка, на которой находился Алексѣй, подвигалась очень медленно; задняя отстала шаговъ на тридцать.

— Понюхаемъ,—говорилъ Алексѣй и, свѣсивъ голову съ борта, вперилъ свои взоры впередъ.

Вдругъ онъ вскочилъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лодки онъ замѣтилъ чернѣвшую поперекъ рѣки линію,—очевидно это былъ бомъ.

— Стой!—тихо скомандовалъ онъ.

Лодки остановились. Алексѣй уже не сомнѣвался, что передъ нимъ былъ турецкій бомъ. Скинувъ оружіе, онъ почти беззвучно спрыгнулъ съ борта въ воду и поплылъ къ чернѣющей полосѣ. Сдѣлавъ нѣсколько перехватовъ, онъ былъ уже у толстыхъ бревенъ, протянутыхъ поперекъ рѣки.

Скованныя поперечною цѣпью пять, сложенныхъ одно на другое пирамидально, бревенъ мѣрно покачивались водою, которая, плескаясь у нихъ, обдавала

---

[1]) Будары—суда, на которыхъ доставлялись на Донъ припасы, а впослѣдствіи и денежное жалованіе, которые отпускались изъ московской казны.

мелкими брызгами. Бревна были длинныя, но преградить собою всю ширину рѣки они не могли. Алексѣй зналъ, что бомъ состоитъ изъ восьми бревенчатыхъ звенъ, соединенныхъ между собою желѣзными цѣпями. Этого соединенія и искалъ Алексѣй.

Проползши на четверенькахъ вдоль бревна, онъ достигъ, наконецъ, соединенія и, опустивъ руку въ воду, ощупывалъ цѣпи. Цѣпи были толстыя, крѣпкія, и Алексѣй сразу понялъ, что попытки порвать ихъ даже дружной силою оказались бы тщетными. Онъ вытянулъ руку, желая узнать, какъ далеко конецъ другого звена. Рука двигалась въ воздухѣ, но бревна не встрѣчала. Радостная мысль мелькнула въ головѣ Алексѣя.

Придерживаясь рукою за цѣпь, онъ опустился въ воду, между двухъ бревенчатыхъ звенъ.

Результатъ наблюденій былъ очень утѣшительный для гулебщиковъ: разстояніе между звенами оказалось около саженя. Хотя ширина лодокъ была полтора саженя, но тутъ все же являлась возможность перетащить ихъ черезъ цѣпное соединеніе, поставивъ ихъ нѣсколько ребромъ.

Алексѣй вернулся къ лодкѣ и, плывя впереди, подвелъ ее къ бому. Часть груза вытащили на бревна бома, а остальные боченки плотно увязали въ лодкѣ, вдоль одного борта. Усиліями шестидесяти человѣкъ лодку поставили носомъ на цѣпи и, установивъ ее на ребро, настолько наклонно, чтобы она поменьше черпала воды, старались протащить ее по цѣпямъ, между бревенчатыхъ загражденій.

Не мало труда стоила эта переправа удальцамъ, тѣмъ болѣе, что она должна была совершаться при полной тишинѣ и осторожности, чтобы стукъ или колебаніе бревенъ не были замѣчены турецкимъ пикетомъ, постоянно наблюдавшимъ за бомомъ.

Послѣ неимовѣрныхъ усилій лодку, наконецъ, спу-

стили въ воду по другую сторону бревенъ и поспѣшно размѣщали въ ней выгруженные припасы.

Тѣмъ временемъ подошла вторая лодка, и, наблюдая тѣ же предосторожности, приступили къ переправѣ ея. Лодка эта была шире и тяжелѣе первой. Шестидесяти человѣкамъ экипажа ея помогали еще нѣсколько казаковъ изъ первой лодки. Алексѣй присутствовалъ тутъ же.

Лодка, стиснутая узкимъ проходомъ, застряла и не поддавалась дружнымъ усиліямъ казаковъ. Алексѣй потребовалъ еще нѣсколько человѣкъ изъ первой лодки. Работая въ водѣ, напрягая всѣ усилія рукъ и ногъ, казаки толкнули лодку, но такъ сильно, что бомъ закачался и подался впередъ, а въ лодкѣ что-то громко треснуло.

Въ то же время на берегу раздался хриплый дикій крикъ, блеснулъ огонь и грянулъ ружейный выстрѣлъ, эхомъ отозвавшійся вдоль всего берега. Оба берега вдругъ проснулись. Крики турокъ смѣшались съ ружейной пальбою. Огромный пукъ соломы вспыхнулъ на вышкѣ и все сильнѣе разгорался, хотя свѣтъ его, вслѣдствіе тумана и мелкаго дождя, почти не достигалъ до средины рѣки.

Казаки благословляли погоду, явившуюся имъ на выручку.

И слѣва и справа поднялась пушечная канонада. Картечь визжала, свистѣла надъ головами казаковъ и шлепалась въ воду.

— Дружнѣй, станичники!—кричалъ Алексѣй и всей силою крѣпкаго плеча налегалъ на корму лодки.

Лодка подавалась, но медленно.

— Дружн-н-но!—вторили гулебщики и, невзирая на свистъ пуль, толкали лодку.

Наконецъ носъ лодки плеснулъ въ воду. Казаки были спасены.

Тѣ изъ нихъ, которые находились на бомѣ, чтобы

придерживать отъ паденія въ воду выгруженные припасы, бросились къ лодкѣ. Боченки и прочій грузъ, ничѣмъ не придерживаемые, соскользнули въ воду.

— На весла! Греби! Наляжь!—слышалась громкая команда Алексѣя.

Сильные и дружные гребцы не заставляли себя долго ожидать, и лодки быстро понеслись, оставляя за собою бомъ и турецкія пушки.

Но едва успѣли проплыть онѣ съ версту, не болѣе, какъ впереди ихъ показалась черная громада съ яркимъ огненнымъ глазомъ.

— Корабль впереди! — крикнулъ Алексѣй. — Греби влѣво!

Турецкій военный корабль спѣшилъ къ мѣсту тревоги.

Трудно управляемыя лодки не сразу поддались рулямъ. Но, повернувъ въ требуемую сторону, они еще быстрѣе помчались, и скоро сквозь туманъ едва замѣтная красная точка виднѣлась уже въ сторонѣ отъ нихъ.

— Благодаримъ тебя, Господи! Слава тебѣ! — шептали гулебщики, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Вся одежда ихъ была насквозь промочена. А дождь, вдругъ превратившійся въ ливень, какъ-будто хотѣлъ совсѣмъ затопить ихъ утлыя ладьи.

Два человѣка оказались ранеными, но раны ихъ были легкія и не внушали опасеній.

Однако, не обошлось безъ потери—не досчитывались одного человѣка. Недоставало рыжебородаго Ѳилатки. Куда онъ дѣлся,—никто не зналъ. Утонулъ ли онъ въ суматохѣ, или былъ убитъ турецкой пулею, оставалось неизвѣстнымъ.

Одинъ изъ гулебщиковъ говорилъ, что видѣлъ его лежащимъ на бомѣ и придерживавшимъ тюки, при помощи рукъ, ногъ и всего туловища.

— Страсть какъ при этомъ онъ ругался,—говорилъ гулебщикъ,—черти такъ и летѣли изъ его глотки!

— То-то вотъ, и не вспоминай нечистаго въ бою,— поучительно замѣтилъ тарпанщикъ Пахомъ.—Лукавому того и нужно,—сейчасъ онъ тебѣ пакость какую-нибудь устроитъ.

И дѣдъ Пахомъ началъ длиннѣйшій разсказъ о томъ, какъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, во время казачьяго похода въ Азію на Синопъ, подкузьмилъ его нечистый, *испортивъ* его пищаль.

— Славная такая была пищаль, била безъ промаха. А то, поди-ка, какъ пошли мы въ рукопашную, то промахъ, то осѣчка. Я и бросилъ ее тамъ. Такъ-то!

— Эхъ! Славно бы теперь на радостяхъ да на мокротѣ, послѣ трудовъ-то праведныхъ, винца хватить,— говорилъ одинъ изъ гулебщиковъ, обращаясь къ своему сосѣду.

— Да, не мѣшало бы!—отвѣчалъ тотъ.—А то мы словно въ калмыцкій адъ попали: послѣ жара въ морозъ бросаетъ. Что ни говори, а нашъ обычай не брать въ походъ вина хорошъ, хорошъ, да не дюже. Не вредно было бы теперь маленько погрѣться.

— Въ томъ-то и бѣда, что на маленькомъ не остановишься,—пробасилъ сидѣвшій у руля казакъ.—У насъ если пить, то пить досыта.

— Эй, вы, бражники, лайдаки!—раздался голосъ Чайкина, начальствовавшаго надъ второй лодкою.— Чѣмъ зря-то языки чесать, галманы вы безпочиночные, перемѣнили бы товарищей, на весла сѣли. Возьмемъ дуванъ, тогда романеей вдоволь намокромордитесь.

А дождь все лилъ, хотя значительно уже порѣдѣвъ. Востокъ зардѣлся и проливалъ свой красноватый свѣтъ на водяную гладь, широко раскинувшуюся передъ гулебщиками.

IV.

На абордажъ.

«Гей, на кичку сарынь!» раздалось надъ рѣкой,
И на барку стремглавъ мы вскочили толпой!
«Всѣ ложись! Всѣ замри, кому милъ бѣлый свѣтъ,
Кто не хочетъ попасть къ осетрамъ на обѣдъ!»

М. П. Розенгеймъ.

Казакъ донской—какъ ершъ морской.

Съ наступленіемъ дня дождь совсѣмъ прекратился. Легкій молочно-бѣлый туманъ держался въ воздухѣ.

Гулебщики были уже въ открытомъ морѣ. Невысокія мачты скрипѣли подъ давленіемъ парусовъ.

Глубоко, широко и привольно было въ тогдашнія времена Синё-море.

Нынѣшняя дельта рѣки Дона и берега его, которые теперь покрыты мелкимъ камнемъ, раковинами, пескомъ, камышами, трясинами,—все это было въ тѣ времена покрыто на далекое разстояніе глубокими морскими водами.

Среди воднаго пространства виднѣлись острова, называемые теперь буграми, къ которымъ пріобщались наносимыя водою земля и прочія отложенія, образовавъ со временемъ твердую дельту съ многими рукавами или гирлами Дона.

Вода въ морѣ, вслѣдствіе большого количества впадавшихъ въ него рѣкъ, ручьевъ и прибрежныхъ ключей, была почти прѣсная, только чуть солоноватая.

Большіе торговые и военные корабли могли свободно плавать по всему морю и заходить далеко въ рѣку Донъ.

Они останавливались даже среди Черкасска, въ глубокомъ протокѣ.

Во время бурь морскія волны, стиснутыя вокругъ берегомъ, не имѣя достаточно простора для своего бѣга, наскакивали одна на другую крутыми, клокочущими валами, рвались во всѣ стороны, представляя тѣмъ самымъ опасности, болѣе серьезныя и гибельныя, чѣмъ даже бурливое Черное море.

Находясь въ недружелюбномъ морѣ, во владѣніяхъ своихъ заклятыхъ враговъ, турокъ, среди полной неизвѣстности, безпечно и весело поглядывали наши гулебщики по сторонамъ, шутили и смѣялись, точно они совершали веселую поѣздку отъ Черкасска до Раздоръ. Нѣкоторые спали, скорчившись между боченками.

Въ морѣ ничего не было примѣтно. Порѣдѣвшій туманъ, съ наступленіемъ вечернихъ сумерекъ, сдѣлался снова плотнымъ и высоко поднялся надъ водою, скрывъ отъ глазъ и небо и всю морскую гладь.

Паруса за безвѣтріемъ были давно уже сняты, а гребцы снова сидѣли у веселъ. Но лодки двигались очень медленно: казаки, очевидно, кого-то поджидали.

Вдругъ съ передней лодки раздался голосъ:

— Гляди! Никакъ судно идетъ!

Въ туманѣ показалась сѣрая масса.

— Греби влѣво! Правь наперерѣзъ галерѣ!—командовалъ Алексѣй.

Переметчикъ Ассанъ далъ точныя указанія о наружномъ видѣ галеры, направленіи ея движенія и времени прибытія въ Азовъ. Принимая въ соображенія эти данныя, Алексѣй почти не сомнѣвался, что двигающееся навстрѣчу судно было цѣлью ихъ охоты.

Зоркіе его глаза уже успѣли разглядѣть очертанія судна.

Галера была не болѣе, какъ въ двадцати шагахъ.

— Греби сильнѣе! Бери на абордажъ! Готовь лѣстницы!—слышался голосъ Алексѣя.

Вдругъ рѣзкій пушечный выстрѣлъ заглушилъ его слова и надъ головами казаковъ, свистя и визжа, пронесся снопъ картечи.

Крики «алла», ружейные и пушечные выстрѣлы, команды, скрипъ рулей смѣшались въ одно шумное, дикое и нестройное цѣлое.

Острыми крюками казаки уже прицѣпились къ галерѣ.

Оторопѣвшіе турки стрѣляли черезъ головы гулебщиковъ. Вода пѣнилась и бурлила возлѣ галеры, готовая ежеминутно опрокинуть утлыя лодки. Не прошло и пяти минутъ, какъ нѣсколько казаковъ уже вскарабкались на бортъ. За ними послѣдовали и остальные.

Часть турецкаго экипажа устремилась въ трюмъ. Со стиснутыми зубами и дико блуждающими глазами дрались гулебщики съ своими заклятыми врагами, имѣвшими численное превосходство. Съ ожесточеніемъ бросались они во всѣ стороны, рубя, коля и сбрасывая въ воду обезумѣвшихъ отъ страха турокъ. Неожиданность нападенія такъ обезкуражила послѣднихъ, что они не могли оказать сильнаго сопротивленія казакамъ.

Въ полчаса битва была уже рѣшена. Казаки ворвались въ трюмъ, гдѣ началась та же дикая рѣзня. Убитыхъ и раненыхъ турокъ бросали въ воду.

Обезоруженныхъ казаки собрали въ одно мѣсто на палубѣ и отобрали у нихъ все, что было мало-мальски цѣнно.

Изъ трюма тащили тюки съ товарами.

Нѣсколько казаковъ столпились въ темномъ углу трюма, гдѣ корчились и жались одна къ другой около десятка женщинъ. Ихъ также вытащили на палубу.

Выбравъ наиболѣе цѣнные и удобные для перевозки товары, быстро перетащили ихъ въ лодки. Тамъ же размѣстили двадцать плѣнныхъ турокъ и восемь полуобнаженныхъ женщинъ.

Въ трюмѣ шла оживленная работа—прорубали днище галеры. Казаки, не умѣя справляться съ большими галерами, не обладавшими поворотливостью и легкостью, предпочитали отправлять ихъ ко дну и возвращаться домой на своихъ скорлупахъ.

На палубѣ шли пререканія: взять съ собою пушку или затопить. Небольшія лодки не могли поднять всего груза, считая казаковъ, плѣнныхъ и все захваченное добро.

Одни предлагали взять пушку, утопивъ плѣнныхъ; другіе стояли за плѣнныхъ. О затопленіи же товаровъ никто и словомъ не обмолвился.

Судили, рядили и нашли выгоднѣе забрать съ собою плѣнныхъ и товары, а пушку оставить на галерѣ.

— По стругамъ!—крикнулъ Алексѣй.

Казаки засуетились и соскакивали въ свои суденышки, нагруженныя *до отказа*.

Межъ тѣмъ галера дрогнула и медленно стала погружаться въ воду.

— Дружнѣе греби, станичники!—слышался голосъ атамана.

Гребцы налегли на весла, спѣша удалиться отъ водоворота, который всегда образуется при погруженіи судна ко дну. Сквозь туманъ еще виднѣлись голыя мачты галеры, съ которыхъ казаки сняли паруса.

Гулебщики плыли въ направленіи, обратномъ первоначальному. Но встрѣчный вѣтеръ и тяжесть груза препятствовали быстрому движенію. На весла посадили было плѣнныхъ. Но отъ страха или отъ неумѣнія у нихъ дѣло не спорилось. Отъ неровныхъ и неодновременныхъ ударовъ веселъ лодки качались и грозили зачерпнуть воды. Импровизованныхъ гребцовъ пинками прогнали отъ уключинъ, и казаки сами взялись за весла.

Покончивъ осмотръ лодокъ и размѣщеннаго въ нихъ груза, а также указавъ рулевому направленіе движе-

нія, Алексѣй подошелъ къ четыремъ тяжело раненымъ товарищамъ, которымъ дѣдъ Пахомъ уже дѣлалъ перевязки.

Ободривъ ихъ добрымъ словомъ, Алексѣй началъ считать сидѣвшихъ въ лодкѣ казаковъ. Оказались всѣ налицо.

«Слава Богу, убитыхъ нѣтъ!» подумалъ онъ и перекрестился.

Кромѣ четырехъ тяжело раненыхъ, изъ которыхъ одного пронизала на вылетъ пуля, а у трехъ зіяли глубокія раны отъ азіатскихъ ятагановъ, оказалось болѣе десятка съ легкими ранами и ушибами. Казаки обмывали раны водою другъ другу и дѣлали перевязки. Контуженные натирали себя водкою съ лукомъ, раны въ мягкихъ частяхъ тѣла присыпали порохомъ, а тѣ, которыя были съ раздробленіемъ кости,—нюхательнымъ табакомъ. Какой-то казакъ, съ рябымъ и краснымъ, какъ сафьянъ, лицомъ, нашептывалъ непонятныя слова, заговаривая кровь.

Искусная ли перевязка, перетягиваніе ли мышцъ или массажированіе, которыя всѣ вмѣстѣ употреблялъ въ дѣло заговоритель крови, оказывало свое воздѣйствіе на прекращеніе кровотеченія—неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ рябой заговоритель былъ популяренъ своимъ искусствомъ, практикуя весьма успѣшно.

Кончивъ осмотръ и сдѣлавъ надлежащія распоряженія, атаманъ усѣлся на носу, пристально поглядывая впередъ. Но не видя впереди ничего, кромѣ мглы, онъ повернулся лицомъ къ кормѣ и потянулся, расправляя свои члены. Усталость брала свое и его клонило ко сну.

Въ передней лодкѣ, гдѣ былъ Алексѣй, находились плѣнныя женщины. Отъ страха и стыда онѣ закрывали свои лица руками, а нѣкоторыя рыдали.

Только одна изъ нихъ, гордо выпрямивъ свой гибкій, тонкій станъ, сидѣла неподвижно, точно изваяніе. Длин-

ныя черныя рѣсницы скрывали ея глаза. Распущенные темные волоса густою волною обнимали ея бѣлыя, красивыя, словно выточенныя, плечи и руки. Подъ яркой матеріей обрисовывались правильныя, мягко очерченныя формы развившейся подъ южнымъ солнцемъ красавицы.

Характерныя черты ея лица указывали на ея татарское происхожденіе.

Она сидѣла недалеко отъ Алексѣя, освѣщенная красноватымъ свѣтомъ зажженныхъ лучинъ. Взглянувъ на нее, Алексѣй вздрогнулъ,—его словно кольнуло что-то въ сердце. Пристальный его взглядъ не могъ оторваться отъ ея лица.

— Какъ хороша! И какъ прекрасны должны быть ея опущенные глаза.

Почувствовала ли красавица обращенный на нее взглядъ, или ей надоѣло смотрѣть внизъ, но она быстро подняла свои глаза. Взоры ихъ встрѣтились. Вѣроятно въ глазахъ Алексѣя слишкомъ ярко свѣтилось восхищеніе. Красавица зардѣлась и отвернулась.

Дѣйствительность превзошла ожидаемое: ему показалось, что краше этихъ чудныхъ, темныхъ и глубокихъ глазъ никогда и ничего онъ не видѣлъ. Онъ почувствовалъ, что какая-то странная дрожь охватила все его существо и кровь прилила къ вискамъ. Онъ смотрѣлъ на нее, не сморгнувъ ни однимъ глазомъ. Какое-то невѣдомое сладостное, но вмѣстѣ и мучительное чувство вдругъ зажглось въ немъ.

Между тѣмъ у казаковъ, оправившихся послѣ стычки, снова затѣялись разговоры. Смѣхъ, шутки и прибаутки слышались отовсюду. Нѣкоторые изъ нихъ посунулись поближе къ плѣнницамъ и забавлялись ихъ боязнью.

— Чего трясешься, черномазая? Не съѣмъ, не кусаюсь,—говорилъ шутникъ, раздвигая стиснутыя руки женщины, чтобы заглянуть ей въ лицо.

— А прелесть баба!—говорилъ другой.—Мягкая и дебелая, словно застуженный кисель. Во, потрожь, какая ядреная!

Но нужно отдать справедливость станичникамъ. Далѣе остротъ и заигрыванія казачьи шутки не шли. Каждый изъ гулебщиковъ твердо помнилъ требованія походной дисциплины и обычаевъ. Если у нихъ существовало правило сторониться женщинъ даже въ мирное время, то въ походѣ и говорить нечего,—тотъ, кто забывалъ для женщинъ службу, строго наказывался.

При ослушаніи походный атаманъ могъ убить ослушника. Хотя до похода и послѣ него казакъ, избираемый въ атаманы, былъ совершенно равноправенъ съ остальными, но во время его атаманства онъ распоряжался жизнью каждаго изъ охотниковъ и самъ судилъ виновныхъ. Судъ былъ скорый и простой: въ мѣшокъ да въ воду.

Какой-то казакъ подсѣлъ къ татаркѣ, на которую уставился Алексѣй.

Красавица-татарка поблѣднѣла при прикосновеніи къ ея рукѣ. Она рванулась въ сторону и глаза ея метнули молніи.

— Эй, братцы!—крикнулъ Алексѣй и быстро всталъ на ноги.

— Нечего бабничать! Не время теперь глаза на нихъ пялить. По мѣстамъ!

И какъ бы устыдившись собственной слабости, онъ отвернулся отъ татарки. Но онъ успѣлъ замѣтить брошенный на него благодарный взглядъ ея лучистыхъ глазъ.

Казаки разошлись по мѣстамъ.

— Потуши огонь! Не для чего ему теперь горѣть! Все размѣстили въ стругахъ?

— Все,—отвѣтили нѣсколько казаковъ.

— Греби дружнѣе! Навались! Не отставай!—слышался со второй лодки голосъ бородача Чайкина.

И лодки скользили по низкимъ, темнымъ волнамъ, прорѣзывая густую пелену тумана.

Кто-то затянулъ вполголоса пѣсню:

«Не травушка, не ковылушка въ полѣ шаталася,
Какъ шатался, волочился удалъ добрый молодецъ
Въ одной тоненькой въ полотняной во рубашечкѣ...»

Но пѣвецъ скоро замолкъ, вѣроятно вспомнивъ, что не время и не мѣсто было ему пѣсни пѣть.

V.

Въ ловушкѣ.

Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался.

(Поговорка.)

Бережливаго коня и звѣрь не беретъ.

(Казачья поговорка.)

Наступила ночь. Чтобы не растеряться во мракѣ, лодки гулебщиковъ плыли рядомъ. Онѣ должны были до разсвѣта подойти къ бому, потому что на туманъ была плохая надежда—онъ могъ къ утру разсѣяться, а на бомѣ казаки ожидали жаркаго дѣла. Турки будутъ долго стеречь прорвавшихся въ море гулебщиковъ и, навѣрное, у бома уже стоитъ военный корабль, если не два или три.

Турки знали уловку казаковъ, которые вслѣдъ за одной партіей иногда прорывались нѣсколькими ватагами, и разъ потревоженные, они уже ожидали новой тревоги.

Подувшій навстрѣчу вѣтеръ мѣшалъ поднять па-

руса, и казаки, сидя у веселъ, изнемогали отъ усталости.

Прошло нѣсколько часовъ, а до бома было еще далеко. Опытный дѣдъ Пахомъ, знавшій Синё-море, какъ свои пальцы, утверждалъ, что направленіе, котораго держались, было ошибочное, что-де взяли слишкомъ вправо. Судили, рядили и порѣшили забрать влѣво.

Въ воздухѣ стало значительно свѣтлѣе. Востокъ уже бѣлѣлъ.

Вдругъ на одной изъ лодокъ послышался голосъ:

— Стой! Впереди корабль!

Дѣйствительно, навстрѣчу имъ двигалась темная масса, въ которой нетрудно было узнать большое судно.

Алексѣй, уже успѣвшій вздремнуть, стоялъ на носу лодки.

— Греби вправо!—крикнулъ онъ, завидѣвъ опасность.—Лѣвая греби сильнѣе, правая табань! Да поналяжь же! Ну, еще!

Лодки повернули. Казаки налегли на весла. Но корабль, идущій подъ вѣтеръ, быстро подвигался къ нимъ. Небольшое разстояніе раздѣляло казаковъ отъ угрожавшей опасности.

Съ корабля замѣтили ихъ. Блеснулъ огонь и громъ выстрѣла пронесся по морскому простору.

У каждаго весла сидѣло по два казака. Уключины и весла трещали подъ страшнымъ напряженіемъ мускулистыхъ рукъ. Лодки были уже въ сторонѣ отъ корабля. Но послѣдній, очевидно, не хотѣлъ разставаться съ находкою и поворачивалъ за лодками.

— Греби на вѣтеръ!—скомандовалъ Алексѣй.

Онъ стоялъ на носу съ ружьемъ въ рукѣ. Шапка слетѣла въ воду и кудри его развѣвались по вѣтру.

— Греби, братцы! Греби дружнѣе!—твердилъ онъ.

Корабль повернулъ кругомъ, но не могъ справиться съ противнымъ вѣтромъ, который, подувъ съ наступленіемъ зари, быстро усиливался.

Турецкія ядра падали въ воду позади лодокъ, не достигая ихъ: турки той эпохи не отличались мѣткой стрѣльбою.

Положеніе гулебщиковъ было опасное: позади корабль, впереди Азовъ, укрѣпленный бомъ и турецкія суда, вѣроятно уже поджидавшія у него гулебщиковъ...

А заря все сильнѣе разгоралась.

Единственнымъ спасеніемъ для гулебщиковъ было держаться вправо, подальше отъ корабля и Азова.

Карабль былъ уже далеко отъ нихъ и, судя по его направленію, казаки рѣшили, что онъ намѣренъ отрѣзать имъ путь отступленія.

Нельзя было сказать, чтобы казаки чувствовали себя спокойно. Хотя никто не высказывалъ своихъ тревожныхъ мыслей, но каждому изъ нихъ чувствовалось не по себѣ.

— Греби вправо!—командовалъ Алексѣй.

Заговоритель крови, повернувшись лицомъ въ ту сторону, гдѣ, по предположенію его, былъ Азовъ, шепталъ заклинанія, долженствующія избавить гулебщиковъ отъ столкновенія съ непріятелемъ и отъ прочихъ опасностей.

— Никола, Лука и Маркъ,—слышались его слова,— благословите! Спереди иду сострѣчаючи, и сзаду прислухаючи, изъ-боку приглядаючи, отъ стрѣлы летящей, отъ искры ясной, отъ пули частой, отъ копіи острой, отъ сабли стальной, отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, за присутствіемъ святыхъ врага побѣждати. Архангелъ Гавріилъ, соблюди души наша! Аминь! Слово крѣпко.

Прошло не болѣе часа, какъ казаки завидѣли впереди себя узкую темную полосу.

— Берегъ!—въ одинъ голосъ воскликнули они.

А что ихъ ждетъ на берегу? И что это за берегъ? Далеко ли турецкія укрѣпленія и пикеты?

Вотъ какіе вопросы мучительно стояли въ удалыхъ головахъ.

Перенести неудачу въ началѣ похода и даже ни съ чѣмъ вернуться домой, одолѣвъ бома, для нихъ было бы легче, чѣмъ, переживъ столько тревожныхъ часовъ и избѣжавъ столько опасностей, попасть въ бусурманскія лапы вмѣстѣ съ трофеями набѣга, добытыми потерею силъ и крови.

— Будь, что будетъ!—пронеслось въ головѣ Алексѣя, и отчаянная рѣшимость овладѣла имъ.

— Къ берегу!—крикнулъ онъ.

Никто не удивился этому приказанію,—каждый въ умѣ уже пришелъ къ такому рѣшенію.

— Три раза насъ покрестили огнемъ,—говорилъ дѣдъ Пахомъ,—авось въ четвертый не перекрестятъ.

Очертанія берега стали уже довольно ясно видны. Между густыми зарослями камыша и тальника сверкала узкая полоса воды. Туда и направились лодки. Въ этомъ мѣстѣ оказался входъ въ очень узкій, но длинный заливъ. Онъ былъ такъ мелокъ, что опущенное въ воду весло могло достать дна.

Кругомъ была тишина, нарушаемая лишь плескомъ веселъ.

Стая дикихъ гусей вдругъ выхватилась изъ камыша и съ пронзительнымъ крикомъ шарахнулась въ сторону.

Съ топкихъ береговъ доносилось монотонное кваканіе лягушекъ.

Лодки съ трудомъ подвигались между водорослей, въ которыхъ путались широкія лопасти веселъ.

Чѣмъ далѣе углублялись въ заливъ, тѣмъ труднѣе дѣлалось движеніе—уже не гребли, а толкали лодку веслами.

Послѣ совѣщанія казаки рѣшили пристать къ берегу. Но выполненіе этого рѣшенія было не легко, ибо берега были топкіе и сплошь заросшіе камышомъ.

Казаки соскочили въ воду и съ большими усиліями втащили лодки въ самую глубь зарослей, которыя сослужили имъ отличную службу, какъ высокія и непроницаемыя для глаза стѣны.

Отправили нѣсколько человѣкъ на развѣдку.

Солнце уже поднялось надъ горизонтомъ и лило ослѣпительный свѣтъ на смоченную дождемъ растительность.

Вернувшіеся развѣдчики принесли извѣстіе, что, судя по примѣтамъ, домъ недалеко, но что укрѣпленій и пикетовъ турецкихъ не видно.

Казаки собрались въ кругъ для совѣщаній. Порѣшили сдѣлать такъ: послать пятерыхъ казаковъ по разнымъ направленіямъ въ Черкасскъ, за конями и подмогой, а остальнымъ сидѣть въ камышахъ и ожидать; если нападутъ турки, то биться до послѣдней крайности. Иного исхода казаки не видѣли.

Руководить посыльными казаками взялся дѣдъ Пахомъ.

На себя и на то, что онъ найдетъ дорогу въ Черкасскъ, онъ надѣялся; но другимъ онъ считалъ нужнымъ дать надлежащія наставленія.

— Сдѣлай себѣ,—говорилъ онъ молодому казаку,— изъ веревки плеть и иди такъ: отсюда иди вдоль балки; когда увидишь, что солнце останется позади тебя, выйди ты на правый берегъ балки и приставь рукоятку плети съ плетежкомъ къ груди растворомъ отъ себя; раскрой плетежокъ плети наполовину къ правой рукѣ [1]) и ступай по направленію плетежка. Скоро завидишь ты на спору́ [2]) курганъ—такъ и держи на него; прійдешь къ кургану—поверни плетежокъ на треть влѣво и усмотришь ты два кургана,—держись на нихъ. На вершинахъ кургановъ увидишь ты двухъ

[1]) Уголъ въ 45°.

[2]) Плоская широкая возвышенность.

каменныхъ бабъ, а поодаль внизу ручей. Ручей ты перейди и направляйся такъ, чтобы солнце приходилось бы тебѣ вотъ этакъ (и Пахомъ показалъ рукою направленіе). Такъ и держи все время—дойдешь до берега, а тамъ уже самъ дорогу знаешь. Да поглядывай на сакму [1]), если гдѣ встрѣтится, чтобы кому-нибудь на завтракъ не попасться: «не доглядишь окомъ, заплатишь бокомъ».

Посыльные, въ число которыхъ, кромѣ дѣда Пахома, вызвался и бородачъ Чайкинъ, получивъ инструкцію отъ атамана, удалились порознь, каждый своимъ путемъ. Если одни изъ нихъ попались бы въ плѣнъ или заблудились, то другіе пришли бы къ Черкасску.

Густая, высокая трава, бурьянъ и камышъ, достигавшіе мѣстами роста человѣческаго, а мѣстами и гораздо выше, скрыли посыльныхъ въ своихъ душистыхъ волнахъ, гонимыхъ свѣжимъ степнымъ вѣтромъ, еще не успѣвшимъ накалиться подъ яркими солнечными лучами.

Вокругъ становища была разставлена цѣпь сторожевыхъ пикетовъ, по всѣмъ правиламъ казачьей тактики. Въ смѣнѣ часовыхъ соблюдался строгій порядокъ.

Плѣнные и весь грузъ находились въ лодкахъ. Первые для безопасности были связаны по рукамъ и ногамъ, а рты ихъ обвязаны тряпками, чтобы криками они не вздумали обнаружить убѣжище гулебщиковъ.

Соблюдалась строжайшая тишина.

Надъ камышомъ звонко разливались жаворонки. То тамъ, гдѣ-то вдали, то вблизи, почти рядомъ, слышались крики черныхъ аистовъ, утокъ, гусей, лебедей и куликовъ; съ поднебесья доносился окрикъ орла-беркута; а то слышался трескъ камыша: это вепрь,

---

[1]) Слѣдъ.

почуявъ присутствіе человѣка, разсѣкая клыками камышъ, ломился черезъ чащу. Изъ-за зеленой стѣны неслось и таяло въ воздухѣ стрекотаніе кузнечиковъ да порою откуда-то издалека заносилось вѣтромъ протяжное, унылое завываніе волковъ, завсегдатаевъ и хозяевъ этихъ зарослей.

Однообразное кваканіе лягушекъ у берега слилось въ одинъ тоскливый металлическій звукъ.

Куда ни взглянь, со всѣхъ сторонъ, вездѣ та же плотная, непроницаемая камышовая стѣна, высоко поднимающаяся надъ топкимъ берегомъ. Наверху, въ просвѣтахъ зеленаго и стараго, желтаго камыша, виднѣлось яркое голубое, безоблачное небо.

Задумчивъ и мраченъ сидѣлъ на буркѣ Алексѣй. Сердце его било тревогу. И странно, чѣмъ болѣе онъ вдумывался, тѣмъ болѣе приходилъ къ заключенію, что не опасеніе попасть въ плѣнъ къ туркамъ или быть убитымъ, а боязнь, именно боязнь, потерять прекрасную татарку, которая, быть-можетъ, будетъ принадлежать ему, тревожила его и жгла его разгоряченную голову.

— А будетъ ли она моя?—почти вслухъ спросилъ онъ себя.

— Будетъ! Должна быть!—и онъ съ такою силой стиснулъ въ своихъ рукахъ трубку, что она мелкими кусками разлетѣлась по мокрой, осклизлой травѣ.

VI.

Возвращеніе.

Добрый конь подо мной—самъ
Господь надо мной.

(Казачья поговорка.)

Прошло двое сутокъ, а помощи изъ Черкасска еще не было.

Раздуміе и тревога ясно читались на загорѣлыхъ и обросшихъ волосами лицахъ гулебщиковъ.

Они могли бы прорваться сквозь турецкіе пикеты и пѣшей силою, но бросить добычу имъ не хотѣлось. Съ плѣнными же и съ громоздкими тяжестями подобное движеніе являлось почти невыполнимымъ.

Главнымъ образомъ, имъ не хотѣлось оставить хотя бы часть изъ доставшейся добычи.

Наступили третьи сутки. Солнце уже склонялось къ западу. Казаки начинали терять терпѣніе, а опасеніе того, что посыльные не достигли Черкасска, все сильнѣе вкрадывалось въ ихъ души.

Но вдругъ съ передового пикета прибѣжалъ казакъ. По выраженію радостнаго, широко ухмылявшагося лица всѣ и безъ словъ его поняли, что онъ является добрымъ вѣстникомъ приближенія подмоги.

Да, это была именно она, давно ожидаемая помощь. Лица всѣхъ просіяли, и если бы не необходимость соблюдать тишину, то всѣ гаркнули бы громкое «ура».

Шестьдесятъ конныхъ казаковъ привели съ собою болѣе двухсотъ осѣдланныхъ лошадей.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій товары быстро навьючили на лошадей. Плѣнныхъ подвое посадили на каждую лошадь. За недостаткомъ лошадей нѣсколько казаковъ помѣстились на конскихъ крупахъ, позади вьюковъ.

Лодки затопили въ воду и хорошо примѣтили это мѣсто, такъ какъ оставить ихъ на сгніеніе казаки никогда не согласились бы. Эти лодки должны были сослужить еще не одну службу.

Соблюдая всѣ мѣры предосторожности, казаки двинулись впередъ, имѣя въ рединѣ колонны плѣнныхъ, раненыхъ и грузы.

Пришлось итти далекимъ, окольнымъ путемъ. Но это были уже пустяки, въ сравненіи съ испытаннымъ.

Жара была невыносимая. Кони тяжело дышали отъ

быстраго бѣга и непосильной тяжести. Они постоянно спотыкались, то путаясь въ густой травѣ, то увязая въ топкомъ грунтѣ.

Но выносливы и сильны были эти горбоносыя, лохматыя, низкорослыя и крайне невзрачныя на видъ лошаденки. Не даромъ казакъ такъ любилъ и холилъ коня, который не разъ и не два выручалъ его въ опасныя минуты.

Поздно утромъ, когда солнце почти приблизилось къ полудню и купало свои раскаленные лучи въ водахъ тихаго Дона, казаки были подъ Черкасскомъ.

Имъ готовилась торжественная встрѣча. На берегу собралось все населеніе городка въ лучшихъ одеждахъ, со знаменемъ, и привѣтствовало возвращавшихся гулебщиковъ ружейными выстрѣлами. На майданѣ были уже заготовлены бочки съ медомъ и виномъ и разныя яства: круглики (пироги) съ рубленымъ мясомъ и перепелками, студень, лизни (языки), жареные лебеди, разварные осетры, сало, жирная каша съ бараниной и прочія любимыя казачьи кушанья.

Поздравленіямъ, восторгамъ и восклицаніямъ не было конца.

Вся толпа двинулась къ часовнѣ, гдѣ тотчасъ же отслужили благодарственный молебенъ. Обрядъ этотъ, основанный на томъ понятіи, что успѣхъ всякаго дѣла должно приписывать волѣ Божіей, всегда наблюдался казаками.

Послѣ молебна гулебщики начали дѣлить добычу, или, какъ говорили казаки, дуванъ дуванить.

— Братцы атаманы!—началъ Клещъ, обращаясь къ охотникамъ.—Вѣрою и правдою послужилъ я вамъ. Довольны ли мною?

— Довольны, довольны! Атаманомъ, извѣстно, и артель была крѣпка.

— Если довольны, то не откажите въ моей челобитной. Полюбилася мнѣ вотъ эта черноглазая (Але-

ксѣй указалъ на красавицу-татарку). Отдайте ее на мой пай. Половину остальнаго дувана, что на мою долю придется, я отдаю вамъ. Мало того, возьмите все. Съ тѣмъ я бью вамъ челомъ. Какъ, станичники, присудите, пригадаете?

— Добро! Дай Богъ добрый часъ!—загудѣли голоса.—Намъ твоего добра не нужно; а коли по душѣ пришлася черноокая, то бери ее себѣ. Мы тому не перечимъ. Авось, помянешь и насъ, когда будешь съ нею въ куренѣ сидѣть.

— Значитъ рѣшено, она моя?—спросилъ Алексѣй.

— Извѣстно! У насъ слово съ заклепомъ: какъ сказано, такъ тому и быть!

Алексѣй подошелъ къ красавицѣ и тихо взялъ ее за руку.

Недоумѣніе, смѣшанное съ испугомъ, выразилось въ прекрасныхъ глазахъ татарки. Алексѣй подвелъ ее къ занимаемому имъ ранѣе того мѣсту и посадилъ рядомъ съ собою.

— Какъ зовутъ тебя?—спросилъ онъ ее на татарскомъ нарѣчіи, которымъ хорошо владѣлъ.

— Зулейка.

Наклонившись къ самому уху ея, Алексѣй что-то шепталъ ей.

Щеки Зулейки зардѣлись, а тонкіе пальцы ея нервно перебирали складки шелковой одежды, охватывавшей ея стройную фигуру.

Межъ тѣмъ гулебщики продолжали дѣлить дуванъ.

Добыча была хорошая и прибыльная. Уже высчитывали, сколько должны получить за ясырей.

Вскорѣ гулебщики и вся толпа пили поздравительные и заздравные ковши съ виномъ и медомъ. Охотники хвалились добычею, дѣлали подарки и, усѣвшись въ кружки, потягивая изрядными порціями вино, разсказывали станичникамъ о всѣхъ перипетіяхъ своего

набѣга, а тѣ, насторожив уши, жадно ловили эти разсказы.

Разсказы эти украшались такими небылицами, что сами разсказчики удивлялись изобрѣтательности своей пылкой фантазiи.

Скорбѣли лишь о безвѣстно исчезнувшемъ на бомѣ рыжемъ Ѳилаткѣ. Никто не зналъ, что́ случилось съ нимъ, и потому недоумѣвали, за упокой ли души его пить или за избавленiе его отъ бусурманскаго плѣна.

Кромѣ того состоянiе трехъ раненыхъ въ набѣгѣ стало безнадежнымъ: они метались въ бреду и дни ихъ, по словамъ заговорителя крови, были уже свыше сочтены.

VII.

Елена.

Леталъ-то, леталъ младъ сизой орелъ...
Примахалъ сизой орелъ свои крылья рѣзвыя,
Обломалъ свои остры когти вплоть до пальчиковъ.

(Изъ казачьей пѣсни.)

Невзрачна снаружи и неприглядна внутри была землянка Алексѣя. Все внутреннее убранство составляло нѣсколько старинныхъ образовъ, деревянныя полки съ незатѣйливой посудой и деревянная широкая скамья.

На скамьѣ сидѣла Зулейка. За недѣлю, проведенную у Алексѣя, она словно ожила; съ каждымъ днемъ дѣлалась веселѣе и разговорчивѣе. Уваженiе, съ которымъ, какъ ей казалось, относился къ ней Алексѣй, разсѣяло боязнь и замкнутость татарки.

— Ты просишь меня, господинъ мой, — говорила

она,—принять твою вѣру и быть женою твоей. Ты просишь, хотя могъ бы только приказывать. Я вижу, что любишь ты меня. Не могу и я не любить тебя. Еще ни одинъ человѣкъ не былъ ко мнѣ такъ добръ, какъ ты, мой властелинъ.

Я не знала матери съ пятилѣтняго возраста. Она умерла, оставивъ меня на попеченіе моего отца. Но ему, богатому мурзѣ, некогда было хлопотать обо мнѣ— и я росла, предоставленная сама себѣ. Отецъ мой обратилъ на меня вниманіе лишь тогда, когда я уже выросла. Но лучше бы онъ никогда не вспоминалъ обо мнѣ и забылъ, что я его дочь. Тогда, по крайней мѣрѣ, онъ не могъ бы распоряжаться мною. Онъ продалъ меня за хорошій калымъ азовскому пашѣ, продалъ какъ рабыню, какъ товаръ. Онъ смѣялся надъ моими слезами. Если бы Богъ не послалъ тебя на помощь Зулейкѣ, то она давно бы уже томилась въ гаремѣ человѣка, котораго ненавидѣла всей душею, еще не зная его... Не вѣдаю, что́ я сдѣлала бы съ собою, но недолговѣчна была бы моя жизнь во дворцѣ азовскаго паши...

Ты мой спаситель! И какъ добръ и ласковъ ты ко мнѣ. Нѣтъ той жертвы, на которую я не пошла бы ради тебя, мой добрый повелитель! Когда я умру, то разрѣжь сердце мое—и тамъ увидишь ты свое имя, начертанное неизгладимыми буквами.

Я на все готова для тебя, и чтобы быть твоей женой, я приму вѣру твою.

Я знаю, что могла бы принадлежать тебѣ, какъ ясырка, какъ наложница. Но ты не хочешь того; желаешь называть меня своей женой. Еще не одинъ человѣкъ со мной не говорилъ такъ хорошо, какъ ты. Ни отъ чьихъ словъ мнѣ не было такъ хорошо на сердцѣ, какъ отъ твоихъ. И себя я не узнаю. Когда я сижу съ тобою, мнѣ хочется говорить и говорить.

Откуда и слова берутся! А прежде я была такая молчаливая...

Алексѣй страстно сжималъ ея тонкій станъ.

— Но знаешь что, дорогой мой,— продолжала она дрогнувшимъ голосомъ.—Когда счастье неожиданно свалится съ неба человѣку, то онъ боится, что оно также быстро можетъ и улетѣть къ небу. Улетитъ, оставивъ лишь одно горькое воспоминаніе... Знаешь ли, у моихъ соплеменниковъ есть повѣріе объ Эль-сыратѣ. Это острый, какъ лезвее ятагана, мостъ, по которому идетъ путь черезъ пламя джегеннема (ада) въ рай. Эти дни мнѣ все снился тотъ же сонъ: будто я иду по Эль-сырату. Внизу клокочетъ страшный огонь. Съ большимъ трудомъ я медленно подвигаюсь впередъ, чувствуя ужасную боль въ ногахъ. Вотъ уже близокъ, совсѣмъ близокъ конецъ этого моста. Остается сдѣлать нѣсколько шаговъ, но силы оставляютъ меня. Въ это время на цвѣтущемъ берегу рая показываешься ты, улыбаясь и протягивая ко мнѣ руки. Но вдругъ въ головѣ моей словно загорается огонь, въ глазахъ темнѣетъ,—я ничего не вижу и стремглавъ лечу въ адскую огненную пучину.

Въ то же мгновеніе я съ крикомъ просыпалась и каждый разъ долго не могла прійти въ себя послѣ страшнаго сна. Холодный потъ выступалъ на лбу, и я металась, точно въ лихорадкѣ.

— Что же тебя этотъ сонъ очень тревожитъ? Да? Но почему, почему эти ночныя видѣнія такъ тревожатъ тебя?

— Милый мой, я сама не знаю, что именно меня страшитъ. Но порою мнѣ кажется, что не предвѣщаетъ ли этотъ ужасный сонъ того, что счастье мое недолговѣчно. Скажи мнѣ, будешь ли ты всегда любить свою рабу, которая готова цѣловать слѣды твоихъ ногъ?

— Скорѣе солнце встанетъ съ запада, чѣмъ я разлюблю тебя, моя ненаглядная.

И онъ, страстно прижавъ къ груди своей трепещущую красавицу, осыпалъ поцѣлуями ея сіявшее радостью лицо.

— Ты,—шептала Зулейка,—сталъ для меня всѣмъ. Весь земной міръ соединился въ тебѣ одномъ. Съ тобою я узнала счастье, котораго не знала и о которомъ не мечтала. Ты далъ мнѣ жизнь и счастье. Благодарю твоего Бога, который отдалъ меня тебѣ, мой хорошій господинъ.

Зулейка бросилась передъ нимъ на колѣни и, шепча слова благодарности, пыталась цѣловать его руки. Но онъ поднялъ ее и, обнявъ, нѣжно гладилъ своей мозолистой темной рукою по ея разметавшимся волосамъ. Долго, долго еще бесѣдовали они, не замѣчая, что весь городокъ давно погрузился въ крѣпкій сонъ и уже пропѣли вторые пѣтухи.

Прошла еще недѣля. Зулейка, принявшая христіанство, звалась уже Еленой. Это имя дали ей, справившись по святцамъ, какіе святые чтились церковью въ день присоединенія ея къ православію.

Рано утромъ Алексѣй и Елена вышли на майданъ.

Алексѣй былъ въ лазоревомъ атласномъ кафтанѣ съ частыми серебряными нашивками, съ золотыми турецкими пуговками и серебряными позолоченными застежками. На яркомъ шелковомъ персидскомъ кушакѣ висѣлъ оправленный въ серебро ножъ въ черныхъ ножнахъ. Кунья шапка и сафьянные сапоги дополняли его праздничный нарядъ. На Еленѣ былъ шелковый нарядъ, расшитый пестрыми узорами и разводами. На шеѣ красовалось два ожерелья изъ новгородскаго жемчуга, а на головѣ была накинута узкая пестрая матерія.

Алексѣй взялъ Елену за руку и подвелъ къ становой избѣ.

Елена чувствовала на себѣ сотни обращенныхъ на

нее взоровъ и стояла, опустивъ голову. Щеки ея пылали и она вся трепетала.

Оба они, Алексѣй и Елена, повернулись къ востоку, помолились, дѣлая земные поклоны; затѣмъ повернулись лицомъ къ станичникамъ и также низко поклонились имъ на всѣ четыре стороны.

— Елена!—сказалъ Алексѣй взволнованнымъ голосомъ,—ты будь мнѣ жена!

Та, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала:

— А ты, Алексѣй Степановичъ, будь мнѣ мужъ.

Алексѣй обнялъ свою невѣсту и поцѣловалъ.

Обрядъ былъ конченъ. Алексѣй и Елена были законными супругами.

Да не подумаетъ читатель, что обрядъ этотъ являлся слѣдствіемъ неуваженія къ православной вѣрѣ. Напротивъ, за вѣру казаки готовы были бороться до послѣдней капли крови, а набожность свою проявляли всегда, зачастую совершенно даже не къ мѣсту.

Выступая въ набѣгъ, сидя въ засадѣ, задумавъ разграбить караваны, они всегда преусердно молили угодника Николая и всѣхъ святыхъ, обѣщая притомъ, въ случаѣ удачи, часть добычи на церкви, часовни и монастыри...

Толпа подвинулась къ новобрачнымъ. Начались поздравленія.

— Желаю здравствовать князю молодому съ княгинею!—говорилъ дѣдъ Пахомъ, лобызая новобрачныхъ и нещадно коля своей длинной щетинистой бородою.

— Дай Богъ вамъ миръ да любовь!—говорили другіе.

— Дай Богъ вамъ поскорѣе сынка-казачка,—говорилъ какой-то лысый дѣдъ въ длинномъ кафтанѣ,—этакого махонькаго да юркаго, съ пикою да шашечкою.

— Помогай вамъ Боже на новой жизни!—слышалось съ другой стороны.—Что задумали, загадали—опредѣлили, Господи; таланъ и счастье; слышанное видѣть, желанное получить, въ чести и радости нерушимо.

— Дай тоби Боже здоровъя повенъ жывитъ!—кричалъ длинноусый казакъ изъ запорожскихъ выходцевъ, обращаясь къ Еленѣ, и заключилъ свой тостъ обращеніемъ къ Алексѣю:—А ты будь такій здоровій, якъ пичъ, щобъ було биганне заяче да волова сыла!

— Спасибо вамъ, братцы атаманы, товарищи дорогіе,—заговорилъ Алексѣй.—Спасибо вамъ на добромъ и ласковомъ словѣ, всей честно́й компаніи, не всѣмъ поименно, но всѣмъ *пора́венно* [1]). Прошу не побрезгать нашего хлѣба-соли откушать.

Вся толпа двинулась къ землянкѣ Алексѣя, гдѣ казакъ съ двумя ясырями готовили уже разную снѣдь и обильную выпивку.

Всю ночь пировали казаки и только къ утру, ковыляя по узкимъ улицамъ, разошлись по своимъ землянкамъ.

— А мы у Алексѣя бы-ы-ли и вино у него пи-и-ли,—напѣвали они коснѣющими языками.

VIII.

Новая жизнь.

Ой, якъ болитъ мое сердце,
Сами слезы льются.

(Изъ пѣсни.)

На черкасскомъ майданѣ шумѣла толпа, расположившаяся полукругомъ у становой избы.

Шли переговоры съ посломъ отъ азовскаго паши. Толковали и уже почти сладились о цѣнѣ, за которую ясыри отпускались на волю. Только по одному пункту никакъ не могли прійти къ соглашенію.

---

1) Ровно.

Пунктъ этотъ заключался въ томъ, что паша требовалъ возвращенія Зулейки, въ обмѣнъ за плѣненнаго турками Ѳилатку.

Изъ разсказовъ турецкаго посла оказалось, что Ѳилатку захватили въ плѣнъ въ то время, какъ онъ, раненый и потерявшій сознаніе, лежалъ на бревнахъ бома.

Ни на какой откупъ посолъ не соглашался и настоятельно требовалъ возвращенія Зулейки.

— Иначе,—угрожалъ онъ,—Ѳилатку посадятъ на колъ.

Положеніе Алексѣя было критическое и крайне щекотливое. Отказаться отъ Елены ему казалось свыше своихъ силъ. Несогласіе же его являлось бы приговоромъ къ смерти товарища, да къ тому же поступокъ этотъ не одобрили бы станичники.

Для нихъ женщина была ясырка, раба, забава, получеловѣкъ. За сотню самыхъ красивыхъ женщинъ казачій кругъ не отдалъ бы и одного, даже самаго плохонькаго казака.

Не согласись Алексѣй на возвращеніе пашѣ Елены, его не только осудили бы товарищи, но могли и принудить къ выполненію требованія посла.

Тяжело было на душѣ у Алексѣя. Блѣдный какъ полотно, стоялъ онъ въ кругу и дикій, полный отчаянія и страшной злобы, взглядъ его остановился на турецкомъ послѣ.

«Взять бы эту гадину за горло да придушить,—думалъ онъ.—Но что же выйдетъ изъ этого? Ѳилатка все-таки погибнетъ».

Споръ рѣшили трое пожилыхъ казаковъ, которые, дабы похвастать передъ посломъ своимъ презрѣніемъ къ богатству добытыхъ въ набѣгахъ одеждъ, все время сидѣли въ лужѣ жидкой грязи, хотя на нихъ были свѣтлые, шелковые, расшитые бѣлыми узорами халаты восточнаго происхожденія.

Видя, какъ тяжело Алексѣю разстаться съ своей любою, они нашли нужнымъ удариться въ дипломатію и предложили такое рѣшеніе: подождать десять дней, въ теченіе которыхъ казаки обязывались или возвратить Елену пашѣ или дать знать о своемъ несогласіи на это.

Хитрые казаки еще не имѣли въ головѣ никакого плана, но надѣялись, что какой-нибудь случай ихъ выручитъ.

— Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ! Авось Ѳилатку успѣемъ выручить.

Посолъ, поспоривъ немного, согласился съ сдѣланнымъ ему предложеніемъ, но счелъ нужнымъ предупредить, что если на десятый день Зулейки не будетъ въ Азовѣ, то на одиннадцатый Ѳилатка будетъ торчать на колу.

Посолъ ушелъ въ избу и толпа стала расходиться. Алексѣй тихо поплелся домой. Невыразимо тяжело было на душѣ у него.

Вдругъ кто-то хлопнулъ его по плечу. Алексѣй вздрогнулъ отъ неожиданности и поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ Ассанка, тотъ самый прикормленный человѣкъ, по доносу и указаніямъ котораго гулебщики совершили набѣгъ и забрали турецкую галеру.

— Здравствуй, храбрый атаманъ! Полно кручиниться. Иль ты забылъ, что у тебя есть вѣрный слуга Ассанъ? Ты уже имѣлъ случай убѣдиться, что я могу сослужить хорошую службу.

Лицо Алексѣя вдругъ просіяло, и лучъ надежды озарилъ его голову, отяжелѣвшую отъ внутренней борьбы.

— Ассанъ сдѣлаетъ такъ,—говорилъ татаринъ,—что казакъ убѣжитъ изъ Азака. Дай только тысячу злотыхъ на замазку глазъ стражи. Ассану же дашь тогда, когда вернется казакъ домой, сколько захочешь. Ассанъ

знаетъ, что ты хорошо его отблагодаришь, не обмоскалишь.

— Пойдемъ ко мнѣ въ землянку, тамъ потулкуемъ.

Алексѣй, въ сопровожденіи татарина, вошелъ въ низенькую дверь и, выславъ на дворъ Елену, плотно затворилъ окно.

Долго они толковали и обсуждали планъ освобожденія Ѳилатки изъ плѣна.

У Алексѣя не было денегъ, сколько требовалъ Ассанъ, но онъ скоро досталъ ихъ, взявъ взаймы у сосѣдей и продавъ часть доставшейся ему добычи. Ассанъ уѣхалъ въ Азовъ.

Алексѣй же остался въ томительномъ ожиданіи.

Елена замѣчала тревожное настроеніе Алексѣя, но на ея разспросы онъ отвѣчалъ уклончиво.

Прошло пять сутокъ. Рано утромъ кто-то сильно постучался къ нему въ дверь.

— Эй, Алексѣй, вставай! Поди-ка взгляни на заморское чудище.

Алексѣй неохотно всталъ и, открывъ дверь, вдругъ радостно вскрикнулъ.

Передъ нимъ былъ Ѳилатка, весь выпачканный въ грязи, безъ шапки, съ всклокоченными рыжими волосами.

Алексѣй подбѣжалъ къ Ѳилату и такъ крѣпко сталъ цѣловать его, что тотъ пришелъ въ неописанное удивленіе, не понимая причины такихъ нѣжностей: ему еще не успѣли разсказать подробностей послѣднихъ событій.

Ассанъ сдержалъ свое слово. Алексѣй и товарищи его ликовали, обѣщая щедро вознаградить преданнаго татарина.

А Ѳилатка, узнавъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, радостно заплясалъ по песку, отчаянно размахивая руками по воздуху.

Алексѣй «на радостяхъ» устроилъ пирушку, героемъ

которой являлся Ѳилатка. Этотъ день былъ для послѣдняго праздникомъ. Всѣ его слушали, всѣ восхищались имъ, а самъ онъ могъ пить, сколько хотѣлъ.

Ободренный вниманіемъ слушателей, Ѳилатка, по своему обыкновенію, вралъ нещадно. Не даромъ же звали его «склизкоязычнымъ».

— Отвели мнѣ, значится, наилучшую комнату,—говорилъ онъ, захлебываясь отъ самовосхищенія.—Комната эта, значится, во дворцѣ самого паши. Кормили и поили знатно, по пяти разъ въ день. Самъ паша заходилъ ко мнѣ. Прійдетъ, бывало, и спрашиваетъ: «Ну какъ дѣла, Ѳилатъ? Какъ здоровье?»—«Покорнѣйше благодаримъ,—говорилъ я,—всѣмъ довольны. Только отпусти скорѣе домой!» А онъ потреплетъ этакъ-то ласково по моему плечу и говоритъ: «Подожди, атаманъ,—успѣешь наѣсться казацкихъ сухарей; погости-ка у меня!» Ну я ему въ отвѣтъ: «Такъ и быть подожду, только ты, паша, присылай побольше вина». Однажды приходитъ ко мнѣ паша...

— А плетей-то много всыпали тебѣ?—перебилъ его дѣдъ Пахомъ.

— Меня никто никогда плетями не билъ,—важно заявилъ Ѳилатка, потягиваясь къ боченку съ медомъ.

— Ну не плетями, а чѣмъ-либо инымъ?

— Ничѣмъ не били, ей-Богу!

— Не божись!—кровь изъ носу пойдетъ. А скажи лучше, храбрый лыцарь, въ комнатѣ-то, гдѣ ты прохлаждался, крысъ да червей много было?

Ѳилатъ, совсѣмъ разобидѣвшись, началъ ругаться. Онъ клялся, что говоритъ правду, и дополнялъ свои сказки новыми небывальщинами. Въ заключеніе онъ выпилъ огромный жбанъ вина и скоро, мертвецки пьяный, валялся у стѣны Алексѣевой землянки.

Вся улица передъ землянкою была занята толпою, которая, казалось, все болѣе и болѣе росла. Казаки

были большіе любители выпить, для чего у нихъ всегда находился удобный случай и причина.

Въ этомъ отношеніи они были въ своемъ родѣ философами.

Когда къ нимъ приходила нежданная гостья-бѣда, то они напивались, стараясь утопить свое горе въ глубинѣ ковша или чары, гдѣ тяжесть горя, подобно жемчужинѣ Клеопатры, растворялась въ винѣ.

Когда они бывали веселы и счастливы, то пили, чтобы установить равновѣсіе между душою и своимъ тѣломъ и придать себѣ увѣренности, что счастье это не мимолетно.

Когда приступали къ какому-нибудь дѣлу, то пили за его начинаніе, желая подбодрить себя. Когда дѣло приходило къ концу, то пили за благополучный исходъ его.

Предлоги къ попойкамъ весьма любезно и предупредительно сами подвертывались, а казаки не упускали случая пользоваться ими...

Переживъ столько мучительныхъ часовъ, боясь потерять горячо любимую жену, теперь, когда опасность миновала, Алексѣй всецѣло отдался своей любви, просиживая по цѣлымъ днямъ вдвоемъ съ Еленою.

Казаки начинали уже посмѣиваться надъ нимъ, говоря, что онъ совсѣмъ обабился. Но старыя привычки и влеченія скоро дали о себѣ знать.

Алексѣй былъ страстный охотникъ. Охота на звѣрей была его жизнью. Страсть эта скоро потянула его на *полеваніе*, въ степь и камыши.

Днями и цѣлыми недѣлями онъ пропадалъ на охотѣ, иногда уѣзжая въ числѣ большой компаніи, а иногда и въ одиночку.

Знаетъ ли читатель, что за охоты были въ то время въ привольномъ донскомъ краѣ?

Берега рѣкъ и озеръ, широкая, необозримая степь и займища были полны пернатой дичью. Лебеди, ду-

даки (дрофы), журавли, голуби разныхъ видовъ, стрепеты куропатки, перепела, утки, гуси—все это кишѣло въ густыхъ заросляхъ, на водѣ и въ травѣ.

Зайцы, лисицы, серны, дикія свиньи и волки водились въ степяхъ, недалеко отъ казачьихъ становищъ.

На изсушенныхъ солнцемъ солончакахъ въ большомъ количествѣ кочевали стада быстроногихъ сайгаковъ или степныхъ антилопъ, съ такимъ длиннымъ и густымъ мѣхомъ, что онъ казался гладкошерстнымъ одѣяломъ.

Въ глубинѣ степей паслись тарпаны. Свѣтло-солового цвѣта, мелкорослыя, но съ крѣпкими ногами, живыми, огненными, нѣсколько злыми глазами, эти дикія лошади считали себя хозяевами степной пустыни и смѣло, съ неистовымъ ржаньемъ, мчались на волковъ, убивая ихъ копытами. И только при видѣ человѣка, по сигнальному ржанію жеребца, косякъ ихъ обращался въ бѣгство и съ высоко поднятыми головами несся по широкой, вольной степи.

Изъ закубанскихъ лѣсовъ нерѣдко заходили въ донскія степи гіэны, которыя, случалось, сами нападали на охотниковъ, дорого продавая имъ свою жизнь. Въ глухихъ степяхъ и лѣсахъ Дона встрѣчались также медвѣди, бѣлки, выдры, олени.

Казаки охотились на звѣря съ ружницами, пищалями, чеканами (огромными молотами), кинжалами, пиками и арканами.

Выносливость лошадей давала имъ возможность догонять дичь, преслѣдуя ее по нѣскольку десятковъ верстъ. Догнать волка и убить его чеканомъ не считалось большой доблестью.

Густая ковыль, пырей, куга, чаканъ [1]), кропива, бурьянъ и разныхъ видовъ травы колыхались вѣтромъ,

---

[1]) Куга и чаканъ растутъ въ ложбинахъ.

скрывая въ своихъ густыхъ волнахъ лошадь вмѣстѣ съ всадникомъ.

Прошли тѣ времена, исчезли и воспоминанія о тѣхъ охотахъ.

Теперь на выжженныхъ солнцемъ, распаханныхъ и заселенныхъ донскихъ степяхъ вы, конечно, не только не встрѣтите гіэны и тарпана, но потеряете много времени прежде чѣмъ разыщите убогаго зайчонка или загнаннаго и захудалаго волка.

Такой гигантской травы, какъ въ тѣ благодатныя времена, уже нигдѣ по казачьимъ степямъ не найти. Глубокій, широкій Донъ и обиліе воды въ донскомъ краѣ становится также миѳомъ...

Алексѣй часто бывалъ на полеваніяхъ и всегда возвращался съ большой добычей.

Особенно много билъ онъ волковъ. Примостившись на курганѣ и установивъ особеннымъ образомъ пальцы у рта, онъ такъ искусно подражалъ вою волковъ, что тѣ шли на его зовъ и понимали свою ошибку лишь тогда, когда пуля пробивала имъ бокъ.

Два раза Алексѣй принималъ также участіе въ набѣгахъ по Синё-морю, одинъ изъ которыхъ имѣлъ своею цѣлью вернуть затопленную гулебщиками лодку.

Елена межъ тѣмъ тосковала въ одиночествѣ.

Хотя женщины у казаковъ пользовались гораздо большей свободою, чѣмъ въ московскомъ государствѣ, но все-таки вели замкнутый образъ жизни. Послѣднее у нихъ составляло обычай, хотя должно замѣтить, что чувства ревности казаки тогда не знали.

Елена иногда отправлялась къ сосѣдкамъ, съ которыми играла въ кремешки [1]), жмурки и ланту [2]).

Но эти игры и пляски подъ музыку, производимую на гребешкѣ, ей скоро надоѣли. Къ тому же эти товарки

---

[1]) Бросаніе и подхватываніе на лету камешковъ.

[2]) Жгутъ.

были ей не по душѣ: по большей части онѣ отличались грубостью и страстью къ вину.

Елена по цѣлымъ днямъ просиживала дома или во дворѣ и все время, проводимое ею въ одиночествѣ, думала лишь объ Алексѣѣ, мысленно слѣдуя за нимъ на полеваніи и съ ужасомъ вспоминая, какимъ разнообразнымъ опасностямъ онъ подвергаетъ себя.

Къ концу перваго года женитьбы въ Алексѣѣ все сильнѣе стала сказываться перемѣна въ его отношеніяхъ къ Еленѣ.

Когда были препятствія къ обладанію ею, когда жизнь подъ одной кровлею съ красавицей имѣла еще прелесть новизны, тогда ему казалось высшимъ счастьемъ— сидѣть въ своей землянкѣ вдвоемъ съ женою, смотрѣть на нее, слышать ея звонкій смѣхъ и чувствовать на себѣ ея страстные поцѣлуи.

Когда препятствія миновали и онъ зналъ, что счастье, которымъ онъ владѣлъ нераздѣльно, никто у него не отниметъ, но что это счастье онъ увидитъ и завтра, и послѣзавтра, и черезъ мѣсяцъ и долѣе,—онъ уже не спѣшилъ имъ упиваться, начиная чувствовать усталость, скуку и пресыщеніе жгучими ласками. Его увлекающаяся, неустановившаяся натура требовала новыхъ и новыхъ впечатлѣній.

Съ теченіемъ времени безпрекословное послушаніе Елены, ея робкая покорность, постоянное стараніе угодить ему, частые вопросы — попрежнему ли онъ ее любитъ, нѣжные взоры и горячіе поцѣлуи, на которые не скупилась пылкая красавица,—все это ежедневное однообразіе ему начинало надоѣдать, а порою и раздражать.

Чтобы разсѣять дурное настроеніе духа, онъ спѣшилъ на полеваніе, принималъ участіе въ набѣгахъ и все чаще появлялся на пирушкахъ и въ компаніи бражниковъ.

Елена замѣчала развивающееся охлажденіе къ ней

мужа, но силилась успокоить себя тѣмъ, что мужу, вѣчно озабоченному приготовленіями къ охотамъ или набѣгамъ, некогда-де приласкать ее, что за усталостью и хлопотами ему не до нея...

Въ тѣ немногіе дни, которые Алексѣй проводилъ дома, она еще болѣе старалась выказать свою заботливость о немъ, силясь предугадать всѣ его желанія.

Она успѣвала вымести соръ изъ землянки, приготовить обѣдъ и ужинъ, вычистить и смазать оружіе, сѣдло и недоуздокъ, принести съ поля охапку бурьяна, вычистить, вымыть и трижды въ день напоить «Вихря», коня Алексѣя, починить рыболовную сѣть, привести въ порядокъ одежду, подмазать глиною потрескавшіяся стѣны жилища и проч.

Все это она дѣлала по собственной охотѣ, безъ всякихъ требованій или просьбъ Алексѣя.

Сосѣди удивлялись, какъ могла эта тоненькая, хрупкая женщина быстро справляться съ такою массою разнообразныхъ работъ.

— Вотъ это настоящая хозяйка!—говорили они.— Работа такъ и бѣжитъ изъ-подъ ея рукъ.

Въ послѣднее время Елена сильно печалилась тѣмъ, что Алексѣй высказывалъ ей свое неудовольствіе, говоря, что потерялъ надежду имѣть сына, котораго онъ такъ страстно желалъ.

«Чѣмъ я причина тому?—думала Елена,— если Богъ не даетъ намъ дѣтей».

Наступила зима. Толстая ледяная кора сковала поверхность Дона. Вокругъ Черкасскаго городка была прорыта прорубь, шириною въ три сажени, а изъ кусковъ льда, къ сторонѣ становища, были сдѣланы завалы или стѣнки. Прорубь расчищалась ежедневно казаками, по очередному наряду.

Бѣлая пелена снѣга покрыла степь и находящіяся по правую сторону Черкасска горы.

Но на курганахъ, несмотря на зимнюю стужу, чернѣлись казачьи пикеты, съ вѣхами, на которыхъ уныло мотались пучки соломы.

За первой линіей пикетовъ виднѣлась вторая сторожевая цѣпь.

Бывали дни, когда ставилась еще третья линія дозорныхъ.

Тяжела была для казаковъ эта сторожевая, безпокойная жизнь лѣтомъ, а зимою тѣмъ болѣе.

Холодные сѣверные и бурные восточные вѣтры часто поднимали массы снѣга, которыя иногда по цѣлымъ недѣлямъ кружились въ воздухѣ. Плохо также приходилось казакамъ и отъ частыхъ *шеренговъ*, т.-е. дождя съ снѣгомъ.

Вьюги свирѣпствовали, но казаки не покидали своихъ постовъ, ибо малѣйшая оплошность могла привести къ гибели цѣлаго городка...

Съ наступленіемъ зимы Алексѣй началъ собираться въ гости къ братьямъ, жившимъ въ Раздорахъ.

Было свѣтлое, морозное утро, когда Алексѣй, вмѣстѣ съ двумя казаками, выѣхалъ изъ Черкасска.

Послѣ его отъѣзда Елена, не смѣвшая заплакать при мужѣ, залилась такими горькими слезами, точно навсегда простилась съ Алексѣемъ.

Она не могла отдать себѣ отчета, почему ей такъ тоскливо, но сознавала, что какое-то грозное предчувствіе до боли сжимало ея сердце.

Она не знала, чего собственно боится, но ей чудилось, что она не увидитъ болѣе Алексѣя.

Съ рыданіями она упала на деревянную скамью, гдѣ только часъ тому назадъ сидѣлъ Алексѣй.

Вопли, полные отчаянія и безысходной тоски, огласили комнату и слышны были даже за обитой бычачьей кожею дверью...

У двери стоялъ молодой, красивый казакъ и, видимо, прислушивался. Нѣсколько минутъ постоялъ онъ безъ движенія, о чемъ-то раздумывая. Потомъ онъ широко махнулъ рукою и, энергично сплюнувъ на подмерзшій снѣгъ, быстро зашагалъ по улицѣ.

— Жалко, больно жалко бѣдную,—шепталъ онъ, жмурясь.—Она, можно сказать, единственная жемчужина въ нашемъ городкѣ, а не цѣнитъ ее Алешка. Голова непропеченая, не понимаетъ, что нигдѣ ему такой не сыскать! И жалости-то у него нѣтъ,—вмѣсто души паръ кошачій!

Широкими, скорыми шагами онъ направился къ майдану, гдѣ виднѣлось около десятка казаковъ, о чемъ-то мирно бесѣдовавшихъ.

Этотъ молодой станичникъ былъ *тума*, т.-е. пришлецъ татарскаго племени, и носилъ фамилію Татаринова.

Такихъ пришлецовъ въ Черкасскѣ было много. Они принимались въ казачье сословіе при непремѣнномъ условіи—принять православную вѣру.

Казачья среда постоянно пополнялась пришлыми изъ христіанъ и не-христіанъ. На Донъ стекались разные искатели молочныхъ водъ и кисельныхъ береговъ и разные неудачники или буйныя головы, уносившія эти головы отъ суда и смертной казни.

Всѣ эти «новые» казаки были народъ бѣдовый, отчаянный, которому никакой страхъ не былъ страшенъ.

Много было также въ Черкасскѣ грековъ и армянъ, которые вели торговлю не только мѣстную, но и съ Москвою и Заволжьемъ.

IX.

Роковой день.

На зарѣ-то было на зорюшкѣ,
На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго...

(Донская пѣсня.)

Стояли теплые апрѣльскіе дни. Широко разлившійся Донъ затопилъ своими водами всѣ прилегающія къ нему низины и огромное займище, которое на нѣсколько верстъ тянется близъ Черкасска. Это уже была не рѣка, а цѣлое море, границы котораго терялись за горизонтомъ.

На черкасскомъ берегу копошилось нѣсколько рыболововъ. Они только-что вытащили свои длинныя сѣти, откуда выбирали рыбу.

Поодаль отъ нихъ сидѣли тарпанщикъ Пахомъ и Татариновъ.

— Вотъ это такъ тоня, настоящая тоня!—говорилъ Пахомъ.—Посмотри-ка, сколько стерлядей да тарани вытащили! Ловко! Теперь только знай закидывай сѣти, а рыба наберется табунами. Погляди-ка, вотъ тамъ, что-то большое на рѣкѣ вскинулось: вѣроятно осетръ или бѣлуга. Да какъ близко! Не боятся шельмецы! Но погодите, доберусь я до васъ—попрыгаете у меня на веревочкѣ! А благодатная же наша рѣка! Правда говорится въ нашей пѣснѣ, что кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ. Всѣмъ онъ намъ отецъ и благодѣтель. Уфъ, какъ хорошъ, ласковъ и пригожъ онъ! Не даромъ и сказъ про него такой есть...

Старикъ замолкъ и восторженнымъ взглядомъ обводилъ кругомъ широкое водное пространство.

— А какой сказъ, дѣдушка?—спросилъ Татариновъ.

— Какой? Развѣ не знаешь? А впрочемъ гдѣ же тебѣ

и знать—ты вѣдь изъ новенькихъ! Ну, такъ слушай!

Далеко, братъ, отсюда, между Рязанью и Смоленскомъ, есть озеро Иванъ, у котораго было два сына — Шатъ Ивановичъ и Донъ Ивановичъ. Первый, Шатъ Ивановичъ, былъ голова неразумная. Не спросясь воли родительской, не накопивъ еще силы подъ кровлею родимою, по глупости своей, вырвался онъ, сердешный, отъ отца. Вырвался изъ родного гнѣзда и, какъ бѣшеный, прошатался на однихъ только поляхъ родимыхъ и воротился на тѣ же поля родимыя, съ которыхъ и вышелъ: онъ не сдѣлалъ добраго ни себѣ ни людямъ. Такова доля всѣхъ дѣтей самовольныхъ!

Донъ же Ивановичъ за свою тихость да покорность получилъ добрый совѣтъ родительскій. Послѣ того смѣло и съ силой великою полетѣлъ во всѣ страны дальнія. И приняли его со славою и почестью и славяне, и греки, и турки и татары, и разные нехристи. И донынѣ славенъ нашъ тихій Донъ Ивановичъ! Да, только здѣсь, на родной рѣкѣ, для насъ тишина и покой. Только здѣсь мы можемъ передохнуть отъ военныхъ тревогъ. Только здѣсь намъ и житье— больше нигдѣ нѣтъ намъ мѣста на матушкѣ-землѣ! Да и нужды въ томъ нѣтъ: гдѣ другого такого мѣста сыскать! Нѣтъ, обыщи всѣ углы во всѣхъ странахъ—не сыскать такого мѣста! Нигдѣ нѣтъ такого уюта и приволья!

Глубока и сильна наша рѣка. И силу ея никто побороть не могъ: ни вѣтеръ, ни солнце, ни люди.

Когда я еще мальчонкой бѣгалъ, турскій солтанъ, Селимкой его звали, затѣялъ такую штуку: приказалъ на Переволокѣ [1]) городъ поставить, а другой городъ противъ Переволоки на Волгѣ и межъ двухъ тѣхъ городовъ землю прокопать и рѣку Донъ въ Волгу пустить, чтобы можно было нехристямъ прямо до Асторохани [2]) водою ходить. И нагналъ Селимка изъ крымскихъ и турскихъ улусовъ народа тьму-тьмущую. Бились-бились поганые, животы

---

[1]) Въ нынѣшней Качалинской станицѣ.

[2]) Астрахани.

надорвали, а Дона нашего родимаго не осилили. Закаменѣли, какъ булатъ затвердѣли тогда берега его и не поддались. Такъ ни съ чѣмъ нехристи и ушли.

Такъ-то! Э, да ты, братецъ, кубыть [1]) совсѣмъ не слушаешь, а о чемъ-то думу думаешь!

Татариновъ встрепенулся. Дѣйствительно, онъ слышалъ только начало повѣствованія,—въ головѣ его роились жгучія мысли, заставившія его позабыть и дѣда Пахома и все окружающее.

— Не прогнѣвись, дѣдушка. Что грѣха таить—ничего я не слыхалъ. Думы одолѣли.

— О чемъ же ты такъ думаешь, чѣмъ такъ озабоченъ?

И дѣдъ Пахомъ пытливо посмотрѣлъ въ лицо собесѣдника.

— Многое, дѣдушка, да боюсь сказывать.

— Меня-то бояться? Вотъ что надумалъ! Видно, мало ты меня знаешь, коли такъ говоришь. А я тебѣ вотъ что скажу: не таись, а все мнѣ повѣдай, какъ на духу. Волоса мои засеребрились; много на свѣтѣ я видѣлъ и много пережилъ. Значитъ, могу и добрый совѣтъ тебѣ подать. Языкъ же свой умѣю держать за зубами. Все мнѣ скажи. И совѣтъ получишь, и на душѣ твоей будетъ легче.

— Скверныя думы, дѣдушка, засѣли въ мою пропащую голову. И самому такъ скверно, что не знаю, куда дѣться.

— Да что ты? Что съ тобою?

Пахомъ участливо взялъ его за руку

— Полюбилася, дѣдушка, мнѣ тутъ одна...

— Ну?

— Полюбилася замужняя казачка.

— Вотъ оно что! Гм... Кто же такая?

Татариновъ съ минуту колебался отвѣтить, но потомъ, наклонившись поближе къ старику, едва слышно прошепталъ:

— Алешки Клеща жена

---

[1]) Какъ-будто,

— Елена?

— Она самая.

— Плохое дѣло! А она что?

— Она даже и не знаетъ про то, чтò у меня на сердцѣ. Правда, я раза два пробовалъ заговорить съ нею, но она вѣдь такая дикая, нелюдимая. Только съ мужемъ разговорчива. Сначала, дѣдушка, мнѣ было ее только жалко. Живя въ сосѣдствѣ съ нею, я многому наслушался и насмотрѣлся. Сколько разъ я слышалъ, какъ она въ землянкѣ или во дворѣ горько плакала. И видѣлъ я, какъ съ каждымъ мѣсяцемъ таетъ она отъ горя. Горе же у ней одно: она видитъ, что Алешка разлюбилъ и тяготится ею. Сначала я жалѣлъ ее, а потомъ и полюбилъ, да такъ полюбилъ, что не могу ни спать, ни ѣсть, ни дѣла дѣлать. Все у меня изъ рукъ валится. По ночамъ я брожу здѣсь, по берегу, и сижу, словно очумѣлый. Только и думы объ ней. А самого такъ и тянетъ, такъ и подмываетъ хотя мимо землянки ея пройти. Плохо, дѣдушка! Голова идетъ кругомъ, и не знаю я, что мнѣ дѣлать, какъ поступить.

— Ты говоришь, что у Алексѣя съ нею расколъ произошелъ?

— Да. Прежде онъ ее очень любилъ, а теперь радъ поскорѣе изъ дома вырваться, подальше отъ нея. Прискучила, знать, она Алешкѣ. Ему не такую надобно. Кротостью да послушаніемъ его не привяжешь къ себѣ. Ухарская какая-нибудь, бой-баба, навѣрное, забрала бы его въ свои лапы. А этой, нѣжной да мягкой, не по силамъ. Любитъ она его крѣпко.

— Вотъ оно что! А я-то ничего не замѣчалъ, хотя частенько къ Алексѣю захаживалъ. Думалъ только, чтó это съ нимъ сотворилось: то, бывало, его изъ дома никуда не вытянешь—все возлѣ молодой жены сидитъ, а то вдругъ, на-ка, когда ни зайдешь къ нему, всегда одинъ отвѣтъ: «Дома нѣтъ».

Нехорошее у тебя сотворилося. Хотя онъ и не любитъ Елены, а все же она законная жена ему. Что же касается

того, чтобы съ чужемужними женами потихоньку воловодиться, у насъ, братъ, этого въ заводѣ не бывало да и не должно быть. И ты остерегись заводить съ Еленой большое знакомство. А то если выйдетъ наружу что-либо неладное, то и ты и она на обѣдъ осетрамъ попадете, аль по казачьей обыклости за ноги повѣсятъ.

— Знаю, дѣдушка. Силюсь я подальше отъ нея быть, да больно тянетъ меня къ ней. Куда ни пойдешь, а смотришь, въ концѣ-концовъ, незамѣтно для самого себя, передъ ея землянкою очутишься. Порою приходитъ мнѣ на умъ, что если бы выкрасть ее да скрыться подалѣе отсюда...

— Ну, братъ, не умныя рѣчи ты говоришь. Не для того принялъ ты нашу вѣру и въ казаки перешелъ, чтобы своему же товарищу-казаку, за хлѣбъ, за соль да за ласковый пріемъ этакую мерзость устроить.

— Вѣрно, вѣрно, дѣдушка. Я не сдѣлалъ бы этого. Да! Не то мнѣ нужно дѣлать, а бѣжать отсюда, бѣжать безъ оглядки подальше отъ грѣха. На Волгу, думаю, пробраться.

— Это дѣло. Только вотъ что я тебѣ повѣдаю. Обожди до пріѣзда Алексѣя—я поговорю съ нимъ. Авось твое дѣло улажу, и онъ отдастъ ее тебѣ.

— Отдастъ?! Спасибо тебѣ, дѣдушка! Не знаю, какъ и благодарить тебя.

И Татариновъ бросился обнимать старика, забывъ о присутствіи вблизи рыболововъ.

— Ну полно. Смотри, какъ тотъ черномазый на тебя уставился своими буркалами. Негоже, чтобы кто-либо примѣтилъ, о чемъ у насъ рѣчь. Да за что и благодарить, когда я еще ничего не сдѣлалъ? Похлопочу, постараюсь уломать Алексѣя. Хотя, нужно тебѣ знать, что этотъ Алексѣй упрямъ, какъ десять воловъ, и хлопотъ съ нимъ будетъ не мало. Если даже совсѣмъ не нужна ему Елена, а все-таки онъ будетъ ломаться,—жаль будетъ отдать ее другому. Знаю я его!

Но ты не теряй пока надежды. Жди и терпи. Не гляди

сентябремъ, гляди розсыпью. Да будетъ же тебѣ обнимать меня!

И Пахомъ все тѣмъ же тихимъ и ласковымъ голосомъ старался успокоить и обнадежить молодого казака...

Не прошло и недѣли послѣ этого разговора, какъ Алексѣй былъ уже въ Черкасскѣ.

Однако для Елены было бы лучше, если бы онъ совсѣмъ не возвращался. Тогда ей не пришлось бы услышать того, что словно ножомъ рѣзануло по ея сердцу.

По прибытіи Алексѣя ее прежде всего поразила холодность и отчужденность, которыми повѣяло отъ страстно любимаго ею мужа.

Это уже не былъ тотъ нѣжно ласкавшій ее Алексѣй. Онъ слабо отвѣчалъ на ея поцѣлуи, точно они были тяжелы для него и непріятно обжигали его лицо. Онъ былъ мраченъ и молчаливъ.

Елена не смѣла и боялась разспрашивать его, а сердце ея болѣзненно, мучительно сжималось.

Посидѣвъ съ нею около получаса и разсказавъ, какъ весело жилось ему у братьевъ и какъ удачны были его охоты въ раздорскихъ степяхъ, Алексѣй вышелъ, говоря, что ему нужно повидаться съ товарищами.

Неподвижно сидѣла Елена послѣ его ухода: все въ ней точно замерло.

Алексѣй явился только подъ утро, значительно охмелѣвшій, и засталъ жену, сидѣвшую на томъ же мѣстѣ и почти въ томъ же положеніи, какъ при его уходѣ.

Большими шагами заходилъ Алексѣй по глинобитному полу своей узкой и тѣсной землянки и вдругъ, остановившись передъ Еленой, сдавленнымъ и нѣсколько дрожащимъ голосомъ заговорилъ, смотря въ сторону.

— Мать моя рано умерла, отецъ былъ убитъ турками въ морѣ, два мои брата уже старики и никогда не женились. Изъ нашего рода я одинъ могъ бы видѣть у себя сына. Сынъ не далъ бы нашему роду прекратиться. Но вотъ два года, какъ мы поженились, два года я ждалъ, что ты дашь

мнѣ сына, но его не было и, вѣроятно, не будетъ. Ты хорошая, вѣрная жена, но теперь мы должны разлучиться.

— Разлучиться?—тихо спросила Елена и голосъ ея дрогнулъ.

— Да разлучиться и...—Алексѣй слегка запнулся,— и навсегда.

Странно, Елена словно ожидала услышать эту ужасную для нея вѣсть. Она сильно поблѣднѣла, но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ.

Но черезъ минуту, когда нервы не смогли выдержать страшнаго напряженія, она тихо зарыдала.

— Алексѣй, Алексѣй!—сквозь слезы шептала она.— Зачѣмъ ты говоришь неправду? Но я знаю истинную причину того, что ты прогоняешь меня,—ты разлюбилъ меня. Я безъ словъ поняла это. Сердце мое давно вѣщевало мнѣ объ этомъ. Я видѣла, чувствовала, что ты становишься не тѣмъ, чѣмъ былъ раньше. Всѣ говорятъ, что я красивѣе своихъ товарокъ. А ты, Алексѣй, знаешь мою душу и мою любовь къ тебѣ. За что, за что—скажи мнѣ, мое ясное солнышко, ты разлюбилъ меня? За безплодность? О нѣтъ, не могу я вѣрить тому. Не я тутъ причина, если Богъ не далъ намъ дѣтей. За это разлюбить ты не могъ меня. О, я понимаю, я надоѣла тебѣ и своей преданностью и любовью. Но, Алексѣй, хорошій, добрый Алексѣй, не гони меня отъ себя, не отнимай возможности хотя издали, хотя изрѣдка видѣть тебя. Я ни словомъ не обмолвлюсь съ тобою, забуду, что я была когда-то твоей женою, любимой женою. Я буду твоей рабою, твоей ясыркою. Но только не гони меня отъ себя, не отнимай послѣднихъ крохъ моего разбившагося счастья.

— Не могу. Это невозможно.

— Почему же? Клянусь, что ты никогда не услышишь отъ меня ни упрека, ни напоминанія о прошлой жизни, ни просьбы о ласкѣ. Ни одна слеза моя ни одна жалоба или вздохъ не нарушатъ твоего спокойствія. Я буду прислуживать тебѣ, только прислуживать; всегда буду молчать пе-

редъ тобою. Мнѣ ничего не нужно, кромѣ лишь того, что я буду подъ одной кровлею съ тобой, буду видѣть тебя.

— Твое присутствіе здѣсь невозможно: я женюсь.

Хриплый крикъ вырвался изъ груди Елены, и она, какъ подкошенный стебель, повалилась на полъ, ударившись головою о скамейку...

Былъ полдень. На майданѣ было обычное сборище и шумъ. За отсутствіемъ вопросовъ, рѣшаемыхъ обыкновенно кру́гомъ по большинству голосовъ, майданъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ клуба подъ открытымъ небомъ. Онъ былъ излюбленнымъ мѣстомъ для бесѣдъ, игръ и пирушекъ.

У порога становой избы сидѣли дѣдъ Пахомъ и Татариновъ.

— Вотъ ты и угадай послѣ этого, что будетъ завтра!— говорилъ Пахомъ.—Пошелъ я вчера къ Алексѣю по твоему дѣлу. Прихожу. Елена лежитъ на скамьѣ заплаканная, а онъ сидитъ въ сторонѣ хмурый и волоса свои теребитъ. Вызвалъ я его на улицу, чтобы свободнѣе было говорить. Такъ и такъ—спрашиваю,—что это у тебя въ домѣ за плачевная катавасія происходитъ. А онъ, какъ огорошитъ меня: «Развожусь,—говоритъ,—съ женою».—«Какъ такъ?— спрашиваю я,—а самъ своимъ ушамъ не вѣрю».—«А такъ, молъ, завтра пойду на майданъ разводъ брать».—«Почему же,— спрашиваю,—ты надумалъ это? Баба-то она, видно, хорошая, не ледащая, да и лицомъ въ грязь не ударитъ».— «Лучшую,—говоритъ,—нашелъ, свою, казачку».

Много съ нимъ я разговаривалъ и сильно даже пожурилъ его. Очень жалко стало мнѣ бѣдную Елену. О томъ же, за чѣмъ шелъ, о нашемъ, значитъ, дѣлѣ, ни словомъ не обмолвился ему. Не-зачѣмъ и говорить-то было, когда дѣло само устроилось, какъ тебѣ хотѣлось. Только вотъ что скажу я тебѣ: ты не зѣвай, и когда Алексѣй...

Вдругъ Пахомъ замолкъ и глазами указалъ впередъ, на одинъ изъ угловъ майдана, гдѣ показался Алексѣй, ведущій за руку Елену.

Когда тѣ приблизились къ становой избѣ и остановились,

Татариновъ вздрогнулъ и, вскочивъ на ноги, впился глазами въ губы Алексѣя, ожидая его словъ.

Алексѣй былъ мраченъ. Видимо ему было не по себѣ.

Елена, блѣдная и дрожащая, стояла рядомъ съ нимъ.

— Атаманы-молодцы!—началъ говорить Алексѣй глухимъ голосомъ.—Не люба мнѣ жена. Она была услужливая и вѣрная жена. Теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.

Этимъ исчерпывался весь обрядъ развода. Сколь легко у казаковъ заключалось супружество, столь легко и разрывалось оно.

Мужъ могъ всегда развестись съ женою, даже подъ тѣмъ предлогомъ, что она ему не нравилась. Эта причина считалась вполнѣ достаточной, а оглашенiе развода передъ собранiемъ казаковъ считалось офицiальнымъ его утвержденiемъ.

Алексѣй выпустилъ дрожавшую и холодную, какъ ледъ, руку Елены и отошелъ въ сторону.

Къ Еленѣ быстро подошли два казака: рыжiй Ѳилатка и Татариновъ.

Послѣднiй, распахнувъ свой сѣрый кафтанъ, покрылъ одной полою плечи Елены и взялъ ее за руку.

— Будь ты мнѣ жена!—произнесъ онъ спѣшнымъ и волнующимся тономъ.

А та даже не взглянула на него и стояла, словно окаменѣлая, ничего не видя и не слыша.

Прикрытiе полою *отказанной*, т.-е. разведенной, жены почиталось у казаковъ важнымъ символомъ: оно означало— снять съ отказанной жены безчестiе развода.

— Что, сунулась пятница прежде четверга? Сорвалось?— подтрунивали надъ Ѳилаткою.

— Сорвалось!—отвѣчалъ Ѳилатка, почесывая на затылкѣ свою рыжую гриву.—И этакъ всегда! Только-что нацѣлишься на какую-либо бабу, глядь, другой-то у тебя изъ-подъ самаго носа и вырветъ. Знать такой мой таланъ, и быть мнѣ бобылемъ! А впрочемъ жалѣть о томъ не стоитъ: ужъ больно эта Еленка сухая, какъ смерть голе-

натая, кострубатая, окатая и ногатая, вниманія не стоящая.

Елена, какъ автоматъ, послѣдовала за сіяющимъ Татариновымъ. Всѣ мысли перепутались у нея въ головѣ. Обида униженія, ненависть къ соперницѣ-разлучницѣ, ревность, жажда мести и омерзеніе къ человѣку, ставшему ея вторымъ мужемъ,—все это бушевало въ ея сердцѣ, которое готово было разорваться отъ наплыва стольких разнородныхъ и мучительныхъ чувствъ.

Въ тотъ же день вечеромъ на майданѣ появился Алексѣй, держа за руку высокую, стройную блондинку, съ темными глазами и черными, какъ смоль, бровями. Это была невѣста его, которую привезли изъ Раздоръ братья Алексѣя.

Она была дочерью весьма почтеннаго, зажиточнаго и уважаемаго въ Раздорахъ казака. Отъ матери своей, плѣненной польки, она унаслѣдовала привлекательную и вызывающую красоту.

Она гордо выступала впередъ, какъ бы сознавая всю силу своего обаянія и торжества.

Слѣдуетъ замѣтить, что она давно знала Алексѣя, такъ какъ онъ, во время своихъ частыхъ поѣздокъ въ Раздоры, всегда заходилъ къ ея отцу. Сдѣлаться его женою было давнишней ея мечтою. Брака этого желалъ также отецъ ея и сильно опечалился извѣстіемъ о женитьбѣ Алексѣя на выкрещенной татаркѣ.

Немного усилій стоило братьямъ Алексѣя убѣдить его развестись съ Еленой, къ которой, какъ они знали, Алексѣй значительно уже охладѣлъ и которой былъ недоволенъ, не имѣя дѣтей.

Желаніе видѣть у Алексѣя сына, долженствующаго быть носителемъ фамиліи Клещовыхъ, и стремленіе поживиться на счетъ богатствъ будущаго тестя зародили въ умахъ братьевъ мысль убѣдить Алексѣя развестись съ женою.

Когда они увидѣли, что Алексѣй далеко неравнодушно поглядываетъ на красивую и кокетливую казачку, и услы-

шавъ отъ отца ея, что онъ не прочь былъ бы отдать свою дочь за Алексѣя,—они стали энергичнѣе убѣждать послѣдняго.

— Хотя твоя жена и православная,—говорили они Алексѣю,—а все жъ не то, что своя кровь, наша же казачка, которая выросла въ нашей вѣрѣ, въ нашихъ правилахъ и обычаяхъ. Да и Богъ не благословилъ твоего союза—у тебя нѣтъ дѣтей. Разводись съ нею! Пожилось ей у тебя хорошо; какъ сыръ въ маслѣ покаталась,—ну и будетъ! Она красивая: другой пригрѣетъ ее не хуже тебя. Съ такой красотою бабамъ скверно не живется. Наша же Степанида покрасивѣе будетъ твоей Елены, повиднѣе, своя станичница, поведенія хорошаго, хозяйка и отца имѣетъ, перваго богатея у насъ. Все добро его со временемъ перейдетъ къ тебѣ. Мы тебѣ братья и худа не желаемъ. Женись на Степанидѣ, спасибо намъ скажешь.

Сначала Алексѣй колебался. Хотя онъ ясно сознавалъ, что его прежнее чувство къ Еленѣ, быстро потухавшее, теперь исчезло совсѣмъ, безвозвратно; хотя вспыхнувшая въ немъ и разжигаемая братьями страсть къ Степанидѣ все сильнѣе стала охватывать его, но жалость къ Еленѣ мѣшала еще рѣшиться на разводъ съ нею.

Какъ искра потухающаго костра печально и слабо свѣтится въ пепелищѣ и въ своемъ тлѣніи не испускаетъ тепла, но лишь напоминаетъ о минувшемъ жарѣ, такъ и эта жалость была ничтожнымъ и блѣднымъ остаткомъ прежней бурной, безграничной страсти.

Какъ искра не можетъ зажечь уже перегорѣвшаго и превратившагося въ пепелъ костра, такъ и жалкіе остатки потухшей страсти не могутъ уже превратиться въ пламень.

Со временемъ тухнетъ и послѣдняя искра, и остается лишь пепелъ, холодный памятникъ минувшаго...

Нѣсколько свиданій Алексѣя со Степанидой и наставленія братьевъ въ концѣ четвертаго мѣсяца пребыванія его въ Раздорахъ рѣшили судьбу Елены.

Алексѣй столковался съ отцомъ Степаниды, который

изъявилъ свое согласіе на бракъ, поставивъ, конечно, условіемъ, чтобы Алексѣй предварительно развелся съ своей женою.

Отецъ Степаниды уѣзжалъ съ бударою въ Воронежъ, а потому не могъ присутствовать на свадьбѣ, и вручилъ свою дочь, подъ честное слово, на попеченіе братьевъ Алексѣя, которые должны были привезти ее въ Черкасскъ для совершенія брачнаго обряда.

Братья торопили Алексѣя. Боясь, что онъ, увидясь съ Еленою, будетъ колебаться привести свое рѣшеніе въ исполненіе или кто-нибудь будетъ разсовѣтывать ему, они, черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда Алексѣя изъ Раздоръ, захвативъ съ собою Степаниду, помчались въ Черкасскъ. Они успокоились лишь тогда, когда Степанида была провозглашена женою Алексѣя.

X.

Двѣ свадьбы.

Какъ у насъ, братцы, на тихомъ
Дону,
Нездорово, братцы, учинилося...

(Донская пѣсня.)

Была тихая, лунная ночь. Едва замѣтная рѣчная зыбь серебрилась, отражая въ себѣ звѣздное небо.

Донъ словно погрузился въ могучій, богатырскій сонъ. Слабое журчаніе воды у береговыхъ зарослей да плескъ скидывавшейся надъ поверхностью рыбы нарушали наступившее затишье.

Камыши, колыхаясь подъ слабымъ дуновеніемъ весенняго вѣтерка, какъ-будто таинственно шептались между собою, а изъ гущины ихъ порою раздавался пронзительный крикъ какой-то птицы.

На песчаномъ прибрежномъ бугрѣ рѣзко выдѣлялся силуэтъ волка, который, насторожив свои уши, пристальнымъ сверкающимъ взглядомъ всматривался вдаль, гдѣ темнымъ пятномъ на серебристой водяной поверхности виднѣлся Черкасскій городокъ.

Острый слухъ звѣря ловилъ едва доносившійся по рѣкѣ шумъ, то усиливающійся, то ослабѣвающій, то совсѣмъ прекращающійся.

Близъ Черкасска за нѣсколько верстъ, вверхъ и внизъ по теченію рѣки, слышенъ былъ этотъ шумъ.

Въ городкѣ шло такое веселье, какого ужъ давно не помнили казаки.

На майданѣ шло всеобщее гульбище. Давно пировали казаки, а тутъ кстати подвернулся удобный случай къ тому—двѣ свадьбы: Алексѣя со Степанидой и Татаринова съ Еленой.

Казаки рѣшили устроить праздникъ на славу. На площади разложили костры, хотя луна давала достаточно свѣта.

Меды вишневый, малиновый, смородиновый, водка, романея, «мушкатель», мальвазія, пиво, жирная каша изъ пшена сарацинскаго съ бараниною, пѣтухи разсольные съ имбиремъ, зайцы въ лапшѣ—всего было вдоволь. Большинство изъ этихъ яствъ и питей было не купленное, а добытое полеваніемъ, почему казалось донцамъ особенно вкуснымъ.

Уже успѣвшіе захмелѣть, они еще съ большей жадностью осушали большіе ковши и чары, словно желудки ихъ не имѣли дна.

Каждый старался чѣмъ-нибудь блеснуть и показать свою лихость.

На одномъ концѣ майдана шла стрѣльба пулями, при чемъ цѣлью служили мохнатыя казачьи шапки, укрѣпленныя на плетнѣ.

На другой сторонѣ площади происходила скачка на мишень, которая заключалась въ томъ, что казакъ на скаку

долженъ былъ поджечь выстрѣломъ изъ ружья пучокъ высушенной соломы, привязанной къ шесту.

Когда нѣсколько пучковъ были уже подожжены, на средину выѣхали два молодыхъ казака. Налетѣвъ на полномъ карьерѣ одинъ на другого, они начали отчаянный бой на плетяхъ, искусно маневрируя на тѣсномъ пространствѣ. Толстыя, такъ-называемыя калмыцкія нагайки то свистѣли по воздуху, то рѣзко хлопали по тѣлу «играющихъ».

Нѣсколько бражниковъ (пропойцъ), замѣтивъ, что головы ихъ уже значительно затуманились, и опасаясь того, что они едва ли будутъ въ состояніи продолжать свои прикладыванія къ боченкамъ,—усѣлись на коней и бросились вплавь въ рѣку, дабы немного освѣжиться. Долго они плавали туда и сюда, пока не нашли себя достаточно освѣженными.

Нѣсколько удальцовъ старались блеснуть передъ товарищами джигитовкою.

Несмотря на малое пространство, они вихремъ выносились изъ кривыхъ улицъ и выдѣлывали разныя головоломныя упражненія на какія способны были лишь казаки.

По окончаніи джигитовки, передъ атаманской избою всѣ столпились возлѣ двухъ ясырей, нагайцевъ. Оба они были атлетическаго тѣлосложенія, полуобнажены, а тѣло ихъ смазано жиромъ.

Атлеты обнялись, и началась борьба. Они напрягали страшныя усилія, пыхтѣли и скрипѣли зубами.

Но вотъ одинъ изъ нихъ рухнулъ на землю. Царапая землю ногтями, онъ пытался вырваться изъ-подъ насѣвшаго на него товарища. Однако усилія оказались тщетными.

— Молодецъ Урлукъ!—кричали казаки.—Богатырь!—И обоимъ борцамъ, при звукѣ огромныхъ *набатовъ* (барабановъ), тащили уже по огромной *ендовѣ* [1]) вина.

На песчаномъ берегу забавлялись мальчишки и под-

---

[1]) Татарскій мѣдный сосудъ, родъ большой чаши.

ростки. Шли стрѣльба изъ луковъ, метаніе въ цѣль камней, бѣганіе, прыганіе и кулачный бой. Когда эти игры наскучили, толпа малышей, раздѣленная на двѣ партіи, разбила лагерь изъ камыша.

Вооружившись деревянными шашками и пиками собственнаго издѣлія, съ тряпками на палкахъ, долженствующими изображать знамена, съ бубнами, трещотками, звономъ и шумомъ, они снимались съ лагеря, сходились и сражались, отбивая знамена, захватывая въ плѣнъ и преслѣдуя бѣгущихъ.

Нѣсколько подростковъ стрѣляли изъ маленькихъ деревянныхъ самодѣльныхъ пушекъ.

Въ отдаленныхъ отъ майдана дворахъ собрались женщины, которыя, не желая отстать отъ своихъ мужей въ кутежѣ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемыя, устроили свою пирушку, съ обильной выпивкою, пѣснями и плясками.

Шумный разгулъ охватилъ весь городокъ. На пиршествѣ и играхъ участвовали также Алексѣй и Татариновъ. Оба они были очень веселы, пили много и въ числѣ другихъ показывали свое удальство.

Чѣмъ ближе было утро, тѣмъ сильнѣе разгорался пиръ. Всѣ запасы вина и меда уже истощались.

На рыжаго Ѳилатку напала уже сильнѣйшая икота, чтобы прекратить которую онъ шепталъ, пытаясь произнести скороговоркою:

— Шли черезъ двѣнадцать лановъ, и одинъ говоритъ: «ланъ, ланъ»; другой говоритъ: «ланъ, ланъ»; третій говоритъ: «ланъ, ланъ...», и такъ далѣе до двѣнадцатаго.

Но, повидимому, онъ черезчуръ не въ мѣру выпилъ, такъ какъ даже это симпатическое средство, въ которое онъ такъ вѣрилъ, не оказывало своего обычнаго дѣйствія и икота все увеличивалась.

Солнце уже поднялось надъ горизонтомъ и обдало своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ неприглядныя казачьи постройки и майданъ, переполненный частью сидящими, частью лежащими казаками и валяющимися на всемъ его

пространствѣ бурдюками, боченками, ковшами, чарами и опрокинутыми котлами.

Алексѣй, сильно пошатываясь, шелъ съ майдана домой, гдѣ ожидала его молодая жена.

Онъ уже предвкушалъ сладость объятій и горячихъ ласкъ красавицы Степаниды и ускорялъ свои шаги.

Татариновъ, замѣтивъ его отсутствіе, выпилъ послѣдній ковшъ и также отправился домой. Подойдя къ землянкѣ, онъ увидѣлъ, что ставни ея еще заперты.

— А, моя голубка еще спитъ,—сказалъ онъ.—Ну, это хорошо! Скоро свыклась съ новымъ гнѣздомъ, скоро прiобыкнетъ и ко мнѣ.

Онъ вошелъ въ землянку и плотно закрылъ за собою скрипѣвшую дверь.

Въ землянкѣ было темно. Онъ подошелъ къ скамьѣ, откуда слышалось порывистое дыханіе.

Онъ весь вздрогнулъ при прикосновеніи къ упругому женскому плечу и черезъ минуту уже страстно сжималъ въ своихъ объятіяхъ трепещущую женщину.

— Желанный мой!—шептала она.—Алексѣй, любезный мой! Алеша!

Татариновъ вскочилъ, какъ ужаленный. Дико сверкая глазами, смотрѣлъ онъ на жену, но темнота мѣшала ему разглядѣть ея лицо.

— А, ты смѣешься надо мной!—зарычалъ онъ и шагнулъ къ окну.

Съ силою толкнулъ онъ ставню, такъ что она съ громомъ повалилась на улицу.

Онъ быстро повернулся и стремительно шагнулъ къ скамьѣ. Но вдругъ, вздрогнувъ, остановился точно вкопанный,—передъ нимъ была не Елена, а Степанида, жена Алексѣя Клещова.

Не вѣря своимъ глазамъ, онъ теръ ихъ кулаками, а хмель сразу выскочилъ изъ головы, какъ бы его тамъ и не было.

Всегда румяное лицо Степаниды выглядѣло теперь

мертвенно-блѣднымъ, въ глазахъ ея свѣтились ужасъ и удивленіе, а губы беззвучно шевелились.

Ничего не сказавъ, выскочилъ Татариновъ и опрометью пробѣжалъ къ Алексѣевой землянкѣ.

Вотъ, за вишневымъ деревомъ, и эта землянка.

Безъ шапки, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки и всклоченными волосами, подбѣжалъ Татариновъ къ двери, которая была настежь открыта.

За нею, прислонившись къ стѣнѣ и спиною къ улицѣ, стоялъ Алексѣй.

Татариновъ хлопнулъ его по плечу. Но въ это время взглядъ его скользнулъ внутрь землянки.

Крикъ ужаса вырвался изъ его груди.

На широкой деревянной скамьѣ, опрокинувшись навзничь, лежала Елена. Вся фигура ея, освѣщенная яркимъ солнечнымъ лучомъ, проникшимъ въ дверь, рѣзко выдѣлялась въ окружавшемъ полумракѣ землянки.

Черные глаза татарки были неподвижно устремлены на дверь, но въ нихъ не было видно ни прежняго огня ни какого-либо выраженія.

Подъ горломъ ея зіяла большая, глубокая рана, изъ которой струилась яркая кровь.

Искаженное предсмертными муками лицо было покрыто мертвенной блѣдностью.

На скамьѣ, вблизи стиснутыхъ, уже закоченѣлыхъ пальцевъ, блестѣлъ длинный, отточенный, какъ бритва, ножъ Алексѣя.

На Еленѣ было то самое платье, въ которомъ она два года тому назадъ вѣнчалась съ Алексѣемъ.

Ворвавшійся въ комнату вѣтерокъ пробѣжалъ по складкамъ шелковой одежды покойницы. Платье заколыхалось, и Алексѣю показалось, что трупъ началъ двигаться.

Въ ужасѣ онъ отпрыгнулъ за дверь, толкнувъ и едва не свaливъ на землю Татаринова.

А тотъ въ свою очередь выскочилъ на средину улицы и

закричалъ такъ громко, что крикъ его былъ слышенъ даже на сторожевыхъ пикетахъ, стоявшихъ на берегу.

— Люди, люди! — кричалъ онъ въ ужасѣ. — Убилъ! Алексѣй убилъ Елену! Люди!

На крикъ сбѣжалась толпа. Вскорѣ вѣсть о случившемся разнеслась по всему Черкасску. Всѣ дивились и ужасались. Разнымъ предположеніямъ и догадкамъ не было конца.

Часа черезъ два на майданѣ собрался кругъ. Алексѣй давалъ свое показаніе.

— Я пришелъ съ майдана домой утромъ,—говорилъ онъ глухимъ, надтреснувшимъ голосомъ.—Открылъ дверь и увидѣлъ Елену, лежащую въ томъ видѣ, какъ она теперь, съ перерѣзаннымъ горломъ.

— Значитъ не ты убилъ ее?

— Нѣтъ, не я.

— Клянешься ?

— Клянусь.

И Алексѣй, перекрестившись, поцѣловалъ икону.

— Кто же убилъ ее?

— Не знаю. Думаю, что сама себя лишила жизни. Убивать ее было некому и не-зачѣмъ: враговъ и лиходѣевъ у нея не могло быть.

Потребовали къ допросу Татаринова, который въ сбивчивыхъ фразахъ разсказалъ все, что произошло съ нимъ и что видѣлъ въ это утро.

Степанида не могла ничего объяснить. Она говорила, что, оставшись одна въ землянкѣ Алексѣя, видѣла Елену, нѣсколько разъ проходившую мимо ея окна; что, испугавшись злого взгляда, брошеннаго на нее Еленою, она вышла во дворъ, послѣ чего черезъ часъ вернулась въ землянку и плотно заперла двери и окно.

— Вскорѣ послѣ этого,—говорила Степанида,—я выпила стоявшую въ кувшинѣ воду, а затѣмъ мнѣ очень захотѣлось спать. Я заснула, и что было потомъ, до при-

хода Татаринова, ничегошеньки я не помню. А Татаринова я въ темнотѣ признала за Алексѣя.

Кончивъ свое показаніе, она приблизилась къ Алексѣю, но тотъ отшатнулся отъ нея: ему показалось, что между нимъ и Степанидой стоитъ блѣдный призракъ Елены.

— Алексѣй!—говорила Степанида, ломая свои красивыя руки.—Алексѣй! Клянусь тебѣ, что я не виновата: я думала, что это ты...

Но тотъ, круто повернувшись къ ней спиною, съ дико блуждающими глазами, быстро зашагалъ по улицѣ. Что-то непреодолимое влекло его къ трупу Елены.

Всѣ догадывались, что разыгравшаяся драма была дѣломъ Еленинымъ рукъ.

А та, которая могла бы все разсказать и объяснить, спала тѣмъ безмятежнымъ и непробуднымъ сномъ, который не потревожатъ ни грезы, горестныя или радостныя, ни плачъ или смѣхъ окружающихъ, ни причитыванія или проклятія, ни веселая пѣсня торжествующей соперницы.

Блѣдный и неподвижный, словно окаменѣлый, стоялъ Алексѣй на порогѣ своей землянки, гдѣ возлѣ покойницы уже суетилось нѣсколько женщинъ.

— Была и осталась твоею!—сказалъ дѣдъ Пахомъ, протискиваясь мимо него, чтобы войти въ землянку.

Въ голосѣ стараго казака слышалось столько укоризны, что къ горлу Алексѣя вдругъ мучительно подступили слезы.

Но онъ изъ всей силы стиснулъ свои зубы, чтобы не разрыдаться, и стоялъ не двигаясь. Потомъ вдругъ онъ вздрогнулъ и съ глухимъ стономъ повалился передъ скамьею на выпачканный запекшейся кровью полъ.

XI.

„Азовъ не о стѣ глазо̂въ“.

Прилетали къ сизу орлу три черныхъ ворона...
Начали молодца три черныхъ ворона клевать
И ретивое сердце вынимать...
«Ахъ вы братцы-товарищи! гдѣ вы подѣвалися?
Или вы по крутымъ горамъ разлеталися?»

Ой ты, батюшка, нашъ славный, тихій Донъ!
Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ!
Про тебя-то лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая!

(Изъ казачьихъ пѣсенъ.)

Дулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ. Подъ напоромъ его, словно море, волновалась сѣдая ковыль-трава. По волнамъ ея, то длинными и стремительными, то короткими и нерѣшительными; прыжками катились темно-бурые клубни перекати-поля. Высокій колючій бурьянъ низко наклонилъ свои мохнатыя шапки и кивалъ ими вслѣдъ убѣгавшему товарищу.

На выжженномъ солнцемъ курганѣ взвился столбъ пыли, вихремъ промчался по степи и внезапно разсѣялся въ воздухѣ.

Изъ густой степной поросли вскинулась дрохва и медленнымъ и лѣнивымъ летомъ поплыла въ воздухѣ вслѣдъ за вѣтромъ. Черезъ нѣсколько мгновеній за нею поднялись одна за другою еще нѣсколько дрохвъ и потянулись вслѣдъ за первою.

А нарушитель ихъ покоя, сѣрый заяцъ, поднялся на заднія ноги да такъ и замеръ въ этомъ положеніи. Только уши его тревожно двигались во всѣ стороны.

Вѣтеръ все крѣпчалъ. Казалось, что онъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы запѣть ту дикую, побѣдную пѣснь, которую онъ пѣлъ, проносясь по ущельямъ и лѣсамъ Урала. Но тутъ, въ необозримомъ просторѣ придонской равнины, его пѣсня разсѣивалась. Слышался лишь легкій свистъ его да шелестъ степной травы.

Не видно въ степи никакого жилья. Незамѣтно и человѣка.

Но это безлюдье въ описываемый нами день было лишь кажущееся.

На курганахъ, которые длинной вереницею тянулись по направленію къ Дону, и между ними, скрытые высокой травою и складками степной равнины, стояли казачьи «глаза»—пикеты.

Каждый изъ пикетовъ состоялъ изъ двухъ конныхъ казаковъ.

Одинъ изъ нихъ, примостившись такъ, чтобы имѣть возможно большое поле зрѣнія, внимательно поглядывалъ во всѣ стороны, а главное—на стоящій впереди пикетъ.

Другой казакъ, развалясь на мягкой травѣ и покуривая трубку, держалъ въ поводу осѣдланныхъ лошадей.

Донцы черезъ «прикормленныхъ» людей узнали о приближеніи шайки изъ ногайскаго приволжскаго улуса. Ногайцы двигались къ донскимъ становищамъ. Поэтому казаки немедленно приняли мѣры предосторожности, выставили далеко въ степь сторожевые посты. Донскіе витязи готовы были встрѣтить своихъ заклятыхъ враговъ и теперь были озабочены лишь тѣмъ, какъ бы развѣдать, куда именно направляется шайка, и какъ бы не прокараулить и не попасться врасплохъ.

Уже солнце склонялось къ горизонту, а ногайцевъ не было видно и степь попрежнему казалась безлюдной пустыней.

Съ донской стороны, отъ пикета къ пикету мчался всадникъ. Остановившись у одного поста и сказавъ нѣсколько словъ находившимся на немъ казакамъ, онъ скакалъ къ слѣдующему посту. Такъ онъ доѣхалъ до крайняго, головного, пикета. Постоявъ здѣсь съ полчаса и окинувъ равнину долгимъ пристальнымъ взглядомъ, онъ медленно направился въ степь, за линію пикетовъ. Онъ то останавливался и прислушивался, то поднимался на стременахъ и вглядывался въ волны колеблемой вѣтромъ травы. Очевидно, онъ направился въ «поиски».

Всадникъ этотъ былъ Алексѣй Клещъ.

Тотъ, кто зналъ его ранѣе, едва ли узналъ бы его теперь. Лицо его, обросшее густой бородою и черное отъ загара, какъ-то обострилось, а въ глазахъ его, вмѣсто прежней веселости и добродушія, сверкалъ какой-то злой, хищный огонекъ.

Три года тому назадъ, когда послѣ рокового недоразумѣнія со Степанидой Алексѣй уже не хотѣлъ принять ее въ свой домъ и долженъ былъ вторично выйти на майданъ, чтобы объявить разводъ, братья Алексѣя, согласно данному ими слову, отвезли Степаниду обратно къ отцу.

Алексѣй же и Татариновъ остались бобылями. Общая бѣда сближаетъ людей,—оба казака сдѣлались неразлучными друзьями.

Ихъ всюду: на полеваніи, на майданѣ, на рѣкѣ иль въ степи,—всюду видѣли вдвоемъ.

Татариновъ продалъ даже свою землянку и поселился у Алексѣя.

Оба товарища дали обѣщаніе не только никогда не жениться, но и не имѣть у себя ясырокъ.

Страшная тоска иногда одолѣвала Алексѣя.

Въ эти дни Алексѣй искалъ забвенія на охотѣ, а также въ стычкахъ съ турками и кочевниками. Онъ точно искалъ смерти, но та бѣжала отъ него,—вражья пуля и ятаганъ щадили его.

И скоро слава о немъ, какъ о неустрашимомъ, отчаян-

номъ головорѣзѣ, распространилась по всему Дону, отъ низовья до верховьевъ его, и по всему Синю-морю.

Съ каждымъ мѣсяцемъ Алексѣй дѣлался все угрюмѣе, а на исхудавшемъ лицѣ его все рѣже и рѣже видѣли улыбку.

Нелюдимый и мрачный, онъ совсѣмъ отсталъ отъ компаніи веселыхъ бражниковъ и только тогда одушевлялся, когда шли приготовленія къ полеванію на азовцевъ или крымцевъ.

Съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на Алексѣя дѣдъ Пахомъ и часто, въ поученіе пылкой и увлекающейся молодежи, говорилъ, указывая на него:

— Вотъ до чего бабы доводятъ! Съ ними свяжешься— отъ лиха не отвяжешься. Баба—штука опасная, иной разъ опаснѣе татарина. Не постережешься бабы—въ бѣду попадешь! Не даромъ говорится: идучи на войну—молись, идучи въ море—молись вдвое, а хочешь жениться—молись втрое. Нѣтъ, не въ бабѣ ищи счастья, а въ лихомъ конѣ, надежномъ оружіи и собственной казацкой удали. Помни, что наши прадѣды, первые донскіе казаки, были всѣ холостяки, а жили куда получше нашего!

Но, вѣроятно, другого воззрѣнія о женщинахъ были братья Алексѣя, а быть-можетъ они были озабочены исключительно думами о продолженіи рода Клещовыхъ. Во всякомъ случаѣ, несмотря на свои преклонныя лѣта, они пожелали жениться на Степанидѣ.

Кинули жребій, и Степанида досталась старшему изъ нихъ. Нерадостно было Степанидѣ итти на майданъ со старымъ казакомъ, но дѣлать нечего: перечить волѣ родительской она не смѣла и подумать. На свадебномъ пиру «молодоженъ» разошелся, съ лихостью, не по возрасту, протанцовалъ казачка и торжественно обѣщалъ веселой компаніи черезъ годокъ, не позже, пригласить всѣхъ присутствующихъ на крестины своего наслѣдника. Но прошелъ годъ, минуло еще два года, а обѣщаннаго пиршества такъ и не было.

Возвратимся, однако, къ сторожевымъ казакамъ.

Алексѣй Клещовъ совсѣмъ скрылся съ глазъ пикетовъ и все тѣмъ же тихимъ, осторожнымъ шагомъ подвигался впередъ. Казаки на пикетахъ съ тѣмъ же вниманіемъ всматривались вдаль.

Солнце наполовину уже скрылось за далекимъ горизонтомъ.

Вся степь сверкала яркимъ оранжевымъ отблескомъ.

Вдругъ на головномъ пикетѣ казаки заволновались. Вотъ одинъ изъ нихъ вскочилъ на коня, ударилъ его нагайкою и помчался къ ближайшему посту, неистово размахивая надъ головой своей мохнатой шапкою. Какъ только его замѣтили на посту, въ ту же минуту съ этого поста помчался другой казакъ по направленію къ третьему пикету. Онъ также махалъ шапкою и что-то кричалъ. Не прошло и минуты, какъ съ третьяго пикета сорвался всадникъ и вихремъ мчался къ слѣдующему сторожевому посту. Скоро по всей линіи поднялась скачка: кто скакалъ по направленію къ становищу, а кто къ головному пикету. На курганахъ, поближе къ Дону, поднялись зловѣщіе столбы дыма: то горѣли сигнальные огни—солома на сторожевыхъ вѣхахъ.

Вдали, на самомъ горизонтѣ медленно двигалось легкое, едва замѣтное облачко пыли. То и было причиною тревоги: то двигались ногайцы.

А со стороны Дона мчались безпорядочной толпою донцы.

Подскакавъ къ головному пикету, они круто повернули влѣво. Очевидно, они хотѣли атаковать незваныхъ гостей съ фланга и прижать ихъ къ Дону.

Прошло около часа и уже короткія южныя сумерки смѣнились ночною мглою, какъ въ степи раздалось разноголосное гиканіе донцовъ и дикій вой ногайцевъ. Хозяева степи столкнулись съ пришельцами.

Разыгралась одна изъ тѣхъ кровавыхъ стычекъ, которыя считались въ донской степи столь обычнымъ явленіемъ, что о нихъ лѣтописцы удостоивали упоминать только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Не станемъ и мы описывать кровавую сцену. Скажемъ лишь, что ногайцамъ пришлось плохо. Неожиданно атакованные, они оказали слабое сопротивленіе и, потерявъ много убитыми, обратились въ безпорядочное бѣгство. Казаки ихъ долго не преслѣдовали: ночью-де всѣхъ не переловишь, а неровенъ часъ и въ бѣду влетишь, такъ какъ за одной шайкой ногайцевъ могла слѣдовать и другая.

Раннимъ утромъ вернулись казаки въ Черкасскъ. Они были въ самомъ веселомъ настроеніи. Раненыхъ и убитыхъ у нихъ было немного, а захваченныхъ коней, ясырей и оружія изрядное количество.

Одно только ихъ нѣсколько озабочивало—отсутствіе Клещова. Казаки, однако, были далеки отъ мысли, что съ нимъ случилось что-либо худое. Не таковъ былъ Алексѣй, чтобы дать себя въ обиду.

— Отбился, вѣроятно, въ поискѣ куда-либо въ сторону,—говорили они.—Проблукаетъ и вернется.

На слѣдующій день, когда Алексѣй не вернулся и его не нашли посланные на розыски казаки, станичники саволновались и всей гурьбою двинулись въ степь. Длинной цѣпью прошли они поле вчерашней стычки, но не нашли ни Алексѣя ни его лошади. Долго искали его казаки и только къ ночи возвратились домой.

Имъ было ясно, что надъ Клещовымъ стряслась какая-то бѣда.

Но какова была эта бѣда, они узнали лишь недѣлю спустя, когда въ Черкасскъ явился «прикормленный» Ассанъ.

— Ой, атаманы!—завопилъ онъ, едва вошелъ въ городскія ворота.—Ой, атаманы! Ой-ёй-ёёй!

Ассанку сейчасъ же обступили и тормошили, говоря:

— Да перестань ты выть! Говори толкомъ! Что случилось?

— Ой, случилась бѣда! Ассанъ сейчасъ изъ Азака [1]).

---

[1]) Азова.

Туда семь дней тому назадъ прискакали ногаи, тѣ самые, которыхъ казаки побили.

Нашъ паша ногаямъ большой покровитель. Такъ вотъ прискакали они. Лошади у нихъ чуть живы. И привели они съ собою казака. Разсказывали, что ногайскіе передовые замѣтили его одного въ степи. Они съ лошадей послѣзли да притаились. А какъ подъѣхалъ казакъ близко, они арканъ на него и накинули. Такъ на арканѣ и въ Азакъ привели, а казакъ тотъ—Алешка Клещъ.

Ногаи продали его пашѣ. Тотъ хотѣлъ толмача послать къ вамъ, чтобъ, значитъ, дали откупъ за Алешку. Хотѣлъ паша много денегъ получить за казака. Да на грѣхъ кто-то и шепни пашѣ, что это тотъ самый джигитъ и гулебщикъ— Алешка Клещъ, отъ котораго азовцамъ ни проходу ни проѣзду нѣтъ; сказали также, что онъ подбивалъ казаковъ на Азакъ итти, Азакъ брать и пашу на сухой осинѣ повѣсить. И то бы еще не бѣда! Паша эту обиду стерпѣлъ бы: къ казацкой ласкѣ онъ давно привыкъ.

Да шепнули ему тѣ же блюдолизы, что казакъ этотъ съ турецкой галеры забралъ татарку, которую везли въ гаремъ паши. Ну, тутъ паша не стерпѣлъ, въ великую ярость пришелъ. И велѣлъ онъ Алешку живого горячей смолою вымазать да на высокій шестъ среди бома повѣсить. И виситъ теперь бѣдный казакъ среди Дона. И птица и человѣкъ боятся теперь приблизиться къ тому мѣсту. А паша говоритъ, что теперь и казаки побоятся подойти къ бому.

И Ассанъ опять завопилъ свое «ой-ёёй».

Заволновались казаки. Жажда мести за «подлую» смерть товарища охватила станичниковъ.

— Смерть поганому пашѣ!—кричали они.—Смерть собакѣ! Смерть азовцамъ! Долой ихъ съ Синя-моря! Довольно имъ на нашемъ носу болячкой сидѣть! Смерть имъ всѣмъ! Въ походъ! На Азовъ!

Затѣянное казаками дѣло было нелегкое. Въ Азовѣ былъ сильный турецкій гарнизонъ, имѣлось значительное

число пушекъ, да и сама крѣпость, по условіямъ того времени, считалась одной изъ сильнѣйшихъ. Овладѣть крѣпостью однимъ черкасцамъ, собственными силами, было невозможно. Нужно было заручиться помощью и отъ верховыхъ казачьихъ городковъ и становъ да потратить много времени и трудовъ на снабженіе необходимымъ числомъ струговъ, военнаго припаса и «харча». И черкасцы стали готовиться къ походу.

Тѣмъ временемъ отряды ихъ рыскали подъ самымъ Азовомъ и наносили не малый вредъ туркамъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ во время своего полеванія встрѣтилъ четыре тысячи запорожцевъ. Донцы уговорили ихъ остаться на Дону, обѣщая имъ привольную жизнь, когда будетъ взятъ Азовъ. Запорожцы остались.

Было это въ 1636 году, а ранней весною слѣдующаго года изъ главнаго войска Донского по всѣмъ казачьимъ городкамъ и станамъ полетѣлъ призывъ отъ войскового атамана Осипа Петрова: всѣмъ казакамъ явиться въ Черкасскъ для «войскового дѣла», при чемъ объявлялось, что «нѣтчикамъ», т.-е. неявившимся, суда и расправы не будетъ.

Войсковой кругъ на предложеніе итти на Азовъ и взять его единогласно отвѣтилъ: «Любо!»

Сформировали полки, выбрали походнаго атамана, снарядили струги, привели въ порядокъ четыре маленькія пушки, и 23-го апрѣля двинулись донцы, вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ запорожцами, на Азовъ. Часть войска отправилась сухопутомъ—берегомъ Дона, а часть—на стругахъ.

Турки, сумѣвшіе развѣдать о приготовленіи казацкаго похода, усилили гарнизонъ и поджидали казаковъ.

Началась трудная осада Азова. Видя сравнительную малочисленность казаковъ, турки смѣялись надъ ними съ своихъ высокихъ крѣпостныхъ стѣнъ: «Сколько вамъ подъ городомъ ни стоять, а города не взять. Сколько въ

стѣнѣ каменьевъ, столько головъ вашихъ ляжетъ подъ нимъ!»

Но казаки мало обращали вниманія на эти насмѣшки и упорно вели начатое дѣло.

Они перестрѣливались съ азовцами и, подъ руководствомъ казака изъ нѣмцевъ, Іоганна Арадова, вели подкопъ подъ крѣпостныя стѣны, а шедшихъ на помощь осажденнымъ турокъ и черкесовъ изъ Тамани, Темрюка и Керчи разбили и разсѣяли по степи.

Въ ночь подъ 19-е іюня раздался взрывъ: часть стѣны взлетѣла на воздухъ. Казаки бросились въ проломъ. Рѣзня продолжалась весь день, но къ вечеру казаки были уже хозяевами Азова.

«Ни одного человѣка азовскаго въ степь и на море не упустили,—всѣхъ безъ остатка порубили!» писали государю казаки, донося о взятіи Азова.

Овладѣвъ ключомъ къ Азовскому и Черному морямъ, донцы крѣпко отстаивали его отъ попытокъ турокъ возвратить его изъ казачьихъ рукъ. Они выдержали знаменитое «Азовское сидѣніе», отбивъ огромныя полчища султана, составленныя изъ отборныхъ янычаръ, спаговъ и крымскихъ татаръ, численность которыхъ лѣтописцы, повидимому преувеличивая, опредѣляютъ не менѣе ста тысячъ.

Долго, пока не убѣдились наконецъ, ни въ Москвѣ, ни въ Цареградѣ, ни за границею, никто не хотѣлъ вѣрить слуху о побѣдѣ казаковъ.

Давнишняя мечта казаковъ осуществилась: они были полными хозяевами Азовскаго моря и владѣли выходомъ въ Черное море.

Недолго однако пришлось имъ владѣть Азовомъ. Спустя пять лѣтъ послѣ взятія его казаками и вслѣдъ за столь блистательно отбитой ими осадой, московскій земскій соборъ постановилъ сдать Азовъ туркамъ.

Азовскіе казаки повиновались. Взорвавъ стѣны и зданія, они оставили Азовъ и сѣли на житье на Махинѣ островѣ, что при впаденіи Аксая въ Донъ.

Но слава о донскихъ витязяхъ прошла по всей Россіи и Европѣ.

О погибшихъ въ Азовѣ казакахъ служили въ русскихъ монастыряхъ панихиды и обѣдни, а живымъ участникамъ славнаго дѣла посылали щедрые подарки. Отъ царя казаки получили милостивую грамоту и жалованье.

Исторія занесла на свои страницы казачьи подвиги въ борьбѣ донской вольницы съ турками, татарами и разными кочующими племенами. Но имена героевъ давно забыты, какъ забыты и сами преданія изъ незауряднаго далекаго прошлаго донского края.

Забыта и слава Черкасскаго городка. Стоитъ на его мѣстѣ Старочеркасская станица, или какъ, сокращенно называютъ ее, Старочеркасскъ. Ни жалкіе остатки старины, уцѣлѣвшіе въ немъ, ни внѣшній видъ его, ни сами жители его не дадутъ вамъ даже слабаго представленія о знаменитомъ прошломъ этого гнѣзда донского казачества.

Только о курганахъ, разсѣянныхъ по берегамъ Дона и по всей придонской степи, простолюдинъ, на вопросъ: откуда взялись эти курганы, отвѣтитъ, что подъ ними похоронены *мамаи*,—такъ называются въ простонародьѣ отрываемые въ курганахъ скелеты.

Иной пояснитъ, что подъ курганами погребено много татаръ и турокъ, которыхъ давно, не при нашей памяти, побили донскіе казаки, отстаивая свою вѣру и свою землю.

Насыпаны, взрыты тѣ холмы врагомъ,
Тѣ холмы—то вражьи могилы.
Безъ мѣры и счету здѣсь врагъ схоронилъ
И силы, и крови, и злата,
И длинны ряды этихъ чуждыхъ могилъ,
Кровавая распри уплата!

Скажутъ также, что нѣкоторые изъ этихъ кургановъ насыпаны азіатскими ордами для указанія пути, а нѣкоторые воздвигнуты ими на мѣстахъ остановокъ предводителей этихъ ордъ. При этомъ разсказчикъ добавитъ:

— Вотъ этотъ большой и высокій курганъ насыпали бусурмане для своего старшо́го,—тутъ онъ останавливался не то на дневку, не то на ночевку, когда на Россію шелъ. Каждый изъ нихъ взялъ по горсточкѣ земли и въ одну кучу высыпалъ,—и получился курганъ. А этотъ низкій курганъ они же насыпали для своего старшо́го, когда изъ Россіи вспять шли. Каждый изъ нихъ бралъ по шапкѣ земли и до одного мѣста высыпалъ ее, а курганъ, вишь, вышелъ на половину ниже и менѣе противъ перваго. Вотъ отсюда и понимай, сколько бусурманъ па Россію шло и сколько ихъ назадъ вернулося.

КЛАДЪ МАЗЕПЫ.

I.

Стояла темная ненастная ночь. На черномъ, сплошь затянутомъ тучами небѣ не было видно ни одной звѣздочки. Дождь лилъ безпрерывно, то моросся, какъ сквозь мелкое сито, то вдругъ превращаясь въ бурный ливень.

Деревушка Яновка была погружена въ глубокій сонъ, который, повидимому, не могли потревожить ни гроза ни шумъ дождя. Только на самомъ концѣ ея, тамъ, гдѣ начинался выгонъ, въ окнѣ небольшой, приземистой и одиноко стоящей хаты, ярко пылалъ красноватый огонь. За тонкими облупленными стѣнами ея слышался гулъ нѣсколькихъ мужскихъ голосовъ, смѣхъ и выкрикиванія.

Это было одно изъ частыхъ сборищъ деревенскихъ гультяевъ, которые собирались сюда покутить и покалякать на свободѣ, внѣ зоркихъ взглядовъ своихъ благовѣрныхъ половинъ, маменекъ и бабушекъ.

Хозяинъ хаты, чередникъ (пастухъ) Артемъ, жилъ бобылемъ, несмотря на то, что ему минуло уже двадцать два года — возрастъ, считающійся въ деревнѣ предѣльнымъ для холостяковъ. Причину этого явленія сосѣди его искали во дворѣ старосты Панкрата, у котораго была дочь Ѳеся, славившаяся красотой на всю округу. Панкратъ былъ зажиточный, домовитый крестьянинъ; у Артема же все имущество заключалось въ ветхой избушкѣ, про которую мѣстные остряки говорили, что она небомъ укрыта, вѣтромъ обгорожена.

Никто въ деревнѣ не удивился, когда разнеслась вѣсть, что молодцоватый, бравый чередникъ и красавица Ѳеся любятъ другъ друга и что староста преподнесъ искателю

руки своей дочери здоровенный «гарбузъ». Не дивились также, что Артемъ, прежде тихій и скромный парень, вдругъ сталъ покучивать и водить компанію съ гультяями.

— Крутой, больно крутой нашъ Панкратъ, — не къ добру наши голубки полюбилися, — говорили деревенскія бабы, видя порою, какъ Ѳеся украдкой пробирается на выгонъ.

Однимъ словомъ, старая, избитая, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно юная и столь часто встрѣчающаяся въ жизни трагикомедія, гдѣ героями являются два изводящихъ себя любовью лица, изъ которыхъ одно относится къ породѣ «голодранцевъ», а другое отличается зажиточностью, и родители послѣдняго, которые, обладая непромокаемыми сердцами, обросшими золотымъ мохомъ, крѣпко держатъ въ своихъ деспотическихъ рукахъ бразды родительской власти.

Въ описываемый нами вечеръ въ хатѣ Артема собрались пять человѣкъ: самъ хозяинъ, дѣдъ Евменъ—мѣстный кузнецъ, рябый Омелько — изъ отставныхъ солдатъ и два молодыхъ парня, съ глупо ухмылявшимися, красными и широкими лицами.

На столѣ красовалась большая бутыль съ водкой, кусокъ сала, огурцы и ржаной хлѣбъ. Пиршество хоть куда! Да и какъ не пировать, какъ не вспрыснуть великое торжество, когда до «Пречистой» [1]) осталась еще цѣлая недѣля, а они успѣли уже покончить съ молотьбой. Теперь же, поди, дожди не мало помѣшаютъ тому, кто еще не управился съ хлѣбомъ...

— Ну что жъ, компанія честна́я, можно и выпить? — сказалъ Омелько, взявъ бутыль въ руку. — Давай вамъ Боже усе, шо гоже, а шо не гоже, то не давай Боже. Ловко прошла горілка. Ну, а теперь и повторить!

— Что дѣло, то дѣло, — отозвался дѣдъ Евменъ, потянувшись къ рюмкѣ. — Выпьемъ — на томъ свѣтѣ не дадутъ! Дай Богъ, чтобъ вы были веселы, какъ весна, чтобъ...

---

[1]) Праздникъ Успенія Богородицы.

Евменъ не кончилъ своего тоста. Дверь съ шумомъ распахнулась и въ хату ввалился огромнаго роста мужчина, въ длинномъ сѣромъ кобенякѣ и черной бараньей шапкѣ.

— А, Кузьма! Кузьма! — загалдѣла компанія. — Гдѣ пропадалъ? Мы уже думали, что тебя чертяка на ужинъ схапалъ.

— Ну чертяка, положимъ, не схапалъ, а была со мной штукенція немалая, — говорилъ вошедшій, стаскивая съ себя промокшій насквозь кобенякъ и постукивая по глиняному полу выпачканными по самыя колѣна сапогами. — Фу! Да и набрался же я страха!

— Что, что такое случилось? — обступили его.

— Подождите, дайте духъ перевести.

И Кузьма, грузно опустившись на скамью, обвелъ глазами вокругъ себя. Замѣтивъ на столѣ большую чарку съ водкой, онъ потянулся къ ней и, схвативъ ее дрожащими руками, поднесъ ко рту.

Только послѣ третьей рюмки Кузьма нашелъ, что достаточно перевелъ духъ и, крякнувъ, началъ таинственнымъ полушопотомъ:

— Иду это я мимо огорода кумы Маръы. Темно, хоть глаза выколи, а тутъ еще дождь въ глаза такъ и хлещетъ, льетъ, какъ изъ бочки, — должно-быть на небѣ чопокъ потеряли и нечѣмъ заткнуть. Иду я. Вдругъ за плетнемъ что-то какъ хрустнетъ! Я остановился и вижу: шевелится что-то и смотритъ на меня блестящими, какъ уголь, глазами. Потомъ начало оно къ небу расти; растетъ и растетъ, да опять какъ хрустнетъ. Тутъ ужъ я, не помня себя отъ страха, пустился бѣжать. Бѣгу и слышу, что кто-то гонится за мною, чуть на пятки не наступаетъ. Не знаю, какъ и добѣжалъ я сюда.

— Что же это было такое? — спросилъ Артемъ.

— Что? Дѣло извѣстное,— вѣдьма.

— А по-моему—не что иное, какъ котъ, — авторитетнымъ тономъ выразилъ свое мнѣніе Омелько.

— Ну ужъ вы съ вашей ученостью помолчите, — пере-

билъ его Евменъ. — Коты къ небу расти не могутъ. Конечно, то была вѣдьма и непремѣнно Марѳа. На Илью вотъ умеръ бондарь Тарасъ. Былъ здоровъ, веселъ и вдругъ, ни съ того ни съ сего, заболѣлъ и черезъ день преставился. Только послѣ похоронъ его сыновья-то его на самой межѣ примѣтили куклу: нѣсколько колосьевъ этакъ перевязаны крѣпко-накрѣпко красной ниткою. Наговоръ, значитъ, былъ на бондаря, — оттого онъ и умеръ. Побоялись все-таки сыновья косить рожь и пошли къ ворожеѣ Параскѣ отчитывать наговоръ, а та поглядѣла въ воду и говоритъ, что наговоръ сдѣлала вѣдьма. Стала она описывать лицо вѣдьмы: ни дать ни взять — съ Марѳы портретъ пишетъ.

— Можетъ-быть, Марѳа и вѣдьма, — замѣтилъ Омелько,— а Кузьма все же кота испугался. Да и брехать—не цѣпомъ махать.

— Ну ужъ кому-кому, а тебѣ брехнуть, какъ меду лизнуть, — огрызнулся Кузьма и сердито повернулся къ нему спиною.

— Вѣдьма можетъ и въ кота обращаться, — наставительно сказалъ Евменъ. — Она и собакой, и свиньей, и сорокой, и стѣной, и пряникомъ можетъ также дѣлаться. Всего же хуже, когда въ свинью обращается—ожидай тогда большой бѣды! Да-съ, вѣдьмы и вѣдьмаки бываютъ разные.

Разсказы о сверхъестественныхъ существахъ были конькомъ дѣда Евмена. И теперь, замѣтивъ, что присутствующіе съ любопытствомъ прислушиваются къ его словамъ, онъ самодовольно улыбнулся, какъ бы думая про себя: «Эхъ, вы! Молоды - зелены, поживите съ мое — многое узнаете», откашлялся и продолжалъ:

— Есть и такія вѣдьмы, что давно уже умерли, а души ихъ все еще шатаются на этомъ свѣтѣ и людей добрыхъ пугаютъ. Особенно души проклятыхъ отцомъ или матерью,— тѣ весь горькій вѣкъ свой томятся, пока кто-либо крестнымъ знаменіемъ не сниметъ съ нихъ проклятія. Вотъ, напримѣръ, въ Черниговѣ, въ Мазепиномъ домѣ такая штукенція происходитъ.

Евменъ замолкъ и сосредоточенно набивалъ свою закоптѣлую трубку съ мѣдной крышкой на цѣпочкѣ.

— Дѣдъ, а дѣдъ, разскажи, сдѣлай милость — разскажи! — заговорило нѣсколько голосовъ, и вся компанія потѣснилась поближе къ Евмену.

— Разсказать? Можно. Только чтобы тихо сидѣли! — И, крѣпко затянувшись дымомъ корешковъ, онъ началъ:

— Въ Черниговѣ есть очень древній домъ. Письменные люди говорятъ, въ немъ въ старину помѣщалась войсковая канцелярія. Жили въ немъ также когда-то гетманъ Мазепа и его «хрещеныця» [1]), Кочубеева дочь. Люди говорятъ, что она была Мазепиной полюбовницей. Издавна, съ той поры, какъ гетманъ бѣжалъ куда-то далеко изъ родной земли, домъ этотъ сдѣлался нечистымъ мѣстомъ. Худая слава о немъ пошла по всей Украинѣ. Страшныя дѣла начали въ въ этомъ домѣ твориться. Не разъ слышали люди, какъ кто-то жалобно стонетъ въ подземеліи. Не разъ нечистая сила пугала тамъ прохожихъ, такъ что въ ночное время люди боятся проходить мимо этого проклятаго мѣста. Бываютъ тамъ такія страсти, что не къ ночи бы и поминать...

Вся компанія посунулась поближе къ дѣду. Забыты были на время и чарки съ водкой и аппетитная закуска. Каждый старался не проронить ни одного слова изъ разсказа, который, видимо, сильно заинтересовалъ любопытныхъ слушателей.

А дѣдъ плавнымъ и спокойнымъ голосомъ продолжалъ свое страшное повѣствованіе:

— Ходитъ тамъ проклятая душа и проситъ встрѣчныхъ дать ей своего креста, а другіе разсказывали, что проситъ перекрестить ее крестнымъ знаменіемъ. Если бы кто просьбу ея исполнилъ, то могъ бы завладѣть и Мазепинымъ кладомъ, что зарытъ подъ Мазепинымъ домомъ. Да вотъ до сей поры не нашлось такого смѣльчака, чтобъ на то рѣшился. И проклятая душа все появляется возлѣ дома Мазепы,

---

[1]) Крестная дочь.

иные говорятъ — каждый годъ, а иные — черезъ семь лѣтъ одинъ разъ.

И не одинъ этотъ кладъ зарытъ Мазепой. Въ другомъ мѣстѣ, у Десны же, говорятъ люди, зарыта имъ цѣлая карета съ деньгами. Черезъ каждые три года выходитъ она наверхъ, дѣлается конемъ и бѣгаетъ надъ Десной. Слышалъ я также, что и въ другихъ мѣстахъ зарыто Мазепой не мало добра. Нечистая сила сторожитъ эти клады. Ну, а съ чертяками не всякъ сумѣетъ совладать. Потому тѣ клады понынѣ въ землѣ и лежатъ.

Много народу напугала нечистая сила, что при кладахъ тѣхъ находится...

И Евменъ подробно разсказывалъ о фантастическихъ приключеніяхъ, о которыхъ ему когда-либо приходилось слышать отъ своихъ земляковъ.

II.

Далеко за полночь въ хатѣ Артема слышались пѣсни и смѣхъ захмелѣвшихъ гулякъ и лишь съ наступленіемъ зари веселая компанія разбрелась по домамъ.

Въ настежь открытыя окна Артемовой хаты доносилось мычаніе коровъ, блеяніе овецъ, крикъ гусей и женскіе голоса. Деревня просыпалась.

Опершись рукой на столъ, который носилъ еще на себѣ слѣды ночной пирушки: осколки разбитой бутыли, хлѣбныя крохи и разсыпанный табакъ, задумчивъ и грустенъ сидѣлъ Артемъ.

Разсказъ дѣда Евмена о домѣ Мазепы съ необыкновенной ясностью проносился въ его памяти, а мозгъ жгли разнородныя мысли и мечты. Уставившись въ одну точку неподвижнымъ взоромъ, онъ думалъ крѣпкую думу.

— Дядько Артемъ! Что жъ череду [1]) не гонишь? —

---

[1]) Стадо.

вдругъ подъ самымъ окномъ хаты раздался писклывый женскій голосъ.

Артемъ вздрогнулъ, тупымъ взглядомъ окинулъ высунувшееся въ окно краснощекое лицо молодицы и, тряхнувъ головой, словно желая освободиться отъ наплыва тяжелыхъ думъ, вскочилъ изъ-за стола и быстро зашагалъ изъ хаты.

На улицѣ было большое движеніе. Бабы гнали на пастбище коровъ.

Подпасокъ, мальчикъ лѣтъ десяти, уже щелкалъ батогомъ и покрикивалъ на телятъ, которые разбрелись по закоулкамъ.

Длинной вереницей прошло стадо за околицу и торопливыми шагами направлялось къ рѣкѣ, за которою зеленѣли низкое, топкое пастбище и густой лѣсъ.

Востокъ все сильнѣе разгорался. Блестки кроваваго золота прыгали по влажной отъ росы травѣ. Розовый паръ поднимался надъ рѣкою и дрожалъ подъ напоромъ свѣжаго утренняго вѣтерка. Надъ скошенными полями слышалось пѣніе жаворонковъ и стрекотаніе кузнечиковъ. Въ болотныхъ заросляхъ безъ умолку трещалъ деркачъ (коростель).

Угрюмый и чѣмъ-то озабоченный, сидѣлъ Артемъ подъ раскидистымъ дубомъ. Недалеко отъ него на свѣже-вспаханной полосѣ земли подпрыгивали бочкомъ вороны, высматривая червяковъ. Артемъ слѣдилъ за ихъ движеніями, но мысли его были очень далеко и отъ этихъ суетящихся птицъ и отъ стада, которое разбрелось по всему лугу. Онъ не замѣчалъ, что подпасокъ куда-то скрылся, вѣроятно въ лѣсъ за грибами, и что нѣсколько коровъ забралось на сосѣдній огородъ.

— Да,—едва слышно шептали губы Артема,—только перекрестить ее, и я богатъ. Богатъ! Шутка ли сказать, всѣ гетманскіе клады, червонцы, серебро, камни самоцвѣтные—все будетъ мое! И Ѳеся будетъ моя. О, староста Панкратъ запоетъ тогда совсѣмъ другую пѣсню, заискивать будетъ передъ мною... Гм... А если это неправда, если это такъ себѣ люди брешутъ? Нѣтъ, нѣтъ, дѣдъ Евменъ врать

не станетъ; человѣкъ онъ старый и до всего дошлый,—если сказалъ, то, значитъ, оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ... Перекрестить, только перекрестить!

И Артемъ еще глубже погрузился въ свои мечтанія. Такъ прошло около часа, и долго еще просидѣлъ бы Артемъ, не видя и не чувствуя, что вокругъ него происходитъ, если бы позади его, за самой спиной, не затрещалъ громко валежникъ. Артемъ встрепенулся и быстрымъ движеніемъ оглянулся назадъ.

Передъ нимъ стояла молодая, бѣлолицая, съ румянцемъ черезъ всю щеку и съ черными лучистыми глазами дѣвушка. На ней была бѣлая, съ красными кумачевыми надставками на плечахъ рубаха, расшитая цвѣтами запаска и пестрая клѣтчатая плахта. Мелкія, правильныя черты лица дѣвушки, ея стройный, гибкій станъ и вся фигура, пышущая здоровьемъ и силой, дѣлали ее положительно красавицей.

— Ѳеся! — вскричалъ Артемъ и въ одинъ мигъ вскочилъ на ноги.

— Здравствуй, милая моя, сердце мое, — шепталъ онъ, прижимая къ своей груди трепещущую и боязливо озирающуюся кругомъ красавицу.

— Здравствуй, желанный ты мой, — тихо отвѣчала она, стараясь освободиться изъ крѣпкихъ объятій. — Постой, насъ могутъ здѣсь увидѣть.

— Да, да, ты правду говоришь.

И взявъ дѣвушку за руку, Артемъ направился къ стоящему вблизи кусту терновника, густо разросшагося между деревьями.

— Здѣсь, голубонька моя, мы можемъ потолковать, не боясь любопытныхъ глазъ, — говорилъ Артемъ, усаживая Ѳесю рядомъ съ собою, на длинную шелковистую траву.

— Ну, что новаго, моя ненаглядная? — продолжалъ онъ, всматриваясь въ нее пристальнымъ и восторженнымъ взглядомъ.

— Охъ, плохія, очень плохія новости принесла я тебѣ. До отца дошли слухи, что видимся мы здѣсь. Не знаю, кто

донесъ ему, но онъ подробно знаетъ о нашихъ свиданіяхъ. Вчера вечеромъ больно лютъ возвратился онъ домой, а что потомъ было — страшно вспомнить! Мать исколотилъ, меня за косу оттаскалъ и всѣ горшки перебилъ, швыряясь по насъ. Хорошо еще, что успѣли мы скоро изъ хаты выскочить, а то убилъ бы на-смерть. Потомъ, когда опомнился немного, ругаться сталъ да стращать. «Если, — говоритъ онъ мнѣ, — дознаю, что ты еще разъ повидаешься съ этимъ проклятымъ голышомъ, то задушу тебя собственными руками». Наругавшись вдоволь, въ шинокъ онъ ходилъ, — и теперь еще спитъ на сѣнѣ. Мать тоже и ругала, и поносила, и кляла меня. Эхъ, милый, желанный ты мой, не судьба, значитъ, намъ не только къ вѣнцу итти, но и видаться!

Громкія рыданія вдругъ вырвались изъ груди ея и, обливаясь слезами, она припала къ плечу Артема, вся вздрагивая и шепча безсвязныя слова.

— Не видаться? Намъ?! — вскричалъ Артемъ. — Нѣтъ, этому не бывать. Мы не только будемъ видѣть другъ друга, но и къ вѣнцу пойдемъ.

Ѳеся быстро приподняла голову и съ удивленіемъ вскинула на него свои лучистые глаза, которые отъ слезъ казались еще глубже и красивѣе.

— Къ вѣнцу? — протянула она.

— Да, къ вѣнцу. Не далѣе, какъ черезъ недѣлю я буду богатъ, такъ богатъ, что буду въ состояніи купить всю нашу деревню, съ землей, хатами, ливадами, скотомъ, со всѣмъ добромъ, какое только имѣется здѣсь.

Недоумѣніе, смѣшанное съ испугомъ, выразилось въ глазахъ Ѳеси. Она совершенно растерялась и не знала, что и думать о такихъ рѣчахъ своего возлюбленнаго.

— Да, я сдѣлаюсь богачомъ и ты станешь тогда моей женой. Не воровствомъ или грабежомъ добуду я себѣ богатство, а кладъ возьму, снявши съ него заклятіе. Слушай же, въ чемъ дѣло...

— Ау! — вдругъ раздался въ лѣсу чей-то голосъ.—Ау! Артемъ!

— Батюшки мои! Кто-то идетъ сюда, — шепнула Ѳеся и моментально вскочила на ноги. — Прощай, родной мой.

И боязливо озираясь кругомъ, она побѣжала вдоль лѣсной опушки.

— Помни же, что я говорилъ тебѣ, — кричалъ ей вслѣдъ Артемъ. — На Пречистую увидимся у твоего батьки, тогда все подробно узнаешь.

Ѳеся уже скрылась за кустами терновника.

— Ау! Арте-емъ! — снова послышался голосъ въ лѣсу, но уже совсѣмъ близко.

— Здѣсь я! — сердито отозвался пастухъ. — Какого чорта нужно тебѣ?

Минуту спустя на опушкѣ лѣса показалась широкоплечая фигура мужика, въ красной рубахѣ и широченныхъ синихъ шароварахъ, на которыхъ пестрѣли разноцвѣтныя заплаты.

— Дядько Артемъ, — заговорилъ мужикъ, — ты чего же глядишь? Коровы-то твои на бахчу ко мнѣ затесались, шкоду надѣлали.

— А чтобъ тѣхъ коровъ да и тебя самого насквозь прошло! Стоило ли изъ того глотку надрывать?

— Какъ не стоило? — вскипятился мужикъ. — Шкоду, говорю, надѣлали. Тебѣ, чай, общество деньги платитъ не за то, чтобы байбакомъ въ лѣсу лежать?

— Что мнѣ общество? — презрительно пожалъ плечами Артемъ. — Наплевать мнѣ и на общество, и на жалованье, что даетъ оно мнѣ, и на коровъ, и на тебя съ бахчей твоей.

И энергично сплюнувъ, Артемъ зашагалъ по направленію къ деревнѣ.

— Ахъ, ты голова пропащая! — кричалъ ему вслѣдъ мужикъ. — Налижется спозаранку зелья проклятаго и чудитъ. Посмотримъ, какъ будешь храбриться, когда вотъ старшинѣ заявлю о потравѣ.

III.

Отъ деревни Яновки до Чернигова считаютъ верстъ двѣнадцать, да и тѣ, какъ говорится, мѣрила баба клюкою да махнула рукою. Дѣло, собственно, не въ разстояніи: будь даже сто верстъ и болѣе, это обстоятельство не удержало бы Артема привести въ исполненіе свой многообѣщающій планъ.

Заставъ дядю Евмена въ кабакѣ, гдѣ тотъ опохмелялся послѣ ночной пирушки, Артемъ подсѣлъ къ нему. Спустя нѣкоторое время къ нимъ подсѣлъ псаломщикъ Евграфъ, тщедушный человѣчекъ лѣтъ за сорокъ.

— И что тебѣ приспичило съ кладами? — говорилъ Евменъ, обращаясь къ Артему. — Прицѣпился, какъ баба къ пряникамъ, разскажи да разскажи. Любопытно, говоришь? Ну, да ладно, — слушай! Видѣлъ ты бугры по холопковскому шляху, около Довбилина? Да? Въ этихъ буграхъ похоронено много людей, которыхъ побилъ въ давнія времена какой-то разстрига, который за царя себя выдавалъ.

— Гришка Отрепьевъ, — подсказалъ Евграфъ.

— Можетъ-быть и онъ. Такъ вотъ, когда этотъ разстрига шелъ изъ Путивля, то только и спасенья было людямъ, что на шпиляхъ [1]) близъ Ховзовки, — въ Глуховскомъ это уѣздѣ. Особенно скрытно было на одномъ шпилѣ. Въ немъ былъ устроенъ большой подвалъ. Люди говорятъ, что и теперь еще видны развалины этого подвала. Въ немъ прятались люди. И казны, говорятъ, въ немъ не мало запрятано, да нельзя ее взять: заложена она на голову. Нашелся было одинъ дьякъ, который захотѣлъ попробовать своего счастья. Да не выгорѣло у него. Всякое дѣло нужно дѣлать умѣючи, а ужъ такое, за какое онъ взялся, нужно было обмозговать да обмозговать, а не соваться, какъ свинья въ подворотню.

---

[1]) Возвышенностяхъ.

Кладъ показывался разъ въ году подъ Великъ день [1]). Дьякъ договорилъ на свое мѣсто грамотнаго человѣка, чтобы за него въ церкви читать, а самъ отправился на тотъ шпиль. Какъ только заблаговѣстили къ заутренѣ, всѣ двери подвала сразу открылись. А дверей было много-много.

Дьякъ туда. Не успѣлъ еще добѣжать до послѣднихъ дверей, какъ видитъ: золота, серебра, дорогихъ камней— сила! А возлѣ той кучи добра сидятъ чертяки, двѣнадцать штукъ, и всѣ прикованы на цѣпяхъ.

«Давай голову!» закричали они.

Дьякъ испугался да бѣжать. И слышитъ онъ, какъ позади его двери одна за другой со свистомъ и трескомъ закрываются. Дьякъ еще шибче припустилъ. Вотъ за самой уже его спиною дверь захлопнулась. А впереди еще двери. Бѣда! Прыгнулъ тутъ дьякъ, что было мочи. Не успѣлъ совсѣмъ изъ подвала онъ выскочить, какъ послѣдняя дверь оторвала ему полу отъ кафтана. Чуть живой добѣжалъ дьякъ домой, позвалъ къ себѣ священника, во всемъ покаялся ему на исповѣди да въ тотъ же день и душу Богу отдалъ. Такъ-то на себя понадѣялся! А вотъ если бы дьякъ со старыми людьми посовѣтовался да взялъ хоть куриную головку, кладъ былъ бы въ его рукахъ и самъ бы бѣдняга не пропалъ.

— Вѣстимое дѣло, — сказалъ Евграфъ. — Не возносися о своей премудрости. Всякое дѣло нужно дѣлать съ толкомъ.

— Да, нужно съ толкомъ, — сказалъ какъ-то внушительно Артемъ.

Стараясь не возбудить подозрѣній своихъ собесѣдниковъ, между разныхъ разсказовъ о кладахъ и разныхъ сверхъестественныхъ существахъ, онъ выпытывалъ то, что особенно его интересовало для выполненія задуманнаго плана. Такъ, онъ узналъ, что вѣдьмы креста не страшатся, а боятся ярчука, т.-е. новорожденнаго щенка; что нападеніе

---

[1]) Свѣтлое Христово Воскресеніе.

вѣдьмы можно отбить лишь коломъ изъ своего плетня; что вѣдьма не испугаетъ того, кто первый или послѣднiй родился въ семьѣ, и что вѣдьму-Мазепиху можно видѣть только въ ночь подъ Пречистую.

Всѣ эти свѣдѣнiя были на-руку Артему: у родителей его, кромѣ него самого, дѣтей никогда не было, а ярчука и колъ можно достать.

Послѣ свиданiя съ дѣдомъ Артемъ сдѣлался еще болѣе мраченъ и ходилъ, какъ говорится, самъ не свой. Задуманное имъ дѣло и страшило его и вмѣстѣ съ тѣмъ манило къ себѣ. Обдумывая рискованность предпрiятiя, онъ то отказывался отъ своего замысла, то вдругъ съ отчаянной рѣшимостью хватался за него. Душевная борьба не прошла безслѣдно для Артема. Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ своей хатѣ, никого къ себѣ не впуская, или блуждалъ по лѣсу, ища одиночества, и все это время пилъ безпрерывно, отдавъ кабатчику въ закладъ все, что только можно было заложить. Онъ весь осунулся и страшно похудѣлъ.

Всѣ махнули на него рукой, говоря: «Совсѣмъ закружился парень». Мѣсто чередника было замѣщено Омелькою.

Наступилъ канунъ Успенiя Богородицы. Еще солнце не скрылось за горизонтомъ, какъ Артемъ, никому ни слова не говоря, вышелъ изъ деревни и быстрыми шагами направился по дорогѣ. Въ одной рукѣ его была огромная кривая дубина, а въ другой — узелокъ, изъ котораго торчали большая бутылка съ водкою, кусокъ хлѣба и подслѣповатая мордочка сѣраго щенка.

Онъ шелъ, не оглядываясь. По сосредоточенно серьезному лицу его порой пробѣгала странная улыбка. Нѣсколько разъ, прiостановившись на минуту, онъ прикладывался къ бутылкѣ и снова шагалъ скорыми и увѣренными шагами.

Наступила ночь. По небу, словно огромные, фантастическiе корабли, неслись темныя тучи, изъ-за которыхъ по временамъ выглядывала луна и обливала окрестности своимъ блѣднымъ свѣтомъ.

Вдали, на горѣ заблестѣли огни, — это Черниговъ.

Прошло еще съ полчаса, и Артемъ входилъ уже въ городъ.

Гдѣ находился домъ Мазепы, онъ зналъ лишь приблизительно, по разсказамъ дѣда Евмена. Но встрѣтившійся ему на улицѣ какой-то мастеровой, къ которому Артемъ обратился съ разспросами, указалъ ему дорогу.

Пройдя базарную площадь, улицу, залитую огнями, и мимо собора, блистающаго золочеными куполами, Артемъ подошелъ къ широкому и высокому валу. Пройдя по немъ, онъ спустился по ветхой лѣсенкѣ и очутился на крутоярѣ, который тянулся далѣе, теряясь въ ночной мглѣ. Онъ оглядѣлся кругомъ. Налѣво отъ него бѣлѣлъ довольно высокій, весь украшенный колонками и карнизами, домъ. На бѣломъ фасадѣ, словно черные глаза чудовища, глядѣли на него семь оконъ, изъ которыхъ четыре, продолговатыя, находились въ нижнемъ этажѣ, а остальныя три, почти квадратной формы, были расположены въ два ряда въ верхнемъ этажѣ, находящемся подъ самой крышею. Черезъ низенькій деревянный заборъ виднѣлась боковая стѣна, гдѣ нѣсколько оконъ были размѣщены въ два ряда, изъ которыхъ нижній приходился въ уровень съ землею. Ко всѣмъ окнамъ были прикрѣплены желѣзныя рѣшетки.

Чѣмъ-то мрачнымъ, холоднымъ и таинственнымъ вѣяло отъ этого памятника старины.

Позади дома шумѣли деревья большого сада.

— Это и есть Мазепинъ домъ! — сказалъ про себя Артемъ и глядѣлъ на него не то съ суевѣрнымъ страхомъ, не то съ какимъ-то благоговѣніемъ.

Долго смотрѣлъ Артемъ и на бѣлыя стѣны и на черныя окна и затѣмъ перевелъ глаза направо отъ себя. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него виднѣлся обрывъ, а вдали подъ нимъ блестѣла извилистая полоса рѣки Десны. На пароходной пристани свѣтились огни.

Окинувъ все это внимательнымъ и пристальнымъ взглядомъ, Артемъ подошелъ къ самому обрыву и, свѣсивъ ноги, усѣлся на краю его.

Внизу, подъ кручей, онъ увидѣлъ рядъ маленькихъ домишекъ и сараевъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ крыши соприкасались съ крутымъ скатомъ горы.

Въ это время луна подернулась набѣжавшей тучей и ночной мракъ окуталъ окрестности. Поблизости не было ни одного фонаря, и только подъ горою виднѣлись въ окнахъ огни.

Артемъ ощупалъ свой узелокъ, вытащилъ оттуда бутылку, сдѣлалъ изъ нея изрядный глотокъ и снова началъ озираться кругомъ.

«Вотъ это валъ, — думалъ онъ, глядя на чернѣвшую сбоку громаду, — на немъ, говоритъ дѣдъ Евменъ, въ старину казаки отражали набѣги татаръ и разныхъ нехристей Много здѣсь легло чубатыхъ головъ. И Мазепа былъ парень не промахъ, — устроилъ себѣ домъ подъ самой крѣпостью: все, молъ, надежнѣе и спокойнѣе будетъ! Ахъ, Мазепа, Мазепа, много ты бѣды натворилъ! Вотъ къ примѣру: Кочубеева дочь, — душа-то несчастной и понынѣ томится».

И въ головѣ Артема съ необыкновенной ясностью и картинностью пронеслись всѣ подробности разсказаннаго дѣдомъ народнаго повѣрія.

«Но почему она такъ долго томится? — поднималась тревожная мысль. — И дѣды наши не помнятъ, когда она жила, а душа несчастной все еще продолжаетъ просить, чтобы сняли съ нея материнское проклятіе. Вѣдь только и нужно перекрестить ее, — трудъ небольшой да къ тому же, если кто не захотѣлъ бы сдѣлать этого изъ жалости, то пошелъ бы на то изъ корысти».

«Вотъ какъ, напримѣръ, я!» подсказывалъ ему внутренній голосъ.

«Почему, почему же это такъ? — продолжалъ онъ думать. — Быть-можетъ нехватало у людей смѣлости или уже такъ страшно?.. Да, вѣроятно, очень страшно!»

Артемъ боязливо оглянулся назадъ. Мазепинъ домъ глядѣлъ на него семью черными глазами. Артемъ поспѣшно отвернулся и снова потянулся къ бутылкѣ.

— Эхъ, что и говорить! — громко сказалъ онъ, какъ бы желая этимъ подбодрить себя. — Страшно, очень страшно, но не дастъ Богъ смерти, не возьмутъ и черти. Да и чего мнѣ здѣсь бояться? Не удастся въ эту ночь мое дѣло, такъ, вѣдь, все равно одна будетъ мнѣ дорога — головой въ омутъ. Безъ Ѳеси мнѣ не жить. Зато если удастся, если все, что лежитъ тамъ, въ подвалахъ, будетъ мое. О, тогда...

У Артема даже духъ перехватило при мысли, что̀ будетъ тогда. Картины совмѣстной жизни съ Ѳесей, жизни безконечно счастливой, промелькнула въ его воображенiи. Ѳеся, богатство, покой и почетъ!

Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ ужасы, о которыхъ онъ слышалъ отъ дѣда Евмена, упорно вставали въ его памяти. Онъ силился бороться съ леденящимъ страхомъ, который охватывалъ все его существо, и чувствовалъ, что не въ силахъ побороть его.

Большихъ усилiй стоило ему преодолѣть желанiе бросить свою затѣю и бѣжать подалѣе отъ этого проклятаго мѣста.

Такъ прошло не мало времени. Жутко и томительно было на душѣ у Артема. Ожиданiе страшныхъ и сверхъестественныхъ вещей довело нервы Артема до крайняго напряженiя.

Быстрымъ движенiемъ онъ схватилъ бутыль, жадно припалъ къ ея горлышку губами и только тогда оставилъ ее, когда почувствовалъ, что она совершенно пуста. Швырнувъ ее подъ обрывъ, онъ ощупалъ рукой узелокъ, гдѣ въ одиночествѣ дремалъ щенокъ. Онъ подсунулъ его поближе къ себѣ, а дубину воткнулъ въ землю между колѣнъ.

Исполнивъ все это, онъ какъ-то загадочно крякнулъ, словно хотѣлъ сказать: «А ну-ка, теперь выходи!»

Но никто не показывался. Вокругъ была тишина. Городского шума, едва достигавшаго до того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, уже совсѣмъ не было слышно. Людскiе голоса подъ обрывомъ утихли. Погасли и огни въ избушкахъ. Только вдали, на пароходной пристани, сквозь поднявшiйся

туманъ виднѣлась красная точка. Окутанные ночною мглою, спали окрестности и окраина города. Гдѣ-то вдалекѣ торжественно прозвучалъ колоколъ и замеръ въ безконечномъ мракѣ.

По временамъ со стороны займища, что за Десною, доносился крикъ какой-то птицы.

Несмотря на собственныя подбадриванія, Артемъ чувствовалъ себя далеко неспокойно. Къ тому же, отъ волненій ли или отъ огромнаго количества выпитой водки, мысли его начинали путаться. Онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ какое-то особенно сильное напряженіе и мучительную головную боль.

Свѣжій вѣтерокъ подулъ отъ рѣки. Въ это время небольшой дискъ луны внезапно показался изъ-за черной тучи и облилъ своимъ блѣднымъ, фантастическимъ свѣтомъ печальную панораму мѣстности.

Стиснувъ голову руками, блуждающими, воспаленными глазами глядѣлъ Артемъ на домъ Мазепы.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и едва удержался, чтобы не упасть съ обрыва. Что-то бѣлое показалось въ одномъ изъ подвальныхъ оконъ дома. Это что-то, колеблясь и дрожа, какъ бы отъ дуновенія вѣтра, стало быстро расти и, отдѣлившись отъ окна, медленно и плавно направилось къ нему.

Первая мысль, которая промелькнула въ головѣ Артема, была: бѣжать, бѣжать, какъ можно скорѣе.

Но ноги не слушались его и оставались на мѣстѣ, словно вкопанныя.

Артемъ съ ужасомъ глядѣлъ на приближающуюся къ нему фигуру и чувствовалъ, что мурашки забѣгали у него по спинѣ, волоса зашевелились на головѣ, а руки затряслись точно въ лихорадкѣ.

Еще нѣсколько мгновеній, и фигура была уже не болѣе, какъ шагахъ въ трехъ отъ него.

При невѣрномъ лунномъ свѣтѣ онъ разглядѣлъ, что передъ нимъ высокая, стройная дѣвушка, вся въ бѣломъ,

съ длинными черными косами, которыя, какъ змѣи, охватывали ея пышныя плечи и грудь. Точно звѣзды, горѣли самоцвѣтные камни на красивой шеѣ и тонкихъ, какъ бы выточенныхъ, рукахъ ея. Блѣдное, почти прозрачное лицо красавицы носило слѣды страданія и затаеннаго горя.

Съ невыразимой тоской глядѣла на Артема пара темныхъ и глубокихъ, какъ морское дно, глазъ. Чудные были эти глаза! Неотразимой силой влекли они къ себѣ, ласкали и обжигали какимъ-то необыкновеннымъ, въ душу проникающимъ огнемъ.

Артемъ смотрѣлъ на эти глаза и не въ силахъ былъ оторвать отъ нихъ своего взора.

— Козаче, милый козаче!—донеслись до него слова, тихія, какъ шелестъ ковыль-травы. — Козаче, не бойся меня! Не бояться, а жалѣть меня нужно.

Голосъ дѣвушки дрогнулъ и на длинныхъ рѣсницахъ ея блеснули слезы.

— Ты знаешь меня?—продолжала она.—Молчишь? Слышалъ ли ты когда-нибудь о дочери Кочубея, о той самой несчастной, что всю душу, жизнь свою отдала старому гетману? Она не побоялась ни стыда, ни людского осужденія, ни проклятія матери и ушла къ гетману. Но недолго свѣтило ей ясное солнышко—скоро оно закатилось. Тамъ, въ далекой чужой сторонѣ, лежатъ останки ея возлюбленнаго. Ихъ покой не потревожатъ ни судъ людей ни ихъ хула. Давно ужъ мятежная душа стараго гетмана покинула землю. Но душа несчастной дѣвушки, любившей его больше жизни, до сихъ поръ проводитъ время въ скитаніяхъ, на которыя обрекло ее проклятіе матери. Въ лѣсахъ, среди болотъ и трясинъ, бродитъ душа и каждую ночь прилетаетъ сюда, чтобы стеречь гетманскіе клады, зарытые тутъ въ землѣ. Не день, не два, а сотни лѣтъ томится и напрасно умоляетъ она, чтобы кто-либо осѣнилъ ее православнымъ крестнымъ знаменіемъ. Эта проклятая душа—я!

И упавъ на колѣна, съ неописуемой мольбою и тоскою въ чудныхъ глазахъ, она простерла къ Артему свои бѣлыя руки.

— Козаче, милый козаче!—шептали ея дрожащія губы.—Перекрести меня! Проклятіе матери снимется тогда съ меня, а измученная и истомившаяся душа наконецъ найдетъ покой, котораго такъ долго ищетъ она. Вѣдь только въ эту великую ночь я могу быть освобождена отъ тяжкаго наказанія. Пройдетъ ночь, и снова потянутся мои муки... Пожалѣй меня, козаченько, смилуйся, сжалься надъ мною! Тамъ, высоко на небѣ, я буду просить Всевышняго, чтобы все, что только я сдѣлала въ жизни добраго и хорошаго, было зачтено не мнѣ, а тебѣ. Всѣ же скрытые здѣсь клады: золото, серебро, камни самоцвѣтные—все это будетъ твое, какъ только снимется съ меня проклятіе. Пожалѣй же меня, козаче! Если у тебя есть хоть капля состраданія, освободи меня отъ горькой, тяжкой доли!

И она, рыдая, упала къ его ногамъ.

Съ страшнымъ напряженіемъ поднялъ Артемъ руку и хотѣлъ сотворить надъ несчастной крестное знаменіе, но рука такъ и остановилась въ воздухѣ, точно окаменѣлая: изъ всѣхъ оконъ Мазепина дома прыгали на землю какія-то черныя, мохнатыя чудовища и глядѣли на Артема огненными, зловѣщими глазами. Холодный потъ выступилъ на лбу его, а зубы забили барабанную дробь.

— Перекрести, перекрести!—твердила распростертая у ногъ его дѣвушка.

Въ это время гдѣ-то далеко на задворкахъ запѣлъ пѣтухъ.

Какъ отъ электрическаго удара, дрогнула красавица и моментально вскочила на ноги. Лицо ея стало еще блѣднѣе и прозрачнѣе. Словно дымкою заволоклись ея чарующіе глаза, и взглядъ ихъ, полный грусти и невыразимаго горя, мелькнулъ, какъ отблескъ зарницы, по лицу Артема и вдругъ потухъ.

Вся орава черныхъ чудовищъ бросилась къ ней и, схвативъ за руки, съ страшной силою подняла ее на воздухъ.

Бѣлое, точно паръ, облачко пронеслось надъ самой головой Артема и устремилось къ займищу.

— Креста, креста!—донесся до души его далекій отчаянный крикъ.

Артемъ зашатался и, какъ снопъ, рухнулъ подъ обрывъ.

IV.

Когда съ наступленіемъ утра во дворѣ, что подъ самою кручею, нашли безчувственное тѣло Артема, вся окраина города переполошилась и сбѣжалась туда поглазѣть и посудачить. Нашлись благоразумные, которые стали поливать водою голову этому неизвѣстно откуда и какъ попавшему человѣку.

Артемъ открылъ глаза и мутнымъ, тупымъ взглядомъ окинулъ окружающихъ.

Приступили къ нему съ разспросами, но не могли ничего добиться отъ него,—губы его произносили безсвязныя слова и непонятные звуки.

Между вновь прибывшими зѣваками оказался одинъ кузнецъ, который, какъ односельчанинъ Артема, узналъ его.

— Перепилъ, должно-быть, бѣдняга,—говорилъ онъ, глядя на Артема.—Что жъ, видно будетъ нужно доставить его въ деревню,—не пропадать же ему тутъ!

И кузнецъ отправился подряжать подводу.

Артемъ былъ доставленъ въ Яновку. Онъ все еще находился въ безпамятствѣ и бредилъ разную околесину.

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Въ деревнѣ нашлась одна сердобольная баба, которая переселилась въ хату Артема и ухаживала за нимъ, какъ самая любящая мать.

Вѣсть о болѣзни Артема быстро разнеслась по всей деревнѣ и послужила предметомъ различныхъ толковъ. Одни говорили, что лихая болѣзнь приключилась отъ «сглаза», другіе находили, что онъ заболѣлъ отъ перепоя, а иные утверждали, что онъ страдаетъ отъ «внутренней сибирки».

Поили Артема разными травами, отчитывали у знахарки Параски, лили воскъ на воду, обкуривали больного и что только не дѣлали, а Артему становилось все хуже и хуже.

Узналъ объ опасномъ состоянiи бывшаго чередника и староста Панкратъ. Онъ зашелъ въ хату Артема и долгимъ, задумчивымъ взглядомъ смотрѣлъ на больного, который бился въ горячкѣ на деревянныхъ нарахъ.

— Милая моя, сердце мое!—шептали побѣлѣвшiя губы больного.—Все сдѣлаю для тебя. Гдѣ ты? Отдайте ее мнѣ... Пустите меня... Пустите!

Серьезный и чѣмъ-то озабоченный вернулся староста домой. Выславъ на дворъ Ѳесю, онъ долго держалъ съ женою совѣтъ.

— Ѳеся!—спустя нѣкоторое время крикнулъ онъ въ окно.

— Ну, дочка!—съ торжественностью, вполнѣ приличествующей герою мелодрамы, провозгласилъ онъ, когда Ѳеся вошла въ горницу,—молись! Видно Богъ такъ судилъ,—я и мать благословляемъ тебя, отдаемъ Артему. Выздоровѣетъ онъ, пусть беретъ тебя,—перечить мы не станемъ.

Со слезами радости бросилась Ѳеся къ ногамъ родителей и шептала слова благодарности.

Прошла недѣля. Артему какъ-будто полегчало; по крайней мѣрѣ, онъ сталъ временами приходить въ себя и началъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

Рано утромъ, когда яркiй снопъ солнечныхъ лучей ворвался въ окно Артемовой хаты и облилъ своимъ золотистымъ свѣтомъ мертвенно-блѣдное, изможденное лицо больного, на порогѣ хаты появилась осанистая фигура старосты.

Въ движенiяхъ его и въ голосѣ, которымъ онъ заговорилъ, было замѣтно что-то торжественное.

— Зравствуй, Артемъ!—началъ онъ.—Какъ здоровье?

Артемъ молчалъ.

— Да ты не гнѣвайся на меня. Не съ худомъ я пришелъ,

а съ доброй вѣсточкою. Вижу, что сильно любишь ты мою дочку. Ну что жъ, любишь, такъ и бери ее. Я благословляю.

Артемъ продолжалъ упорно молчать.

— Аль не вѣришь мнѣ? Вотъ тебѣ крестъ, что правду говорю. Да что же ты молчишь? Или не радъ ты моей дочкѣ?

— Да, былъ радъ,—надтреснувшимъ голосомъ вдругъ вскричалъ больной,—но не теперь, не теперь!

Если бы потолокъ обрушился на голову старосты, то, пожалуй, не болѣе ошеломилъ бы его, чѣмъ эти неожиданныя слова Артема.

— Какъ! Что?—запинаясь говорилъ Панкратъ.—Но ты вѣдь любишь Ѳесю?

— Люблю, но мнѣ жаль ту, другую. Такъ жаль, что все сердце о ней, несчастной, изболѣлось. Только и думки, что о ней!

И привставъ на локтѣ, онъ заговорилъ таинственнымъ шопотомъ:

— О, если бы ты видѣлъ когда-нибудь ту, не удивился бы моимъ словамъ, понялъ бы меня. О, какъ она хороша, какъ хороша она! А глаза! Съ такими очами безъ свѣта ясно, безъ огня тепло. И какая она несчастная, какъ жалко ее, бѣдную. Жалко, больно жалко ее!

Голосъ Артема окрѣпъ и зазвучалъ громкими, рѣзкими нотками.

— Но я найду ее, найду, во что бы то ни стало! За одинъ ласковый взглядъ ея можно жизнь, душу отдать… Если бы ты только зналъ, чтó въ моемъ сердце дѣлается: дотронешься—загоришься! Охъ, жжетъ мнѣ и грудь и голову, крѣпко жжетъ…

И откинувшись навзничь на подушку, онъ крѣпко стиснулъ свою голову. Передернутыя судорогою губы силились что-то произнести, но только хриплый свистъ вырвался изъ нихъ.

Растерянный и окончательно озадаченный возвращался староста домой.

На слѣдующій день по деревнѣ, какъ молнія, разнеслась

вѣсть, что Артемъ неизвѣстно куда скрылся. Никто не зналъ, куда онъ дѣлся.

Съ тѣхъ поръ Артемъ какъ въ воду канулъ. Много было по этому случаю различныхъ толковъ и слуховъ, но они были такъ разнорѣчивы, что вывести изъ нихъ какое-нибудь заключенiе являлось почти неразрѣшимой задачею. Между прочимъ одинъ изъ крестьянъ утверждалъ, что видѣлъ Артема въ лѣсу подъ Черниговомъ.

— Идетъ онъ тихимъ ходомъ,—говорилъ крестьянинъ,— простоволосый, босой, въ изорванной рубахѣ, весь исцарапанный и перепачканный грязью, а глаза у него такъ и бѣгаютъ кругомъ. Окликнулъ я его, но онъ даже не оглянулся и въ самую чащу полѣзъ.

При этомъ разсказчикъ клялся всѣми святыми, что говоритъ сущую правду.

Долго еще вспоминали въ Яновкѣ объ Артемѣ, но съ теченiемъ времени, какъ это всегда бываетъ, забыли о немъ.

Но и по настоящiе дни живетъ еще въ Малороссiи легенда о мрачномъ домѣ Мазепы, а черниговскiе простолюдины съ суевѣрнымъ страхомъ поглядываютъ на возобновленный и тщательно выбѣленный гетманскiй домъ, отъ котораго, дѣйствительно, вѣетъ чѣмъ-то суровымъ, таинственнымъ и грустнымъ.

И теперь еще въ Малороссiи можно найти стариковъ, которые разскажутъ вамъ о томъ, какъ

У Пречысту саме въ пивночъ,
Якъ ще пивень не спивае,
Вкругъ будынку гетманьского
Якась постать похожае [1]).

Простой народъ вѣритъ, что душа «проклятой», въ образѣ красивой дѣвушки, и понынѣ бродитъ возлѣ дома Мазепы.

---

[1]) Преданiе, записанное I. К. Журавскимъ въ формѣ стихотворенiя.

Ходыть постать, кого стрине,
Просыть вняти ийи мукамъ
И хрестомъ святымъ преславнымъ
Охрестыты.

На вопросъ: «Какіе же это клады спрятаны подъ домомъ Мазепы», вамъ пояснятъ, что это тѣ самые «скарбы», которые вѣроломный гетманъ забралъ у полковника Кочубея и зарылъ въ землю на случай разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Что же касается исторической правды въ той легендѣ, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Матрена Кочубей, бѣжавъ отъ родителей, явилась къ гетману не въ черниговскую войсковую канцелярію, а въ гетманскій батуринскій замокъ, и что въ Батуринѣ легенды о кладѣ Мазепы вовсе не существуетъ.

Авторъ книги «Гетманъ Мазепа»—Ѳ. М. Уманецъ, приводя цѣлый рядъ доказательствъ и логическихъ заключеній, говоритъ, что Матрена Кочубей была въ гетманскомъ замкѣ самое короткое время, много—два часа, въ теченіе которыхъ она была возвращена гетманомъ въ родительскій домъ, чѣмъ, собственно, и исчерпался инцидентъ побѣга. Говоря о томъ, что поэты, наложивъ свою руку на эту исторію, разошлись съ дѣйствительностью, извратили характеръ отношеній глубокаго старика къ своей невѣстѣ, авторъ добавляетъ, что этому извращенію фактовъ содѣйствовало услужливое преданіе, — эта подчасъ та же сплетня, отличающаяся отъ уѣздной сплетни только тѣмъ, что ее нельзя привлечь къ отвѣтственности у мирового судьи.

Фабула легенды не представляетъ оригинальности.

На идеѣ о силѣ проклятія вообще и родительской въ особенности, какъ извѣстно, построены многія историческія преданія, легенды и сказки.

Народная молва приписывала особенную важность проклятію матери. Это проклятіе имѣетъ силу не только въ земной жизни проклятаго, но и въ загробной; «щобъ ты

на Страшный Судъ не вставъ; щобъ тебѣ ни дна ни покрышки; щобъ тебе земля не приняла» и т. п.

Въ связи съ послѣдней клятвою, производящей особенное впечатлѣніе на суевѣрнаго простолюдина, стоитъ большинство украинскихъ сказаній, въ которыхъ описываются страданія проклятаго.

Въ легендѣ о Мазепиномъ домѣ фигурируютъ собственно двѣ «клятвы»: первая—«щобъ тебе земля не приняла» и вторая—заклятіе на кладъ.

По повѣрьямъ малороссовъ, клады иногда зарываются съ заклятіемъ, которое имѣетъ силу на опредѣленное время или же навсегда «поки свита и сонця». Въ приведенной легендѣ заклятіе клада обусловлено снятіемъ материнскаго проклятія: «бо якъ хто хрестомъ преславнымъ благословыть кляту душу, то ти скарбы и клейноды генъ разсыпаться мушуть».

Въ легендѣ этой замѣчается еще одна характерная особенность—очевидная симпатія народа къ дѣвушкѣ, обреченной на мученія за свою любовь къ гетману, къ этой несчастной вѣдьмѣ, вымаливающей «хреста». Эта симпатія становится особенно рѣзко замѣтной, если съ легендою о Мазепиномъ домѣ сравнить другія украинскія легенды о вѣдьмахъ, которыхъ народное суевѣріе почти всегда представляетъ существами злобными и далеко не возбуждающими сочувствія къ ихъ судьбѣ.

Хотя домъ Мазепы, этотъ рѣдкій памятникъ XVII столѣтія, стоитъ и понынѣ хорошо сохранившимся, но пріуроченная къ нему народная легенда въ народѣ почти забыта. Однако, какъ говорятъ старики, не столь давно находились смѣльчаки, въ родѣ нашего героя Артема, которые пытались раздобыть гетманскіе клады, но всегда безуспѣшно и съ печальными для себя послѣдствіями. Встрѣча съ вѣдьмою «Мазепихою», этой «проклятой душою», была такъ или иначе пагубна для этихъ безвѣстныхъ жертвъ народнаго суевѣрія.

ЧОРТЪ.

Мнѣ случалось довольно часто проѣзжать по почтовому тракту, который тянется на сотни верстъ отъ Казани до Саратова и далѣе на Царицынъ.

Однажды подъ вечеръ меня застигла въ полѣ сильнѣйшая метель, почему я рѣшилъ переночевать на ближайшей почтовой станціи, а съ наступленіемъ утра продолжать свой неблизкій путь. Я очень озябъ и поэтому несказанно обрадовался, когда передъ мною замелькали огни въ деревенскихъ хатахъ и усталая тройка наконецъ остановилась передъ крыльцомъ станціи.

Спустя минуту, я уже былъ въ жарко натопленной комнатѣ для пріѣзжающихъ и разминалъ свои окоченѣвшія ноги.

Никогда эта комната не казалась мнѣ такой уютной и привѣтливой, какъ въ этотъ вечеръ. Она была невелика: сажень въ ширину и сажня полтора въ длину. Единственное ея окно выходило въ цвѣтникъ, который обыкновенно лѣтомъ пестрѣлъ желтыми, красными и бѣлыми цвѣтами; между ними всегда преобладали гвоздика и дикая ромашка. Въ углу, подъ большими старинными образами, въ деревянныхъ кивотахъ, стоялъ небольшой столъ, покрытый сѣрой съ красной бахромою скатертью. На столѣ виднѣлись пузырекъ съ чернилами, засаленная и истрепанная книга для записи пріѣзжающихъ, графинъ съ желтоватой водой и большая чашка съ надписью: «Кушайте на здоровье».

Рядомъ со столомъ два стула съ клеенчатыми сидѣньями и узкій диванчикъ изъ свѣтлаго дуба, прикрытый старымъ

ковромъ. На небольшой печкѣ-лежанкѣ, сплошь выкрашенной желтою глиною, лежалъ, свернувшись въ клубокъ, сѣрый котъ.

По стѣнамъ были развѣшаны въ черныхъ узенькихъ рамахъ правила для проѣзжающихъ, стѣнной календарь и лубочныя картины.

Изъ послѣднихъ особенное вниманіе обращали на себя изображеніе князя Багратіона, скачущаго на свѣтло-розовой лошади съ голубымъ хвостомъ, при чемъ ноги ея отдѣлились отъ земли по крайней мѣрѣ на высоту ея роста, и картина страшнаго суда, гдѣ грѣшники карабкаются на отвѣсную синюю стѣну, отдѣляющую адъ отъ рая, лѣзутъ на нее, цѣпляясь за голые камни руками, ногами и зубами, но, едва достигнувъ половины ея, падаютъ въ огненную пропасть, откуда выглядываютъ усмѣхающіяся козлиныя рожи.

Я подошелъ къ печи и теръ о нее свои покраснѣвшія отъ холода руки.

Въ это время дверь раскрылась и на порогѣ показалась высокая осанистая фигура старика, съ сѣдой окладистой бородою и свѣтлыми блестящими глазами.

— Здравствуйте, сударь,—сказалъ онъ мягкимъ груднымъ голосомъ, привѣтливо поклонившись.—Озябли?

— Озябъ,—отвѣчалъ я, кивнувъ ему головою.—Какъ бы самоварчикъ, да поскорѣе. Я останусь ночевать.

— Конечно, куда ужъ ѣхать! Погода страсть! Самоварчикъ мигомъ будетъ готовъ.

И старикъ скрылся за дверью.

Это былъ содержатель почтовой станціи, Онисимъ Панкратьевичъ Запара. Происходилъ онъ изъ крестьянъ и былъ извѣстенъ въ уѣздѣ своимъ добродушіемъ и замѣчательной честностью. Онъ отличался рѣдкой для простолюдина начитанностью. Получая газеты и дешевые журналы, онъ съ увлеченіемъ перечитывалъ ихъ, не пропуская ни одной строки. Если встрѣчалось какое-либо мудреное, непонятное для него слово, то онъ всегда, нисколько не

стѣсняясь своимъ незнаніемъ, обращался за разъясненіями къ пріѣзжавшимъ на станцію.

Во время своихъ поѣздокъ, когда случалось мнѣ бывать на станціи N, я часто бесѣдовалъ со старикомъ, любилъ слушать его простыя, но дѣльныя рѣчи и съ удовольствіемъ дѣлился съ нимъ губернскими новостями, до которыхъ Онисимъ Панкратьевичъ былъ большой охотникъ.

Такъ случилось и на этотъ разъ: я пригласилъ его къ столу закусить и выпить чаю вмѣстѣ со мною. Онъ охотно согласился, и мы, опоражнивая стаканы чая съ ромомъ, разговорились.

— Мнѣ очень хочется спросить васъ объ одной вещи,— обратился я къ своему собесѣднику послѣ того, какъ мы сообщили уже одинъ другому извѣстныя намъ новости и вдоволь потолковали о житьѣ-бытьѣ мѣстныхъ крестьянъ, о видахъ на урожай, цѣнахъ на хлѣбъ, сусликахъ, эпидеміи и проч.

Старикъ вопросительно вскинулъ на меня глаза.

— Гляжу я на ваше хозяйство и вижу, что всего-то у васъ вдоволь: и лошадки есть у васъ добрыя, и усадьба, и земля, и деньги водятся. Давно ужъ меня интересуетъ узнать, спросить у васъ, наслѣдственное все это добро или вами нажитое?

— Благопріобрѣтенное, сударь. Все, что вы видите, моими трудами добыто. У меня сначала не было и мѣднаго гроша за душою, а теперь, благодареніе Богу, сами видите, какъ живу.

— Какъ же удалось вамъ разбогатѣть? Какъ это случилось? Разскажите, Онисимъ Панкратьевичъ,—меня очень это интересуетъ.

Старикъ допилъ оставшійся въ стаканѣ чай, медленно вытеръ цвѣтнымъ платкомъ усы и бороду и повернулся ко мнѣ всей своей мощной фигурою.

— Это, сударь вы мой, цѣлая исторія, такая исторія, что и въ книжкахъ не найдете. Ужъ такъ и быть разскажу

вамъ все сначала, какъ было, хотя и непріятно мнѣ вспоминать кое-что изъ прошлаго.

Когда мнѣ было около двадцати лѣтъ, служилъ я въ Саратовѣ у одного мѣщанина, который жилъ легковымъ извознымъ промысломъ, для чего держалъ у себя трехъ работниковъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я.

Работа была хорошая, и мы привозили хозяину изрядную выручку. Но я привозилъ всегда больше, чѣмъ мои два товарища, почему пользовался хозяйскимъ расположеніемъ. Товарищи же были мною очень недовольны и попрекали меня, говоря: «Ты насъ только подводишь. Глупъ ты, оттого такъ и дѣлаешь. Наши-то нажитки—жидки, а прибытки—не прытки. Развѣ кто изъ работниковъ привозитъ хозяину всю выручку? Сколько ни привези, всегда ему будетъ мало. Неужели ты весь вѣкъ хочешь коротать въ работникахъ? Вотъ погляди-ка, Иванъ да Степанъ только три года въ батракахъ пробыли, а теперь собственное заведеніе имѣютъ. Ты же—дуракъ набитый, больше тебѣ и названія нѣтъ: и намъ и себѣ худо дѣлаешь». Такъ они мнѣ говорили и не стѣснялись высказывать свои мечты поскорѣе накопить денегъ, чтобы самимъ хозяевами стать. Не знаю, какъ это случилось, но сталъ мечтать и я объ этомъ.

Жалованья получалъ я мало, и сталъ я красть изъ выручки, не всю ее отдавать хозяину.

Такъ прошелъ годъ, а денегъ я накопилъ всего семьдесятъ пять рублей. Для того же, чтобы пріобрѣсти собственный выѣздъ, нужно было по крайней мѣрѣ вчетверо больше.

Тѣмъ временемъ одинъ изъ моихъ товарищей сдѣлался уже хозяиномъ, купилъ пролетку, сани и пару лошадей. Тутъ ужъ глаза мои совсѣмъ разгорѣлись: и наяву и во снѣ я все придумывалъ, какъ бы поскорѣе нужную сумму добыть.

Однажды вечеромъ стою я на одномъ перекресткѣ на очереди, ожидаю сѣдока, и слышу, какъ позади меня говорятъ между собою два извозчика.

— Нашъ Кузьма страсть какъ разбогатѣлъ теперь!—говоритъ одинъ изъ нихъ.—А какимъ способомъ, намъ извѣстно: вывезъ какого-то пьянаго купца на Волгу и обобралъ, кошелекъ-то съ деньгами вытянулъ у него, а самого оставилъ на срединѣ рѣки да и былъ таковъ. Купецъ, конечно, на холодѣ протрезвился и въ городъ доплелся; заявилъ онъ, сердешный, о случившемся въ полицію, да не нашла она ничего. А нашъ-то Кузьма деньги припряталъ, помаленьку ихъ въ ходъ пускалъ да обзаводился добромъ. Теперь совсѣмъ богачомъ сталъ. Только разъ какъ-то, хвативши въ трактикѣ «полугару», куму своему и проговорился, какимъ способомъ добро свое нажилъ. Да что толку-то въ его признаніи! Уличить его теперь нельзя, времени много прошло, къ тому же всегда отговорится: спьяну, молъ, набрехалъ на себя. Вотъ, братъ, какимъ способомъ разбогатѣлъ нашъ почтенный Кузьма!

Слышу я этотъ разсказъ, слова не пророню и вижу, что изъ-за угла подходитъ ко мнѣ какой-то баринъ въ широкой мѣховой шубѣ, съ приподнятымъ кверху воротникомъ, по виду—купецъ.

— На Большую Сергіевскую сколько возьмешь?—спрашиваетъ онъ меня.

— Полтинникъ.

— Четвертакъ хочешь?

Сторговались на тридцати копейкахъ. Сѣлъ онъ въ сани, и я помчалъ его по улицамъ.

Большая Сергіевская улица, знаете ли, на краю города, недалеко отъ Волги.

Вотъ я повернулъ въ эту улицу и оглянулся на сѣдока, а онъ сидитъ, уткнувшись носомъ въ воротникъ, такъ что и лица не видно.

«Спитъ, должно-быть», подумалъ я.

И вдругъ въ головѣ моей внезапно этакъ, какъ молнія, мелькнула страшная мысль:

«Что если свезти его на Волгу да такъ же, какъ Кузьма, обработать?..»

И чувствую, внутри меня зажгло что-то, горло перехватило, а кровь къ головѣ такъ и прилила. Силюсь отогнать отъ себя эту діавольскую мысль, но не идетъ она отъ меня, еще пуще овладѣваетъ мною.

Оглянулся еще разъ на сѣдока,—вижу, что голова его совсѣмъ книзу опустилась.

Помутился тогда мой разумъ, а самого меня даже въ дрожь бросило. Ударилъ я своего сѣраго и, что есть мочи, погналъ его.

Вотъ остались за нами Сергіевская улица, Бабушкинъ взвозъ, крайніе дома, лѣсная пристань, и впереди уже заблестѣла широкая снѣжная равнина.

Обернулся назадъ,—сѣдокъ въ томъ же положеніи, спитъ. Свернулъ тогда я лошадь въ сторону, вдоль по рѣкѣ. Отъѣхалъ съ полверсты по сугробамъ, я остановилъ запыхавшагося сѣраго, въ одинъ мигъ соскочилъ съ козелъ и подбѣжалъ къ спящему сѣдоку. Но онъ въ это время проснулся, поднялъ голову и взглянулъ кругомъ. Сообразилъ, конечно, зачѣмъ я привезъ его на рѣку да какъ закричитъ:

— Куда ты, мерзавецъ, завезъ меня?

А я къ нему:

— Отдавай,—говорю,—деньги добромъ, охотою: все равно не уйдешь тутъ отъ меня.

И облапилъ я его своими ручищами. Однако онъ успѣлъ вырваться изъ моихъ объятій, и только шуба осталась у меня въ рукахъ.

Выскочивъ изъ саней, онъ упалъ въ сугробъ. Въ это время луна выглянула изъ-за тучи.

Глянулъ я на своего купца да такъ и обмеръ... Передъ мною барахтался въ снѣгу не человѣкъ, а чортъ, настоящій чортъ, съ рогами, хвостомъ и длинной черной шерстью, которая космами висѣла на его тѣлѣ. Отскочилъ въ сторону, шаговъ этакъ съ десятокъ, смотритъ на меня да вдругъ какъ загогочетъ. Чувствую я, что мурашки забѣгали у меня по спинѣ, что волоса на головѣ зашевелились, поднимаются кверху, такъ что даже шапка слѣзла мнѣ на затылокъ.

Сотворилъ я крестное знаменіе и хочу молитву прочесть, да вотъ подите жъ—напасть какая: словъ никакихъ не вспомню, всю память страхомъ отшибло. Только вижу я, что нечистый идетъ ко мнѣ мелкими шажками, съ козлинымъ прискокомъ. Потомъ вдругъ сталъ онъ на переднія лапы, а заднія поднялъ кверху и ну кататься колесомъ по снѣгу да кувыркаться въ воздухѣ.

Тутъ ужъ совсѣмъ страхъ обуялъ меня. Оглянулся я по сторонамъ,—кругомъ ни души, а бѣжать—гдѣ ужъ тамъ! Развѣ отъ чорта убѣжишь?! Повалился я въ снѣгъ лицомъ, одной рукою прикрылъ голову, а другою все крещусь.

— Наше мѣсто свято!—кричу я во все горло.—Святъ, святъ Господь! Сгинь, нечистая сила, пропади!

Въ это время слышу, какъ возлѣ самаго моего уха хрустнулъ снѣгъ, и мохнатая, жесткая лапа коснулась моего лица.

— Го-го-го! Ги-ги-ги! — раздается надъ моей головою голосъ нечистаго.—Попался?! Давно я до тебя добираюсь. Ра-ррра! Отдавай мнѣ свою душу!

Лежу я ни живъ ни мертвъ и чувствую, что лѣзетъ онъ мнѣ за пазуху.

«Ну,—думаю,—конецъ мой пришелъ, сейчасъ и душу изъ меня вырветъ».

А онъ все рычитъ и хватаетъ меня за грудь своей щетинистой лапою.

— Отдавай душу! Го-го-го!

— Господинъ нечистый! — взмолился тутъ я, рѣшивъ испробовать послѣднее средство.— Не губи заранѣе,—еще времени будетъ много у тебя. Дай мнѣ пожить еще хотя съ десятокъ лѣтъ.

— Ого, у тебя губа не дура! Нѣтъ, шалишь!.. А впрочемъ что жъ—все едино: душонка твоя теперь отъ меня не уйдетъ. Вотъ ей печать отъ меня!

И такъ сильно щипнулъ онъ меня за лѣвый бокъ, что я заревѣлъ, словно быкъ на бойнѣ.

— Хорошо,—говоритъ онъ, усаживаясь безъ всякой

церемоніи мнѣ на спину.—Я подожду, если подаришь мнѣ твою лошадь съ санями. Я, конечно, и безъ даренія твоего могу ихъ взять, но хочу, чтобы ты самъ мнѣ ихъ презентовалъ.

— Бери, бери все, что со мною и на мнѣ, только меня въ покоѣ оставь.

— Ладно, такъ ужъ и быть, на два года оставлю тебя въ покоѣ. Долѣе невозможно, и то сатана оштрафуетъ меня, если узнаетъ объ отсрочкѣ. Ну, да какъ-нибудь вывернусь. А какъ зовутъ тебя?

— Онисимомъ.

— Итакъ, прощай, Онисимъ, жди ровно черезъ два года. Спасибо за подарокъ.

Поднялъ я голову и вижу: кувыркнувшись раза три въ воздухѣ, прыгнулъ окаянный въ сани, надѣлъ шубу, рявкнулъ, гикнулъ, схватилъ вожжи, повернулъ Сѣрка обратно къ дорогѣ и давай стегать его кнутомъ. Захрапѣлъ мой бѣдный старикъ, лягнулъ задними ногами и какъ стрѣла помчался по сугробамъ.

Долго я пролежалъ въ снѣгу, пока нечистый совсѣмъ скрылся съ глазъ. Тутъ только я вспомнилъ молитву: «да воскреснетъ Богъ»—и сталъ читать ее, да было уже поздно: окаяннаго и слѣдъ простылъ.

Натянулъ я шапку на уши, запахнулъ полы армяка—нечистый всего меня растормошилъ—и поплелся къ городу. Иду, а самъ все дрожу отъ страха, какъ осиновый листъ. Не хозяина я боялся,—я забылъ и думать о немъ, а также объ отданной мною діаволу лошади,—но меня страшила мысль, что я продалъ свою душу нечистой силѣ.

На зарѣ я былъ дома. Какъ только хозяинъ проснулся, я сейчасъ же къ нему, упалъ къ его ногамъ и во всемъ покаялся. Разсказалъ ему все, что произошло въ эту ночь; признался также, какъ обкрадывалъ его и сколько денегъ утаилъ.

Не повѣрилъ мнѣ хозяинъ. Сколько я ни клялся ни призывалъ Бога во свидѣтели, онъ твердилъ лишь одно:

— Врешь, негодяй! Хорошую басню разсказываешь, да не дуракъ я, чтобы ей вѣрить. Вотъ пойдемъ-ка въ участокъ,—тамъ разберутъ да поучатъ тебя, мошенника.

И потащилъ онъ меня въ полицейскую часть. Но едва мы вошли въ участковый дворъ, какъ остановились, словно вкопанные: передъ нами стоялъ нашъ Сѣрко, запряженный въ сани. Увидѣлъ онъ меня и заржалъ, болѣзный, отъ радости,—видно, окаянный здорово-таки намялъ ему бока.

— Что же это значитъ?—воскликнулъ мой хозяинъ.— Скажи, Онисимъ, мнѣ по совѣсти одну правду, не таись. Признаешься откровенно—прощу.

— Ей-Богу, хозяинъ, я уже всю правду вамъ сказалъ, все какъ было на самомъ дѣлѣ. Вотъ вамъ честной крестъ! Поглядите, онъ и печать на сердцѣ у меня поставилъ.

И распахнувши воротъ рубахи, я показалъ хозяину свой лѣвый бокъ, гдѣ онъ вполнѣ ясно увидѣлъ синее круглое пятно.

Осмотрѣвъ діавольскую печать, онъ лишь руками развелъ и, дружески хлопнувъ меня по плечу, сказалъ:

— Ну, братъ, значитъ и впрямь надъ тобою лихая бѣда стряслась, сыгралъ съ тобою нечистый скверную шутку, если только это не спьяну ты на что-нибудь напоролся.

Въ это время подошелъ къ намъ околодочный.

— Что,—говоритъ,—лошадь признали?

— Да,—отвѣчаетъ хозяинъ,—признали, это моя лошадь. Но какими судьбами она сюда попала?

— Пойдемъ въ канцелярію, посмотримъ, кто ты есть и твоя ли это лошадь, да кстати и объяснишь, почему твоя лошадь безъ кучера шатается по городу. Ее изловили близъ Большой Сергіевской улицы и привели сюда.

Пришли въ канцелярію. Хозяинъ мой—добрый, незлобивый былъ онъ человѣкъ—ничего не сказалъ приставу о томъ, что натворилъ я въ эту ночь; отсутствіе же кучера на саняхъ объяснилъ тѣмъ, что-де малый зашелъ въ трактиръ погрѣться, и когда вышелъ изъ него, то увидѣлъ, что ло-

шадь исчезла. Я со слезами благодарности глядѣлъ въ спину моего хозяина, когда онъ давалъ эти объясненія.

Усѣвшись въ сани, мы возвратились домой. Что мнѣ говорилъ дорогою хозяинъ, я не помню. Какъ только я вошелъ на кухню, тутъ же, какъ снопъ, и повалился на скамью,—со мною сдѣлался жаръ и меня всего трясло.

Пролежавъ пластомъ цѣлый день, я наконецъ оправился. Хозяинъ ни словомъ не упоминалъ мнѣ о случившемся, хотя частенько не то испытующее, не то съ удивленіемъ поглядывалъ на меня. Я возвратилъ ему семьдесятъ пять рублей, что утаилъ отъ него изъ выручки, и при этомъ снова молилъ его простить меня.

— Богъ проститъ тебя и я прощаю,—говорилъ онъ мнѣ, подымая меня съ пола.—Кто не бывалъ грѣшенъ! На всякій часъ ума не припасешься. Смотри только не забудь этого урока, всегда помни его. Да сходилъ бы ты къ попу, поисповѣдовался и на духу всю ту ночную исторію разсказалъ бы ему. Можетъ-быть попъ и разберетъ твою диковинную исторію.

Одѣлся я и отправился къ приходскому священнику, который по сосѣдству съ нами жилъ. Разсказываю это я ему, какъ діаволъ овладѣлъ моей душой, а батюшка этакъ удивленно смотритъ на меня и спрашиваетъ:

— А ты тверезый былъ въ эту ночь?

— Тверезый, а ни росинки во рту не было.

— Можетъ-быть это приснилось тебѣ?

— И не спалъ я, а все, какъ бы это было часъ тому назадъ, хорошо помню.

— Это совѣсть тебя мучила,—елейнымъ голосомъ говоритъ онъ,—за твои грѣховные помыслы; тебѣ и представилось это.

— Помилуйте, батюшка, не представилось, а на самомъ дѣлѣ было. Какъ передъ Богомъ, правду говорю.

— Ну, значитъ это было искушеніе отъ діавола, навожденіе отъ него. Молись и старайся исправиться.

— А какъ же мнѣ быть-то относительно души? Вѣдь

онъ лишь на два года отсрочилъ, а послѣ этого времени, сказалъ, придетъ за душой моею.

— Въ душѣ воленъ единъ Богъ.

Вотъ въ такомъ-то родѣ благочестиво поговорилъ со мною священникъ и отпустилъ меня. По глазамъ его я замѣтилъ, что не повѣрилъ онъ моему правдивому разсказу, объясняя его сновидѣніемъ или дѣйствіемъ винныхъ паровъ. Да и меня самого стало брать сомнѣніе, ужъ не приснилась ли вся та исторія.

Какъ бы тамъ ни было, но съ тѣхъ поръ, какъ сказывали люди, я перемѣнился къ лучшему.

У хозяина своего я продолжалъ служить, и онъ души во мнѣ не чаялъ. И правду сказать, старался я изъ всѣхъ силъ. Такъ прошелъ годъ.

— Послушай, Онисимъ,—однажды говоритъ мнѣ хозяинъ,—тобою я премного доволенъ; такого, какъ ты, парня не видывалъ. Жалко мнѣ тебя. Хочешь быть самъ хозяиномъ?

Я вытаращилъ на него глаза и подумалъ:

«Насмѣхается, должно-быть, надо мною, да и подѣломъ мнѣ: заслужилъ».

— Хочешь быть хозяиномъ?—повторилъ онъ.—Дамъ я тебѣ моего сѣраго, вмѣстѣ съ экипажемъ и сбруей. Откроешь заведеніе, скоро заработаешь деньгу,—ты вѣдь не пьяница и не лодырь. За коня съ экипажемъ возьму съ тебя дешево. Долгъ по частямъ заплатишь, а процентъ возьму съ тебя маленькій. Самъ же хочу кончать свое заведеніе: думаю торговать сѣномъ и овсомъ.

Упалъ я къ нему въ ноги и заплакалъ даже отъ радости.

— Встань,—говоритъ онъ.—Садись-ка вотъ сюда со мной, на скамейку, да потолкуемъ, какъ устроиться тебѣ.

Толкую это я съ нимъ, а самъ все думаю: и бываютъ же на свѣтѣ такіе чудаки: свое добро раздаютъ, да еще кому...

Слушаю я, и не вѣрится мнѣ все, но черезъ недѣлю я уже самъ былъ хозяиномъ. Въ то время извозчиковъ въ Саратовѣ было мало, а богатыхъ купцовъ да помѣщиковъ много.

Пошли мои дѣла прямо на удивленiе хорошо. Черезъ какихъ-нибудь семь мѣсяцевъ я почти весь долгъ уплатилъ своему благодѣтелю, хотя и цѣна за данные мнѣ экипажъ и лошадь была назначена несоразмѣрно велика, да и «благодѣтельскiе» проценты были такiе, за которые нынѣ въ тюрьму сажаютъ.

О страшномъ приключенiи со мною на Волгѣ и обѣщанiи дiавола явиться по истеченiи назначеннаго имъ срока за моей душою я все рѣже вспоминалъ и уже пришелъ къ убѣжденiю, что священникъ правъ: или мнѣ спьяну представилась чертовщина или во снѣ пригрезилось. Къ концу второго года и совсѣмъ забылъ о той исторiи.

Наступила зима. Однажды подъ вечеръ я тихо ѣхалъ по улицѣ, подумывая о томъ, что пора бы и домой на отдыхъ.

— Эй, Онисимъ!—остановилъ меня повстрѣчавшiйся знакомый лихачъ.—Что вожжи распустилъ? Домой ѣдешь? Пойдемъ въ циркъ. Наши были, очень одобряютъ: сказываютъ, оченно даже занимательно. На афишкѣ тоже пропечатано, что циркъ-отъ изъ Москвы.

— Пойдемъ!—согласился я.

Пошли. Сидимъ, глядимъ, диву даемся и отъ смѣха покатываемся,—особенно въ концѣ, когда началось представленiе, какъ въ театрѣ, да только безъ словъ.

Вдругъ какъ выскочетъ на сцену одѣтый чортомъ.

Меня такъ и дернуло. Гляжу: ни дать ни взять—мой чортъ. Тотъ же ростъ, совершенно тотъ же видъ, тѣ же ухватки, такъ же колесомъ вертится.

Какъ захохочу это я, громко, во все горло, такъ что всѣ головы повернулись въ мою сторону.

— Буде! Лопнешь!—толкаетъ меня локтемъ сосѣдъ.

А я все хохочу и удержаться не могу.

— Буде, дурень ты сиволапый!—кричатъ мнѣ, а меня смѣхъ еще пуще разбираетъ.

И такъ-то стало мнѣ весело, что я не прочь былъ самъ кувыркаться и плясать, да товарищъ потащилъ за рукавъ.

— Ты что жъ ночевать здѣсь собираешься?—ворчалъ

онъ.—Всѣ уже разошлись. Глянь, огни уже тушатъ, а онъ гусакомъ все гогочетъ.

— Эхъ, братъ, кабы ты зналъ да понималъ, почему это меня забрало!—протестовалъ я.

— Чего тутъ понимать!—огрызнулся товарищъ, толкнувъ меня ко входу.—Одно слово: деревня неполированная!

Онисимъ Панкратьевичъ съ минуту помолчалъ и продолжалъ:

— Такъ вотъ, сударь вы мой, начало повѣствованія о томъ, какъ я разбогатѣлъ, а дальше сказъ короче воробьинаго носа. Лѣтъ пять я держалъ въ Саратовѣ сначала одинъ, а потомъ два выѣзда. Тутъ представился мнѣ случай снять въ аренду одну небольшую почтовую станцію. Гонъ былъ большой, проѣзжающихъ много,—только успѣвай лошадей подавать. Послѣ этой станціи я взялъ уже другую, побольше, а тамъ уже заарендовалъ и цѣлую линію на протяженіи ста верстъ, пять почтовыхъ станцій. Вотъ и весь мой сказъ.

— Но пойду-ка взгляну на лошадей,—сказалъ онъ, широко улыбаясь.—Скоро почта придетъ, — нужно приготовиться.

— Не хотите ли вина?

— Благодарю. Завтра рано ѣдете?

— На зарѣ.

— Такъ я прикажу къ тому времени лошадей подать. Покойной ночи.

Старикъ поклонился и торопливо вышелъ. Я легъ на диванъ и прикрылся шубою.

Въ домѣ было тихо. Часы мѣрно постукивали за стѣною, а за окномъ, на дворѣ, слышалось дикое завываніе бури.

ОТОМСТИЛЪ.

I.

Въ небольшой, скромно обставленной комнаткѣ, за простымъ дубовымъ столомъ, на которомъ виднѣлись тарелки съ соленой закуской и бутылка съ виномъ, сидѣлъ хозяинъ дома, Иванъ Петровичъ Брасовъ, старикъ еще бодрый и крѣпкій. Пристальный взглядъ его свѣтлыхъ, добрыхъ глазъ былъ устремленъ на его собесѣдника, блѣднаго, худого и страшно истощеннаго молодого человѣка, который склонилъ голову на свои костлявыя покрытыя ссадинами руки. Это были два родныхъ брата.

— Болѣе года держали подъ слѣдствіемъ, — говорилъ младшій. — Мучили допросами, желая выпытать у меня имена сообщниковъ. Затѣмъ осудили на каторгу; осудили, не давъ снисхожденія. Быть-можетъ они и дали бы его, если бы я разсказалъ имъ всю свою исторію, но я не разсказалъ и отказался отъ защиты. Ты хочешь знать, какъ было дѣло? Хорошо, тебѣ я все скажу. Слушай!

Это было два года тому назадъ. Въ то время я жилъ на пріобрѣтенномъ мною въ нѣсколькихъ верстахъ отъ австрійской границы фольваркѣ[1]). При немъ числилось двѣнадцать десятинъ земли да фруктовый садъ. Маленькое и неблагоустроенное хозяйство обезпечивало мнѣ существованіе, но не могло наполнить мой кошелекъ. Несмотря на всю мою бережливость и неустанный трудъ, я могъ скопить лишь очень ничтожную сумму.

По сосѣдству съ моей усадьбой была польская деревушка Воля, жители которой были извѣстны когда-то,

---

[1]) Усадьбѣ.

какъ самые отчаянные и ловкіе контрабандисты. На концѣ деревни стояла большая, просторная изба, въ которой помѣщался войтъ гмины [1]), видный и богатый крестьянинъ. Онъ былъ кровный полякъ и въ молодости своей, какъ гласила молва, принималъ участіе въ повстаніи шестидесятыхъ годовъ. Войтъ былъ счастливымъ отцомъ семнадцатилѣтней дочери, красавицы Елены. Всѣ живущіе въ окружности знали эту необыкновенной красоты дѣвушку. Не мало было у нея поклонниковъ и искателей ея руки. Но панни Елена очень хорошо знала цѣну своей обворожительной наружности и въ отвѣтъ на любезности и мольбы ея поклонниковъ, мечтавшихъ о счастьѣ назвать ее своею, лишь презрительно улыбалась. Въ числѣ безумцевъ, отдавшихъ свое сердце гордой полячкѣ, оказался и я. Полюбивъ ее горячо и страстно, я всецѣло былъ охваченъ этимъ невѣдомымъ мнѣ дотолѣ чувствомъ. Когда я заговорилъ съ Еленой о своей любви, она какъ-то загадочно улыбнулась и грустно промолвила:

— И вы?.. Бѣдный! Но вѣдь вы знаете, что я никого не могу любить: я ужъ такъ создана. Чувство любви мнѣ совершенно незнакомо и несвойственно. Забудьте лучше меня и оставьте свои искательства.

И съ этими словами она быстро встала и скрылась за дверью.

Но забыть ее и отказаться отъ надежды добиться взаимности было свыше моихъ силъ.

Я продолжалъ бывать въ домѣ старика-войта, съ которымъ успѣлъ такъ поладить и войти въ дружбу, что онъ даже забылъ о принадлежности моей къ русской націи.

Панни Елена, видимо, меня избѣгала и, несмотря на всѣ мои старанія и уловки, я не могъ увидѣться съ нею съ глазу на глазъ.

Между тѣмъ, моя несчастная страсть все болѣе разгоралась. Я потерялъ аппетитъ и сонъ, забылъ о своемъ

---

[1]) Въ родѣ волостного старшины.

хозяйствѣ, по цѣлымъ днямъ и вечерамъ бродилъ возлѣ дома войта и въ лѣсу, надѣясь встрѣтить Елену и хотя издали взглянуть на нее. Въ это время я узналъ одну вещь, которая какъ громъ ошеломила меня. Подростокъ-пастухъ, который пасъ стадо деревенскихъ коровъ, разсказалъ мнѣ, что однажды встрѣтилъ въ лѣсу Елену подъ руку съ офицеромъ пограничной стражи, который жилъ на кордонѣ въ трехъ верстахъ отъ Воли. Хотя пастухъ клялся и божился, подтверждая свои слова, я все же не хотѣлъ вѣрить ему, утѣшая себя тѣмъ, что онъ могъ ошибиться, принявъ за Елену какую-нибудь другую дѣвушку. Спустя нѣсколько дней послѣ этого, я пробирался лѣсной дорожкой въ деревню, намѣреваясь побывать у войта. Въ то время, когда я подходилъ уже къ опушкѣ лѣса, я услышалъ впереди меня шумъ конскихъ копытъ. Скоро изъ-за поворота дорожки показалась фигура всадника, въ которомъ я узналъ офицера пограничной стражи. Я шагнулъ въ сторону и пристально глядѣлъ на проѣзжавшаго мимо меня офицера. Это былъ молодой, красивый поручикъ, въ бѣломъ кителѣ, поверхъ котораго блестѣла портупея сабли.

Онъ проѣхалъ мимо, едва взглянувъ на меня. Долго я глядѣлъ вслѣдъ ему и затѣмъ медленно поплелся по дорожкѣ. Когда миновалъ крайнія деревья и вышелъ уже въ поле, я взглянулъ по направленію деревни и вдругъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, остановился, точно вкопанный. Впереди меня на залитомъ солнечнымъ свѣтомъ лугу я увидѣлъ стройную фигуру Елены. Она уже подходила къ околицѣ. Не могу описать того, что со мною въ это время происходило. Я стоялъ подавленный наплывомъ разнородныхъ, жгучихъ и мучительныхъ чувствъ.

— Я узнаю истину!—твердилъ я себѣ, подходя къ дому войта.

Елена была одна,—отецъ ея уѣхалъ въ городъ за покупками.

— Панни Елена,—сказалъ я послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій,—вы гуляли сейчасъ въ лѣсу?

Она быстро вскинула на меня свои чудные глаза и пристально взглянула на меня.

— Да, я гуляла. А панъ былъ тоже тамъ?

— Да.

Мнѣ показалось, что она при этомъ вздрогнула и измѣнилась въ лицѣ.

— Я видѣлъ тамъ также офицера,—продолжалъ я.

— Я также видѣла его. Онъ всегда шныряетъ тамъ,— такова ужъ служба его: нюхаетъ по лѣсу, словно гончая ищейка.

Она сказала это такъ просто и такъ спокойно и свѣтло глядѣла на меня, что мои подозрѣнія сильно поколебались.

— А что вы въ лѣсу дѣлаете?—вдругъ спросила она, кокетливо улыбнувшись.—Мнѣ говорили, что вы каждый день бродите тамъ. Ужъ не кладъ ли ищете?

Не знаю почему, но я страшно сконфузился при этихъ словахъ. Я что-то отвѣтилъ ей, но вѣроятно что-нибудь очень глупое, потому что она долго и неудержимо хохотала. Ея веселость и добрый взглядъ, который я чувствовалъ на себѣ, придали мнѣ смѣлость и внезапная рѣшимость вдругъ овладѣла мною.

Я подвинулся поближе къ ней и изъ устъ моихъ полилось горячее, но очень безсвязное признаніе въ томъ, какъ я ее люблю, какъ мучусь ея холодностью, мѣста не нахожу себѣ и навѣрно сойду съ ума, если она не дастъ мнѣ хотя слабой надежды на ея взаимность.

Она слушала съ поникшей головою, не прерывая меня. Поощренный ея молчаніемъ, я разоткровенничался до того, что разсказалъ ей и о томъ, что говорилъ мнѣ пастухъ.

— И вы повѣрили этой наглой клеветѣ?—вскричала она, вся вспыхнувъ и смѣривъ меня холоднымъ, гордымъ взглядомъ.

— Нѣтъ... нѣтъ, я не повѣрилъ ему. Но я встрѣтилъ въ лѣсу офицера, видѣлъ васъ возвращающейся оттуда же... и у меня блеснула въ головѣ страшная мысль... Вѣдь

могло же случиться, что вы полюбили его... Я готовъ былъ въ эту минуту покончить съ своей жизнью.

— И вы могли подумать, что я люблю его?! Это болѣе чѣмъ смѣшно. Вѣдь я же вамъ сказала, что никого не люблю и не буду въ состояніи полюбить. Понимаете ли, никого и никогда?

— Значитъ, мнѣ, какъ и всѣмъ остальнымъ, нужно навсегда отказаться отъ надежды назвать васъ своею?

— Я этого не говорю. Быть-можетъ я когда-нибудь соглашусь выйти замужъ. Вѣдь можно же быть хорошей, вѣрною женою безъ любви, быть добрымъ другомъ, товарищемъ... Не скрою отъ васъ, что вы мнѣ нравитесь болѣе другихъ. Но вѣдь этого мало... Къ тому же вы небогаты, я же не привыкла къ нуждѣ.

— Но что же дѣлать мнѣ?! О, если бы я могъ разбогатѣть! Я полжизни отдалъ бы тому, кто научилъ бы, какъ мнѣ добиться этого.

Елена задумалась. Брови ея сдвинулись, а глаза горѣли какимъ-то страннымъ, загадочнымъ огнемъ.

— Стась, мой двоюродный братъ, васъ научитъ,—сказала она дрогнувшимъ голосомъ.—Онъ былъ также бѣденъ, а теперь имѣетъ хорошій фольваркъ.

Стась былъ извѣстенъ, какъ старый и опытный контрабандистъ, нажившій своимъ таинственнымъ ремесломъ значительное состояніе. Я понялъ, что она хотѣла сказать.

— Надѣюсь, любезный панъ,—говорила мнѣ на прощаніе Елена,—вы поймете, что распространеніе глупыхъ слуховъ можетъ повредить репутаціи дѣвушки. Я говорю не о васъ—въ вашемъ благородствѣ я увѣрена,—но тотъ пастухъ...

— Объ этомъ не безпокойтесь. Я заткну ротъ этому дураку: онъ не посмѣетъ никому въ другой разъ молоть всякій вздоръ.

Я побывалъ у Стася. Послѣдствіемъ этого посѣщенія было то, что на другой же день поступилъ къ нему въ науку. Мои новые знакомцы были люди искусные и хорошо знаю-

щiе свое дѣло. Изъ-за границы они приносили водку, спиртъ ромъ, кораллы, вино, ружья, кружева и разные продукты роскоши, а туда доставляли табакъ и чай. Эти операцiи доставляли имъ не малый заработокъ. Густой хвойный лѣсъ съ топкими болотами, зарослями и оврагами способствовалъ, какъ нельзя лучше, ихъ опасному промыслу.

На другой день послѣ того, какъ впервые принялъ участiе въ переносѣ контрабанды, благополучно доставленной нами еврею-скупщику, я пришелъ въ домъ войта.

Елена спросила у меня, какъ идутъ мои новыя дѣла. Я подробно разсказалъ ей о своемъ первомъ дебютѣ, о впечатлѣнiяхъ тревожно проведенной ночи и подѣлился съ нею своими мечтами въ скоромъ времени добиться возможности, чтобъ самостоятельно, на собственныя средства скупать за границею товаръ и, по доставкѣ его контрабанднымъ способомъ, перепродавать мѣстнымъ евреямъ, занимавшимся этими операцiями.

Между прочимъ она поинтересовалась узнать, какъ и гдѣ я проношу контрабанду и когда намѣренъ снова перейти границу. Я, конечно, поспѣшилъ удовлетворить ея любопытство. Въ этотъ вечеръ она была необыкновенно любезна со мною и весела, какъ еще никогда я не видѣлъ ее. Не удивительно, что я возвращался домой, не помня себя отъ радости. Въ эту же ночь я, вмѣстѣ съ Стасемъ и тремя его товарищами, долженъ былъ перенести контрабанду, которая уже ожидала насъ въ ближайшей австрiйской деревнѣ.

Была темная бурная ночь, когда мы съ тюками на плечахъ пробирались въ лѣсной чащѣ, постоянно останавливаясь, прислушиваясь и вглядываясь въ окружающiй мракъ. Вѣтеръ, дико завывая, проносился по вершинамъ вѣковыхъ сосенъ и елей, ломалъ вѣтви и дулъ съ такою силою, словно хотѣлъ сломить или выворотить съ корнями всѣ деревья, попадавшiяся ему на пути. Тихими, осторожными шагами подвигаясь впередъ, мы вошли на небольшую полянку.

— Стой! Ни съ мѣста! Или мы перестрѣляемъ всѣхъ

васъ!—вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня раздался чей-то крикъ, и въ тотъ же мигъ вся полянка освѣтилась десяткомъ небольшихъ фонарей.

Передъ нами были солдаты пограничной стражи.

Сбросить съ себя тюки и шарахнуться въ разныя стороны было для насъ дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Я пробѣжалъ уже съ десятокъ шаговъ, какъ чья-то рука крѣпко схватила меня за воротникъ. Я далеко не имѣлъ желанія отдаться добровольно въ руки пограничниковъ. Выхвативъ изъ кармана револьверъ, я выстрѣлилъ въ упоръ. Державшій меня солдатъ рухнулъ на землю, а я снова бросился бѣжать. Но было уже поздно, меня окружили со всѣхъ сторонъ. Я сдѣлалъ еще четыре выстрѣла, но неудачно. Меня повалили на землю и скрутили руки.

На другой день тотъ самый молодой поручикъ, котораго я мѣсяцъ тому назадъ встрѣтилъ въ лѣсу, какъ-то особенно странно и загадочно улыбаясь, допрашивалъ меня, а затѣмъ отправилъ подъ конвоемъ въ городъ.

Началось слѣдствіе. Трудно описать все, что пришлось мнѣ тогда пережить и перечувствовать. Я зналъ, что Елена потеряна для меня навсегда, и эта мысль пугала меня болѣе, чѣмъ ожидаемая ссылка. Несмотря на всѣ уловки слѣдователя, я не выдалъ своихъ сообщниковъ отчасти изъ боязни погубить брата Елены, а отчасти потому, что считалъ ихъ невинонными въ моей поимкѣ: они не звали меня, не сманивали на беззаконное дѣло, а я самъ къ нимъ пришелъ, самъ просилъ принять меня въ ихъ общество. На судѣ я былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Меня отправили въ московскую пересыльную тюрьму. Потекли грустные и томительные дни въ ожиданіи еще болѣе грустной перспективы. Мучимый безсонницей и тяжелыми думами, я засыпалъ лишь передъ разсвѣтомъ. Рано утромъ меня будилъ трескъ барабана, выбивающаго утреннюю зорю. Я подходилъ къ окну и сквозь желѣзную рѣшетку по нѣскольку часовъ глядѣлъ на дворъ, гдѣ расхаживали солдаты, происходила смѣна часовыхъ, приводили и уводили

арестантовъ. Наступало время обѣда и намъ давали по чашкѣ какой-то водянистой похлебки, выловить въ которой кусочекъ мяса считалось за рѣдкое счастье. Послѣ обѣда въ арестантской начинались дикія пляски и пѣсни, циническіе разсказы, перебранка и глупыя шутки.

Я безучастно глядѣлъ на все, что происходило вокругъ меня, а мысли, одна другой тяжелѣе и мучительнѣе, тѣснились въ головѣ, жгли мой мозгъ.

Наступилъ день отправки насъ въ Сибирь. Толпа арестантовъ въ сѣрыхъ халатахъ, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, въ сѣрыхъ шапкахъ безъ козырьковъ и въ кожаныхъ башмакахъ, называемыхъ котами, гремя кандалами направилась къ вокзалу, подъ конвоемъ солдатъ. Какъ сейчасъ помню, когда мы подходили къ вокзалу, какой-то мастеровой, увидѣвъ насъ, остановился на панели и, указывая рукою, заоралъ во все горло: «Ребята, глядите—звѣрье ведутъ. Звѣрье!» При этомъ онъ самымъ энергичнымъ образомъ плюнулъ въ нашу сторону, желая выразить этимъ полное свое презрѣніе.

Насъ посадили въ арестантскіе вагоны съ крѣпкими желѣзными рѣшетками въ окнахъ.

Едва мы усѣлись на деревянныхъ скамьяхъ, какъ кто-то коснулся моего плеча.

— Степанъ Петровичъ, васъ ли вижу?!

Передо мною стоялъ рыжій съ рябымъ лицомъ приземистый человѣкъ, въ арестантскомъ халатѣ.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Не узнаете? Я вѣдь вашъ землякъ, изъ деревни Воли,—по сосѣдству съ войтомъ жилъ. Теперь за коекакія дѣлишки въ мѣста отдаленныя путешествую. А вы за что?

— За убійство,—отвѣчалъ я и отвернулся къ окну.

Но рыжій такъ настойчиво привязался ко мнѣ съ разспросами, что я рѣшилъ, чтобы избавиться отъ него, вкратцѣ разсказать исторію моего преступленія.

— Васъ кто-нибудь выдалъ,—сказалъ онъ, когда я

кончилъ свое повѣствованіе,—непремѣнно выдалъ. Вы говорите, что наканунѣ поимки были въ домѣ война? Не знала ли о вашемъ предпріятіи панни Елена?

— Знала, я говорилъ, когда и гдѣ думали пронести контрабанду.

— Ну, теперь я вполнѣ увѣренъ, что это она подвела васъ. Она вѣдь въ любовной связи съ пограничнымъ офицеромъ. Панни большая охотница до пенензовъ [1]). За нихъ, говорили, она и продалась ему.

— Что?! Этого быть не можетъ!—вскричалъ я, вскочивъ со скамьи.

— Ха-ха-ха!—загоготалъ рыжій, развязно хлопнувъ рукою меня по плечу.—Вотъ видно сейчасъ, что и вы въ числѣ тѣхъ многихъ глупцовъ, которые имѣли счастье влюбиться въ эту красивую шельму. Она въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ пограничникомъ: не мнѣ одному объ этомъ извѣстно. Она ужъ многихъ изъ нашихъ выдала своему возлюбленному, пся кревь! [2])

Я вздрогнулъ. Мнѣ необыкновенно ясно вспомнилисъ и слова пастуха и смущеніе Елены, когда я говорилъ объ офицерѣ.—Да, рыжій правъ,—она выдала меня. Она! Ей нужно было избавиться отъ меня, потому что я могъ помѣшать ея свиданіямъ съ ея возлюбленнымъ... Да, такъ! Она въ любовной связи съ офицеромъ? Такъ вотъ гдѣ таится разгадка той неприступности и холодности, которыми она отвѣчала на всѣ искательства ея ухаживателей. Такъ вотъ что значатъ слова о неспособности полюбить кого-нибудь...

Я чувствовалъ, какъ кровь прилила къ моей головѣ. Въ глазахъ у меня помутилось и я весь дрожалъ, словно въ лихорадкѣ.

— Отомстить, жестоко отомстить!—твердилъ мнѣ какой-то внутренній голосъ.

---

[1]) До денегъ.

[2]) Песья кровь. Польское ругательство.

Съ этой минуты страстное желаніе отомстить этой коварной женщинѣ никогда не покидало меня. Мысль о побѣгѣ, ранѣе не приходившая мнѣ въ голову, вдругъ всецѣло овладѣла мною, и я рѣшилъ лишь выждать удобнаго къ тому случая.

Поѣздъ мчалъ насъ къ невѣдомому краю, гдѣ всѣхъ насъ ожидала безотрадная, тяжелая жизнь. По обѣимъ сторонамъ дороги мелькали густые темные лѣса. Мы минули городъ Владимиръ и прибыли въ Нижній [1]). Я зналъ, что здѣсь насъ пересадятъ на пароходъ, и надѣялся во время посадки попытаться бѣжать. Но это было положительно невозможно. Арестанты, неся съ собою мѣшки съ вещами и провизіей, проходили изъ вагона къ пристани между двухъ рядовъ солдатъ. Когда вся партія перешла на барку, пароходъ оттащилъ ее подальше отъ берега. Помѣщеніе для насъ было тѣсное, душное и напоминало собою клѣтку для звѣрей.

Мы проплыли по Волгѣ до Казани, затѣмъ по рѣкѣ Камѣ прибыли въ Пермь. Здѣсь насъ пересадили въ вагоны и повезли по Пермской дорогѣ на Екатеринбургъ, а оттуда насъ отправили на подводахъ, запряженныхъ тройками, по Екатеринбургско-Тюменскому тракту. Это путешествіе продолжалось четверо сутокъ. Во время ночевокъ на этапахъ я не спалъ, высматривая, не представится ли мнѣ случай бѣжать. Но случай не приходилъ.

Въ Тюмени насъ усадили снова на баржу, которая и доставила насъ въ томскую центральную пересыльную тюрьму. Изъ Томска же отправили, въ сопровожденіи сильнаго конвоя, по способу пѣшаго хожденія въ Красноярскъ. Далекій и тяжелый путь этотъ приходилось намъ совершать при сильной осенней стужѣ и плохой одежонкѣ. Здѣсь мнѣ пришлось увидѣть настоящую сибирскую тайгу. По обѣ стороны дороги тянулся густой темный лѣсъ, съ

---

[1]) Здѣсь говорится о прежнемъ маршрутѣ для ссыльныхъ, который въ настоящее время отмѣненъ.

вѣковыми деревьями, вѣтви которыхъ, переплетенныя ползучими растеніями, сцѣпились между собою. Въ узкихъ прогалинахъ виднѣлись покрытыя инеемъ болота и непроходимыя трясины.

Мѣсто для побѣга было удобное. А тутъ и давно ожидаемый случай представился. Во время привала мнѣ удалось, не будучи замѣченнымъ, отойти на нѣсколько шаговъ отъ партіи. Вблизи были кусты молодой ели, а за ними сейчасъ же начинался и таежный лѣсъ.

Счастье мнѣ благопріятствовало, и я бѣжалъ.

Я былъ на волѣ, но еще много лишеній предстояло мнѣ. Пробирался я въ непроходимыхъ дебряхъ, гдѣ нѣтъ ни дорогъ ни селеній и гдѣ только звѣри иногда попадались мнѣ навстрѣчу.

Однажды я наткнулся на медвѣдя, но онъ не тронулъ меня. Голодный и усталый, я плелся, рискуя ежеминутно утонуть въ трясинѣ. Захваченный съ собою запасъ хлѣба уже нѣсколько дней какъ вышелъ, и я питался травою и корнями растеній. Порою я даже сожалѣлъ, что рискнулъ на побѣгъ: я боялся умереть въ тайгѣ. Только мысль о предстоящемъ мщеніи поддерживала и ободряла меня.

У арестантовъ есть пѣсня:

За дикими степями за Байкаломъ,
Гдѣ золото роютъ въ горахъ,
Бродяга судьбу проклинаетъ,
Тащится съ сумою назадъ.

Такъ и я проклиналъ свою судьбу, проклиналъ и безконечный лѣсъ, который сурово глядѣлъ на меня, и людей, которыхъ я возненавидѣлъ, и себя, и все на свѣтѣ. Наконецъ я набрелъ на какое-то кочевье; тамъ меня накормили и дали немного мяса. Я поплелся далѣе. Холодъ пронизывалъ меня насквозь. А тутъ еще разыгрался буранъ. Три дня вѣтеръ вылъ и хлесталъ по деревьямъ съ такой силою, что ты и представить себѣ не можешь. Снѣгъ крутился и носился въ вихрѣ, наваливая огромные сугробы.

Обувь и одежонка мои изорвались. Я обкрутилъ себя берестою, но и это мало защищало отъ холода.

Я весь почти обморозился, но не замерзъ. Какъ живъ остался, не понимаю.

Однажды вечеромъ набрелъ я на одинокое жилье,—заимку, вѣроятно. Сквозь ставни мерцалъ огонекъ. Я хотѣлъ постучаться, попросить хоть корку хлѣба. Но когда подошелъ къ дверямъ и искалъ дверную щеколду, моя рука вдругъ наткнулась на что-то. Это оказался кусокъ хлѣба, привѣшенный къ гвоздю. Вспомнилъ я тутъ объ обычаѣ, который, какъ мнѣ приходилось слышать, существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири: обычай выставлять ѣду для бѣглыхъ. О, какъ я благословлялъ тогда этотъ обычай!

Я добрелъ до Урала. Жилье стало попадаться чаще. Я встрѣчалъ и людей. Иные при видѣ меня, съ крикомъ «варнакъ» спѣшили скрыться отъ меня, иные относились съ состраданіемъ, подвозили меня, кормили и обогрѣвали, а иные гонялись за мною, какъ за звѣремъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ башкиры устроили за мною погоню. Какую пользу они хотѣли извлечь изъ меня—не знаю, но во всякомъ случаѣ преслѣдовали меня цѣлый день съ усердіемъ гончихъ собакъ. И только хитростью я спасся отъ нихъ.

Я брелъ все дальше, держась нужнаго направленія отчасти по разспросамъ о дорогѣ, отчасти по солнцу, а больше по какому-то инстинкту. Я взбирался на горы, спускался внизъ для того, чтобы снова взбираться. То шелъ долиною въ глубокомъ снѣгу, то продирался сквозь густую лѣсную поросль.

Силы мои ослабѣвали. Со мной начало твориться что-то неладное. То мнѣ чудилось, что вѣтви хватаютъ меня, держатъ меня точно клещами, не пускаютъ и притомъ насмѣшливо киваютъ своею хвоей, словно надрываясь отъ смѣха. То казалось мнѣ, что какія-то темныя, мохнатыя чудовища протягиваютъ ко мнѣ свои длинныя цѣпкія руки. То слышалъ, совсѣмъ рядомъ съ собою, бряцаніе кандаловъ, то гдѣ-то вдали топотъ, приближавшійся ко

мнѣ. И я съ удвоенной энергіей пробирался сквозь дикій лѣсъ и карабкался на утесы.

Голодъ и страхъ быть пойманнымъ доводили меня до изступленія. Я готовъ былъ пойти на все, лишь бы достать себѣ кусокъ хлѣба. И я добывалъ его, добывалъ просьбами, кражею и даже насиліемъ.

Помню, зашелъ какъ-то въ лѣсную сторожку и отнялъ у бабы все, что нашелъ съѣстного. Благодареніе Богу, что въ своемъ изступленіи я не дошелъ еще до убійства...

Наконецъ, весь измученный и разбитый физически и нравственно, я доплелся черезъ Уфу до Самары.

Не стану описывать дальнѣйшаго своего путешествія,— это слишкомъ длинно и однообразно. Достаточно того, что скажу, что путь свой отъ Красноярска досюда я совершилъ въ тринадцать мѣсяцевъ.

Шелъ я пѣшкомъ, но случалось, что попадавшіеся добрые люди подвозили меня. При какихъ условіяхъ я совершилъ этотъ путь и что́ претерпѣлъ, нетрудно вообразить тебѣ. Взгляни на меня, и ты поймешь, что́ мнѣ это стоило. Такимъ ли ты зналъ меня раньше?

Бѣглый каторжникъ умолкъ и поднялъ на брата свои грустные, обведенные синими кругами глаза.

— Куда же теперь ты пробираешься?—спросилъ его братъ.

— Куда? Я же говорилъ тебѣ, зачѣмъ бѣжалъ. Я иду въ Волю. Остается уже немного,—еще мѣсяца два-три ходьбы, и я буду тамъ.

Я жажду мщенія. О, какъ я отомщу! Сердце и руки не дрогнутъ у меня, а люди ужаснутся мое́й мести...

— Степа, дорогой мой, оставь эту мысль. Прошу тебя. Зачѣмъ теперь тебѣ эта Елена? Еще, пожалуй, натворишь что-нибудь недоброе и опять сошлютъ тебя, увеличатъ наказаніе. Стоитъ ли она, чтобы подвергать себя тому, что можно избѣжать. Знаешь ли, что я тебѣ скажу! У меня есть небольшой лѣсокъ. На-дняхъ я прогналъ своего лѣсника. Живи тамъ въ лѣсу. Никто тебя здѣсь не знаетъ,

а возлѣ лѣса даже дороги нѣтъ. Проживешь ты весь свой вѣкъ въ избушкѣ, безъ нужды, въ покоѣ и безъ страха быть схваченнымъ полиціей. Тебя не найдутъ тамъ. Пожалѣй себя!

— Оставить мысль, которую я такъ давно лелѣялъ, которой жилъ болѣе года? Нѣтъ, никогда! Я знаю, на что иду. Кнутъ и каторга ждутъ меня. Ну что жъ—пусть будетъ такъ. Но я отомщу. О, какъ жестоко отомщу. Я упьюсь минутой своего торжества, я буду видѣть, какъ она, эта гордая, неприступная полячка, будетъ ползать у моихъ ногъ, въ мучительномъ страхѣ будетъ протягивать ко мнѣ съ мольбою руки, будетъ просить пощады, плакать, стенать, дрожать передъ мною, а я медленно, каплю за каплей, выпущу изъ ея сердца эту гнусную кровь. Я не пощажу ее, не пощажу! Она не посмѣется тогда съ своимъ возлюбленнымъ надъ глупцомъ, который любилъ ее больше жизни и котораго она предала ради ихъ спокойствія и счастья. Ей больше не удастся обнимать и прижимать къ своей груди того пряничнаго амура... Она пожалѣетъ о той минутѣ, когда рѣшилась загубить меня. Я мстить хочу и отомщу во что бы то ни стало, если бы даже это стоило моей жизни! Мстить, мстить!..

Каторжникъ схватился за голову. Онъ былъ страшно блѣденъ, лицо его судорожно подергивалось, а въ налитыхъ кровью глазахъ блуждалъ дикій, злой огонекъ.

Вдругъ онъ зашатался и тяжело опустился на стулъ. Братъ бросился къ нему.

II.

По узкой лѣсной дорожкѣ, которая извивалась между огромными соснами, елями и буковыми деревьями, шелъ худой человѣкъ съ черной длинной бородою, которая рѣзко оттѣняла его блѣдное лицо; это былъ Степанъ Брасовъ.

Недолго онъ пробылъ въ гостяхъ у брата. Послѣ случившагося съ нимъ обморока онъ два дня пролежалъ въ постели, чувствуя себя очень нездорово, но на третье утро онъ сталъ прощаться съ радушнымъ хозяиномъ и категорически заявилъ ему, чтобы его не удерживали. Ни просьбы брата ни предостереженія его и даже угрозы выдать его въ руки полиціи не могли заставить Брасова отказаться отъ засѣвшей въ немъ страшной мысли о мщеніи.

Купивъ на подаренныя братомъ деньги крестьянскую одежду и искусственную бороду, Брасовъ сдѣлалъ себя неузнаваемымъ.

Отъ деревни Воли оставалось не болѣе десяти верстъ.

Идя по дорогѣ, онъ натолкнулся на сидѣвшаго подъ можжевельнымъ кустомъ какого-то крестьянина. Брасовъ рѣшилъ попытать, не знаетъ ли онъ, что теперь дѣлается въ Волѣ, какъ живетъ Елена и войтъ. Попытка увѣнчалась успѣхомъ. Онъ узналъ все, что нужно было ему. По словамъ хлопа, панни Елена вотъ уже болѣе года какъ бросила отца и поселилась въ качествѣ экономки у офицера пограничной стражи, который жилъ на ближайшемъ къ Волѣ посту.

Хлопъ говорилъ, что у нея есть уже годовалый ребенокъ, что офицеръ очень любитъ и балуетъ ее, войтъ же за послѣднее время сильно постарѣлъ, осунулся, сдѣлался угрюмымъ и нелюдимымъ.

Осторожно выпытывая эти свѣдѣнія, Брасовъ весь обратился въ слухъ. Каждое слово хлопа, какъ расплавленное желѣзо, жгло его душу...

На краю довольно большой деревни, рядомъ съ узкой, топкой рѣчонкою, стояло сѣрое деревянное зданіе, гдѣ помѣщался начальникъ пограничной стражи.

Было теплое весеннее утро. Солнце ярко свѣтило на небосклонѣ и обливало своими золотистыми лучами проснувшуюся отъ зимней спячки и ликующую природу. Изъ дверей сѣраго дома вышла высокая, статная женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Она тихими шагами направилась

къ лѣсу, который длинной темной полосою тянулся вдоль всей деревенской околицы, теряясь въ синеватой дали.

Черезъ нѣсколько минутъ она достигла опушки лѣса и скрылась за деревьями. Пробираясь между склонившимися къ землѣ и сцѣпившимися между собою вѣтвями старыхъ елей, она достигла довольно широкой полянки, залитой яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Выйдя на средину ея, молодая мать разостлала на травѣ свой широкій платокъ и улеглась на немъ, прижимая къ груди весело улыбающагося и радостно лепечущаго ребенка.

Хорошенькая дѣвочка, представлявшая собою точный портретъ матери, протягивала свои ручонки къ пестрымъ цвѣтамъ и ярко-зеленой травѣ. Играя и улыбаясь, она начала забавно зѣвать. Черезъ минуту дѣвочка уже спала.

Прикрывъ платкомъ ребенка, мать нагнулась надъ нимъ и, пристально вглядываясь въ тонкія черты личика, о чемъ-то глубоко задумалась. Она такъ сосредоточилась на своихъ думахъ, что не слышала, какъ въ ближайшемъ кустѣ можжевельника, который густо разросся подъ высокою елью, что-то хрустнуло. Изъ куста выглядывало блѣдное, искаженное лицо, окаймленное черной бородою. Темные глаза притаившагося въ засадѣ человѣка сверкали злымъ, кровожаднымъ огнемъ.

Долго глядѣла счастливая мать на дорогое для нея маленькое существо, потомъ склонила свою голову рядомъ съ дѣвочкою и задумчиво глядѣла на голубое, безоблачное небо.

Изъ-подъ бѣлой легкой повязки на головѣ виднѣлись роскошные каштановые волосы, которые непослушными прядями разсыпались по ея округленнымъ, красивымъ плечамъ. Синіе большіе глаза, тонкія, мягко очерченныя брови, яркій румянецъ на бѣломъ, нѣжномъ лицѣ и хорошо развившаяся, стройная фигура молодой женщины дѣлали ее положительно красавицей. Она лежала, закинувъ подъ голову руки, обнаженныя до локтя.

Дремота начала одолѣвать ее и глаза медленно закрылись.

Скрывавшійся за кустомъ человѣкъ вышелъ изъ своей засады и тихими, неслышными шагами приближался къ спящей женщинѣ.

Подойдя почти вплотную къ ней, онъ остановился и жгучимъ, блуждающимъ взглядомъ окидывалъ всю фигуру красавицы. Глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ, а весь онъ трясся отъ охватившаго его волненія. Порывистымъ движеніемъ онъ вытащилъ изъ рукава длинный, отточенный ножъ и, тихо опустившись на колѣно, занесъ надъ пышной, высоко поднимающейся грудью спокойно спящей женщины сверкающее лезвее. Но рука словно замерла въ воздухѣ и лишь судорожно сжимала клинокъ смертоноснаго оружія. Онъ пристально глядѣлъ въ лицо женщины, такъ много сдѣлавшей ему зла, и не могъ оторвать отъ него своихъ воспаленныхъ глазъ.

— Не могу!—глухо, какъ стонъ, вырвалось изъ его груди. И быстро вскочивъ на ноги, онъ, какъ помѣшанный, бросился въ лѣсъ, наталкиваясь на деревья, цѣпляясь за кусты, падая и снова поднимаясь.

Отъ шума шаговъ и треска ломаемыхъ вѣтвей проснулась Елена.

— Свента Марія!—воскликнула она, замѣтивъ на травѣ, рядомъ съ собою слѣды сапогъ.—Кто это такой? Онъ былъ возлѣ меня. Ужъ не лиходѣй ли какой-нибудь!

И схвативъ на руки ребенка, Елена быстрыми шагами скрылась въ лѣсу.

Она прошла около сотни шаговъ и вдругъ, громко вскрикнувъ, остановилась, точно вкопанная. Передъ нею въ лужѣ крови корчился и стоналъ какой-то человѣкъ.

Она вся затряслась и, выронивъ изъ рукъ ребенка, съ дикимъ, нечеловѣческимъ воплемъ бросилась бѣжать, безпрестанно спотыкаясь о кочки и обнажившіеся корни.

— Елена, что съ тобою?!—воскликнулъ красивый поручикъ, когда Елена, хлопнувъ дверями, влетѣла въ его комнату.

— Онъ! Онъ, онъ!..

— Кто?

— Онъ, онъ!.. Тамъ...

— Да кто онъ, скажи толкомъ,—говорилъ офицеръ, взявъ ее за руку.

— Онъ... какъ его... Брасовъ.

— Брасовъ?!

— Да, тамъ, въ лѣсу... зарѣзанный... и ребенокъ тамъ.

Много стоило труда, чтобы добиться отъ Елены, гдѣ именно она натолкнулась на тѣло зарѣзаннаго.

Поручикъ, въ сопровожденіи двухъ солдатъ, побѣжалъ по указанному Еленой направленію. Съ четвертъ часа ходили они по лѣсу, заглядывая подъ каждый кустъ, какъ вдругъ одинъ солдатъ заоралъ во все горло:

Ваше благородіе! Здѣсь! Вотъ онъ!

Поручикъ подбѣжалъ къ небольшой, приземистой ели, откуда слышался голосъ солдата.

На измятой, обагренной кровью травѣ лежалъ смертельно блѣдный человѣкъ въ крестьянской одеждѣ. На груди его зіяла глубокая рана, откуда текла темная пѣнящаяся кровь. Рядомъ съ нимъ лежала черная приставная борода и длинный ножъ.

Одна рука несчастнаго судорожно сжимала грудь, а другая покоилась на головѣ ребенка, который, весело улыбаясь, преспокойно водилъ пальцемъ по его окровавленной щекѣ. Потухающій взоръ самоубійцы былъ устремленъ на ребенка. Сколько любви, сколько горя, тоски и отчаянія было въ этомъ взглядѣ!

— Скажи...—шептали побѣлѣвшія губы умирающаго,— скажи... что я... простилъ ее... я любилъ ее... лю...

Вдругъ онъ захрипѣлъ, тѣло его скорчилось и затѣмъ сразу выпрямилось. Глаза его попрежнему были устремлены на ребенка, но въ нихъ не было уже и слѣда жизни.

Грустный, потрясенный страшной картиною стоялъ передъ трупомъ поручикъ. Какое-то острое чувство зашевелилось въ его груди.

ПРЕКРАСНАЯ.

(Отрывокъ изъ романа.)

I.

Немножко дыханія, немножко любви, вина, честолюбія, славы, войны, покаянія, праха—и такъ пройдетъ вся жизнь.

Байронъ.

Невзраченъ и непривѣтливъ уѣздный городишко N.

Лежитъ онъ на песчаномъ островѣ, среди топкаго болота, окруженнаго со всѣхъ сторонъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ.

Старая, съ ухабами и острыми камнями шоссейная дорога тянется изъ лѣса по болоту, входитъ въ городъ, образуя собой главную улицу, и исчезаетъ снова въ лѣсной просѣкѣ.

Вдоль шоссе пестрѣютъ верстовые знаки, телеграфные столбы, кучи мелкаго щебня и битаго кирпича.

Съ одной стороны лѣсъ подходитъ очень близко къ городу, такъ что можно различить отдѣльныя сосны и ели. На остальномъ же протяженіи своего кольца онъ значительно удаляется отъ города и виднѣется лишь едва замѣтной темной полосой.

Мѣстность низкая, и только верстахъ въ двадцати на востокъ встрѣчаются покрытые острыми камнями отроги Карпатскихъ горъ.

По окраинамъ болота, едва вытаскивая ноги, бродятъ мелкорослыя польскія крестьянскія «коняки», а на срединѣ его гордо маршируетъ цапля, хлопая своими длинными крыльями. Подъ городомъ протекаетъ узкая и мелкая рѣ-

чонка, берега которой сплошь покрыты низкорослымъ тальникомъ, осокой да колючимъ хвойникомъ.

Улицъ въ городѣ немного,—ихъ можно перечесть по пальцамъ. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣютъ довольно громкія названія, какъ напр.: «Графская» и «Милліонная». Почему послѣдняя названа «Милліонной»—осталось тайной для всего городского населенія. Впрочемъ мѣстные остряки утверждали, что названіе это дано, вслѣдствіе милліоновъ насѣкомыхъ, которыми заполнены всѣ щели обывательскихъ квартиръ.

Переулки узкіе, вонючіе, не вымощены камнемъ и представляютъ рѣдко высыхающую грязь—смѣсь земли съ кухонными и другими домашними отбросами.

По обѣимъ сторонамъ улицъ устроены изъ деревянныхъ досокъ и бревенъ тротуары для пешеходовъ. Такъ какъ они почти никогда не ремонтируются, то при гуляніи по нимъ приходится наблюдать настоящую скачку съ препятствіями.

Дома преимущественно деревянные, одноэтажные, съ тремя окнами по фасаду, крытые гонтомъ и до того однообразные, что пріѣзжій, несмотря на малые размѣры города, находится въ большомъ затрудненіи, когда ему приходится разыскивать чье-либо обиталище.

Въ центрѣ города красуются двухъэтажныя зданія: магистратъ, уѣздное управленіе, офицерскій клубъ, синагога, двѣ казармы и нѣсколько домовъ, принадлежащихъ мѣстнымъ магнатамъ. Далѣе виднѣется небольшая печальнаго вида православная церковь, огромный старый костелъ и такъ-называемый городской скверъ. Вокругъ послѣдняго кольцомъ идетъ дощатый значительно обветшалый заборъ. Садикъ довольно уютный и дающій много тѣни. Посреди сквера эстрада, гдѣ въ праздничные дни играетъ хоръ военныхъ музыкантовъ. Тутъ же рядомъ устроенъ небольшой деревянный театръ, гдѣ пріѣзжающіе захудалые артисты и мѣстные любители—имя же имъ легіонъ—даютъ спектакли. Въ саду обыкновенно много гуляющихъ. Въ «шабаши» же, когда разряженныя въ пухъ и прахъ

еврейки, съ необыкновенными перьями и лентами на шляпахъ, и молодые, умывшіеся ради шабаша, еврейчики старательно шлифуютъ кочковатыя дорожки, пролѣзть сквозь движущуюся толпу гуляющихъ представляетъ нелегкую задачу.

За скверомъ городская площадь, гдѣ въ базарные дни трудно не только проѣхать, но и пройти. Вокругъ площади сплошь еврейскіе магазины, лавки и лавчонки. Куда ни взглянешь—вездѣ вывѣски: «Zajazd» [1]), «Бакалейнова торговля Ицки Гольдштейнъ», «Варшавски сапожникъ Зильберфрантъ», «Военні и штацкі портной Фукстель-Бирнбаумъ - Анфельбаумъ», «Дамскі и мущинскі куаферъ», «Торговля галлантерейными и даже письменными принадлежностями Шлемы Хайкина», «Часовой мастеръ по исходнымъ цѣнамъ» и проч. На вывѣскахъ красуются вперемежку сахарныя головы, огромные колачи и булки, сапоги, бутылки съ бьющимъ кверху пивомъ, хомуты, какія-то неизвѣстныя рыбы лиловаго цвѣта, фуражки еврейскаго покроя, шапки, свиные окорока, колбасы, гроба, яблоки, дамскія шляпы, кофейники и проч. и проч.

Въ концѣ города высятся деревянныя военныя казармы, а за ними учебный песчаный плацъ и топкое моховое, все покрытое кочками, болото.

Городское населеніе состоитъ изъ трехъ разнородныхъ элементовъ: поляковъ, евреевъ и русскихъ, при чемъ евреи составляютъ чуть ли не половину всей численности. Русскіе же преимущественно изъ расположенныхъ здѣсь военныхъ и мѣстнаго чиновничьяго люда. Кавалерійскій полкъ, четыре роты пѣхоты и казачья батарея нѣсколько оживляютъ собою невзрачный городъ N.

Монотонна и порою очень скучна жизнь въ г. N. Но привычка беретъ свое, и многіе изъ жителей до того свыклись съ городомъ, что не имѣютъ даже и желанія куда-либо уѣхать изъ него.

---

[1]) Постоялый дворъ.

Заброшенный на окраину нашей имперіи, въ пяти верстахъ отъ австрійской границы и въ девяноста верстахъ отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи, городъ N жилъ и живетъ той особенной жизнью, которая невѣдома и непонятна для жителя большихъ городовъ.

Веселятся рѣдко. Обыкновенно же скучаютъ и не знаютъ, куда дѣть себя, какъ использовать свободное время.

На улицахъ обыкновенно царствуетъ тишина, подчасъ такая мертвящая тишина, что даже у туземцевъ этого заброшеннаго городка становится скверно, тоскливо на душѣ.

Но въ описываемый нами день на улицахъ и на площади замѣчалось особенное движеніе. Причиною тому былъ балъ въ офицерскомъ собраніи.

Знаете ли вы, что такое балъ въ уѣздномъ городишкѣ, заброшенномъ на глухую окраину, да еще какой балъ—первый въ зимнемъ сезонѣ и притомъ въ военномъ клубѣ? Если читателю не случалось бывать въ такихъ богоспасаемыхъ городахъ, то онъ не можетъ имѣть понятія о такомъ балѣ.

Еще за мѣсяцъ до него въ городѣ самымъ точнымъ образомъ знаютъ день этого бала, знаютъ, кто будетъ приглашенъ и кто нѣтъ и почему; магазины заполняются дѣвицами и дамами, а еврейчики спѣшатъ тѣмъ временемъ сопхнуть всякую заваль и гниль; покупаются разные рюши, кружева, матеріи, перчатки, духи; поднимается усиленная бѣготня по модисткамъ, портнымъ, сапожникамъ и прочимъ благодѣтелямъ и благодѣтельницамъ рода человѣческаго.

А если бы вы знали, сколько разговоровъ, споровъ, разсужденій, догадокъ, предположеній, надеждъ и сомнѣній порождаетъ этотъ балъ? Всѣ жили тихо да мирно, и вдругъ сразу какъ-то ожили, засуетились, заговорили и забѣгали.

И съ какимъ нетерпѣніемъ и даже нѣкоторымъ трепетомъ ждутъ этого бала.

Барышня боится оказаться одѣтой хуже другихъ или съ меньшимъ вкусомъ, а иная, жмуря глазки, воскли-

цаетъ: «Я предчувствую, что на этомъ балѣ рѣшится наконецъ моя судьба». Юный корнетъ трепещетъ за свой успѣхъ въ мазуркѣ и старательно зубритъ объясненіе въ любви, которое онъ долженъ экспромптомъ сдѣлать подъ меланхолическіе звуки вальса «Въ объятіяхъ Марса». Любители картъ предвкушаютъ сладость будущаго генеральнаго побоища на зеленомъ полѣ. Маменьки смутно надѣются съ перваго же бала завербовать выгоднаго зятька, а безпечные папеньки питаютъ болѣе опредѣленныя и осуществимыя надежды—выпить лишнюю рюмку зубровки или коньяку съ лимономъ, закусивъ изрядной порціей свѣжей икры или осетринки.

Всѣ ждутъ, готовятся, считаютъ дни и безпрестанно повторяютъ: «Ахъ, хотя бы скорѣе, а то, знаете, такая скука, такая скука!»

Еще за нѣсколько дней до бала въ залахъ, гостиныхъ, по всему зданію военнаго собранія былъ слышенъ шумъ, бѣготня и руготня. Старательно мылись и натирались воскомъ полы; выбивалась изъ мебели плотно засѣвшая пыль, чистились до ослѣпительнаго блеска канделябры и дверныя ручки; мылись водкою оконныя стекла и зеркала, а зало декорировалось зелеными вѣтвями, пестрыми цвѣтами и сверкающимъ оружіемъ. Сколько хлопотъ, сколько суеты!

Еще съ утра изъ военнаго клуба бѣгали два солдатика то въ винный погребъ за винами, то въ фруктовую лавку за грушами и прочимъ десертомъ, то въ посудную лавку за бокалами и блюдами необъятныхъ размѣровъ.

Завѣдывающій хозяйствомъ клуба, толстый поручикъ, еще съ ранняго утра хлопоталъ и бѣгалъ изъ одной комнаты клуба въ другую; въ сотый разъ осматривалъ, на мѣстѣ ли стулья въ танцовальномъ залѣ, разставлены ли ломберные столы, имѣются ли мѣлки и щетки; въ сотый разъ справлялся у буфетчика, все ли въ достаточномъ количествѣ припасено и не забылъ ли онъ про водку «редлювку»,—полковникъ очень любитъ попробовать передъ ужиномъ одну-двѣ рюмки этой водки.

Не успѣло еще какъ слѣдуетъ стемнѣть на дворѣ, а уличный фонарщикъ, предувѣдомленный заранѣе о днѣ бала, не успѣлъ еще зажечь фонарь, что при входѣ въ помѣщеніе военнаго собранія, какъ танцовальное зало, гостиныя и прочія комнаты клуба уже сіяли блескомъ и ослѣпительнымъ свѣтомъ.

Въ провинціальныхъ городкахъ начинаютъ съѣзжаться на балъ не по-столичному, не въ 10 или 11 часовъ ночи, а съ того часа, какъ на дворѣ станетъ темно. Впрочемъ, это относится лишь до простыхъ смертныхъ.

Бонтонныя же барыни—жены и дочери предводителей дворянства, генераловъ, богатыхъ помѣщиковъ—стараются изо всѣхъ силъ пріѣхать позже другихъ. Одѣвшись чуть ли не съ пяти часовъ послѣ обѣда, онѣ сидятъ передъ зеркаломъ, нетерпѣливо постукиваютъ бѣлымъ вѣеромъ съ лебяжьимъ пухомъ и въ тысячный разъ поглядываютъ въ зеркало и на часы.

— Maman, пора уже ѣхать,—говоритъ дѣвица, у которой, какъ говорится, лопнуло терпѣніе.

— Ахъ, ma chère, еще рано—только 11 часовъ. Вдругъ пріѣдемъ ранѣе этой жирной Мардашкиной? Да вѣдь она тогда совсѣмъ носъ подниметъ. Mon amie, il faut toujours et partout avoir l'estime de soi même. C'est L'alphabet du grand monde.

И случается, что иная маменька съ дочкой или мнящая себя интересной чья-либо супруга являются на балъ въ первомъ часу пополуночи, когда въ залѣ уже слышна финальная мазурка...

Едва часы, висящіе въ передней военнаго клуба, какимъ-то хриплымъ звономъ пробили восемь часовъ, какъ на лѣстницѣ показались уже двѣ дамы, въ темныхъ тальмахъ, мягкихъ небрежно накинутыхъ на головы платкахъ, съ приподнятыми шлейфами, такъ что виднѣлись кружева нижнихъ сокровенныхъ одеждъ и свѣтлыя туфли.

Черезъ часъ зало было уже полно. Всѣ комнаты необыкновенно оживились: говоръ, шуршаніе платьевъ, стукъ

передвигаемыхъ стульевъ, шарканіе, привѣтствія, смѣхъ, шопотъ,—ну точно улей пчелъ, которыхъ потревожилъ храбрый лакомка.

Въ такъ-называемой игорной комнатѣ за шестью ломберными столами шло жестокое и шумное сраженіе на зеленомъ полѣ.

Въ билліардной тѣмъ временемъ шла другая битва на зеленомъ полѣ. Шары прыгали, стучали, ударяясь о лузы, а игроки съ такимъ вниманіемъ слѣдили глазами за ихъ направленіемъ, точно этимъ шаромъ рѣшался вопросъ жизни или смерти. Какой-то офицерикъ въ то время, когда упрямый шаръ шелъ не по желанному направленію, наклонялъ голову, махалъ руками и ногами, какъ бы помогая этимъ самымъ движенію шара.

За билліардной, въ открытую дверь, видна читальня или библіотека, гдѣ сидятъ надъ какими-то иллюстраціями полковой священникъ, отецъ Аввакумъ, пожилой пѣхотный подполковникъ и юный эстандартъ-юнкеръ. Послѣдній просмотрѣлъ только-что полученный нумеръ «Русскаго Инвалида», но, увы, въ числѣ произведенныхъ въ офицеры не нашелъ своей фамиліи. Лицо его на минуту омрачилось, онъ подвинулъ нумеръ газеты къ подполковнику, завладѣлъ листкомъ какого-то юмористическаго журнала съ аляповато раскрашенными карикатурами и, взглянувъ на нихъ, умильно улыбнулся и весь засіялъ.

Изъ сосѣдней комнаты доносился громкій разговоръ, хохотъ и хлопаніе пробокъ. Несмотря на то, что было только около двѣнадцати часовъ, въ буфетѣ было уже нѣсколько человѣкъ.

Тутъ были и танцоры, утирающіе платкомъ свои вспотѣвшія лица, и карточные игроки, прибѣжавшіе подкрѣпить себя живительной влагой, и только-что окончившіе партію на билліардѣ и распивающіе выигрышъ, и господа, почему-либо не принимавшіе участія ни въ играхъ ни въ танцахъ, но коротавшіе время возлѣ буфета. Въ столовой, смежной съ буфетомъ, за однимъ изъ столовъ засѣдала ве-

селая компанія: три офицера-кавалериста и мѣстный почтмейстеръ. Съ этой компаніей читателю слѣдуетъ познакомиться. Фамиліи собесѣдниковъ были... Фамиліи эти, какъ и водится, здѣсь вымышлены. Авторъ задавался было мыслью дать своимъ героямъ фамиліи совершенно несуществующія. Но сколько онъ ни ломалъ голову, а труды его остались тщетными.

Возьмите названія любого предмета, съ душой или безъ нея, животнаго, металла и даже небеснаго свѣтила, любое прилагательное,—и тогда вы не придумаете несуществующей фамиліи.

Всегда найдется кто-нибудь, у котораго названіе этого предмета цѣликомъ или въ своемъ корнѣ составляетъ его фамилію.

Бѣда, право, съ этими фамиліями.

У самаго края стола сидѣли подпоручикъ Воробышкинъ и ротмистръ Лавровъ.

Воробышкинъ и Лавровъ считались друзьями, и хотя были различныхъ характеровъ и возрастовъ, но поистинѣ заслужили прозвище полковыхъ аяксовъ.

Лавровъ слылъ за серьезнаго и дѣльнаго командира эскадрона, хотя былъ еще среднихъ лѣтъ.

Съ дамами онъ болталъ, но за ними не ухаживалъ и никогда не участвовалъ въ танцахъ, за что и получилъ отъ нихъ прозваніе «буки». Лишь въ кругу ресторанныхъ пѣвицъ онъ оживлялся, дѣлался веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ.

— Эти,—говорилъ онъ, указывая на пьющихъ вино и ведущихъ беззастѣнчивые разговоры дѣвицъ,—эти, по крайней мѣрѣ, естественны.

Воробышкинъ же любилъ всегда болтать всякій вздоръ, пошутить, выкинуть какую-нибудь шутку, казался неспособнымъ ни къ чему серьезному и имѣлъ 21 годъ.

Онъ недавно былъ произведенъ въ офицеры, ходилъ всегда одѣтымъ съ иголки, любилъ ухаживать за барышнями и писать имъ въ альбомы массу стиховъ.

Прекрасныя обладательницы раздушенныхъ альбомовъ, читая произведенія Воробышкина, хохотали до упада и заучивали ихъ наизусть, какъ невѣроятную чепуху.

Рядомъ съ Лавровымъ сидѣлъ поручикъ Миллеръ. Это былъ довольно красивый и бравый на видъ мужчина, крѣпкаго тѣлосложенія, высокаго роста, съ энергичнымъ лицомъ и большими блестящими глазами. Въ полку онъ слылъ подъ кличками «Щетинки» и «Сердцегрыза».

Рядомъ съ Миллеромъ виднѣлась низенькая фигура начальника мѣстной почтовой конторы, Ивана Ивановича Невѣрова. Фамилію, впрочемъ, Ивана Ивановича мало кто зналъ. Подъ титуломъ же «почтмейстера» его знали всѣ, отъ мала до велика. Если бы спросили, гдѣ живетъ почтмейстеръ, вамъ всякій указалъ бы его квартиру. Но если бы спросили, гдѣ проживаетъ господинъ Невѣровъ, то могли бы, навѣрное, получить въ отвѣтъ: «Не знаю», или: «Гм! кто же это такой? Вѣроятно пріѣзжій? О такомъ что-то не слыхалъ никогда».

Почтмейстеръ получилъ за своей женою изрядное состояніе, но неизмѣнно много уже лѣтъ несъ на себѣ бремя почтовой службы. Злые языки утверждали, что служилъ онъ по настоянію своей законной половины, для «представительства».

Невѣровъ любилъ водить компанію съ офицерами, любилъ выпить въ веселомъ обществѣ и въ штосикъ перекинуться. Любили его и военные, что однако не мѣшало имъ постоянно подшучивать надъ «почтовымъ рябчикомъ».

— Такъ отчего же вы, знаете ли именно, не женитесь?— говорилъ почтмейстеръ Лаврову, повидимому продолжая начатый разговоръ.

— Отчего? Право трудно сказать отчего.

— Ну, по крайней мѣрѣ? Вѣдь вамъ ужъ, знаете ли именно, пора. А у насъ, знаете ли, невѣстъ-то, уфъ какъ много, знаете ли именно!

— А вамъ-то, милѣйшій Иванъ Ивановичъ, вѣроятно тоже не безызвѣстны эти строки:

Хочешь быть учтивъ—поклонись,
Хочешь поднять—нагнись,
Хочешь быть въ раю—молись,
Хочешь быть въ аду—женись.

— Да-съ, именно, именно, Павелъ Андреевичъ! Ха-ха-ха!—залился раскатистымъ смѣхомъ почтмейстеръ, при чемъ носъ его принялъ фіолетовый оттѣнокъ.

— Вѣрно-съ, совершенно вѣрно. Вашу руку! И лучше, знаете ли, не жениться вовсе. Много бѣды намъ отъ этого женскаго пола. Я, знаете ли именно, говорю по опыту, по опыту, дорогой Павелъ Андреевичъ! Изъ-за женщины я не кончилъ курса въ духовной семинаріи. Да-съ! И женился вдобавокъ! И отъ женщины вотъ терплю.

Почтмейстеръ залпомъ выпилъ бокалъ вина и продолжалъ:

— Я-съ, Павелъ Андреевичъ, отъ всѣхъ бѣдъ въ жизни ушелъ и ухожу, а отъ своей женушки не могу уйти—она, знаете ли, эта прелесть вдалекѣ, ангелъ на улицѣ, дьяволъ дома, сорока въ дверяхъ, коза въ вертоградѣ.

— Ну полно, что это вы такъ?—пробовалъ Лавровъ остановить вскипѣвшаго супруга.

— Что? По опыту-съ, по опыту-съ! Это, знаете ли, какъ говорится въ старинныхъ сказаніяхъ, сатанинъ праздникъ, а не жена, это покоище змѣиное, цвѣтъ дьявольскій, коза неистовая, знаете ли, вѣтеръ сѣверный, день ненастный.

— Ха-ха-ха!—захохотали сидѣвшіе вокругъ стола.

— Да-съ, по опыту, именно, знаете ли, по опыту!

— Иванъ Ивановичъ! Ваша жена зоветъ васъ,—вдругъ обратился къ почтмейстеру вбѣжавшій офицеръ пограничной стражи, Козловскій.

— Ахъ, жена? Сейчасъ, сейчасъ!

Подойдя къ зеркалу, почтмейстеръ тщательно поправилъ свои взъерошенные волосы, пригладилъ рыженькую бородку, проглотилъ пару мятныхъ лепешекъ, дабы острое обоняніе «неистовой козы» не было оскорблено виннымъ за-

пахомъ, медленно и нехотя поплелся въ танцовальный залъ. Вслѣдъ за нимъ отправились и его компаніоны.

Только-что окончился вальсъ. Пользуясь антрактомъ, дамы гуляли и сидѣли, обмахиваясь вѣерами. Возлѣ нихъ жужжали и суетились кавалеры: офицеры кавалерійскіе, пѣхотные и пограничной стражи, штатскіе во фракахъ и казачій офицеръ, обратившій на себя вниманіе своими широченными шароварами и мундиромъ, который сидѣлъ на немъ точно мѣшокъ изъ-подъ овса. Вышли въ залъ и наши пріятели.

Лавровъ остановился въ аркѣ и сталъ кругомъ осматриваться.

Лица все знакомыя.

Въ двухъ шагахъ отъ Лаврова двѣ какихъ-то дѣвицы вели оживленный разговоръ.

— Ахъ, какъ жаль, Надя, что я не успѣла дочитать «Кровавый слѣдъ»! Меня ужасно интересуетъ, бросился ли Жакъ въ пропасть, убилъ ли свою мачеху или женился на герцогинѣ.

— А какая у меня книга,—просто прелесть! Я положительно зачитываюсь ею. Называется: «Ранняя любовь, или три смерти на берегу моря». Замѣчательно интересно!

Рядомъ съ дѣвицами сидѣла высокая, статная, съ подвижнымъ лицомъ и признаками прежней красоты дама.

Замѣтивъ Лаврова, она встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ аркѣ.

— Здравствуйте, Бука!—сказала она, поровнявшись съ Лавровымъ.

— Здравствуйте. Простите, у меня совсѣмъ глаза разбѣжались.

— Ха-ха-ха! Только-то поэтому вы не замѣтили меня? Такъ я вамъ и повѣрю

— Помилуйте, Констанція Владиславовна, я такъ не привыкъ къ такому блеску и круговороту, что положительно въ глазахъ зарябило.

— А въ наказаніе за вашу невѣжливость вы должны принести мнѣ сейчасъ же стаканъ воды.

Лавровъ бросился въ буфетъ и, схвативъ стаканъ лимонаду, черезъ минуту уже сидѣлъ рядомъ съ пани Констанціей.

Пани Констанція, жена мѣстнаго аптекаря, несмотря на свои тридцать лѣтъ, какъ истая полька, обладала изяществомъ, граціей и безграничнымъ кокетствомъ.

Злые языки утверждали, что аптекарша любила заводить романы и даже была когда-то причиной дуэли.

— Садитесь пожалуйста рядомъ,—сказала она,—а то противный Воробышкинъ опять подсядетъ,—ужасно надоѣлъ онъ.

— Это не ново, очаровательная пани Констанція. Кокетничаемъ, чаруемъ, ну, а потомъ: «Надоѣлъ—убирайся вонъ». Я давно знаю, что вы способны лишь шутить и смѣяться надъ нами, несчастнымъ и слабымъ мужскимъ поломъ.

— Ха-ха-ха! — звонко засмѣялась хорошенькая полька.—Только не надъ вами: ваше сердце и тараномъ не разобьешь! А у меня есть отличная пѣсенка:

Мама муви—жемъ кокета,
Жемъ фиглярне очи мамъ.
На то естемъ я кобета,
А очента Бугъ мнѣ далъ [1]).

— Хорошая пѣсенка, и видно, что вы ее очень любите и придерживаетесь ея.

Пани Констанція кокетливо улыбнулась и, слегка коснувшись вѣеромъ его руки, начала разсказывать про ухаживанія за нею какого-то польскаго магната.

— Кто это?—вдругъ спросилъ Лавровъ, указывая гла-

---

[1]) Мама говоритъ, что я кокетка,
Что бойкіе глазки имѣю.
На то я женщина,
А глаза Богъ мнѣ далъ.

зами на проходящую мимо пару: Воробышкина и блондинку.

— Эта? Совинская.

И пани Констанція наградила проходившую мимо блондинку презрительной гримасой.

Средняго роста, съ мягко очерченной фигуркой, свѣтлыми вьющимися волосами, которые непокорными локончиками слегка прикрывали бѣлый и красивый лобъ, съ свѣтлыми бойкими, искрящимися глазами, но съ неправильнымъ, грубоватымъ ртомъ,—Совинская не могла назваться красавицей, хотя своей наружностью и обращала на себя вниманіе.

Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что именно показалось въ ней особеннымъ, сразу выдѣляющимъ ее изъ среды прочихъ дамъ, къ которымъ Лавровъ относился съ полнымъ равнодушіемъ, онъ пристально глядѣлъ на нее и все въ ней находилъ необыкновенно привлекательнымъ.

Онъ не слыхалъ, что ему говорила пани Констанція, невпопадъ что-то отвѣтилъ и видѣлъ лишь одну Совинскую.

— Павелъ Андреевичъ! Что съ вами? Вы заснули или влюбились въ эту Совинскую?

И пани Констанція послала вдогонку интересной блондинкѣ такой уничтожающій взглядъ, которому могъ бы позавидовать любой становой приставъ.

— Васъ вѣчно тянетъ туда, откуда остальные бѣгутъ,— ворчала аптекарша,—тянетъ къ пѣвицамъ, балеринамъ, разнымъ феямъ, а теперь ужъ потянуло къ этой вѣтряной мельницѣ. Фи! Смазлива, пуста и много о себѣ воображаетъ.

Лавровъ разсѣянно слушалъ, а пани Констанція приходила все въ большій и большій азартъ.

— И представьте себѣ, она еще гнушается нашимъ обществомъ. Уморительно, какъ она разглагольствуетъ, что выйдетъ замужъ лишь за выдающагося по уму человѣка, который, однако, никогда не былъ близокъ женщинѣ. Жаждетъ взять на веревочку агнца непорочнаго. Это среди васъ-то, мужчинъ, агнца искать, когда теперь уже гимна-

зисты четвертаго класса страдаютъ отъ излишествъ въ увлеченіяхъ женщинами и виномъ и бѣгаютъ къ докторамъ по дурнымъ болѣзнямъ, а юноши постарше возрастомъ читаютъ рефераты о преимуществахъ садизма предъ мазохизмомъ. Ха-ха-ха! И что въ ней хорошаго? Смазливое лицо, а фигура такая, что только привѣсить къ ней передникъ и подписать: «Акулина». А одѣвается? Ни малѣйшаго вкуса и понятія о модѣ!

Лаврову надоѣло слушать эти тирады, онъ всталъ и подъ какимъ-то предлогомъ оставилъ аптекаршу, направившись въ ту гостиную, куда скрылась Совинская.

Войдя въ гостиную, онъ поздоровался съ двумя-тремя знакомыми дамами и подсѣлъ къ почтмейстеру, который стоялъ у окна, поглядывая на проходящихъ тупымъ и лишеннымъ всякаго выраженія взглядомъ.

— А, вотъ отлично, что вы пришли, Павелъ Андреевичъ!—сказалъ онъ подошедшему Лаврову.—Я умираю, знаете ли именно, отъ тоски. Танцовать не умѣю, да и не къ лицу мнѣ танцы, бесѣдовать не гораздъ, а торчу здѣсь потому, значитъ, что законная половина не пускаетъ. «Сиди, говоритъ, здѣсь, хотя для представительства, да въ буфетъ не смѣй ни ногой!» А какое, знаете ли именно, съ меня представительство? И въ буфетъ почему нельзя? Хотя и слабъ я, правду сказать, но выпить могу, знаете ли именно.

И почтмейстеръ съ такимъ ожесточеніемъ потеръ кончикъ своего фіолетоваго носа, точно на немъ хотѣлъ выместить всю свою досаду.

— Какая прелесть!—сказалъ Лавровъ, указывая почтмейстеру на сидѣвшую у камина Совинскую.

Голубой свѣтъ, падавшій изъ огромной лампы съ абажуромъ, придавалъ лицу интересной блондинки эффектный и чарующій видъ.

Лавровъ видѣлъ ея профиль, ея дышащее здоровьемъ и жизнью лицо, ея выразительные съ мягкимъ оттѣнкомъ глаза, отъ которыхъ онъ не могъ оторвать своего взора.

— Кто это прелесть? Моя племянница?—недоумѣвающе спросилъ почтмейстеръ

— Совинская

— Ну, да! Она мнѣ племянница

— Развѣ? А вѣдь я-то не зналъ

— Иванъ Ивановичъ, представьте меня ей,—продолжалъ Лавровъ, взявъ почтмейстера за локоть.

— Кому?

— Племянницѣ вашей

— Ей?

— Ну да, ей

— Зачѣмъ вамъ?

— Да такъ, просто хочется познакомиться.

— Ну ужъ нѣтъ, извините меня, увольте отъ этой комиссіи. Во-первыхъ, жена потомъ обругаетъ. Она всегда говоритъ: «Ты не смѣй представлять мнѣ твоихъ хорошихъ знакомыхъ, потому что съ тобой лишь тотъ хорошо знакомъ, кто пьяница, а съ малоизвѣстными я вовсе-де не желаю заводить знакомства». Къ тому же, правду сказать, она наслышалась о васъ, какъ о кутилѣ и безшабашной головѣ. Во-вторыхъ, братъ, заводить знакомства съ этой породой не совѣтую: всѣ онѣ однимъ миромъ мазаны. Отъ осины яблоки не родятся. Если бы я могъ, я бы уже давно отряхнулъ отъ сапогъ своихъ прахъ дома ихъ. И даже если бы пришлось мнѣ жить съ ними на необитаемомъ островѣ, и тогда не захотѣлъ бы видѣть ихъ. Но судьба, судьба мѣшаетъ, а то, я знаете именно, уже давно бы того...

Охъ жена!
Охъ жена!
Ужъ далась мнѣ, знать, она!
Охъ жена!
Охъ жена!
За грѣхи мнѣ, знать, дана!

Тутъ Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ такой жестъ, точно намѣревался улетѣть.

Въ это время въ залѣ грянулъ оркестръ. Захватываю-

щіе звуки мазурки проникли въ гостиную, игральную, читальню и даже въ буфетъ. Дирижеръ засуетился. Залъ наполнился танцующими и зрителями.

Завсегдатаи танцовальнаго зала дѣлились на два совершенно различныхъ типа: танцоровъ и зрителей.

Первые исключительно пляшутъ, и подчасъ съ такимъ рвеніемъ и неутомимостью, которымъ могъ бы позавидовать ломовикъ. Излюбленная мечта ихъ: исполнить танецъ новомодный и притомъ еще на новомодный, имъ лишь извѣстный ладъ. Представители этого типа—завзятые ухаживатели и кавалеры.

Между тѣмъ какъ господа зрители отличаются положительностью, солидностью и слоновой неповоротливостью. Сюда относятся главнымъ образомъ мамаши и тетушки, привозящія своихъ дочерей и племянницъ на вечера.

Мамаши зорко слѣдятъ за дочерями, подхватываютъ на лету слова кавалеровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не упускаютъ изъ вида и прочихъ присутствующихъ.

Онѣ обладаютъ тѣмъ рѣдкимъ глазомѣромъ, которому могли бы позавидовать наши стратеги. Мелькомъ взглянувъ на проходящую даму, онѣ способны съ невѣроятной точностью перечислить всѣ мелочи туалета прошедшей дамы, опредѣлить почти безошибочно стоимость, время и мѣсто изготовленія платья.

Это самые строгіе и обыкновенно пристрастные критики. Никто и ничто не укроется отъ ихъ глаза и отъ ихъ языка. А языкъ у нихъ острый и переполненъ подслащеннымъ ядомъ.

— Я, душечка, ужасно не люблю сплетенъ,—говоритъ какая-нибудь мамаша другой,—это такая мерзость и низость! Представьте, о мадмазель N говорятъ какую небылицу!..

Тутъ нелюбящая сплетенъ дама начинаетъ перечислять, что́ именно говорятъ, при чемъ, по какой-то странной привычкѣ, ради красоты ли слога, поясненія ли, или ради чего другого, къ слышанному добавляетъ и свое. Подчасъ

она сама удивляется своей фантазіи и изобрѣтательности и мысленно говоритъ: «Что жъ такое, что прибавила? Все равно, если я не сочиню, то другія сочинятъ».

— Вотъ какія гадости говорятъ о ней,—заканчиваетъ свою рѣчь врагъ сплетенъ.—Я недоумѣваю только, кто этимъ занимается. Какой противный нашъ городишко! А знаете ли, о мадамъ X и поручикѣ Y говорятъ... О, я, конечно, не вѣрю! Но представьте говорятъ, что она...

Здѣсь врагъ сплетенъ начинаетъ новую нескончаемую и фантастическую исторію, сильно разящую саломъ, глупостью и очевидной невѣроятностью.

Въ числѣ зрителей находятся и особые любители лицезрѣнія, сиднемъ-сидящія у стѣнъ въ продолженіе цѣлыхъ шести часовъ: мнящіе себя разочарованными, à la Онѣгинъ; молодые люди, страстно желающіе пуститься въ плясъ, но, по своей непобѣдимой робости и неуклюжести, ограничивающіеся лишь лицезрѣніемъ; папаши, которыхъ мамаши держатъ возлѣ себя незримыми міру канатами, и два-три лица, явившіяся съ какихъ-либо именинъ, крестинъ или безыменной пирушки.

Послѣдніе сидятъ въ углу, улыбаются, сладко зѣваютъ, невпопадъ хохочутъ, но всѣми силами стараются не уронить своего достоинства и минутами сидятъ такъ чинно, точно проглотили аршинъ.

Мазурка была въ полномъ разгарѣ. Казачій офицеръ въ широченныхъ шароварахъ неистово постукивалъ высокими каблуками и по временамъ оглядывался назадъ, словно спрашивая: «Не зацѣпилъ ли кого?»

Воробышкинъ подскочилъ къ Совинской и ловко расшаркался. Она встала и подала свою маленькую, затянутую въ перчатку руку сіяющему Воробышкину.

Лавровъ не сводилъ съ нея глазъ. Когда Воробышкинъ, посадивъ свою даму на мѣсто, еще болѣе сіяя и оправляя перчатку, пробѣгалъ мимо него, онъ остановилъ его.

— Послушай, Валетка,—сказалъ онъ,—представь меня Совинской.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Да ни зачѣмъ!

— Ты вѣдь не будешь танцовать?

— Конечно не буду.

— Ну, а такъ знакомить неловко. Извини!

И Воробышкинъ исчезъ за портьерой.

Мазурка продолжалась. Кавалеры одинъ за другимъ подходили къ Совинской. Она танцовала съ увлеченіемъ.

Вотъ къ ней подошелъ тучный плотный помѣщикъ, Фьютинковскій-Патинткевичъ, мѣстный польскій магнатъ, уже старикъ, но отлично танцовавшій «мáзура».

Если вамъ случалось видѣть старинныя польскія гравюры, изображающія почтеннаго съ длинными сѣдыми усами пана, танцующаго краковякъ съ молодой стройной панной, то приблизительно такова же была картина, когда онъ съ Совинской понесся по блестящему паркету.

Пара прошла одинъ туръ и начала другой. Но поровнявшись съ Лавровымъ, Совинская вдругъ какъ-то дрогнула и пошатнулась,—ей сдѣлалось дурно. Если бы не руки Лаврова, быстро поддержавшія ее, она навѣрное упала бы, такъ какъ ея тучный кавалеръ по инерціи пролетѣлъ впередъ.

Лавровъ ловко подалъ руку, на которую Совинская твердо уперлась.

— Проводите меня въ дамскую комнату,—сказала она, пошатываясь.

Лавровъ тихо и бережно довелъ ее до дверей уборной. Онъ чувствовалъ близость ея, давленіе ея руки, ея дыханіе и ароматъ какихъ-то тонкихъ, опьяняющихъ духовъ.

— Мерси, — сказала она, освобождая свою руку и слегка улыбнувшись.

— Я сейчасъ принесу спирту,—предложилъ Лавровъ.

— Мерси, въ уборной есть одеколонъ.

И Совинская, снова наградивъ своего импровизованнаго кавалера улыбкой, скрылась за дверью.

Дверь захлопнулась, а Лавровъ продолжалъ стоять у

дверей, провожая мелькавшія мимо парочки разсѣяннымъ, неопредѣленнымъ взглядомъ.

— Благодарю васъ, что выручили, — говорилъ запыхавшійся Фьютинковскій.—Такое несчастіе у меня въ першій разъ. Слово гонору, въ першій разъ!

Тутъ онъ началъ свой разсказъ, какъ въ молодости онъ всегда на лету подхватывалъ падающихъ и споткнувшихся на паркетѣ паненокъ, какъ однажды самъ пострадалъ при этомъ и т. п.

Лавровъ едва понималъ, что говорятъ,—онъ былъ точно въ опьянѣніи, въ какомъ-то непонятномъ для него чаду. Онъ не замѣтилъ, какъ всѣ уже отошли, и продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ. Минутъ черезъ десять дверь открылась, и на порогѣ показалась Совинская. Ея лицо сдѣлалось матово-блѣднымъ и казалось ему особенно красивымъ.

— Проводите меня къ maman, если васъ это не затруднитъ,—сказала она мягкимъ груднымъ голосомъ, обратившись къ Лаврову.

Послѣдній подалъ руку съ ловкостью, которой даже самъ удивился.

— Какъ вы теперь чувствуете?—спросилъ онъ.

— Мерси, гораздо лучше. Я слишкомъ много танцовала и устала. Нужно поскорѣй ѣхать домой: завтра буду здорова.

Лавровъ съ своей дамой направился къ гостиной. Въ дверяхъ они столкнулись съ Воробышкинымъ, у котораго, при видѣ ихъ, недоумѣніе и величайшее удивленіе застыло на лицѣ.

Оставивъ руку Лаврова, Совинская подошла къ матери.

— Maman, мнѣ дурно и я хочу ѣхать домой.

— Что же съ тобой?

— Въ вискахъ стучитъ и головокруженіе.

— Вотъ такъ всегда! Я говорила тебѣ меньше танцуй. Такъ нѣтъ же! Мать не слушаетъ, а потомъ дурно. Ѣхать

мнѣ, милая, нельзя,—я дала слово княгинѣ рядомъ съ ней сидѣть за ужиномъ. Право не знаю, какъ быть.

— Иванъ Ивановичъ проводитъ, — пробурчала сидѣвшая рядомъ почтмейстерша. — Иванъ Ивановичъ, проводи! — повелительно сказала она скрытому въ тѣни супругу.

Злосчастный мужъ «козы неистовой» нехотя поднялся съ кресла, гдѣ уже собирался вздремнуть.

— Зачѣмъ же безпокоить дядю?—нерѣшительно протестовала Совинская.

— Безпокойства нѣтъ никакого, напротивъ, знаете ли именно, такъ-сказать, наоборотъ,—пробормоталъ злосчастный мужъ и кренделемъ подалъ руку.

Иванъ Ивановичъ съ своей племянницей прошелъ зало, гдѣ продолжалась мазурка, и направился въ переднюю.

Лавровъ безцѣльно слѣдовалъ за ними. Наступивъ всей увѣсистой ногой на шлейфъ какой-то проходившей мимо дамы, почтмейстеръ оглянулся и замѣтилъ Лаврова.

— А вы уже успѣли познакомиться съ моей племянницей?—сказалъ онъ, подмигнувъ.

— Нѣтъ, не имѣлъ чести.

— Какъ такъ? Вѣдь вы же привели ее подъ-руку?

— Я.

— Ну-съ! Какъ же это такъ?

И лицо Ивана Ивановича выразило комическое недоумѣнiе.

— Въ такомъ случаѣ, Машенька, позволь мнѣ представить тебѣ моего хорошаго знакомаго, Павла Андреевича Лаврова. Марiя Михайловна Совинская.

— Очень рада, что могу снова поблагодарить васъ,— сказала она, подойдя къ дверямъ передней.

— Знаешь ли что, Маня, — сказалъ дядюшка. — Я на одну минуту отлучусь, тутъ... По дѣлу, а Павелъ Андреевичъ тебя одѣнетъ.

И, не ожидая отвѣта, Иванъ Ивановичъ побѣжалъ въ «игорную», откуда доносились различные возгласы, въ родѣ

«пасъ», «шесть пикъ», «ваши», «да смотрите же, чортъ васъ раздери, что вы дѣлаете», и ржаніе мирового судьи

Совинская одѣлась. Она стояла въ темной тальмѣ и бѣломъ мягкомъ платкѣ, прикрывавшемъ голову.

Она видѣла, что Лавровъ любуется ею.

— Что же дядя? Куда онъ дѣлся?

— Не знаю, — сказалъ Лавровъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ «игорной» комнатѣ.

— Его тамъ нѣтъ, — продолжалъ онъ.

— Павелъ Андреевичъ! Будьте добры, найдите его и скажите, пусть скорѣе идетъ, такъ какъ я уже одѣта.

Лавровъ стремглавъ бросился искать Ивана Ивановича. Это, впрочемъ, не составило большого труда. Почтмейстеръ уже возсѣдалъ за буфетнымъ столомъ и, наливая въ стаканы вино, о чемъ-то разсказывалъ окружающимъ.

— Иванъ Ивановичъ! Что же это вы? Марія Михайловна уже давно одѣта и ждетъ васъ.

— Я сейчасъ, сейчасъ. Вотъ только одинъ стаканчикъ. За долготерпѣніе, знаете ли именно, за муки, кои претерпѣлъ въ этой чертовской гостиной. Не хотите ли?

— Нѣтъ, спасибо. Бросайте-ка вино. Вѣдь это неловко— барышня одѣлась и ждетъ его въ швейцарской, а онъ вино распиваетъ.

— Подождетъ, пусть помается, я больше маялся, я, знаете ли именно...

— Да полно вамъ дурачиться! Если вы не хотѣли ѣхать съ ней, такъ бы и сказали.

— Да обождетъ, ей-Богу обождетъ — не стáетъ, не стáетъ! Что тамъ съ этакой-то породой да церемоніи! Прелесть вдалекѣ, чортъ въ юбкѣ, наважденіе дьявольское,— одна порода, одного поля...

— Но что жъ мнѣ сказать ей? — прервалъ Лавровъ.

— Скажите, что у меня экстренное дѣло, ну насчетъ затерявшейся посылки, что ли, или прочее такое; пусть-де обождетъ.

Лавровъ вышелъ. Совинская съ нетерпѣніемъ ожидала его

— Гдѣ дядя?

— Дядя вашъ занятъ.

— Чѣмъ?

— Посылка тамъ какая-то, что-то такое, не знаю,— выпалилъ онъ, избѣгая смотрѣть ей въ глаза.

Совинская о чемъ-то задумалась, сдвинувъ свои тонко-очерченныя брови.

— Онъ, вѣроятно, у буфета? — вдругъ спросила она.

Лавровъ молчалъ и невольно покраснѣлъ.

— Я вижу, что да. Какъ же быть?

— А такъ, милочка, — залепеталъ внезапно представшій передъ нею дядяшка, — мой пріятель тебя проводитъ, а у меня тамъ дѣло неотложное.

— Дядя! — укоризненно сказала Совинская.

— Знаешь ли именно, милая, дѣло тамъ и прочее такое. Павелъ Андреевичъ проводитъ, какъ бы я. Ну, ради меня... Дорогая, сдѣлай это одолженіе.

— Но, дядя, зачѣмъ же утруждать господина Лаврова, да и мама что скажетъ?

— Мамѣ скажи, что это я провожалъ, да не проговорись. Милая, не погуби меня! Ты вѣдь знаешь, она меня тогда заѣстъ, она...

— Марія Михайловна! — началъ Лавровъ, желая прекратить разговоръ, отъ котораго та конфузилась. — Разрѣшите васъ проводить. Ивану Ивановичу такъ хочется остаться здѣсь.

Лицо дѣвушки выразило нерѣшительность.

— Да, да, — залепеталъ почтмейстеръ. — Онъ проводитъ за меня, онъ хорошій... Да не проболтайтесь, не загубите!

И почтмейстеръ исчезъ за дверью.

— Что же дѣлать? Придется злоупотребить вашей любезностью. Я вотъ не знаю, пріѣхалъ ли нашъ кучеръ. Мама приказала ему пріѣхать къ двумъ часамъ, а теперь

только половина второго. Если его нѣтъ, я поѣду на извозчикѣ. Вы будьте добры усадить меня въ экипажъ, а ѣхать сама я не боюсь.

Въ N извозчиковъ очень мало, такъ что въ дни баловъ и спектаклей достать извозчика составляетъ далеко не легкую задачу. Счастливцы, захватившіе себѣ возницу, торжественно возвращаются съ бала, рискуя, впрочемъ, ежеминутно вывернуться изъ экипажа и свернуть себѣ шею. Прочіе же, которымъ, несмотря на всѣ старанія и ухищренія, не посчастливилось захватить или абонировать возницу, принуждены шлепать по грязнымъ и темнымъ улицамъ, гдѣ блуждаютъ цѣлыя стаи собакъ, а подчасъ и запоздавшіе пьяные мастеровые.

Вотъ почему маменьки и дѣвицы города N такъ боятся возвращаться ночью домой безъ провожатаго. Обычай этихъ провожаній, санкціонированный временемъ, издавна тамъ велся.

Лавровъ, въ одну минуту набросивъ на себя шинель, стоялъ уже рядомъ съ Совинской.

Они сошли по лѣстницѣ внизъ и очутились на улицѣ, подъ навѣсомъ параднаго подъѣзда. Экипажа Совинскихъ не оказалось.

— Извозчикъ!—крикнулъ Лавровъ.

Ни одинъ извозчикъ не двигался.

— Усѣ заняты,—отвѣтилъ какой-то пейсачъ, возсѣдавшій на козлахъ старой и забрызганной грязью пролетки, въ которую была впряжена сѣрая, худая, съ длинной, какъ у болонки, шерстью и совершенно безхвостая лошадь.

— Какъ же быть?—сказала про себя Совинская.— А впрочемъ пройдемте пѣшкомъ; домъ нашъ очень близко. Кстати я немного освѣжусь; быть-можетъ головная боль пройдетъ.

И Совинская сдѣлала нѣсколько шаговъ по тротуару.

Лавровъ предложилъ руку.

Савинская слегка оперлась на нее и продолжала итти медленной, усталой походкой.

— Вамъ не холодно?—спросилъ Лавровъ.

— Ничуть.

— Скажите пожалуйста,—продолжала она послѣ минутнаго молчанія,—вы, вѣроятно, недавно въ N? Я живу здѣсь вотъ уже около года и не помню, чтобы когда-нибудь видѣла васъ.

— Нѣтъ, я здѣшній ветеранъ. Живу въ N уже девятый годъ.

— Какъ же такъ случилось, что я ни разу васъ не встрѣчала? У меня отличная память на лица.

— Это, Марія Михайловна, не удивительно. Я рѣдко бываю въ обществѣ.

— Почему?

— Не нахожу въ немъ достаточной привлекательности.

Болтая и вспоминая эпизоды бала, они перешли улицу.

— Вотъ и нашъ домъ,—сказала Совинская.

— Марія Михайловна! Могу ли я надѣяться, что вижу васъ не въ послѣдній разъ?

— О, конечно, за зиму увидимся не разъ и не два.

— И позволите быть у васъ?—выпалилъ Лавровъ и почему-то самъ испугался своей храбрости.

— Очень рада буду васъ видѣть.

И Совинская нажала пуговку звонка.

Черезъ минуту дверь открылась и на порогѣ показалась рябая, мигавшая заспанными глазами горничная съ огаркомъ свѣчи.

Совинская протянула Лаврову руку, которую тотъ нервно пожалъ, и скрылась за дверью. Замокъ щелкнулъ. Лавровъ медленно поплелся по улицѣ.

Образъ Совинской и всѣ мелкія подробности знакомства съ ней упорно поднимались въ головѣ Лаврова. Онъ былъ словно въ опьянѣніи, а какое-то сладостное и вмѣстѣ съ тѣмъ жгучее чувство охватило все его существо. Онъ силился думать о другомъ, но всѣ его мысли, противъ воли, концентрировались, точно въ заколдованномъ кольцѣ, вокругъ Совинской.

— Чортъ знаетъ что такое!—пробурчалъ онъ.—Что это со мною дѣлается? Придутъ же такія дикія фантазіи! Эка невидаль—новыя знакомства! И на какого дьявола эти нюни съ патокой, нѣжности чухонскія? Все это гиль, чепуха, ерунда! Тьфу!

Въ это время онъ поровнялся съ подъѣздомъ дома военнаго собранія.

— Зайти или прямо домой?—задалъ онъ себѣ вопросъ.

Рѣшеніе послѣдовало немедленно. Черезъ пять минутъ Лавровъ уже былъ возлѣ буфета.

— А, любезнѣйшій Павелъ Андреевичъ!—воскликнулъ почтмейстеръ, у котораго носъ изъ фіолетоваго превратился въ сизо-багровый.—Спасибо, голубчикъ, что выручилъ. А я, знаете ли именно, тѣмъ временемъ бутылочку опорожнилъ,—вино прелесть! Не хотите ли?

Лавровъ подсѣлъ къ столу.

— Хе-хе-хе, а дѣвочка-то какова! — продолжалъ почтмейстеръ, похлопывая Лаврова по плечу.—Недурна? И знаете ли именно, есть у нея этакое, какъ его... знаете ли именно...

— Да, хорошая барышня; въ ней какъ-будто есть что-то новое, она какъ-то не похожа на другихъ.

— Ого! Да вы уже того... знаете ли именно. Хороша-то, хороша и даже будто бы добрая, а все же остерегайтесь, ей-Богу остерегайтесь: timeo Danaos et dona ferentes... Одна порода-съ, кровь, естество! Женщина есть только женщина. Остерегайтесь, чтобы не того... Ибо тогда пропадете. Позвольте подлить вамъ въ стаканъ.

Иванъ Ивановичъ снова сталъ описывать «эту породу», снова поклялся, что не согласился бы жить даже въ необитаемой пустынѣ съ этими «прелестями вдалекѣ».

— А вѣдь и пора, кажется, итти,—нерѣшительно сказалъ почтмейстеръ,—уже сѣли за ужинъ. Неравно жена осердится. Лучше ужъ пойду.

И отчаянно махнувъ рукой, почтмейстеръ вскочилъ изъ-за стола, бросилъ на ходу десятирублевую бамажку въ руки

стоявшему за стойкой солдатику и, какъ бомба, вылетѣлъ изъ буфетной, столкнувшись въ дверяхъ съ Миллеромъ.

— А, вотъ гдѣ ты!—воскликнулъ Миллеръ, завидѣвъ Лаврова.—Тебѣ не икается?

— Нѣтъ.

— Тамъ тебя пани Констанція et cetera по косточкамъ разбираютъ. Оскорблена и обижена твоимъ невниманіемъ. Воробышкинъ же вторитъ ей.

— Да ему-то что надо?

— Говоритъ, это невѣжество, незнаніе правилъ приличія—такъ навязываться знакомствомъ и преслѣдовать нахально и прочее. Аптекарша слышала, какъ мать Совинской поручила Ивану Ивановичу проводить ея дочь; подсмотрѣла какъ-то, что провожалъ ее ты, и теперь уже о всемъ подробнѣйшимъ образомъ сообщили матери Совинской. Будетъ на орѣхи Ивану Ивановичу.

— Да, воображаю,—сказалъ Лавровъ.—И зачѣмъ этой зеленой лошади совать носъ свой въ чужія дѣла!

— Да-съ, будетъ баталія! А что, господа, не поужинать ли намъ здѣсь?

— Что жъ, можно и тутъ.

Изъ столовой доносился стукъ тарелокъ, звонъ стакановъ, дребезжаніе ножей, говоръ, смѣхъ, бряцаніе шпоръ, а изъ передней долетали неясные звуки какой-то увертюры. Въ концѣ бала всегда устраивался общій ужинъ. Ужинъ обыкновенно носилъ семейный характеръ и пышностью отличался лишь въ парадные дни.

Офицеры наперерывъ старались быть любезными и радушными хозяевами, обыкновенно въ ущербъ своимъ далеко не полнымъ карманамъ. Послѣ ужина устраивалась «небольшая» мазурка или вальсъ, а потомъ всѣ сразу подъ звуки марша разъѣзжались и расходились по домамъ.

Послѣдними вышли изъ военнаго клуба наши два пріятеля: Лавровъ и Миллеръ. Они были по обыкновенію веселы и вели оживленный разговоръ.

Лавровъ возвратился домой около семи часовъ утра.

Снявъ лишь сюртукъ, онъ бросился на кровать, отдалъ приказаніе денщику Ивану разбудить себя отнюдь не позже 9 часовъ и моментально заснулъ крѣпкимъ сномъ.

— Ишь ты задача какая! — бормоталъ Иванъ, уходя въ кухню. — Разбудить черезъ два часа! Будетъ хлопотъ не мало!

И онъ съ такимъ ожесточеніемъ сталъ чистить самоваръ, словно подъ корою налипшей грязи искалъ ключъ къ рѣрѣшенію этой многотрудной задачи.

II.

Старинная сказка, но вѣчно останется новой она.

Г. Гейне.

Тихо и однообразно течетъ жизнь въ городѣ N. Утромъ еще замѣтно нѣкоторое оживленіе.

На базарной площади толкотня, шумъ, говоръ, еврейская рѣчь, ржаніе лошадей и скрипъ колесъ.

Въ эскадронныхъ и ротныхъ дворахъ слышно бряцаніе оружія и команды: «Лѣвый, правый, лѣвый, правый!», или: «Налѣво коли, внизъ направо руби!»

Въ какую сторону города не пойдете — вездѣ наткнетесь на эти ученія, такъ какъ солдаты расквартированы по всѣмъ закоулкамъ города.

Но едва пробьетъ два часа пополудни, какъ въ городѣ наступаетъ тишина: не слышно ни команды, ни сигнальныхъ трубъ, ни барабаннаго боя, ни шума и гама на базарной площади.

Когда же начнетъ вечерѣть, городскія улицы принимаютъ новый видъ. Онѣ постепенно заполняются гуляющими.

Эти гулянія составляютъ священный обычай города N. Невзирая ни на погоду, ни на жаръ или холодъ, пыль или

слякоть, мѣстные жители и жительницы по цѣлымъ вечерамъ шлифуютъ горбатые и кочковатые тротуары и двигаются безпорядочной толпой, стремясь попасть въ самую средину этого водоворота.

Постояннаго театра въ N не имѣлось. Порою какая-либо труппа голодающихъ артистовъ проѣздомъ куда-нибудь останавливалась въ N и давала нѣсколько спектаклей.

Ансамбль этихъ бродячихъ труппъ рѣдко былъ удовлетворителенъ.

А при взглядѣ на изнуренныя и захудалыя лица этихъ вольныхъ артистовъ вспоминались тѣ анекдотическіе актеры, которые, остановившись въ одномъ маленькомъ провинціальномъ городѣ, вывѣсили аншлагъ, объявляющій о томъ, что пойдетъ «Отелло», но потомъ, предъ началомъ спектакля, сдѣлали слѣдующій анонсъ:

,,Милсдари, почтеннѣйшая публика, за неимѣніемъ ни у кого въ труппѣ носового платка, «Отелло» отмѣняется и пойдутъ «Разбойники»''.

Маруся Совинская почти ежедневно гуляла. Впрочемъ она имѣла къ тому всегда какой-нибудь предлогъ: примѣрить ли платье у портнихи, купить ли какую-нибудь ленточку, перемѣнить ли вуаль или опустить въ почтовый ящикъ письмо своей подругѣ.

Она не гуляла, но «ходила по дѣламъ». Если же и проходила два - три раза по одному и тому же мѣсту, то ужъ такъ, между дѣломъ. Выходить же спеціально для гулянія почтмейстерша считала неприличнымъ, о чемъ всегда и всюду трактовала своей дочери.

На гуляньяхъ сталъ появляться и Лавровъ, что прежде случалось съ нимъ очень рѣдко.

Вообще въ Лавровѣ произошла рѣзкая перемѣна, которой многіе подивились. Онъ все рѣже и рѣже принималъ участіе въ пирушкахъ, уклоняясь отъ нихъ подъ разными предлогами, почти прекратилъ свои посѣщенія мѣстнаго кафешантана, носившаго названіе «Свиданіе друзей»,

рѣдко игралъ въ карты, но часто появлялся въ театрѣ и на гуляньяхъ.

Словомъ это былъ не тотъ Лавровъ, какимъ его знали въ N.

Любопытныя дамы, во главѣ съ аптекаршей, скоро доискались и причины этой внезапной перемѣны.

— Онъ по уши влюбился въ Совинскую, — говорили онѣ о Лавровѣ.

Съ каждымъ днемъ все чаще и чаще можно было встрѣтить Совинскую въ сопровожденіи Лаврова. Ихъ можно было видѣть и на улицахъ, и въ театрѣ, и на танцовальныхъ вечерахъ. Они не назначали свиданій, но встрѣчи происходили сами собой, съ такой точностью, какъ бы они заранѣе назначили часъ и мѣсто для этого.

Несмотря на свирѣпые взгляды матери Совинской и холодность, доходящую до грубости, со стороны Совинскаго-отца, Лавровъ участилъ свои посѣщенія ихъ дома, всегда подыскивая къ тому какой-нибудь незначительный предлогъ, а иногда являлся и не прибѣгая къ этой черезчуръ прозрачной хитрости.

Не нужно было обладать особеннымъ даромъ прозорливости, чтобы догадаться о томъ, что чувствовалъ онъ.

Лавровъ любилъ. Хотя ему стукнулъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ, чувство это было знакомо ему до сихъ поръ лишь по теоріи.

Имѣя дѣло лишь съ пѣвицами и балеринами невысокой пробы, избѣгая по какому-то безотчетному опасенію всѣхъ такъ-называемыхъ порядочныхъ женщинъ, онъ вѣрилъ и утверждалъ, что никогда не попадется на удочку Гименея. Подтверждая многочисленными примѣрами изъ видѣннаго и слышаннаго, доказывалъ, что любовь и женщины, дѣйствительно хорошія, любящія беззавѣтно и безкорыстно, существуютъ только въ сентиментальныхъ романахъ и въ нашемъ воображеніи. Ни въ порядочность женщинъ ни въ возможность искренней любви къ нимъ онъ не вѣрилъ. Любовь къ Совинской, охватившая его сразу, не ждано и

не гадано для него, была его первымъ серьезнымъ чувствомъ.

Онъ полюбилъ ее именно той искренней, безграничной любовью, которая имѣла власть заставить его забыть свои прежнія убѣжденія, которыя онъ считалъ непоколебимыми, и бросить ту безалаберную и безшабашную жизнь, которой онъ такъ привыкъ жить.

Онъ самъ дивился этому внезапному перевороту.

Прежніе годы были для него лишь пустымъ бланкомъ съ витіеватымъ заглавіемъ. Теперь же онъ ясно сознавалъ, что жизнь его стала полнѣе, осмысленнѣе и представляла болѣе интереса.

Встрѣча съ Совинской произошла, повидимому, въ тотъ психологическій моментъ, когда его сердце, по природѣ мягкое и доброе, несмотря на всѣ мнимыя теоретическія взгляды Лаврова, нерѣшительно заявляло протестъ на свое вынужденное бездѣйствіе: оно было открыто любви, а одиночество послѣднихъ лѣтъ начало постылѣть ему.

Въ почти ежедневной близости долгихъ прогулокъ, частыхъ бесѣдъ вдвоемъ и при многочисленныхъ встрѣчахъ въ обществѣ Лавровъ такъ скоро и коротко сблизился съ Совинской, что ему казалось, что онъ давнымъ-давно знаетъ ее и любитъ.

Лавровъ сначала мало придавалъ значенія охватившему его чувству, смѣялся надъ собой, ругалъ себя самыми отборными словами; но черезъ мѣсяцъ послѣ знакомства съ Совинской съ необыкновенной ясностью увидѣлъ, какъ близка и дорога для его сердца стала Марія Михайловна.

Онъ мало надѣялся на ея взаимность, не рѣшался проговориться ей хотя бы однимъ словомъ о своемъ затаенномъ чувствѣ. Ему казалось, что онъ и словъ не подыскалъ бы и никакимъ образомъ не могъ бы выразить того, что такъ ясно чувствовалъ.

А время летѣло; кончился Великій постъ, наступила Пасха, а за ней пришли и чудные майскіе дни. Начались такъ-называемыя маевки.

Цѣлыми вереницами потянулись къ ближайшему лѣсу небольшія компаніи, съ самоварами, корзинами, которыя доверху наполнены цѣлыми батареями бутылокъ, съ узлами и мѣшками, набитыми провизіей и разными сластями, съ гармоніями, скрипками, гитарами, а иногда и цѣлымъ оркестромъ.

Былъ теплый солнечный день. Въ воздухѣ носился ароматъ весны.

Къ опушкѣ роскошнаго сосноваго лѣса подъѣхала цѣлая кавалькада дрожекъ. Въ хвостѣ движущейся колонны ѣхали дроги, на которыхъ красовался денщикъ Лаврова, Иванъ, съ массою узловъ и узелковъ.

Дрожки остановились. Компанія направилась въ лѣсъ по извилистой дорожкѣ.

Здѣсь были Совинская, двѣ - три барышни, ея подруги, какая-то пожилая дама, Лавровъ, Воробышкинъ, Миллеръ и штатскій въ судейской фуражкѣ.

На небольшой круглой лужайкѣ былъ устроенъ бивуакъ. Кавалеры быстро разостлали на мягкой шелковой травѣ ковры и бурки, дамы взялись за узелки, развязывая и сортируя ихъ содержимое, а Иванъ съ самоваромъ въ рукахъ побѣжалъ къ ручью, который тутъ же, въ небольшомъ оврагѣ, протекалъ, мелодично звуча.

Устроивъ такимъ образомъ бивуакъ, всѣ собрались вмѣстѣ и начались шутки, смѣхъ, бѣготня и игры.

Воробышкинъ и судейскій не отходили отъ Совинской. Лавровъ морщился, порою сдвигалъ брови, но все же долженъ былъ подчиняться своей участи — занимать одну изъ подругъ Совинской.

Судейскій, Олимпъ Аполлоновичъ Курилкинъ, съ усами, закрученными въ убійственные колечки, изъ всѣхъ силъ тянулся и засыпалъ свою собесѣдницу всевозможными анекдотами.

Послѣдніе были его страстью, его сладостью. Къ каждому случаю у него подыскивались анекдоты, которые, впрочемъ, часто грѣшили противъ смысла и были бѣдны остроуміемъ.

Если случалось Олимпу Аполлоновичу, будучи въ гостяхъ, захватить въ свои руки какой-нибудь журналъ или книжку съ анекдотами, онъ тихонько опускалъ драгоцѣнныя для него страницы подъ столъ, ухищряясь незамѣтнымъ образомъ прочесть ихъ. Прочитавъ же, онъ торжественно заявлялъ: «Господа, на-дняхъ я слышалъ новый интересный анекдотъ». И не ожидая приглашенія и просьбъ, начиналъ пересказъ только-что вычитаннаго. Хозяева иногда подмѣчали эти продѣлки Курилкина, но терпѣливо слушали и лишь таинственно перемигивались между собой или подталкивали одинъ другого локтемъ. А Курилкинъ тѣмъ временемъ все разсказывалъ и немилосердно привиралъ, дополняя подробностями изъ области собственной фантазіи.

Воробышкинъ каламбурилъ, а на всякую фразу Маріи Михайловны отвѣчалъ стихами, которые, впрочемъ, по своей безсмысленности, вполнѣ соотвѣтствовали анекдотамъ Курилкина.

Когда въ полѣ ты бываешь,
Не бери травы
И живи опять, какъ знаешь,—
Мы стоимъ, какъ бураны,—

доносилось до ушей Лаврова.

— А, бураны, бураны... — быстро заговорилъ Олимпъ Аполлоновичъ, — вотъ я разскажу вамъ, Марія Михайловна, преинтереснѣйшую вещь. Это, знаете ли, было въ 1812 году, когда французы...

И Курилкинъ, придвинувшись поближе къ Совинской, началъ безконечный разсказъ о буранахъ и какихъ-то французахъ-маркитантахъ.

Сначала Совинская смѣялась надъ чепухой, которую неутомимо и наперерывъ одинъ другому несли ея собесѣдники, но они, наконецъ, стали ей надоѣдать; она слушала разсѣянно, а ея испытующій взглядъ часто останавливался на Лавровѣ.

Миллеръ, уловившій этотъ взглядъ, пристально по-

смотрѣлъ на Совинскую и потомъ перевелъ глаза на Лаврова. Быстро что-то сообразивъ, онъ поднялся съ ковра, на которомъ сидѣлъ, и громко сказалъ:

— Господа, прошу вниманія! Прошу васъ, подойдите ближе.

— Господа, — продолжалъ онъ, когда всѣ его окружили, — мы пріѣхали сюда не для того, чтобы сидѣть: сидѣть и въ городѣ надоѣло. Смотрите, какой чудный лѣсъ! Не лучше ли будетъ предпринять передъ чаемъ прогулку?

— Конечно, конечно, — заговорили всѣ въ одинъ голосъ.

— Въ такомъ случаѣ шествуемъ. Лавровъ, предлагай же руку Маріи Михайловнѣ. Вы, Олимпъ Аполлоновичъ и Валентинъ, предлагайте также руки вашимъ дамамъ — и съ Богомъ! Я же останусь здѣсь за метръ-д'отеля.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вамъ оставаться? — заговорила пожилая дама. — Останусь я; кстати, я ужасно боюсь сырости. Вы всѣ идите; я же съ Иваномъ похлопочу о чаѣ.

И пожилая дама принялась рѣзать хлѣбъ и разворачивать свертки съ соленой закуской.

Лавровъ подалъ руку Маріи Михайловнѣ.

Впередъ, точно вожатый, пошелъ Миллеръ. За нимъ двѣ парочки: Курилкинъ и Воробышкинъ съ своими дамами.

Лавровъ съ Совинской замыкали шествіе.

Воробышкинъ поминутно оглядывался назадъ и ревниво посматривалъ на Лаврова.

А Курилкинъ уже разсказывалъ своей дамѣ анекдотъ о буранахъ.

Какъ чудно хорошъ хвойный лѣсъ въ маѣ мѣсяцѣ! Донынѣ не было еще художника, который могъ бы сочетаніемъ красокъ или словами выразить всю мощь, разнообразіе и великолѣпіе этой красы природы...

Солнце уже склонилось къ закату, а тѣни отъ деревьевъ дѣлались все длиннѣе и длиннѣе, когда наша компанія пробиралась по обрывистому берегу оврага, въ глубинѣ

котораго звучалъ, точно стеклянный колокольчикъ, лѣсной ручей.

Вода въ немъ была до того чиста и прозрачна, что съ высокаго берега можно было различить каждый отдѣльный камешекъ, каждую былинку, упавшую на дно.

Немного далѣе ручей, выйдя изъ оврага, уже протекалъ между низкихъ береговъ, сплошь заросшихъ травою и какими-то желтыми цвѣтами. Надъ ручьемъ склонились роскошныя ели, какъ бы любуясь собою въ его зеркальной поверхности. Мѣстами, гдѣ вода обмывала толстые обнажившіеся корни сосны, которые задерживали теченіе, ручей пѣнился, точно выражая свой безсильный гнѣвъ.

Пріятная прохлада и ароматъ весны носился въ воздухѣ.

— Какъ хорошо здѣсь! — сказала Совинская Лаврову, когда они вышли на узкую длинную лужайку, окаймленную густыми рядами деревьевъ.

И она остановилась, любуясь открывшимся передъ нею пейзажемъ.

Она была въ свѣтломъ платьѣ, безъ шляпы. Вѣтеръ игралъ ея вьющимися пышными волосами. Глаза такого же цвѣта и такой же красоты, какъ голубое весеннее небо, смотрѣли вдаль, точно силясь проглядѣть лѣсную чащу или прочесть сокровенную мысль этого дивно красиваго царства.

Лавровъ въ нѣмомъ восторгѣ любовался Совинской. Они стояли совершенно одни.

— Да, хорошо здѣсь! — сказалъ онъ черезъ нѣкоторое время и, слегка пожавъ ея руку, добавилъ:—Но вы, Марія Михайловна, лучше, краше и дороже для меня всего окружающаго, всѣхъ.

Яркій румянецъ залилъ ея щеки.

Она опустила голову и смотрѣла на ручей, гдѣ какая-то пестрая пташка, качаясь на сухой былинкѣ, глотками пила воду.

— Марія Михайловна! Для васъ, можетъ-быть, не будетъ неожиданностью, если бы я сказалъ... Но вы сами знаете, видите, что я люблю васъ. Я люблю васъ страстно,

горячо, люблю до безумія... вы для меня стали все: радость, счастье, моя святыня...

Онъ не повторялъ гамлетовскаго «быть иль не быть», не жестикулировалъ, не ворочалъ глазами подобно Отелло и не разсыпался избитыми фразами Донъ-Жуана, но слова его, которыя уже давно рвались съ языка, дышали теплотой и искренностью: они были прямымъ выраженіемъ того, что чувствовалъ и думалъ онъ.

— Я люблю васъ, — повторялъ Лавровъ. — Но скажите, дорогая Марія Михайловна, скажите — вы меня не любите? Нѣтъ? Нисколько?

И онъ засматривалъ ей въ глаза.

— Марія Михайловна, дорогая, хорошая, жизнь моя, скажите...

Она продолжала молчать, еще болѣе опустивъ голову и еще сильнѣе покраснѣвъ.

— Скажите... Нѣтъ? — настаивалъ Лавровъ.

Сердце его жестоко билось, а дыханіе какъ-то странно спиралось въ груди.

— Не знаю, — едва слышно проговорила она.

— Но я умоляю васъ, не мучьте же меня, скажите прямо, хотя одно слово. Скажите, любите ли меня?

— Быть-можетъ да.

Лавровъ почувствовалъ, что рука ея нервно вздрогнула.

— Милая, хорошая, дорогая Муся! — говорилъ онъ.

Невѣдомое дотолѣ счастье и горячая радость охватили все существо его. Чудно хорошо и тепло было на душѣ у него. Онъ что-то безсвязно и волнуясь говорилъ, сжимая ея похолодѣвшую руку. А міръ казался еще великолѣпнѣе, еще величественнѣе.

Мелкія пташки чирикали и пѣли, точно радовались счастью влюбленныхъ. Только рыжая бѣлка, забравшаяся на вершину сосны, боязливо и недоумѣвающе посматривала на нихъ.

Долго говорилъ Лавровъ, не замѣчая, какъ бѣжитъ время.

— А, вотъ они гдѣ! — послышался вдругъ вблизи голосъ Воробышкина и за кустомъ можжевельника показалась его голова.

— Что же это, господа? Марія Михайловна! Вы не желаете нашего общества? Мы искали, кричали, аукали, а вы не отзываетесь.

— Мы были заняты, — поспѣшилъ отвѣтить Лавровъ.

— Чѣмъ же это? — И Воробышкинъ ехидно улыбнулся.

— А вотъ встрѣтили змѣю и интересовались ея норой; но не нашли, хотя она на нашихъ глазахъ юркнула подъ этотъ пень.

— Гдѣ? Какая змѣя? — испуганно вскричалъ Воробышкинъ, отпрыгнувъ, по крайней мѣрѣ, на сажень отъ торчавшаго передъ нимъ пня, полусгнившаго и поросшаго мохомъ.

— Мѣдянка. Ползла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь.

— Я?! — Воробышкинъ прыгнулъ въ сторону.

— Ха-ха-ха! — засмѣялась Совинская.

Ее болѣе всего радовалъ благополучный исходъ сдѣланной ею неосторожности.

— Вотъ какой вы храбрый воинъ! — продолжала она. — А вы только часъ тому назадъ описывали мнѣ, какъ будете сражаться, рубиться, претерпѣвать всѣ лишенія солдатскія, а боитесь какой-то змѣи! Какъ же вы будете спать на землѣ?

— Я, во-первыхъ, не боюсь, — горячо замѣтилъ Воробышкинъ, сдѣлавъ впередъ два - три нерѣшительные шага. — Во-вторыхъ, спать на землѣ не придется: это удѣлъ пѣхоты, а не нашъ, не кавалеріи. Да-съ!

— Не пора ли намъ и на бивуакъ? — спросилъ Лавровъ.

— Конечно! Меня и послали за вами. Я искалъ и рыскалъ за вами по лѣсу точно гончая ищейка.

— Пойдемте, — сказала Совинская.

Вдоль ручья, по той же дорожкѣ они возвращались назадъ.

На бивуакѣ ихъ давно ожидали.

На большомъ коврѣ кружкомъ расположились наши друзья. Кто сидѣлъ, кто полулежалъ. Посреди красовался самоваръ; возлѣ него закуски, печенья, конфеты, бутылки.

Иванъ уже подкладывалъ сухія вѣтки и траву подъ мѣдный котелокъ, гдѣ варилась полевая каша. Иванъ, какъ истый малороссъ, былъ мастеръ и великій искусникъ въ вареніи разныхъ кашъ и кашицъ.

Высоко взошла луна надъ горизонтомъ, когда наша компанія возвращалась изъ лѣса въ городъ.

Ярко и весело свѣтила луна на безоблачномъ небѣ.

Такъ же свѣтло и весело было на душѣ у Лаврова.

Долго не спалъ онъ, ворочаясь на своемъ жесткомъ матрацѣ.

— Во снѣ ли это было или наяву? — спрашивалъ онъ себя.

Радостное, какое-то жгучее чувство охватило его, въ вискахъ стучало, а мысли одна другой заманчивѣе и смѣлѣе заполняли разгоряченную голову.

Въ комнату повѣяло утренней прохладой, пахнуло ароматомъ сирени, жимолости и распустившихся цвѣтовъ яблоневыхъ и грушевыхъ деревьевъ.

Гдѣ-то далеко - далеко, вѣроятно въ лѣсу, свисталъ и щелкалъ соловей.

— Господи, какъ хорошо! — шепталъ Лавровъ, глубоко вдыхая утренній воздухъ. — Какъ хороша она и какъ хороша жизнь! И она, прекрасная Муся, будетъ моей, моей навсегда! Какъ неожиданно и какъ безмѣрно я счастливъ и какъ хочется обнять всѣхъ, сдѣлать такъ, чтобы и имъ всѣмъ было столь же радостно и свѣтло на душѣ!

III.

Das Spiel des Lebens sieht sich
heiter an,
Venn man den sichern Schatz
im Herzen trägt.

(Шиллеръ, «Пикк.»)

(Свѣтлѣе жизнь должна казаться
намъ,
Когда есть въ сердцѣ истинное
благо.)

Credo quia absurdum.
(Вѣрю, потому что нелѣпо.)

Тертулліанъ.

Былъ длинный іюньскій вечеръ.

Раскаленный воздухъ, смѣшанный съ пылью, пропитанный запахомъ масляной краски и ароматомъ разныхъ отбросовъ, валявшихся подъ заборами, стоялъ надъ городомъ N.

Несмотря на раннее время, почти всѣ магазины, лавки и лавчонки заперты на огромные желѣзные замки, а на улицахъ необыкновенно пусто и тихо. Только въ домахъ евреевъ, гдѣ въ открытыя окна видны тонкія шабашковыя свѣчи «гифельте фишъ, редахъ, цибиле, кнобулъ»[1]) и пейсатыя физіономіи въ черныхъ бархатныхъ шапкахъ, слышенъ невообразимый шумъ, выкрикиванія и причитанія.

А среди площади какая-то, вѣроятно отставшая отъ своего хозяина деревенская собака выла на всѣ лады, то crescendo, то piano.

Три окна занимаемой Лавровымъ квартиры были настежь открыты на улицу.

У окна сидѣлъ Лавровъ. Лицо его, нѣсколько осунувшееся, носило слѣды напряженныхъ думъ.

---

[1]) Фаршированная щука, рѣдька, лукъ и чеснокъ—традиціонная для субботнихъ шабашей снѣдь.

Комната была небольшая и изображала собою одновременно гостиную, зало, столовую и кабинетъ. Небольшой письменный столъ, этажерка съ книгами, клеенчатый диванъ, одно мягкое кресло и нѣсколько стульевъ составляли незатѣйливую обстановку.

По стѣнамъ развѣшены картины, изображающія комическія паденія жокеевъ на скачкахъ съ препятствіями, и разное оружіе.

Черезъ открытую дверь виднѣлась крохотная спальня съ кроватью. На стѣнѣ у кровати коверъ съ изображеніемъ большой лошади, у которой неестественно изогнута шея и поднятъ кверху огромнѣйшій хвостъ.

Лавровъ часто посматривалъ на часы, и на лицѣ его такъ ясно выражалось нетерпѣніе.

А за тонкой дощатой перегородкою, отдѣлявшей кухню, слышались то шопотъ, то бормотаніе, то длинная трехъэтажная зѣвота.

Это денщикъ Иванъ пользовался выпавшимъ на его счастье рѣдкостно-продолжительнымъ досугомъ.

Иванъ досталъ съ деревянной полки небольшую коробку съ изображеніемъ негра и сталъ разбирать по складамъ надпись подъ этимъ изображеніемъ. Эта надпись, которую онъ въ теченіе недѣли прочелъ, по крайней мѣрѣ, разъ пятьдесятъ, гласила: «Если негръ черенъ какъ чернило, набѣло его вымоетъ Мендельсона мыло».

Иванъ долго и тщательно мылъ руки, снова прочелъ столь многообѣщающую надпись на коробкѣ и, сложивъ руки на желудкѣ, сладко зѣвалъ.

— Тьфу, какъ зѣвается! Почитать, што ли?

И Иванъ потянулъ къ себѣ изъ-подъ подушки книгу.

— Афоризмы и максимы, Шопенгауера, — прочиталъ Иванъ. — Должно-быть про какихъ-то Максимовъ и женщинъ разсказъ. Прочитаемъ — антиресно!

И развернувъ на срединѣ книгу, онъ началъ разбирать по складамъ:

«...Что каждая дѣйствительность, т.-е. каждое напол-

ненное настоящее, состоитъ изъ двухъ половинъ, субъекта и объекта, хотя слитыхъ между собою такъ же необходимо и тѣсно, какъ водородъ и кислородъ въ водѣ. Для двухъ людей при совершенно одинаковой объективной половинѣ, но различной субъективной, равно какъ и наоборотъ, наличная дѣйствительность будетъ совершенно иная. Прекраснѣйшая и наилучшая объективная половина, при плохой и тупой субъективной, можетъ дать плохую дѣйствительность и наличность, подобную...»

— Наличные... субекты да субекты. Непонятно что-то. А можетъ-быть потому непонятно, что спать хочу? Фу, какъ зѣвается! Поищу-ка лучше свою книгу. Хоть и три раза читалъ я ее, а и четвертый можно — дюже антиресно! А что ихъ благородіе дѣйствуетъ, посмотримъ.

Иванъ всталъ и тихонько направился къ двери. Онъ старался итти какъ можно тише, почему уморительно раскачивался, балансируя руками, а кончикъ его языка почему-то вдругъ выскочилъ изо рта и посматривалъ и на вздернутый кверху носъ.

— Сидитъ, все на часы поглядываетъ, — прошепталъ онъ про себя, глядя въ замочную дыру. — Должно-быть попортились часики-то.

Черезъ минуту съ тѣми же уморительными эволюціями Иванъ возвратился на прежнее мѣсто у лампы.

Въ рукахъ у него была засаленная и истрепанная книжка лубочнаго изданія съ размалеваннымъ заглавіемъ, которое гласило: «Битва русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ любимаго мужа».

Иванъ усѣлся и погрузился въ чтеніе.

Сумерки сгустились. Показавшаяся на горизонтѣ луна облила своими косыми красноватыми лучами крыши домовъ и верхушки деревьевъ.

Лавровъ, взглянувъ на часы, быстро вышелъ изъ дома и направился за городъ.

Прошло нѣсколько минутъ нетерпѣливаго ожиданія, пока на шоссе не показалась Муся.

Идя по дорогѣ, они дошли до опушки лѣса, гдѣ и усѣлись на обрубкѣ дерева.

Воздухъ былъ напоенъ острымъ ароматомъ хвои и весенней растительности. Залитое луннымъ свѣтомъ болото сверкало серебристыми блестками. Откуда-то издали доносился мелодичный крикъ перелетныхъ птицъ, а верхушки деревьевъ тихо и таинственно о чемъ-то перешептывались.

— Милая, дорогая Муся, скажите мнѣ снова, любите ли меня?—спрашивалъ Лавровъ, сжимая ея руку.

— Мнѣ кажется, что да.

— Повторите, повторите это дивное слово.

— Если васъ это успокаиваетъ, то повторю: да, да и да.

— Хорошая, чудная Муся! Я не могу выразить глубины моего чувства къ вамъ, но повѣрьте, что вы дороже для меня всего на свѣтѣ, что вы стали моей завѣтной мечтою, моей постоянной мыслью, моимъ сказочнымъ счастьемъ и безграничной радостью. Какъ я люблю васъ и какъ буду любить васъ! Какъ хорошо будетъ житься намъ. Военную службу, которая меня не удовлетворяетъ, брошу и возьмусь за другое, болѣе привлекающее меня, дѣло. Послѣднее дастъ и бо́льшія средства намъ, а это конечно важно, такъ какъ одной изъ первыхъ моихъ заботъ я ставлю себѣ возможность жизни Муси въ довольствѣ и покоѣ, жизни такъ, какъ захочется Мусѣ, а не какъ прикажетъ его всемогущество — господинъ кошелекъ. Мы уѣдемъ въ Варшаву. Съ этими перемѣнами отпадетъ та безалаберная и кутящая компанія старинныхъ пріятелей, которые такъ не нравятся Мусѣ, и сгинетъ мелочно-пустая жизнь. Однимъ словомъ, ради Муси и во имя ея я сдѣлаю все, потому что я ее дѣйствительно безпредѣльно люблю и потому, что она для меня—все.

И онъ, обнявъ ея тонкій станъ, привлекъ ее къ себѣ. Она не сопротивлялась. По всему тѣлу ея пробѣжала какая-то колющая дрожь.

Не станемъ передавать дальнѣйшихъ словоизліяній. Они должны быть извѣстны всякому, который когда-либо

пилъ головокружительный нектаръ счастья изъ чаши любви. Къ тому же лексиконъ влюбленныхъ слишкомъ малъ, а выраженія и прочія манипуляціи ихъ удивительно шаблонны.

Послѣ продолжительнаго свиданія съ Мусей Лавровъ зашелъ въ офицерское собраніе. Онъ такъ сіялъ счастьемъ и веселостью, что всѣ обратили на него вниманіе.

— Что съ тобою?—спросилъ Миллеръ.—Сверкаетъ какъ галушка въ маслѣ. Двѣсти тысячъ выигралъ, или мозоль срѣзалъ?

— Что со мною—одному мнѣ знать надлежитъ, а что я счастливъ—такъ это такъ же вѣрно, какъ я тебя расцѣлую.

И Лавровъ такъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ удивленнаго товарища, что у того сперло дыханіе.

— Чортъ! Рехнулся!—ворчалъ Миллеръ, освобождаясь отъ нежданныхъ объятій. — Сногсшибательное же твое счастье! Безъ шутокъ, однако, какого оно рода? Mehr Licht!

— Этого счастья, милѣйшій, ни мыслію смыслите, ни думою сдумати, ни очами сглядати.

И Лавровъ, необычайно возбужденный и раскраспѣвшійся, быстро зашагалъ въ билліардную.

IV.

> Надламывать себя не для чего, надо всего себя переломить или уже не трогать.
>
> *Тургеневъ.*

> Felix, qui potuit rerum cognoscere causas.
>
> (Счастливъ, кто могъ познать причины вещей.)
>
> *Виргилій.*

Въ одномъ изъ ресторановъ губернскаго города, несмотря на дождливую и очень бурную погоду, въ залахъ,

кабинетахъ и укромныхъ уголкахъ было довольно много публики.

Купеческіе сынки съ котлетками на щекахъ и красными галстуками на шеѣ; купцы-папаши, своими упитанными тѣлесами напоминающіе гиппопотамовъ, въ длинныхъ сюртукахъ, а иные въ длинныхъ сапогахъ; пижоны въ широченномъ одѣяніи, съ бутоньерками въ петличкахъ и папиросами «Superchic» въ зубахъ; старички неопредѣленнаго званія съ лоснящимися лысинами и масляными глазками; военные, расхаживающіе съ олимпійскимъ видомъ побѣдителей и закручивающіе свои усы въ убійственные колечки; студенты, затянутые въ модные сюртуки, точно въ корсеты, съ большими претензіями на общее къ нимъ вниманіе; расфранченныя, раздушенныя и старательно размалеванныя пѣвички и просто дѣвицы—вся эта разношерстная и разнокалиберная публика двигалась, разгуливала и тѣснилась у эстрады, а часть ея размѣстилась за столиками отдѣльными группами.

Хорошенькія танцовщицы, веселыя цыганскія пѣсни, обнаженныя женскія плечи и руки, такъ ярко освѣщенныя электрическимъ свѣтомъ, говоръ, смѣхъ, шутки, шумный разгулъ — все это носило опьяняющій, какой-то одуряющій характеръ устроеннаго на столичный ладъ кафешантана.

Оркестръ, помѣстившійся на эстрадѣ по заказу какого-то купца, исполнялъ отрывокъ изъ «Венеціанскаго карнавала», а пришедшій въ экстазъ купчина, отчаянно жестикулируя и покачиваясь своей крупичатой фигурой, напѣвалъ:

Подай-ка, Сенька, миску,
Я больно пить хочу:
Кончину чуя близко,
Весь пуншъ я проглочу.

Между тѣмъ, его пріятель, имѣющій гдѣ-то въ рядахъ лабазъ, повидимому дошелъ уже до той точки, когда «ндраву не препятствуй»: онъ самымъ усерднымъ образомъ

поливалъ изъ бутыли шампанскимъ стоящій рядомъ кустъ олеандра и въ образовавшуюся лужицу бросалъ сардины, очевидно желая устроить акваріумъ.

Какая-то пѣвичка, сидя на диванѣ съ сильно обветшалымъ, но старательно реставрированнымъ саврасомъ, игриво хлопала его по щекамъ и колѣнямъ и упрашивала подарить ей на память золотой брелокъ отъ часовъ.

Около десятка цыганокъ кружились возлѣ стола, за которымъ сидѣло нѣсколько нѣмцевъ, которые, повидимому, были люди богатые и намѣрены были изрядно кутнуть. Цыганки строили имъ глазки, кокетничали, улыбались и разгуливали до тѣхъ поръ, пока тѣ, наконецъ, не пригласили ихъ къ своему столу.

Рядомъ съ ними, за отдѣльнымъ столикомъ, на которомъ красовались бутылки съ водкой и пивомъ и телячьи котлеты, засѣдала компанія студентовъ съ двумя простенько одѣтыми дѣвицами съ ярко намалеванными румянцами на шероховатыхъ щекахъ.

А немного далѣе, черезъ плотно закрытую дверь отдѣльнаго кабинета, доносилось пѣніе, говоръ и хлопаніе пробокъ.

Въ кабинетѣ этомъ собралась большая компанія.

На диванѣ, рядомъ съ хорошенькой, но сильно нарумяненной цыганкой сидѣлъ Лавровъ, по глазамъ котораго замѣтно было, что онъ испробовалъ немалую порцію вина. Лицо его поражало своей блѣдностью; на немъ лежала какая-то особенная тѣнь усталости, недоумѣнія и глубокой тоски.

Ближайшими его сосѣдями за столомъ были почтмейстеръ Иванъ Ивановичъ, француженка — шансонетная пѣвица, двѣ пѣвички изъ цыганскаго хора и два пѣхотныхъ офицера, съ которыми Лавровъ познакомился тутъ же, въ шантанѣ.

Почтмейстеръ былъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ и усерднѣйшимъ образомъ выполнялъ роль виночерпія.

— Vive la France!—закричалъ онъ и потянулся черезъ столъ, чтобы чокнуться съ француженкой.

— Vive la Russie! — отвѣчала та, кокетливо улыбаясь и поднимая кверху бокалъ съ виномъ.

— Павлуша, ты что же это не пьешь? Что, молодецъ, невеселъ, свою буйну голову повѣсилъ?

— Какъ не пью? Пью.

— То-то же. Пей — будетъ веселѣй.

Иванъ Ивановичъ откашлялся, одной рукой подбоченился, другой высоко поднялъ бокалъ и, фальшивя, запѣлъ:

Сердце ли рвется,
Ноетъ ли грудь,—
Пей, пока пьется,
Все позабудь!

— Браво, старичокъ! Браво! — аплодировали ему пѣвички.

— Старичокъ! Ахъ вы курносыя! Нашли старичка! Нѣтъ, я и лѣтами еще не старъ, а духомъ юнъ. Вы, вмѣсто того, чтобы съ человѣка смѣяться, спѣли бы что-нибудь этакое забористое... «Перстенекъ», что ли...

— Ну, нашли, что пѣть! — запротестовали пѣхотинцы.— Эта пѣсня давно ужъ уши проѣла и надоѣла, хуже чортъ знаетъ чего!

— Это вамъ, здѣшнимъ жителямъ. А намъ, дикимъ компрачикосамъ, все въ новинку. Ну спойте-ка ту пѣсню, что третьяго-дня пѣли, — какъ тамъ она начинается: «Дайте бокалы, дайте вина». Забылъ дальше слова.

— А что за это будетъ? — игриво спрашивала Ивана Ивановича сидѣвшая съ Лавровымъ цыганка Наташа.

— Угощу, чѣмъ захотите.

— Вотъ это дѣло! Что же? Нужно потѣшить старичка.

И Наташа встала изъ-за стола.

— А я буду аккомпанировать, — сказалъ почтмейстеръ. Плохо ли будетъ, хорошо ли — не обезсудьте.

Пѣвички откашлялись и довольно стройно запѣли

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость—мгновенье,
Пейте до дна!
Громкія пѣсни
Гряньте, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Нынѣ піруемъ—
Юность на часъ,—
Нынче веселье,
Радость у насъ!
Завтра что будетъ,
Знаю ль, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Шумно, разгульно
Пойте, друзья!
Лейте въ бокалы
Больше вина!
Ну-те жъ, все разомъ
Выпьемъ до дна!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

— Браво! Отлично! — зашумѣли слушатели, когда пѣсня была окончена.

— Ну-те жъ, все разомъ выпьемъ до дна! — воскликнулъ Лавровъ и поспѣшилъ подлить вина въ бокалы.

Глаза его вдругъ заискрились, а движенія его были какія-то рѣзкія, порывистыя, какъ это бываетъ при сильномъ нервномъ напряженіи.

— Да, давайте выпьемъ, — продолжалъ онъ. — И выпьемъ такъ, чтобы насъ если не веселыхъ, то во всякомъ случаѣ нечувствующихъ горя увидѣла заря! — И на лицѣ его такъ рѣзко обрисовалась мучительная душевная спазма.
— Вотъ за это молодчина, хвалю! — одобрилъ столь завидное предложеніе Иванъ Ивановичъ.

Бутылка смѣнялась бутылкой, время шло къ разсвѣту, а компанія еще и не думала о томъ, что пора бы и покончить ужинъ.

Больше всѣхъ пилъ Лавровъ, пилъ цѣлыми бокалами и стаканами, залпомъ, какъ принимаютъ обыкновенно лѣкарство; пилъ, очевидно, лишь для того, чтобы поскорѣе окончательно захмелѣть. Но напряженіе нервовъ, вызванное внутренней и скрытой причиной, повидимому, было настолько сильно, что хмель сравнительно слабо вступалъ въ свои права.

Каждый кавалеръ занялся исключительно своей дамой и разсыпался передъ нею въ любезностяхъ.

Иванъ Ивановичъ, понимавшій по-французски очень мало, а говорившій еще менѣе, объяснялся съ француженкой болѣе жестами, чѣмъ словами.

— Что это ты такой нелюбезный? — спрашивала Наташа, прислонившись своимъ упругимъ и раздушеннымъ плечомъ къ плечу Лаврова и заглядывая ему въ лицо своими жгучими, искрящимися черными глазами. — Такой невозмутимый и холодный, какъ ледъ! А, знаешь ли, ты мнѣ очень нравишься. Я вижу тебя первый разъ и чувствую, что могу въ тебя влюбиться. Ты такой черненькій, такой хорошій, но недобрый. Отчего ты меня не поцѣлуешь?

И Наташа кокетливо подставила свою щеку.

Близость молодой, красивой женщины и пожатіе рукъ туманили и безъ того уже захмелѣвшую голову Лаврова. Онъ обхватилъ рукой ея станъ и прижималъ ее ближе и ближе къ себѣ.

Но вдругъ онъ весь поблѣднѣлъ, отшатнулся отъ нея и сразу сталъ на ноги.

— Что съ тобой? — испуганно спросила Наташа.

— Ничего, такъ... Мнѣ что-то нехорошо.

И онъ, посмотрѣвъ кругомъ какимъ-то неопредѣленнымъ, страннымъ взглядомъ, вышелъ въ полутемный коридоръ.

— Какая мерзость и гадость! — шепталъ про себя Лавровъ. — Нѣтъ, я не могу. Все равно мнѣ не забыть.

Въ этой мерзости, въ этихъ пошлости и грязи не утопить моего горя. Мерзко и тяжело!

— Что, милый, съ тобою? — спрашивала слѣдовавшая за нимъ Наташа.

— Ты спрашиваешь, что у меня на сердцѣ? — заговорилъ Лавровъ послѣ минутнаго раздумья. — Хорошо, я разскажу тебѣ. Сердце изболѣло и такъ тяжело все таить въ себѣ. Но товарищи не поймутъ и осмѣютъ. То же, впрочемъ, сдѣлаешь и ты, но только сегодня, а болѣе мы не встрѣтимся. Такъ слушай же, пойми и объясни мнѣ, такъ какъ я не понимаю стрясшагося на мою голову сюрприза. Не мало лѣтъ я прожилъ, видывалъ женщинъ, но никого изъ нихъ не любилъ: я смотрѣлъ на нихъ или какъ на случайную, ничего незначащую игрушку или какъ на красивое забавное животное — и только. Я относился къ нимъ или съ тѣмъ же полнымъ безразличіемъ или съ тѣмъ минутнымъ оскорбительнымъ для нихъ вниманіемъ, которыми вы, пѣвицы, пользуетесь здѣсь отъ вашихъ случайныхъ знакомыхъ. Чувство любви я считалъ выдумкой досужихъ писакъ, фантазіей институтокъ среднихъ классовъ и кривляніемъ истеричныхъ субъектовъ. И вдругъ самъ врѣзался, влопался, какъ безусый школьникъ, какъ зеленый юноша. Я встрѣтилъ ее случайно. Меня поразили ея глаза, которые показались мнѣ такими ясными, правдивыми, честными, одухотворенными и вмѣстѣ съ тѣмъ такими обаятельными и трогательно-красивыми. Вся она казалась мнѣ поэтически прекрасной, такъ непохожей на тѣхъ другихъ, которыя рано или поздо оказывались до мозга костей вульгарными, мелочными и мерзко-низменными существами. И я полюбилъ ее, полюбилъ мучительно крѣпко и горячо. Она отвѣтила взаимностью. Это было въ лунный вечеръ. Пахло ароматомъ весны. Мы были одни. Я покрывалъ поцѣлуями ея милыя, дорогія мнѣ руки и ея дивно красивое лицо, сжималъ въ своихъ объятіяхъ ея гибкій стройный станъ. Она сначала сторонилась ласкъ, но потомъ склонила ко мнѣ на плечо свою чудную головку

и промолвила такъ просто и такъ мягко: «Теперь дайте поцѣловать васъ». Да, она такъ сказала. И какъ поцѣловала! У меня закружилась голова, въ глазахъ запрыгали какіе-то огни и по всему тѣлу разлилось такое блаженство, которое я описать не въ силахъ.

Такого дѣйствительно хорошаго и безукоризненно чистаго чувства, какое заполнило мою душу, я никогда во всю свою жизнь не испытывалъ. Я не имѣлъ и понятія о немъ. И я былъ безконечно, безмѣрно счастливъ. Я смотрѣлъ въ ея чудныя очи и ласкалъ, ласкалъ ее.

Все, что было у меня на душѣ и въ головѣ, я откровенно разсказалъ ей. Для нея не осталось во мнѣ ничего затаеннаго, неизвѣстнаго: мое прошлое, мои мечты, мои чувства, ощущенія—все я выложилъ передъ ней. Она слушала, повидимому, со вниманіемъ и такъ трогательно всѣмъ интересовалась. Мы, преимущественно я, строили заманчивые планы будущаго. Затѣмъ разстались, чтобы встрѣтиться черезъ два дня. И встрѣтились. Но лучше, если бы этой встрѣчи не было никогда.

Лавровъ съ передернутымъ, блѣднымъ лицомъ глядѣлъ куда-то въ пространство воспаленными, блуждающими глазами.

— Знаешь ли, что она мнѣ сказала? Она сказала, что всѣ ея слова и поступки я долженъ забыть, такъ какъ то было лишь пустое, ничего незначащее минутное ея увлеченіе. Она-де поняла, что вовсе не любитъ и не любила меня. Я весь содрогнулся отъ ужасной неожиданности. На мой вопросъ, почему она лгала и не только принимала ласки, но и дарила ими, она такъ же спокойно и равнодушно, какъ говорила бы о старыхъ истоптанныхъ башмакахъ, произнесла: «Мнѣ интересно было испытать пароксизмъ любви и я испытала его, воспользовавшись вашей многоопытностью». Я не повѣрилъ, считая все за шутку, но она съ холодной усмѣшкой повторила сказанное, добавивъ: «Вѣдь черезъ десять лѣтъ вы будете не въ состояніи расточать тѣ жаркія ласки, на которыя на-дняхъ были настоль-

ко щедры, что отъ нихъ мнѣ стало дурно: я объялась ими». У меня помутилось въ головѣ, и я умолялъ ее, доказывалъ, упрекалъ, снова умолялъ. Она лишь холодно улыбалась и съ удивительной, нечеловѣческой жестокостью разрывала на части мое сердце. Что́ именно говорилъ я, не помню. Словно сквозь сонъ вижу, какъ въ припадкѣ нелѣпаго аффекта, дикаго умственнаго изступленія я выхватилъ изъ кармана револьверъ со словами, что мнѣ жить теперь не-зачѣмъ. Повидимому я и покончилъ бы себя. «Напрасно меня пугаете,—услышалъ я ея слова, — не испугаете нисколько». И тутъ въ ея холодныхъ, колючихъ глазахъ я увидѣлъ такой злой, змѣиный огонекъ, а въ тонѣ этихъ варварскихъ словъ такъ явно зазвучалъ нескрываемый ледяной смѣхъ, что я сразу понялъ всю нелѣпость моего демонстрированія револьвера, и я самъ, со своей глупой театральной выходкой и съ никчемными мольбами, сталъ себѣ жалокъ, какъ пошлый ярмарочный балаганный клоунъ. Я почувствовалъ, до какого позорнаго униженія дошелъ, и въ головѣ стало невыносимо тяжело, словно ее налили свинцомъ. Мы разстались. Какъ люди, дѣйствующіе въ припадкѣ умоизступленія, я и послѣ этого ужаснаго по своей мучительности и безсмысленности аффекта потерялъ самообладаніе и сознаніе. Я дѣйствовалъ, какъ автоматъ; безцѣльно и полусознательно бродилъ съ мѣста на мѣсто, что-то говорилъ самому себѣ и другимъ. Острое возбужденіе завершилось внезапно наступившимъ сномъ.

Но этотъ сонъ не былъ покоемъ; то былъ кошмаръ, мучительный, какъ пытка. Утро принесло мнѣ сознаніе ужаса всего происшедшаго, отчаяніе, тоску и невыразимую душевную боль. Первой моей фразой было: «Что же это такое и за что?» Я не могъ дать себѣ отвѣта. И вотъ я очутился здѣсь, въ вашемъ вертепѣ.

Лавровъ съ минуту помолчалъ и, волнуясь, продолжалъ:

— Поняла ли ты теперь, что́ у меня на душѣ? Да? Если поняла, то объясни мнѣ происшедшее. Можетъ-быть

ты, какъ женщина, будешь въ состоянiи дать хотя какое-нибудь объясненiе.

— Что же тутъ объяснять? Все ясно, какъ на ладони. Хорошо извѣстная намъ любовная комедiя. Сегодня страстно цѣлуютъ, говорятъ: «Милашка, дай чмокнуть твой очаровательный мордальонъ», а завтра со смѣшкомъ скажутъ: «Пошелъ прочь, каналья ты этакая, ибо твоя рожа осточертѣла мнѣ». Что тутъ удивительнаго? Все такъ просто, такъ обыкновенно и заурядно. ,,Вы шутя мнѣ «люблю» говорили и шутя вы ласкали меня''.

— Нѣтъ, не то: я совершенно не могу разубѣдить себя въ ея порядочности и честности; не могу вообразить, что она...

— Ха-ха! Нечего тутъ воображать и сомнѣваться! Повторяю: все яснѣй яснаго.

Поиграли вы мною отъ скуки,
Какъ занятной игрушкой дитя.
Наступила минута разлуки,
И шутя вы забыли меня.
Наступила минута разлуки,
И шутя вы забыли меня.

Скажи только, какую находишь ты разницу между этимъ прекраснымъ и чистымъ созданiемъ и мною, которую называютъ прекраснымъ, но падшимъ созданiемъ? Какую видишь разницу, не считая маленькой физiологической отмѣтки, которой такъ дорожатъ полудѣвы, дабы не потерять права именоваться этимъ почетнымъ званiемъ?

— Замолчи, несчастная! — взревѣлъ Лавровъ, отшвырнувъ руку пѣвицы. — Какъ ты смѣешь ее сравнивать съ собою!

— Успокойся, не буду сравнивать съ собою и своими товарками, оставлю въ покоѣ твою сказочную принцессу. Но скажу, что ты такъ же, какъ и сотни, тысячи подобныхъ тебѣ глупышей, навязавъ себѣ убѣжденiе, что любимый человѣкъ — неземное созданiе, носятся съ нимъ, какъ съ чудомъ изъ чудесъ, возносятся въ своихъ мечтанiяхъ ввысь,

чтобы оттуда вскорѣ сверзиться носомъ въ болото. Разводятъ миндали на обледенѣлой каменной почвѣ. Смѣхотворные мечтатели, позолотчики! Забываютъ, что позолота вскорѣ слѣзетъ и останется лишь свиная кожа.

— Нѣтъ, это не объясненіе: ты мелешь чепуху. Молчи! Тутъ есть что-то иное, скрытое.

— Да одумайся же, дурашка, приди въ себя. Послушай, что я разскажу теперь о себѣ.

Я такая же цыганка, какъ ты цыганъ. Въ цыганщину же я попала потому, что некуда было дѣться.

Въ Черниговской губерніи былъ у моего отца хуторокъ. Нѣсколько бѣленькихъ хатъ съ красными ставнями и заваленками, огромные сараи, небольшая, но глубокая рѣчка съ камышовыми зарослями; кругомъ широкое поле и густой дубовый лѣсъ — все это я такъ помню, какъ бы я видѣла вчера. И какъ хорошо было тамъ! Сидишь, бывало, на откосѣ и долго-долго любуешься и этой рѣкой, и полемъ, и лѣсомъ, и свѣтлымъ небомъ. Кругомъ стрекочутъ кузнечики; жаворонки заливаются надъ еще неснятымъ хлѣбомъ, а изъ лѣсу нѣтъ-нѣтъ да и донесется далекій крикъ кукушки. Хорошо было тамъ! Когда мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, я совершенно не знала жизни, а о чувствѣ любви мнѣ дали смутное понятіе лишь прочитанные мною романы. Да, я не вѣдала любви.

Но сосѣдъ мой злодѣй,
Молвилъ: я—чародѣй,
Я вамъ штучку скажу...
Тру-ла-ла, тру-ла-ла.

Съ нимъ я рядомъ, но онъ
Какъ-то чуждъ и стѣсненъ,
Шепчетъ: «смѣю ли я?»
Тру-ла-ла, тру-ла-ла.

Ахъ, сосѣдъ, я добра,—
Эту штучку пора
Разъяснить для меня!
Тру-ла-ла, тру-ла-ла.

И на просьбу мою,
Про задачу свою
Онъ мнѣ сталъ говорить...
Тру-ла-ла, тру-ла-ла.

Но чтобъ лучше понять,
Я просила опять
Повторить, повторить!
Тру-ла-ла, тру-ла-ла.

Начались прогулки вдвоемъ въ лѣсу, вздохи, охи, поцѣлуи, объятія — все, какъ полагается. Онъ былъ студентъ, красивъ, краснорѣчивъ и свободолюбивъ. Я безумно любила его. Мы строили дивные планы нашего счастливаго будущаго. Но тутъ случилось нѣчто для меня неожиданное и страшное.

Я совѣщалась съ колдуномъ,
Онъ мнѣ сказалъ: кто въ лѣсъ вдвоемъ
Почаще ходитъ, такъ потомъ—
Тотъ возвращается втроемъ...

Мой возлюбленный, узнавъ объ этомъ, запечалился, закручинился и, вѣроятно, отъ великой кручины какъ въ воду канулъ, сбѣжалъ безслѣдно.

Въ утѣшеніе онъ оставилъ мнѣ клочокъ бумаги, на которомъ пышными фразами было изложено о свободѣ любви и сближеній, а также о безсмысленности связыванія брачными узами молодыхъ особей, у которыхъ вся жизнь и всѣ наслажденія впереди.

Далѣе пошло все какъ водится: слезы, проклятія, бѣгство изъ дома, блужданіе въ поискахъ честнаго труда, нужда, униженія, голодъ и полное паденіе. И вотъ я очутилась въ цыганскомъ хорѣ на потѣху прожигателямъ жизни.

— Такъ вотъ видишь теперь, что значатъ любовныя клятвы и любовные восторги и какая цѣна лживымъ объясненіямъ причинъ разрыва между любовниками. Пойми, наконецъ, насколько глупъ, кто вѣритъ въ святость и длительность того чувства, которое обычно зарождается

между особями различныхъ половъ и которое также обыкновенно превращается въ самую грязную пошлость.

Плюнь на все и забудь твою распрекрасную красавицу, героиню изъ романа Марселя Прево, съ гуттаперчевымъ сердцемъ. Пойдемъ лучше выпьемъ. И на меня ты навелъ тоску, расшевелилъ давно заснувшее во мнѣ. Пойдемъ!

Сердце ли рвется,
Ноетъ ли грудь,
Пей, пока пьется,
Все позабудь!

Въ кабинетѣ оргія достигла своего апогея. Почтмейстеръ сидѣлъ на колѣняхъ у француженки, которая одной рукой ощупывала его карманы, а другою лила въ его слюнявый ротъ вино и надтреснувшимъ голосомъ распѣвала:

Всѣ нѣмки носятъ... что за блажь?—
Корсетъ свой наглухо закрытый.
У насъ, француженокъ, корсажъ
До откровенности открытый.
Свобода—дѣвушка честна,
Онъ пойметъ, что не должна
Природу прятать подъ корсетъ...
Да ну ихъ всѣхъ...
Чтожъ—я... француженка, иль нѣтъ!..

Пѣхотные офицеры взасосъ цѣловались съ размалеванными охмелѣвшими дѣвицами, поминутно чокаясь бокалами на брудершафтъ и расплескивая вино на скатерть, ставшую похожей на географическую карту.

Лавровъ присоединился къ компаніи, но, повидимому не замѣчая никого изъ присутствующихъ, не отвѣчалъ на ихъ вопросы.

Наташа, склонивъ къ нему на плечо свою красивую голову съ цѣлой копной пышныхъ черныхъ волосъ, грустно поглядывала на него, усердно подливала ему въ рюмку ликеръ, который онъ машинально, безъ всякаго вкуса глоталъ, и тихо напѣвала:

Пить до дна—благая цѣль,
Нашу пѣсню создалъ хмель.
Буль-буль-буль—ея припѣвъ,
Спутникъ юношей и дѣвъ!..
Выпьемъ, выпьемъ заодно!
Итакъ, да здравствуетъ вино!
Тинь-тинь-тинь-тинь!

Подъ хмелькомъ всегда мы пылки,
Жизнь привольна и ясна,
А веселость безъ бутылки
Непонятна и грустна.
Выпьемъ, выпьемъ заодно!
Итакъ, да здравствуетъ вино!
Тинь-тинь-тинь-тинь!

Если умъ въ хмелю затмится
Какъ въ пріятномъ полуснѣ,
И стаканъ въ глазахъ двоится,—
Значитъ счастливы вдвойнѣ.
Выпьемъ, выпьемъ заодно!
Итакъ, да здравствуетъ вино!
Тинь-тинь-тинь-тинь!

— Что же это было?—глухимъ тономъ сорвалось съ губъ Лаврова.

Стиснувъ руками голову, онъ какимъ-то дикимъ, далекимъ взглядомъ окинулъ всю комнату и, поникнувъ всѣмъ туловищемъ, вдругъ зарыдалъ.

— Перестань, постыдись, не мальчишествуй!—шептала Наташа, тряся его за плечо.—Перестань же дурить!

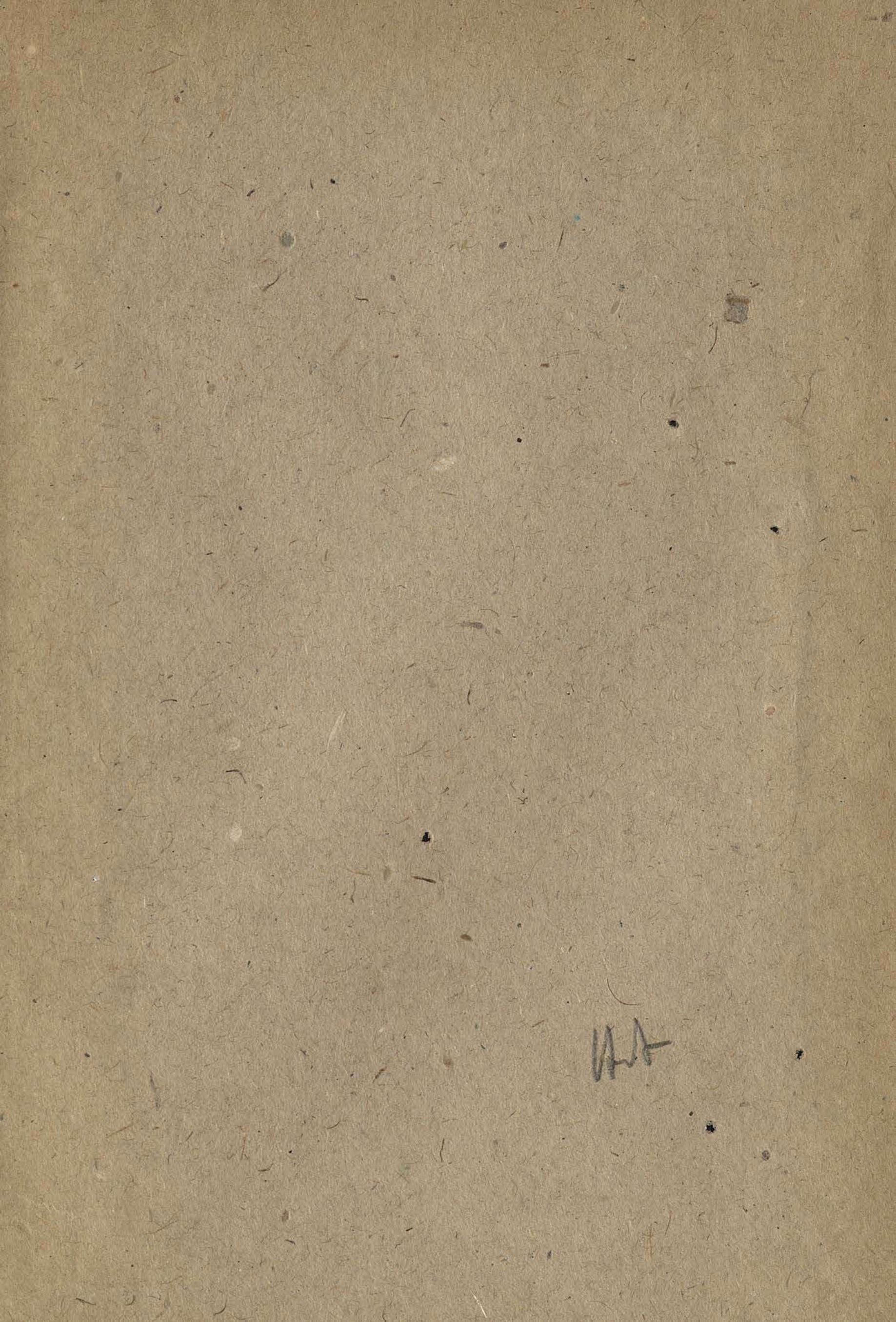
— Начихайте на него,—свирѣпо зарычалъ пѣхотный офицеръ.—Нахаркайте! Чего всполошились? Все это пустяки,—онъ скоро очухается.

Раскатисто икнувъ и энергично ткнувъ перстомъ въ голову Лаврова, пѣхотинецъ изрекъ докторальнымъ тономъ:
— Это плачетъ водка.

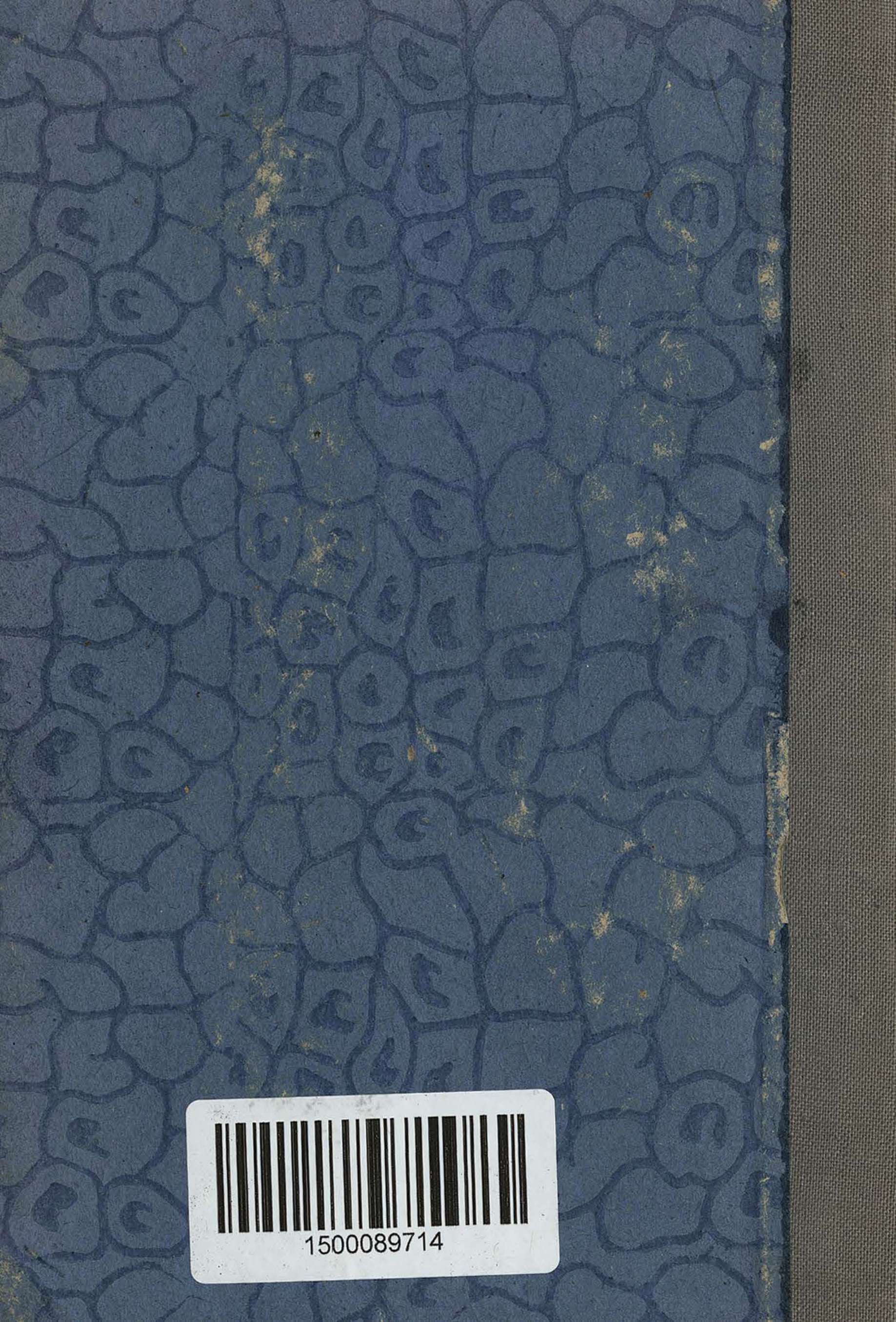
Оглавленіе.

1500089714